19492.

ПРОПАГАНДА.

(4 апрѣля 1866 г. — 24 января 1878 г.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Национальная, но об. не выдается
2 ин. Г

15 ЛѢТЪ

КРАМОЛЫ.

(4 апрѣля 1866 г. — 1 марта 1881 г.)

СОСТАВИЛЪ

Ѳ. А. ГИЛЯРОВЪ.

ТОМЪ I.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
„РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ", БОЛЬШАЯ ДМИТРОВКА, Д. ШАБЛЫКИНА.
1883.

58951

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Лѣтопись крамольнаго движенія начата и складывалась подъ ужаснымъ впечатлѣніемъ позора 1-го марта 1881 г.

Когда освобожденная, преобразованная и просвѣщаемая Русь пятналась государственными преступленіями, осквернилась цареубійственными посягательствами и наконецъ такъ страшно была потрясена мученическою кончиною Великаго Царя Освободителя, общественная мысль робко и внимательно останавливалась на отдѣльныхъ политическихъ преступленіяхъ, съ ужасомъ и омерзѣніемъ слѣдила за каждымъ порознь цареубійственнымъ покушеніемъ и, оцѣпенѣлая, замерла въ первые дни марта.

Если даже прокуратура за всѣ 15 лѣтъ такъ часто обнаруживала слабое знакомство съ исторіею опасной болѣзни, удивительно ли, что періодическая печать потеряла голову послѣ 1-го марта? Предъ нею грозно ощетинилось безпредѣльно чудовищное и неимовѣрно гнусное злодѣяніе, настойчиво призывавшее всѣхъ насъ къ отвѣту. И были отвѣты.... Но и въ искреннихъ патріотическихъ изліяніяхъ даже доселѣ по бо́льшей части слышатся только благонамѣренныя общія мѣста. Этого мало: не пытаясь раскрыть причины крамолы, не изслѣдуя и преступные факты, иные, даже въ печати, стали производить дознанія надъ неповинными, благодѣтельными и славными преобразованіями минувшаго царствованія. Кричалось все: крамольна школа, крамольно самоуправленіе, крамоленъ судъ, крамольна литература, крамольна печать, крамольно все общество. Но за то и сами обвинители въ свою очередь изобличались въ измѣнѣ. Въ этомъ шатаніи мысли, въ этомъ водоворотѣ взаимныхъ подозрѣній и обвиненій, страшныхъ и престу-

ныхъ, настоятельно требовалось опознаться: что же наконецъ крамола и не крамола? гдѣ предѣлъ между честною мыслью, по свободною по природѣ, и злоумышленіемъ, опаснымъ свободѣ другихъ? гдѣ граница между дѣломъ добрымъ и злодѣяніемъ? Эта потребность опознаться и подвигла автора къ настоящему труду, служащему какъ бы посильнымъ отвѣтомъ на незабвенныя любвеобильныя слова покойнаго Монарха, обращенныя имъ ко всѣмъ намъ въ Москвѣ 20 ноября 1878 года: Я надѣюсь на ваше содѣйствіе, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь. Вспоминать ли и иныя обращенія Царя-Мученика къ обществу, а равно и неоднократныя правительственныя призыванія къ тому всѣхъ насъ?

Пишемъ не исторію: еще не скоро скажетъ она свое холодное слово; ведемъ только документальную лѣтопись событій, съ болью пережитыхъ всѣми нами, скорбными современниками, если не всегда спокойную, все же безъ предвзятой мысли, безъ ломки и пригибанія фактовъ направо или налѣво.

Здѣсь 15-лѣтній періодъ самъ собою рѣзко очерчивается преступнымъ покушеніемъ 4-го апрѣля 1866 года и страшнымъ злодѣяніемъ 1-го марта 1881 года. Обзоръ не поднимается выше, къ самымъ источникамъ крамолы, взявъ началомъ первое ея преступное проявленіе, тѣсно сцѣпленное со всѣми ея звеньями послѣдовавшаго затѣмъ пятнадцатилѣтія.

Ближайшими источниками крамолы представляются между прочимъ искры польскаго пожара 1863 года, внутренняя и внѣшняя интрига, журнальная нигилистическая агитація конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, съ ея проповѣдью атеизма и матеріализма въ распатанной семьѣ, подстрекательство русскою эмиграціонною печатью и руководительство международною ассоціаціею рабочихъ. А лучшею здѣсь почвою были, при полусвободѣ печати, и крайнее оскудѣніе дворянства, и стѣс-

неніе духовенства ограниченіемъ приходовъ, оба сословія съ сыновьями, надѣленными отъ школъ волчьими паспортами, и съ дочерями, сбитыми съ толку теоріями «женскаго вопроса», да среди невѣжества и полуобразованія нагло, гордо и жадно изъ перегноя крѣпостнаго права возвышающая свою голову надъ обѣднѣвшимъ крестьянствомъ ожирѣвшая и спекулирующая плутократія, протягивающая руку размножившейся и усилившейся еврейщинѣ, этому международному элементу, представителю капитала въ старомъ и соціализма въ молодомъ своемъ поколѣніи. А правительство? а администрація? а общественныя учрежденія? Ни защиты, ни обвиненія ихъ не беремъ на себя; но ошибки ихъ, неизбѣжныя при крутомъ поворотѣ русской жизни, едва ли принесли болѣе вреда, чѣмъ эта огульная критика *всѣхъ* правительственныхъ дѣйствій, *всѣхъ* административныхъ распоряженій, *всѣхъ* общественныхъ учрежденій, это обратившееся въ безсознательную привычку развинчиваніе всего ради только искусства развинчивать.

Обзоръ нашъ не касается также и современной европейской соціалистической литературы, этого несомнѣнно главнѣйшаго родника пропаганды у насъ: отсюда пришлось бы прямо спуститься къ эмиграціонной и къ подпольной печати, что́ едва ли своевременно. Впрочемъ предметъ нашей лѣтописи не ученія *тамъ*, а дѣянія *здѣсь*.

Отсюда кругъ фактовъ, подлежавшихъ обозрѣнію, опредѣлился понятіемъ политическаго преступленія, судомъ или администраціею признаннаго за таковое. Но здѣсь, въ области административныхъ распоряженій, равно какъ судебныхъ процессовъ, лѣтопись всячески остерегается не только оправданія виновныхъ, осужденія невинныхъ, но и вообще судейской или полицейской постановки дѣла, лѣтописцу совсѣмъ неприличной.

Ожидаемъ возраженій противъ односторонности труда нашего «по обнародованнымъ документамъ». Но это уже не

наша вина. Впрочемъ, при значительномъ числѣ «правительственныхъ сообщеній», при широкой гласности политическихъ процессовъ и громадности разнаго газетнаго матеріала, едва ли какіе-либо новые документы, думается намъ, добавили бы много существеннаго. А подпольной печати и довѣрять трудно, съ ея злословіемъ и бранью, достояніемъ развѣ только прокурорскаго надзора, а не лѣтописнаго изложенія. Что весьма важно и, къ сожалѣнію, недоступно современному обозрѣвателю,—это многія административныя распоряженія по надзору и ссылкамъ. Впрочемъ, если бы даже и были доступны какія-либо не обнародованныя свѣдѣнія, едва ли было бы умѣстно ими пользоваться: теперь подобный трудъ только и возможенъ «по обнародованнымъ документамъ», ибо вообще крайне щекотливо составлять обзоръ современныхъ дѣяній, даже оцѣненныхъ судомъ или администраціею. Не безъ тяжелаго чувства приходилось намъ подчасъ называть имена нѣкоторыхъ, и такъ уже горько поплатившихся за грѣхи юности и невѣдѣнія. Но «изъ пѣсни слова не выкинешь».

Между тѣмъ даже и одни обнародованные документы составляютъ весьма значительный матеріалъ. Это законодательныя мѣры, Высочайшія повелѣнія, правительственныя распоряженія, правительственныя сообщенія, мѣстныя административныя мѣры, судебные отчеты, газетныя корреспонденціи, руководящія статьи и т. д. до отзывовъ иностранной печати. Лѣтопись наша начата съ немногихъ періодическихъ изданій, но съ каждымъ годомъ число ихъ возростаетъ. Пересматривать всѣ газеты, особенно за первыя десять лѣтъ, не казалось необходимымъ: пять-шесть большихъ ежедневныхъ изданій, различнаго и даже иныя противоположнаго направленія, не могли, особенно на первыхъ порахъ, опустить сколько-нибудь выдававшагося факта или соображенія, напечатаннаго у собрата: а обозрѣть 15 лѣтъ хотя бы только по четыремъ ежедневнымъ изданіямъ — это значитъ пересмотрѣть около 22.000 листовъ.

Настоящимъ обзоромъ окончательно устанавливается печальный фактъ существованія у насъ одной и той же, по крайней мѣрѣ за 15 лѣтъ, соціалистической партіи самаго крайняго направленія, съ развѣтвленіемъ ея на двѣ фракціи— пропагандистовъ и террористовъ еще со временъ Каракозовщины. Однѣ и тѣ же преступныя идеи разрушенія всего существующаго общественнаго и государственнаго строя проповѣдывались 15 лѣтъ сряду; одними и тѣми же пріемами пользовались пропаганда и терроръ—отъ студенческихъ исторій до хожденія въ народъ, отъ фальшивыхъ паспортовъ и шифровъ до кинжаловъ, револьверовъ, динамита и кураре; однѣ и тѣ же преступныя цѣли намѣчались — отъ освобожденія Чернышевскаго до цареубійства. Даже и сами дѣятели непрестанно сознавали свою солидарность, при чемъ позднѣйшія поколѣнія иногда прямо называли себя кощунственно продолжателями «святаго дѣла Каракозова». Вслѣдствіе правительственныхъ мѣръ не разъ рѣдѣли крамольные ряды, но кадры ветерановъ, рецидивистовъ, постоянно пополнялись новобранцами, революціоннымъ мясомъ, обильно послѣ студенческихъ исторій нароставшимъ на скелетъ крамолы, а потомъ черпаемымъ и гдѣ попало. Отсюда-то на протяженіи 15 лѣтъ то и дѣло встрѣчаемся съ одними и тѣми же дѣятелями, связанными съ предшественниками, современниками и послѣдователями, помимо единства убѣжденій, цѣлей и средствъ, узами родственными и дружественными. Это съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе наслоявшееся и смыкавшееся единство лицъ, образовавшее какъ бы стволъ крамольнаго древа, лучше всего убѣждаетъ въ длившемся одномъ и томъ же заговорѣ. Этотъ клубокъ, это ядро крамольныхъ дѣятелей, помѣщаемъ во 2-ой части I-го тома, въ таблицѣ, сопровожденной особымъ поясненіемъ.

Нигилизмъ имѣетъ свою 20-лѣтнюю исторію, а взгляды на него остаются по бо́льшей части старые. Вѣрные въ

свое время, теперь они получаютъ уже характеръ суевѣрія, падающаго отъ легкаго прикосновенія факта или цифры.

Такому суевѣрію преступное сообщество и сейчасъ представляется «ничтожною горстью», «незначительною шайкою». Мы, конечно, не можемъ опредѣлить даже и приблизительно число членовъ «партіи», но утверждаемъ, что оно постоянно возростало. Если въ 1866 году, при всѣхъ усиліяхъ гр. Муравьева, смогли привлечь къ судебной отвѣтственности за 4-е апрѣля только 34 человѣка, въ Нечаевщину видимъ болѣе чѣмъ вдвое противъ Каракозовщины число подсудимыхъ. Въ концѣ 1876 года на Казанской площади собирается демонстрація въ 200—300 человѣкъ. Между тѣмъ почти одновременно съ этимъ разбирается дѣло 50-ти московскихъ соціалистовъ, а вслѣдъ за нимъ 193-хъ, при чемъ эти 50 и 193, содержась подъ стражею, не могли войти въ составъ демонстрировавшихъ на площади. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ новыя демонстраціи въ Москвѣ, Одессѣ и другихъ мѣстахъ. 1879 годъ весь занятъ арестами, судебными разбирательствами, административными ссылками. А позднѣе *Правительственный Вѣстникъ* опредѣляетъ только часть пересматриваемыхъ дѣлъ о поднадзорныхъ цифрою 1509.

Соціалисты — это мальчишки, недоучки, семинаристы, студенты, изгои. Такъ не безъ основанія утверждали нѣкогда. но «мальчишки» иные подросли, кое-кто изъ «недоучекъ» подучился, а семинаристы смѣнились и дворянами, и мѣщанами, и крестьянами; въ крамолѣ появилась еврейская струя, а рядомъ съ мужчинами выступили и женщины. И если родоначальники нигилизма вышли изъ духовнаго званія, послѣднія 15 лѣтъ не поставили ни одного подсудимаго изъ духовныхъ академій. А студентовъ университета со временъ Нечаевщины мало по малу смѣняли слушатели высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, но потомъ и они уступили мѣсто лицамъ неопредѣленныхъ профессій. Между тѣмъ уничтоженіе льготъ по образованію, возвышеніе

платы за слушаніе университетскихъ лекцій, то и дѣло предлагается, какъ цѣлительное средство противъ крамолы, знахарями, забывающими, что не «изгои», не «лишніе люди», не «умственный пролетаріатъ», были эти наиболѣе выдававшіеся дѣятели и дѣятельницы: магнатъ Лизогубъ, содержавшій своимъ значительнымъ состояніемъ крамольную шайку, докторъ Веймаръ, другъ высшихъ сферъ, и эмигрантъ князь Кропоткинъ, а также генеральскія дѣти: Осинскій, Лешернъ фонъ Герцфельдъ, Батюшкова, Армфельдъ, равно какъ мать и дочери Субботины, Перовская и многіе другіе.

Изученіе политическихъ процессовъ приводитъ насъ къ слѣдующимъ историко-статистическимъ выводамъ относительно возраста, пола, вѣроисповѣданія, народности, образованія и сословнаго различія крамольныхъ дѣятелей.

I. Возрастъ. Возрастъ нашихъ соціалъ-революціонеровъ вообще ниже 30 лѣтъ. Лѣта подсудимыхъ по Каракозовскому дѣлу намъ неизвѣстны. Средній возрастъ 1-й группы нечаевцевъ 26 лѣтъ, а 2-й, самой многочисленной, около 23 л. 9 м. Черезъ три года послѣ Нечаевщины, въ Долгушинскомъ процессѣ возрастъ подсудимыхъ достигаетъ 24 л. 1 м. Въ дѣлѣ Дьякова 1875 г., спустя годъ послѣ Долгушинскаго, онъ понижается до 22 л. 10 м. У демонстрировавшихъ на Казанской площади въ концѣ 1876 г. онъ еще ниже: 20 л. 10 м. У 50-ти московскихъ соціалистовъ средній возрастъ опять поднимается до 23 л. 9 м. Въ обвинительномъ актѣ по дѣлу 193-хъ лѣта подсудимыхъ не обозначены. Судившіеся вмѣстѣ съ Ковальскимъ въ Одессѣ террористы имѣли средній возрастъ 26 л., а подсудимые по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи 11 февраля 1879 г. въ Кіевѣ не достигали 25 л. 6 м. Обвинявшіеся по дѣлу о покушеніи на жизнь шефа жандармовъ г. Дрентельна, гдѣ бо́льшая часть подсудимыхъ была оправдана, едва ли не старше всѣхъ: ихъ средній возрастъ 29 л. 1 м. Позднѣе, въ кіевскомъ дѣлѣ Левченко (21 подсудимый), средній воз-

растъ достигаетъ 25 лѣтъ. Нѣсколько старше этого 20 цареубійцъ, съ своимъ среднимъ возрастомъ 27 л. 6 м. Воспитанники высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній вообще старше студентовъ университета, а «распропагандированные» рабочіе иногда старше самихъ пропагандистовъ. Самые старые изъ подсудимыхъ 50-лѣтній каракозовецъ Шевелевъ, 41 года подпоручикъ Зундштремъ, 40-лѣтніе Прыжовъ, убійца студента Иванова, и Ольхинъ, оправданный по дѣлу Мирскаго, 39-лѣтній поручикъ Казакевичъ, 35-лѣтніе Клѣточниковъ и Златопольскій, оба изъ числа 20 цареубійцъ, а самые младшіе 16-лѣтній Сидорацкій, рецидивистъ, и 14-лѣтняя еврейка Гуковская, приговоренная на поселеніе по дѣлу о вооруженной демонстраціи въ Одессѣ въ 1879 г. Здѣсь напрашивается одинъ выводъ: средній возрастъ нечаевцевъ въ 1869 году приблизительно 25 лѣтъ, а черезъ 12 лѣтъ средній возрастъ 20 цареубійцъ $27^1/_2$ лѣтъ. Если бы черезъ 12 лѣтъ дѣйствовало то же поколѣніе, цареубійцы должны бы имѣть до 37 лѣтъ. И такъ, не одно какое-либо поколѣніе заражено было крамолою, а извѣстный возрастъ улавливался ею, что̀ однако не мѣшало нѣкоторымъ рецидивистамъ служить связующею цѣпью между отдѣльными гнѣздами въ разныхъ мѣстахъ и на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ.

II. Полъ. Первоначально выступаетъ, разумѣется, только мужескій полъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше привходитъ женскій элементъ. Это преимущественно цюрихскія студентки, а потомъ слушательницы различныхъ курсовъ, особенно акушерскихъ. Между подсудимыми по Каракозовскому дѣлу еще нѣтъ женщинъ. Впервые выступаютъ онѣ въ Нечаевщинѣ, гдѣ ихъ не болѣе 10%. Изъ 32 арестованныхъ за Казанскую демонстрацію уже 11 женщинъ. Среди 50-ти московскихъ соціалистовъ ихъ до 16-ти. Въ дѣлѣ 193-хъ даже 39 женщинъ. Между 15-ью подсудимыми по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ 11 февраля

1879 г. 6 женщинъ. Въ числѣ 20 цареубійцъ ихъ 4, не считая Перовской и Гельфманъ, осужденныхъ раньше. Уступая мужчинамъ въ численности, нѣкоторыя изъ государственныхъ преступницъ опережаютъ ихъ энергіею и революціоннымъ трудолюбіемъ. Таковы наиболѣе выдававшіяся «мадамши»: мать и дочери Субботины, Ободовская, В. Любатовичъ, Армфельдъ, Батюшкова, Лешернъ фонъ Герцфельдъ, Засуличъ, и цареубійцы: Перовская, Лебедева, Иванова, Якимова, Гельфманъ, Грязнова и т. д.

III. Вѣроисповѣданіе и народность. Вѣроисповѣданіе рѣдко означается въ документахъ, а о народности и совсѣмъ умалчивается. Но все-таки можно, напримѣръ, утверждать, что ни бѣлорусское племя, ни остзейскія провинціи, ни старообрядчество, ни сектантство не занимали сколько-нибудь примѣтнаго мѣста. Пожива крамолы — въ великорусскомъ и малорусскомъ племени и въ господствующемъ вѣроисповѣданіи. Изъ инородцевъ бросаются въ глаза уроженцы Кавказа, коихъ значительный процентъ въ Нечаевщинѣ и между 50-ью московскими соціалистами. Головешки польскаго пожара еще очень чадятъ въ 60-хъ годахъ, въ Каракозовщинѣ и Нечаевщинѣ, не говоря уже о Березовскомъ съ его сообщниками, тоже поляками. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше польскій элементъ прячется здѣсь за кулисы, совершенно сливаясь за границею съ нашею соціалистическою эмиграціею. Однако и здѣсь Дмоховской, напримѣръ, основатель сообщества вмѣстѣ съ Долгушинымъ, полякъ, равно какъ и осужденные вмѣстѣ съ Ковальскимъ Свитычъ и Студзинскій тоже поляки; полякъ и Мирскій, какъ и многіе другіе, а злодѣй, причинившій смертельныя пораненія Государю Императору, Игнатій Іоахимовъ Гриневецкій, дворянинъ Гродненской губерніи. Еврен наоборотъ. Въ Каракозовщинѣ и Нечаевщинѣ еще не встрѣчаемъ семитической струи. Но съ допущеніемъ еврейства въ наши школы, оно занимаетъ непропорціонально

выдающееся мѣсто. Въ нѣкоторыхъ процессахъ на югѣ, напримѣръ, по обвиненію въ вооруженной демонстраціи въ Одессѣ, цѣлая треть подсудимыхъ Моисеева закона, хотя нѣкоторые и съ русскими фамиліями. Юное еврейство служитъ особенно хорошимъ проводникомъ между запалами въ эмиграціи и взрывами здѣсь, и преобладающее его участіе есть лучшее доказательство, что бѣда въ значительной степени только наносная. Еврейство же выставило и нѣсколько отчаянныхъ злодѣевъ, каковы: Дейчъ, Гольденбергъ, Виттенбергъ, Зунделевичъ, Цукерманъ, и другіе, почти всѣ прикосновенные къ покушеніямъ на цареубійство. Но вообще крамола въ позднѣйшее время — это «смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній».

IV. Образованіе. Образованіе у большинства не высоко. Даже между «интеллигентными» процентъ окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ едва примѣтенъ, такъ что среди, напримѣръ, 193-хъ пропагандистовъ оказывается только *одинъ* кандидатъ университета. Также рѣдки и по другимъ дѣламъ подсудимые съ высшимъ образованіемъ. Таковы были Ткачевъ, Чайковскій, Вейморъ и очень еще немногіе. Подавляющее большинство «интеллигентныхъ»—это исключенные и исключившіеся изъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, особенно послѣ «исторій», для того и затѣваемыхъ, перелеты изъ одной школы въ другую, бродячее студенчество. Процентъ студентовъ университета пропорціонально меньше, чѣмъ слушателей высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, изъ коихъ особенно выдавались Петровская земледѣльческая академія (по Каракозовщинѣ, Нечаевщинѣ и дѣлу 193-хъ), технологическія высшія школы, медико-хирургическая академія, ветеринарный институтъ и т. д. Студенты духовныхъ академій рѣзко отсутствуютъ, хотя не мало совращаемо было учениковъ духовныхъ семинарій. Зараза коснулась воспитанниковъ и военныхъ школъ, однако менѣе, чѣмъ гражданскихъ. Таковы,

напримѣръ, поручикъ Топорковъ, юнкеры военнаго училища въ дѣлѣ 193-хъ, подпоручикъ Дубровинъ, прапорщикъ Тарховъ, поручикъ Казакевичъ, подпоручикъ Зундштремъ, лейтенантъ Сухановъ и другіе. На зарѣ крамолы почти исключительно оказывается учащаяся молодежь, но потомъ мало по малу нарощается и «непнтеллигентный процентъ на интеллигентный капиталъ» и примыкаютъ лица разнокалиберныхъ профессій. Изъ 34-хъ каракозовцевъ 9 студентовъ, изъ коихъ 8 слушателей Петровской академіи. Между 11-ью подсудимыми по 1-ой группѣ нечаевцевъ около половины изъ школьной молодежи, а среди 33-хъ по 2-ой группѣ того же дѣла болѣе половины петровцевъ (18 человѣкъ), потомъ 8 студентовъ университета, исключенныхъ по «Полунинской исторіи». Въ петербургской группѣ нечаевцевъ (19 подсудимыхъ) 14 студентовъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Между 5-ью сибиряками въ Нечаевщинѣ 4 изъ спеціальныхъ высшихъ школъ. Въ Долгушинскомъ дѣлѣ большинство тоже изъ учащейся молодежи. Изъ 8 подсудимыхъ по дѣлу Дьякова половина студенты Петербургскаго университета и медико-хирургической академіи. Въ «охотнорядской исторіи» всѣ до одного вольнослушатели техники. Но за то между подсудимыми по Казанской демонстраціи (21 подсудимый) только 5 воспитанниковъ высшихъ спеціальныхъ школъ, а въ числѣ 50-ти московскихъ соціалистовъ только 6 подсудимыхъ изъ учащейся молодежи. Жаль, что документы не всегда ясно указываютъ школьное прошлое подсудимыхъ, часто обозначая только сословіе, какъ бы остерегаясь бросить тѣнь на то или другое учебное заведеніе. Этимъ ложнымъ стыдомъ особенно отличается обвинительный актъ по дѣлу 193-хъ. Въ немъ Желябовъ, напримѣръ, помѣченъ, какъ «крестьянинъ Таврической губерніи, Ѳеодосійскаго уѣзда, деревни Сухмановки», тогда какъ онъ былъ *ex-* студентъ университета. Такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ выкладкахъ необходимо вообще повысить процентъ

учащейся молодежи. Но несомнѣнно, что чѣмъ позднѣе, тѣмъ болѣе утрачивается студенческое участіе: террористы изъ интеллигентныхъ и неинтеллигентныхъ давно уже покинули не только школьныя, но и всякія занятія, кромѣ какъ «революціонными дѣлами». Поверхностное образованіе даже выдававшихся заговорщиковъ возмѣщалось безконечнымъ фанатизмомъ и желѣзными характерами, закаленными въ одиночномъ заключеніи и нелегальномъ скитаніи.

V. Сословія. Здѣсь ограничимся указаніемъ только на два дѣла съ наибольшимъ числомъ обвиняемыхъ. Если одни документы скрываютъ школьное прошлое подсудимыхъ, выставляя ихъ сословіе; то другіе, наоборотъ, таятъ сословіе подсудимыхъ, означая только школу, гдѣ обвиняемые учились. Между 50-ью московскими соціалистами дворянъ 12, изъ военныхъ разночинцевъ 5, почетныхъ гражданъ и купцовъ 2, мѣщанъ и цеховыхъ 4, крестьянъ 10, учащихся (безъ обозначенія сословій) 6. Въ дѣлѣ 193-хъ — дворянъ 77, дѣтей священно и церковно-служителей 33, изъ семей разночинцевъ гражданскихъ и военныхъ 25, потомственныхъ почетныхъ гражданъ и купцовъ 11, мѣщанъ 21, крестьянъ 16 и т. д. Въ крамолѣ создалось еще особое сословіе — эмигрантовъ. Таковы: журналисты Лавровъ и Драгомановъ, каракозовецъ кн. Черкезовъ, заводчикъ Нечаевщины Бакунинъ, одни изъ важнѣйшихъ участниковъ въ ней Ткачевъ и Засуличъ, а также князь Крапоткинъ изъ эпохи 193-хъ, Дебогоріо-Мокріевичъ, бѣжавшій съ каторги, Дейчъ, Гартманъ и многіе другіе штабъ-офицеры крамолы.

Почти два года отодвинули насъ отъ 1-го марта 1881 года, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и глубже чувствуется, что у насъ, воспитавшихся и созрѣвшихъ въ прошлое царствованіе, вынуто все 1-мъ марта, отняты у насъ *мы сами*, вся лучшая сторона насъ самихъ, ибо все, чѣмъ выросли мы отъ Николаевскаго поколѣнія, совершено имъ.

Освободителемъ и Мученикомъ. Не его ли видѣли мы останавливающимъ русскую кровь, безполезно лившуюся на разрушенныхъ бастіонахъ, на изрытой снарядами многострадальной землѣ Севастополя? Не онъ ли, умиритель Кавказа, гдѣ томительно долго лилась та же русская кровь, тамъ, въ непроходимыхъ горахъ, положилъ на нашихъ глазахъ зачатки гражданственности? Не его ли рука видится и сейчасъ, снимающая оковы съ милліоновъ рабовъ и указывающая имъ на «свободный трудъ»? Не его ли голосъ: «милость и правда да царствуютъ въ судахъ», слышится и сейчасъ въ мѣстахъ прежняго безправія? Не онъ ли останавливаетъ руку палача со свистѣвшимъ бичемъ, съ страшными и позорными орудіями клейменія лица человѣческаго и предаетъ вѣчному забвенію ужасную «зеленую улицу»? Не его ли и мы, люди печати, вспоминаемъ ежеминутно, пользуясь небывалою до него свободою высказывать свои мысли и благія желанія? И мы ли одни? И эти излюбленные люди отъ городовъ и деревень, въ думахъ и земствахъ, не ему ли тоже одолжены своимъ политическимъ бытіемъ? И этотъ солдатъ, не долго несущій свой легкій ранецъ въ рядахъ, пополняемыхъ по всеобщему жребію, а не проступками и преступленіями, и этотъ профессоръ на каѳедрѣ, не боящійся, что науку заподозрятъ въ политической неблагонадежности, и этотъ студентъ, получившій научное образованіе и безъ ограниченій допущенный въ храмъ науки, не ему ли и они всѣ обязаны своимъ настоящимъ бытіемъ? И они ли только? Его видимъ въ крестьянской школѣ, среди будущаго грамотнаго русскаго народа, до него не существовавшей. Его видимъ на далекихъ восточныхъ окраинахъ, призываемыхъ имъ къ исторической жизни послѣ 2.000-лѣтней спячки. Его наконецъ видимъ въ солдатской палаткѣ, въ лазаретѣ, на склонѣ славныхъ дней, въ единовѣрной и единоплеменной странѣ, все того же провозвѣстника свободы и просвѣщенія людямъ, по истинѣ сидѣвшимъ во тьмѣ и сѣни смертной. Да, мы потеряли

самихъ себя, ибо никогда еще личная царственная дѣятельность не была столь народною.

И какъ потеряли? Какимъ-то невозможнымъ, невѣроятнымъ, безпримѣрно дикимъ и безгранично позорнымъ образомъ — цѣлымъ рядомъ адскихъ посягательствъ на этого царя, на эту святыню народную, на этотъ призванный имъ къ жизни, свободѣ и просвѣщенію народъ, на насъ самихъ, да, на насъ самихъ.

Среди благодѣтельнѣйшихъ и славнѣйшихъ дѣяній Александра II-го, въ самыя лучшія минуты нашей исторіи, начинается польское возстаніе, а затѣмъ раздается первый злодѣйскій выстрѣлъ у рѣшетки Лѣтняго сада. Глухо прозвучалъ онъ, не вызвавъ ни тѣни отзвука. Страшное негодованіе всей русской земли скоро изгладило память о безумномъ преступленіи. Потомъ послѣдовалъ другой выстрѣлъ, въ Парижѣ, бѣглаго повстанца. Въ этомъ увидѣли только повтореніе случайности 4-го апрѣля. Но рядомъ съ этимъ шла пропаганда какихъ-то дикихъ ученій, которую люди умные пропускали мимо ушей, а люди ловкіе съумѣли обратить въ свою пользу. Внушалось недовѣріе къ обществу и народу, и на почвѣ этого недовѣрія, при равнодушіи однихъ, при неумѣлости другихъ, при излишней сообразительности третьихъ, въ теченіе полутора десятка лѣтъ создалась призрачная противоправительственная партія. Началось преслѣдованіе этой партіи, но ощупью, не разбирая своихъ и чужихъ, такъ что даже, при безнаказанности соціалистической печати, вызывала иногда на себя кары своею прямотою печать патріотическая. Небывалыя легальныя хищенія ни чѣмъ не стѣснялись, а нелегальныя почти не преслѣдовались; за то шли неразборчивые аресты, взбивалась пѣна политическихъ процессовъ, и въ концѣ концовъ признана была необходимою точно какая-то облава чуть не на все учащееся поколѣніе за чтеніе и распространеніе бездарнѣйшихъ произведеній потаенной лите-

ратуры, являющейся всегда и вездѣ только ядовитымъ послѣдствіемъ стѣсненія печати явной. Среди мирнаго настроенія общества, зараженнаго соціализмомъ менѣе, чѣмъ какая-либо изъ европейскихъ странъ, 37 губерній, не лишенныхъ шелопаевъ, начитавшихся глупѣйшихъ книженокъ и вздумавшихъ распространять ихъ «въ народѣ», объявлены были зараженными противообщественною язвою. И въ то время, когда за рубежомъ проливалась русская кровь за освобожденіе братьевъ, дома созидался громадный политическій процессъ, по которому (цифры беремъ изъ печатнаго правительственнаго документа) было привлечено къ дознаніямъ 770 человѣкъ, изъ коихъ 612 мужчинъ, 158 женщинъ, подъ стражею было 265, на свободѣ съ принятіемъ другихъ мѣръ 452 и неразысканныхъ 53. Взбударажено было конечно еще гораздо больше. Въ обществѣ послышался болѣзненный стонъ... Правда, лишь $^1/_4$, именно только 193 человѣка, были посажены на скамью подсудимыхъ, а судъ и бо́льшую часть изъ нихъ оправдалъ. Но они уже просидѣли годы въ тяжкомъ одиночномъ заключеніи, но они уже административно высланы, но они уже бѣжали изъ ссылки. Такъ наслаивалась одна ошибка на другую, и въ концѣ концовъ, послѣ этого политическаго процесса, умѣстнаго только въ странѣ, цѣликомъ охваченной революціею, чего и тѣни у насъ не было, сложилась не мнимая, а уже дѣйствительная фракція террористовъ, имѣвшая до того времени, какъ и вездѣ теперь въ Европѣ, лишь нѣсколькихъ злодѣевъ, разбросанныхъ на разстояніи десятка лѣтъ. Тотчасъ послѣ процесса 193-хъ бунтари устремляются путемъ Вѣры Засуличъ терроризовать правительство, на что́ власть отвѣчаетъ смертными казнями и другими строжайшими мѣрами, рѣзко на сей разъ отдѣляя революціонную партію отъ русскаго общества. Въ партіи возникаетъ расколъ; чернопередѣльцы почти готовы выдать террористовъ, ибо репрессаліи въ равной мѣрѣ касались и террора, и мирной пропаганды

соціалистическихъ идей. Неудачная попытка взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, быть можетъ, была бы послѣднимъ террористическимъ фактомъ; но тутъ случился внезапный поворотъ, убѣдившій и чернопередѣльцевъ, и партію *Народной Воли*, что терроризація можетъ имѣть успѣхъ. Съ этихъ поръ расколъ въ партіи, повидимому, уничтожается; пропагандисты переходятъ на сторону террора, а террористы обращаются прямо въ цареубійцъ. И вотъ «правительственное сообщеніе» по дѣлу 20-ти цареубійцъ раскрываетъ предъ нами какую-то непроглядную бездну преступленія: прежде мы видѣли рецидивистовъ-террористовъ; теперь указали намъ шайку, поставившую себѣ спеціальностію цареубійство, при чемъ каждый изъ этихъ невиданныхъ злодѣевъ и злодѣекъ оказался запятнаннымъ нѣсколькими цареубійственными посягательствами. Злодѣйство превзошло «число, и мѣру, и предѣлы». Но пути злодѣянія некуда уже сдѣлать шагу.

А мы теперь, послѣ 1-го марта, всѣ ли наконецъ сознали истину, документами тысячи разъ засвидѣтельствованную, что оружіе оттачивалось на жизнь не только властей, но и всѣхъ насъ; что выстрѣлы, раздававшіеся противъ государя, ждутъ лишь минуты направиться и противъ подданныхъ; что подкопы велись не подъ дворцы только и царственные пути, но и подъ нашу свободу и благосостояніе; что «уничтоженіе всего существующаго государственнаго и общественнаго строя», и притомъ съ самаго верха, куда сведены всѣ основныя государственныя и общественныя связи, уже начато нашими общими врагами? А вѣдь только этимъ яснымъ сознаніемъ и можетъ теперь окончательно упрочиться порядокъ, благосостояніе и счастіе государства и народа, взаимно нераздѣльныхъ, въ трудномъ нашемъ историческомъ шествіи къ безмятежному, доброму и счастливому будущему.

Ѳ. Гиляровъ.

Москва.
12 января 1883 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Каракозовщина.

4 апрѣля 1866 г.—Оффиціальное извѣстіе.—Біографическія свѣдѣнія о Каракозовѣ.—Пріемъ депутацій.—Рѣчь Государя Императора.—Свѣдѣнія о слѣдствіи и судѣ.—Ишутинъ.—„Организація“.—Зачатки народничества и террора.—„Адъ“.—Ножинъ.—Мысль объ освобожденіи Чернышевскаго.—Домбровскій.—„Друзьямъ-рабочимъ“.—Противодѣйствіе Каракозову.—Польское участіе.—Narodowa opieka.—Поясненіе и дополненіе слѣдствія.—Источникъ крамолы.—Литографіи.—„Колоколъ“.—Журналистика.—Студентскія исторіи.—Поляки студенты.—Пензенскій кружокъ.—„Петровцы“.—Горыгорецкій институтъ.—„Выпивки“.—„Юлія Пастрана“.—Предвѣстія 4 апрѣля.—Польская революція.—Заговоръ на цареубійство.—Дрезденскій съѣздъ.—Письмо „Топора“.—Огрызко—„Секретная царская воля“.—Приговоръ надъ Каракозовымъ.—Казнь преступника.—Приговоръ надъ 34.—16 группъ подсудимыхъ.—Исполненіе приговора.—Помилованіе Ишутина.—Голицынская коммиссія.—„Земля и Воля“, „Молодая Россія“ и „Великорусъ“.—Оковы Михайлова.—Польскіе усики.—Дѣло Куценко.—Записка Московскаго университета.

Каракозовы, Нечаевы, Долгушины, все это люди, занимавшіеся высшими науками и прошедшіе университетскій курсъ, но умственно не дисциплинированные и не способные переварить идеи, которыя бродили въ ихъ головахъ. Всѣ они поражаютъ своимъ слабоуміемъ; они сами не даютъ себѣ отчета въ томъ, чего хотятъ. Они не имѣютъ подъ собой никакой почвы. Это не революціонеры, какіе бываютъ въ западной Европѣ; это испорченныя дѣти, которыя играютъ въ революцію, губя себя ни за что, ни про что.

Руководящая статья въ № 211 „Московскихъ Вѣдомостей“ 1874 года.

I.

4 апрѣля 1866 г. раздался впервые преступный выстрѣлъ у рѣшетки Лѣтняго сада.

Наиболѣе обстоятельный разсказъ объ этомъ первомъ покушеніи сообщаетъ корреспондентъ *Московскихъ Вѣдомостей*:

Государь, окончивъ свою вседневную прогулку въ Лѣтнемъ саду, выходилъ на набережную Невы лѣвыми всегда открытыми воротами. Госу-

дарь шелъ по мосткамъ, положеннымъ по всему Лѣтнему саду. Коляска Государя была подана, и онъ подошелъ къ ней. Ему накинули на плечи шинель. Государь стоялъ, обернувшись спиной къ правой сторонѣ выхода изъ сада. Въ эту минуту послышался крикъ, и раздался сильный выстрѣлъ. Крикъ былъ поднятъ полицейскимъ солдатомъ Безыменковымъ, стоявшимъ по службѣ у лѣвой стороны воротъ сада, противоположной той сторонѣ, на которой стоялъ убійца. Безыменковъ замѣтилъ въ толпѣ проталкивающагося впередъ человѣка, и увидавъ внезапно протянутую впередъ руку, вооруженную двухствольнымъ пистолетомъ, направленнымъ въ нѣсколькихъ шагахъ противъ Государя, вскрикнулъ отъ ужаса и бросился мимо Государя впередъ на этого человѣка. Въ ту минуту раздался выстрѣлъ, счастливо отклоненный въ сторону ударомъ, снизу вверхъ, рукой Комисарова по рукѣ злодѣя, который, пробравшись чрезъ толпу, все болѣе возраставшую, сталъ быстро удаляться по тротуару. Солдатъ Безыменковъ первый схватилъ его за полу кафтана; народъ накинулся и смялъ его. Государь освободилъ его изъ разъяренной толпы, сказавъ: „оставьте его, дѣти“, и вырвалъ пистолетъ изъ рукъ злодѣя.

Вскорѣ послѣдовало оффиціальное въ *Русскомъ Инвалидѣ* оповѣщеніе о злодѣѣ, которое гласило:

Преступникъ уроженецъ Саратовской губ. Дмитрій Владиміровъ Каракозовъ. Отецъ его имѣлъ небольшое помѣстье въ Сердобскомъ уѣздѣ Саратовской губ. Самъ же преступникъ бывшій вольнослушатель Московскаго университета, находясь еще въ Москвѣ, страдалъ, по показанію нѣкоторыхъ изъ его товарищей, припадками меланхоліи и ипохондріи, и въ продолженіе болѣе мѣсяца лежалъ въ клиникѣ при Московскомъ университетѣ, пользуясь у тамошнихъ докторовъ. Болѣзненное настроеніе его, по свидѣтельству тѣхъ же товарищей, доходило до того, что онъ писалъ письмо къ одному изъ нихъ, прося прислать ему опіума для прекращенія мученій, вмѣстѣ съ самою жизнію. Въ нынѣшнемъ году Каракозовъ былъ два раза въ Петербургѣ: одинъ разъ онъ пріѣхалъ въ февралѣ мѣсяцѣ, а другой разъ на Пасхѣ. По словамъ знакомыхъ и родныхъ, Каракозовъ постоянно жаловался на то, что жизнь ему въ тягость, что она ему ужъ надоѣла, и что онъ ненавидитъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Каракозовъ развивалъ идеи самаго крайняго соціализма.

По „точнымъ свѣдѣніямъ“, добытымъ *Московскими Вѣдомостями* изъ архива Московскаго университета, оказалось, что Каракозовъ въ 1861 г. поступилъ студентомъ въ Казанскій университетъ по юридическому факультету и тотчасъ же, въ октябрѣ того же года, былъ исключенъ за участіе въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, которыя обозначены въ документѣ, какъ „скопъ, бывшій у исправляющаго должность попечителя Казанскаго учебнаго округа“. Осенью 1863 г. Каракозовъ былъ снова принятъ совѣтомъ Казанскаго университета и оставался тамъ въ продолженіе всего академиче-

скаго года, по окончаніи коего переведенъ былъ на 2 курсъ, но 29 сентября 1864 г., уже по взносѣ денегъ за слушаніе лекцій перваго полугодія $186^4/_5$ академическаго года, по собственному прошенію, уволенъ изъ Казанскаго университета. Октября 14 того же 1864 г. онъ подалъ прошеніе о принятіи его въ число студентовъ Московскаго университета, куда и былъ зачисленъ безъ экзамена на 2 курсъ юридическаго факультета. Въ Московскомъ университетѣ лекцій онъ не посѣщалъ и на экзаменахъ не былъ. Во второй половинѣ 1865 г. онъ выбылъ изъ Московскаго университета даже по бумагамъ. Онъ не возвращался изъ отпуска въ Саратовскую губернію, куда отправился со свидѣтельствомъ на проѣздъ, имѣвшимъ силу по 15 августа, и за невзносъ студенческой платы во второй половинѣ 1865 г. былъ исключенъ изъ университета. Съ 15 августа 1865 г. онъ проживалъ безъ паспорта, потому что всѣ бумаги, доказывающія его личность, онъ бросилъ въ университетѣ.

По мнѣнію *Московскихъ Вѣдомостей*, Каракозовъ принадлежалъ къ компаніи „тѣхъ господъ, которые въ 1861 и 1862 годахъ старались возмущать крестьянъ противъ дворянства, разбрасывая такъ называемыя золотыя грамоты и распространяя возмутительные слухи о второй волѣ“.

Не станемъ останавливаться на безчисленныхъ молебствіяхъ, торжествахъ, адресахъ по поводу избавленія Государя Императора отъ грозившей ему опасности; ограничимся только описаніемъ пріема депутацій 11 апрѣля и приведеніемъ незабвенныхъ словъ покойнаго Императора.

11-го апрѣля представители дворянства, земства и купечества Новгородской, Ярославской, Олонецкой, Псковской и Тверской губерній собрались въ Бѣлой залѣ дворца. Государь обратился къ представителямъ съ слѣдующими словами:

> Я глубоко тронутъ, господа, выраженіями чувствъ преданности, которыя стекаются ко мнѣ со всей Россіи: въ этихъ чувствахъ я не сомнѣвался никогда, а въ настоящемъ случаѣ они служатъ мнѣ истиннымъ утѣшеніемъ. Въ охраненіи дней моихъ я вижу Божію волю, и съ новыми силами буду продолжать трудиться для блага Россіи, которую люблю выше всего. Все, что ни дѣлается, дѣлается къ лучшему, и я теперь достойно награжденъ за всѣ мои труды и за безпредѣльную любовь Россіи.

Прерванный криками *ура*, Государь продолжалъ:

Благодарю васъ. Я увѣренъ, что вы сохраните мнѣ вашу любовь и преданность навсегда, а когда не станетъ меня, перенесете ихъ на Наслѣдника моего.

Государь обнялъ и поцѣловалъ Великаго Князя (нынѣшняго Государя Императора). Въ залѣ послышалось:

Богъ да сохранитъ васъ надолго, Государь; вся Россія молитъ Его объ этомъ!

Государь отвѣчалъ:

Благодарю васъ, господа, за ваши молитвы; благодарю васъ за ваши чувства. Я постоянно молю Бога за Россію, за всѣхъ васъ; молю, чтобы Онъ даровалъ мнѣ силы продолжать начатое дѣло.

На выраженіе чувствъ благодарности предводителемъ дворянства Тверской губ. за дарованіе дворянскаго званія Осипу Ивановичу Комисарову, отклонившему выстрѣлъ Каракозова, Императоръ отвѣчалъ:

И я увѣренъ, господа, что вы всѣ признаете его вполнѣ достойнымъ этой награды. Еще разъ благодарю васъ. Императрица не могла васъ принять. Въ эти дни горестнаго для насъ воспоминанія *) она крѣпилась, но сегодня силы ей измѣнили, и она не совсѣмъ здорова. Прошу васъ, по возвращеніи домой, передать мою благодарность всѣмъ вашимъ и въ уѣзды. Вѣрьте, что вы всѣ дороги моему сердцу.

Началось слѣдствіе по дѣлу 4 апрѣля. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія о преступникѣ и его сообщникахъ, оффиціально обнародованныя, крайне скудны. Мы имѣемъ только статью *Сѣверной Почты* **), да краткій приговоръ Верховнаго уголовнаго суда. Приговоръ хотя представляетъ точныя данныя, но лишенъ всякихъ жизненныхъ чертъ, а *Сѣверная Почта* съ непонятною робостью избѣгаетъ даже собственныхъ именъ преступниковъ, такъ что остается только догадываться, при сопоставленіи статьи и приговора, кого изъ лицъ разумѣетъ *Сѣверная Почта* и какое именно дѣяніе осуждено судомъ.

Сѣверная Почта разсказываетъ, что коммиссія въ теченіе $2^1/_2$ мѣсячныхъ усиленныхъ трудовъ обнаружила сообщниковъ злодѣя и привела въ ясность какъ намѣренія и дѣйствія злоумышленниковъ, предшествовавшія преступленію, такъ и

*) О покойномъ Цесаревичѣ. *Авт.*

**) *Сѣверная Почта* исправляла тогда должность *Правительственнаго Вѣстника*. *Авт.*

вліяніе заграничныхъ революціонныхъ обществъ и связи ихъ съ польскою пропагандою *).

Заявивъ объ окончаніи занятій слѣдственной коммиссіи и объ учрежденіи Верховнаго уголовнаго суда, на основаніи 1062 ст. Уст. угол. судопр. 20 ноября 1864 г., по дѣлу Каракозова и передавъ подробности, уже извѣстныя намъ изъ оффиціальнаго сообщенія и справки *Московскихъ Вѣдомостей, Сѣверная Почта* продолжаетъ:

Живя въ Москвѣ, Каракозовъ принадлежалъ къ образовавшемуся тамъ тайному обществу, преимущественно изъ вольнослушателей университета, Петровской земледѣльческой академіи, нѣкоторыхъ студентовъ, гимназистовъ и иныхъ лицъ **).

Общество это, существовавши за нѣсколько лѣтъ предъ симъ въ разныхъ формахъ и кружкахъ, въ концѣ 1865 г. приняло общее названіе „Организаціи“ и поставило себѣ цѣлію распространять соціалистическое ученіе, разрушать начала общественной нравственности, колебать вѣру въ основы религіи и путемъ революціи ниспровергнуть существующій порядокъ въ государствѣ.

Средствами для этого должны были служить:

а) Пропаганда между сельскимъ населеніемъ съ объявленіемъ, что земля составляетъ собственность всего народа.

б) Возбужденіе крестьянъ противъ землевладѣльцевъ, дворянства и вообще противъ властей.

в) Устройство разныхъ школъ, артелей, мастерскихъ, переплетныхъ, швейныхъ и иныхъ ассоціацій, дабы посредствомъ ихъ сближаться съ народомъ и внушать ему зловредныя ученія соціализма.

г) Заведеніе въ провинціяхъ библіотекъ, безплатныхъ школъ и разныхъ обществъ на началахъ коммунизма, которыя, находясь въ рукахъ членовъ главнаго общества, могли бы удобнѣе привлекать и приготовлять новыхъ членовъ и въ то же время состояли бы въ зависимости отъ центральнаго общества въ Москвѣ и получили бы отъ него дальнѣйшее направленіе.

---

*) На одной изъ сходокъ, бывшей въ концѣ Великаго поста въ Москвѣ, было положено, въ случаѣ ареста, не дѣлать сознанія, и при этомъ условлено, какъ и что говорить; нѣкоторые же изъ главныхъ и ближайшихъ сообщниковъ преступленія согласились между собою запастись ядомъ стрихниномъ, для отравленія себя, если бы отъ нихъ при допросахъ стали вымогать признаніе. Впослѣдствіи, сознавшись въ этомъ, упомянутыя лица возвратили бывшій при нихъ ядъ, всыпанный въ маленькія пуговицы, заклеенныя воскомъ въ волоса. Прим. *Сѣв. Почты.*

**) Главный распорядитель этого общества, двоюродный братъ Каракозова, былъ членомъ извѣстнаго по своимъ прокламаціямъ въ 62 и въ началѣ 63 года тайнаго общества „Земля и Воля“. Прим. *Сѣв. Почты.*—*Сѣв. Почта* разумѣетъ Ишутина. *Авт.*

д) Распространеніе въ народѣ соціалистическаго ученія посредствомъ воспитанниковъ семинарій и сельскихъ учителей, и

е) Пропаганда по Волгѣ, пользуясь удобствомъ пароходныхъ сообщеній.

Денежныя средства положено было пріобрѣтать чрезъ пожертвованія самихъ членовъ, съ приглашеніемъ къ тому и стороннихъ лицъ, подъ разными благовидными предлогами. Но, въ случаяхъ надобности, допускалось воровство, убійство богатыхъ людей и похищеніе денегъ на почтахъ, въ казначействахъ и т. д. *). Общество подраздѣлялось на разные отдѣлы, съ различными наименованіями, какъ-то: „Взаимнаго вспомоществованія", „Переводчиковъ и переводчицъ", „Поощренія частнаго труда". Всѣ эти отдѣлы предполагалось облечь законною формою. Устройствомъ безплатныхъ школъ, швейнъ и библіотекъ предполагалось объединять свои мысли, сближаться съ различными кружками университета и другихъ учебныхъ заведеній и вообще привлекать разныхъ лицъ въ общество.

Общество, продолжаетъ *Сѣверная Почта*, стремилось входить въ ближайшія сношенія съ соціалистическими кружками и дѣятелями въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ имперіи, которые поддерживались съ одной стороны направленіемъ преподаванія въ значительной части учебныхъ заведеній, а съ другой—большею частію журналистики, которая явно распространяла идеи соціализма и такъ называемаго нигилизма, съ возбужденіемъ общественнаго мнѣнія противъ правительственной власти и государственнаго управленія. Это разрушительное направленіе мыслей и ученія между молодымъ поколѣніемъ поддерживалось также заграничною революціонною прессой, находившею средства распространяться даже среди учебныхъ заведеній.

Статья *Сѣверной Почты* указываетъ, что многіе изъ молодыхъ людей, отправлявшихся за границу съ ученою цѣлью, входили тамъ въ сношенія съ агентами революціонныхъ обществъ и болѣе другихъ заражались соціалистическимъ направленіемъ, которое этимъ путемъ распространялось безвозбранно среди молодаго нашего поколѣнія. По словамъ одного изъ такихъ дѣятелей,

Консерватизмъ въ словахъ и прогрессъ на дѣлѣ должны быть лозунгомъ друзей русской грамотности, ихъ тайною заповѣдью, скрытою отъ глазъ непосвященныхъ. Не стараться явно противодѣйствовать устрой-

*) Былъ даже случай, что сынъ былъ подговоренъ къ отравленію отца ядомъ для полученія наслѣдства и обращенія его въ пользу революціоннаго общества. Прим. *Сѣв. Почты*.

ству контроля со стороны правительства надъ дѣйствіями общества, а стараться воспользоваться имъ для своей цѣли, замѣстивъ должности надзорщиковъ людьми изъ своей партіи.

Лица, составлявшія „Организацію“, имѣли два направленія: одни стремились, посредствомъ соціалистической пропаганды и сближенія съ народомъ, постепенно достигать переворота въ государствѣ съ ниспроверженіемъ законнаго правительства; другіе желали скорѣе достичь цѣли и произвести революцію, для чего признали нужнымъ, рано или поздно, прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ, къ цареубійству. Въ числѣ послѣднихъ былъ Каракозовъ, предполагавшій безотлагательно исполнить это страшное преступленіе.

Мысль о цареубійствѣ и вообще о приступѣ къ крайнимъ мѣрамъ возродилась по возвращеніи изъ Петербурга въ Москву одного изъ главныхъ руководителей московскихъ соціалистическихъ кружковъ, двоюроднаго брата Каракозова *),

Который имѣлъ въ Петербургѣ ближайшія сношенія съ однимъ извѣстнымъ по своимъ соціалистическимъ мнѣніямъ и революціоннымъ направленіемъ лицемъ, ѣздившимъ лѣтомъ 1865 года за границу и только что возвратившимся изъ Швейцаріи **). Упомянутый родственникъ Каракозова тогда же сообщилъ своимъ товарищамъ о существованіи за границей европейскаго революціоннаго комитета съ цѣлью цареубійствъ и о готовности этого комитета оружіемъ и разными иными способами помогать революціи въ Россіи, и высказалъ мысль о необходимости учрежденія съ тою же цѣлью особаго тайнаго кружка. Члены этого кружка, называвшагося „Адомъ“, принимали на себя гнусную обязанность убійства вообще, угрожая имъ и всѣмъ другимъ членамъ „Организаціи“, которые бы не выполнили возложенныхъ на нихъ обязанностей. Относительно же цареубійства было положено, что одинъ изъ членовъ назначается для исполненія этого страшнаго преступленія, имѣя при себѣ ядъ и прокламацію, которая бы объяснила народу причины убійства и цѣль предполагаемаго въ государствѣ переворота. Злодѣй обязанъ былъ, отдѣлившись отъ общества, совершенно уединиться, предаться разврату и всевозможнымъ порокамъ, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ какихъ либо политическихъ замыслахъ, и въ сихъ видахъ дѣлать даже на другихъ доносы; когда же онъ успѣетъ совершить задуманное злодѣяніе, то онъ долженъ былъ немедленно отравиться ядомъ, которымъ былъ для сего снабженъ. При этомъ предполагалось, что находившаяся при немъ прокламація сдѣлается извѣстною народу. Цѣль цареубійства заключалась въ томъ, чтобы, исполнивъ это, произвести общее волненіе и революцію въ государствѣ.

*) Ишутинъ. *Авт.*

**) Статья разумѣетъ, повидимому, Худякова. *Авт.*

Предположенія объ устройствѣ „Ада“ обсуждались въ средѣ нѣсколькихъ членовъ „Организаціи“ *); нѣкоторые изъ нихъ находили мысль о цареубійствѣ рановременною и несбыточною.

Каракозовъ же, будучи, по отзывамъ товарищей, всегда молчаливымъ и сосредоточеннымъ, сочувствовалъ злодѣйскому замыслу и, желая его исполнить, на первой недѣлѣ прошлаго Великаго поста отправился въ Петербургъ, гдѣ и былъ въ сношеніяхъ съ вышеупомянутымъ революціоннымъ агентомъ московскихъ кружковъ Послѣдній особенно былъ извѣстенъ изданіемъ книгъ для народнаго чтенія, въ коихъ проводились самыя зловредныя мысли съ цѣлію развратить молодое поколѣніе, и состоялъ въ сношеніяхъ съ соціалистическимъ кружкомъ крайняго нигилиста Ножина (умершаго въ апрѣлѣ 1866 г.), который находился въ связи и перепискѣ съ заграничными агитаторами. Тотъ же вышеупомянутый агентъ возымѣлъ мысль освободить отъ каторжной работы государственнаго преступника Чернышевскаго для того, чтобы онъ издавалъ въ Женевѣ журналъ, въ видахъ содѣйствія предполагаемому въ Россіи государственному перевороту.

Мысль эта была передана въ Петербургѣ двоюродному брату Каракозова, пріѣзжавшему туда изъ Москвы, одновременно съ другими лицами, для осуществленія особаго своего предположенія объ устройствѣ на началахъ коммунизма рабочихъ мальцовскихъ заводовъ, которые имъ были возбуждаемы къ неповиновенію владѣльцу. Для приведенія же въ исполненіе мысли объ освобожденіи Чернышевскаго, московскимъ кружкомъ назначенъ былъ къ поѣздкѣ въ Сибирь одинъ изъ его членовъ.

Онъ былъ снабженъ въ Петербургѣ упомянутымъ агентомъ фальшивыми паспортами, наркотическими веществами для усыпленія стражи и ядомъ для отравленія себя, въ случаѣ неудачи, а также рекомендательными письмами къ разнымъ лицамъ въ Западной и Восточной Сибири, изъ числа ссыльныхъ поляковъ, съ которыми онъ, какъ видно, былъ въ сношеніяхъ съ политическою цѣлью. Сверхъ того, тотъ же агентъ, чрезъ посылку въ Москву въ іюлѣ 1865 г. своего единомышленника, поручилъ московскому кружку стараться освободить пересылавшагося чрезъ Москву въ Сибирь государственнаго преступника Серно-Соловьевича **). Тотъ же

*) Для „Организаціи“, а также и для другихъ обществъ членами московскаго кружка были написаны уставы, переданные, передъ арестованіемъ главныхъ участниковъ, другимъ членамъ, и ими уничтожены. Прим. *Съв. Почты.*

**) Мы ничего не знаемъ о преступленіи Серно-Соловьевича, но лица, близко знавшія осужденнаго, увѣряли насъ, будто бы онъ былъ оклеветанъ въ государственномъ преступленіи, и именно извѣстнымъ государственнымъ преступникомъ полякомъ Огрызко. *Авт.*

кружокъ содѣйствовалъ въ 1863 году побѣгу изъ Москвы пересылавшагося въ каторжную работу политическаго изъ поляковъ преступника Домбровскаго.

Прибывъ на 1-й недѣлѣ Великаго поста въ Петербургъ, Каракозовъ проживалъ тамъ въ разныхъ гостинницахъ, частныхъ квартирахъ и у одного медика, который въ теченіе 4 дней давалъ ему пріютъ и столъ, „зная, что онъ безъ паспорта“, и разговаривалъ съ нимъ о распространеніи соціализма въ народѣ. Каракозовъ показывалъ, что отъ того же медика онъ узналъ о существованіи въ Петербургѣ разныхъ соціалистскихъ кружковъ съ политическою цѣлью. Медикъ этотъ и въ послѣднее пребываніе Каракозова въ Петербургѣ на Святой недѣлѣ, предъ совершеніемъ имъ покушенія, видался съ нимъ неоднократно и даже допустилъ его провесть у себя ночь въ клиникѣ на дежурствѣ.

Каракозовъ, живя въ Петербургѣ, распространялъ между мастеровыми на заводахъ и другими лицами написанную имъ прокламацію „Друзьямъ-рабочимъ“, „велъ развратную жизнь, ходилъ по трактирамъ и портернымъ“.

Между тѣмъ нѣкоторые члены „Ада“, зная о замыслѣ Каракозова, опасались, чтобы неосторожными его въ Петербургѣ дѣйствіями они не были обнаружены; поэтому двое изъ нихъ на 4 недѣлѣ поста отправились въ Петербургъ, дабы отыскать Каракозова и увезти его въ Москву. Это считалось нѣкоторыми тѣмъ болѣе необходимымъ, что одни либо отвергали цареубійство, либо находили это рановременнымъ, „пока народъ еще не приготовленъ къ принятію революціонныхъ идей“. Для скорѣйшаго же распространенія этихъ идей, многіе изъ нихъ предполагали весною 1866 г. отправиться для пропаганды въ губерніи Нижегородскую, Калужскую, Пензенскую, Саратовскую, Самарскую, Казанскую, Пермскую, Вятскую, Харьковскую и другія. Посланные отыскали Каракозова на набережной около Зимняго дворца. Онъ былъ въ крестьянской одеждѣ. Они пригласили его въ гостинницу, гдѣ уговаривали оставить свой замыселъ и возвратиться въ Москву. Каракозовъ переночевалъ съ этими двумя товарищами, разсказалъ имъ въ общихъ чертахъ о своихъ сношеніяхъ въ Петербургѣ и далъ слово вернуться въ Москву. Товарищи его возвратились въ Москву, а онъ остался въ

Петербургѣ до конца Великаго поста, когда получилъ отъ двоюроднаго своего брата (главнаго распорядителя московскихъ кружковъ), подъ прямымъ вліяніемъ котораго онъ постоянно находился, письмо съ приглашеніемъ прибыть въ Москву. Каракозовъ отправился въ Москву въ пятницу на Страстной недѣлѣ, но въ среду на Святой онъ внезапно снова уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ остановился въ Знаменской гостинницѣ, посѣщалъ вышеупомянутаго медика, а также издателя книгъ для народнаго чтенія; отъ послѣдняго получилъ деньги на разныя надобности и, какъ увѣряетъ, сообщилъ ему о рѣшительномъ своемъ намѣреніи совершить преступленіе. Въ Петербургѣ онъ купилъ у одного оружейника пули, а порохъ пріобрѣлъ въ субботу на Святой недѣлѣ изъ лабораторіи, пистолетъ же привезенъ былъ имъ изъ Москвы.

Многіе изъ участниковъ московскаго общества „Организаціи“ и такъ называемаго „Ада“ сдѣлали, по увѣренію *Сѣверной Почты*, подробныя указанія, какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Ими также указаны въ Москвѣ нѣкоторыя лица польскаго происхожденія, бывшія съ ними въ сношеніяхъ и снабжавшія ихъ ядомъ. Независимо отъ сего, обнаружены и арестованы еще и другіе польскіе дѣятели въ обѣихъ столицахъ, состоявшіе въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми мѣстными злоумышленниками. Дѣятельность сихъ лицъ, по сознанію нѣкоторыхъ изъ нихъ, заключалась въ содѣйствіи къ побѣгу и укрывательству политическихъ преступниковъ Оржеховскаго, Домбровскаго, Верницкаго, Юндзилла и другихъ; въ сборѣ пересылаемыхъ арестантамъ изъ поляковъ денегъ; ввозѣ изъ-за границы и размѣнѣ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ для снабженія деньгами польскихъ эмигрантовъ. Кромѣ сего, нѣкоторые показываютъ, что въ Москвѣ была учреждена въ сихъ видахъ польская агентура, подъ названіемъ „Narodowa opieka“.

Коммиссія, при осмотрѣ бумагъ лицъ, „завѣдомо неблагонадежныхъ“, обнаружила другихъ вредныхъ дѣятелей, въ числѣ коихъ находились „нѣкоторые учредители разныхъ не разрѣшенныхъ правительствомъ обществъ, безплатныхъ школъ, читаленъ, артелей и т. п. ассоціацій“.

Статья *Сѣверной Почты* оканчивается увѣреніемъ, что значительная часть изъ участниковъ въ преступныхъ замыслахъ, „сознаваясь чистосердечно въ оныхъ и нѣкоторые раскаиваясь въ своихъ заблужденіяхъ“, высказали „откровенно“, что они были вовлечены въ соціалистическія и противоправительственныя стремленія, „кромѣ допущеннаго ослабленія вообще наблюдательной власти, тѣми органами нашей лите-

ратуры, которые систематически распространяли всевозможныя разрушительныя начала".

При незатруднительности пріобрѣтенія запрещенныхъ иностранныхъ и русскихъ книгъ, при губительномъ вліяніи вообще революціонной литературы на неопытные и воспріимчивые умы молодежи и подъ вліяніемъ воображенія, бредившаго о возможности достигнуть общаго равенства, какъ относительно безграничной личной свободы, такъ и правъ собственности, постепенно извращались всѣ понятія, утрачивалось сознаніе всѣхъ гражданскихъ, нравственныхъ и религіозныхъ обязанностей и наконецъ задумывался рядъ преступленій, которыя въ своемъ развитіи привели къ злодѣйскому покушенію 4-го апрѣля.

II.

Мы привели все, что́ признано было нужнымъ объявить русскому обществу по поводу преступленія 4 апрѣля. Дополненіемъ и разъясненіемъ къ этому глухому и безличному сообщенію явилась руководящая статья въ № 163 *Московскихъ Вѣдомостей*, отъ 4 августа, т. е. ровно чрезъ четыре мѣсяца послѣ 4 апрѣля.

Послѣ похвалъ поставленному во главѣ слѣдственной коммиссіи гр. Муравьеву, обѣщавшему „лечь костьми", но раскрыть таинственные корни зла *), газета замѣчаетъ:

Первоначальный корень этому злу не въ лжеученіяхъ, а въ дурномъ ученіи, которое не укрѣпляетъ, а разслабляетъ умственныя силы молодежи... Жалкимъ состояніемъ нашихъ школъ злоумышленные люди начали пользоваться преимущественно лѣтъ за шесть предъ симъ. Около этого времени начали они распространять въ молодежи всевозможныя разлагающія ученія. Грубый натурализмъ, матеріализмъ, всѣ обрывки системъ коммунизма и соціализма, какія когда либо возникали въ Европѣ, приспособлялись къ разумѣнію нашего несчастнаго молодаго поколѣнія, которое видѣло во всемъ этомъ глубокую мудрость, истинный прогрессъ человѣческихъ обществъ, и бросало заниматься даже тою скудною наукою, какую предлагали ей наши школы. Для нея обдѣлывались, переводились и литографировались выборки изъ Фейербаховъ, Бюхнеровъ, Максовъ Штирнеровъ; въ ней распространялись исполненные сумасшедшаго сумбура листки *Колокола* и другихъ издѣлій лондонской „вольной печатни"; для нея происходили въ нашей журналистикѣ неслыханныя сатурналіи безстыдства и наругательства надъ здравымъ смысломъ, которыя не были бы возможны ни въ какомъ цивилизованномъ обществѣ, но-

*) Гр. Муравьевъ умеръ тотчасъ же по окончаніи слѣдствія. Увѣряютъ, будтобы онъ настоятельно требовалъ дозволенія произвести обыскъ у нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, чего однако не добился. *Авт.*

которыя пользовались у насъ авторитетомъ административнаго одобренія, какъ бы узаконявшаго ихъ, и разнаго рода поощреніями и пособіями отъ государственнаго казначейства и т. д.

Но болѣе интересны фактическія дополненія къ статьѣ *Сѣверной Почты:*

Каракозовъ есть созданіе тѣхъ зловредныхъ дѣйствій, которыя были направлены на нашу молодежь лѣтъ за шесть предъ симъ. Эта адская работа, погубившая столько молодыхъ силъ, совершалась преимущественно въ 1860, 1861 и 1862 годахъ. Годы эти были эпохою процвѣтанія нигилизма, и въ эту то эпоху развился преступникъ 4 апрѣля. Онъ поступилъ въ Казанскій университетъ въ 1861 году. Русская публика еще живо помнитъ студентскія исторіи, которыя происходили въ это время, какъ бы по данному сигналу, во всѣхъ университетахъ, и особенно въ Петербургѣ, откуда шли первыя возбужденія. Каракозовъ, тотчасъ же по вступленіи своемъ въ университетъ, былъ исключенъ изъ него за буйную демонстрацію, въ которой онъ участвовалъ; черезъ годъ онъ былъ принятъ въ тотъ же университетъ, а въ 1864 году онъ уже находился въ Москвѣ. Въ это время лучшій духъ начиналъ водворяться въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Польскіе студенты, бывшіе главными орудіями революціонной пропаганды и дѣйствовавшіе организованными шайками, по даннымъ инструкціямъ, разбѣжались по лѣсамъ; атмосфера нѣсколько очистилась; въ обществѣ высоко поднялось дотолѣ подавленное національное чувство, которое мало по малу сообщилось и молодежи... Главными сообщниками Каракозова были студенты, исключенные въ ту пору, когда и самъ онъ подвергся исключенію за демонстраціи того же самаго свойства. То, что называется въ статьѣ *Сѣверной Почты* „кружками“, образовалось между студентами съ 1860 года, по образцу нѣмецкихъ Landsmannschaften. Нѣкоторая часть студентовъ группировалась по тѣмъ мѣстностямъ, откуда они были родомъ, и каждый кружокъ имѣлъ свою кассу. Особенно дурной духъ между московскими студентами господствовалъ, какъ сказываютъ, въ такъ называемомъ пензенскомъ кружкѣ, къ которому принадлежали уроженцы волжскихъ губерній и къ которому присталъ и Каракозовъ... Романъ Чернышевскаго былъ для этихъ порченыхъ евангеліемъ... Трудно думать, чтобы кружокъ, состоящій изъ гимназистовъ и выгнанныхъ изъ университета студентовъ, могъ составить серьезное тайное общество... Еще труднѣе понять, какимъ образомъ тайное общество, къ которому присталъ Каракозовъ по прибытіи своемъ въ Москву въ 1864 году, могло состоять отчасти изъ студентовъ Петровской академіи. Эта академія, какъ всѣмъ извѣстно, открыта лишь въ началѣ нынѣшняго года *). Если Каракозовъ принадлежалъ къ тайному обществу, членами котораго были студенты этой академіи, то это тайное общество могло образоваться только въ началѣ сего года... До

*) Противорѣчіе разрѣшается, повидимому, тѣмъ, что значительную часть слушателей академіи, помнится, составляли студенты только что закрытаго тогда Горыгорецкаго института. *Авт.*

этого времени кружокъ, къ которому онъ принадлежалъ, хотя былъ самаго отвратительнаго свойства, но едва ли можетъ быть названъ тайнымъ организованнымъ обществомъ. Испорченные умственно и нравственно школьники, бредившіе соціализмомъ, швейнями по образцу, описанному въ романѣ Чернышевскаго, и генеалогіею человѣка отъ обезьяны, вотъ этотъ кружокъ. Совѣщанія, на которыя они сходились, назывались у нихъ *выпивками*. Штофъ дешевки одушевлялъ ихъ бесѣды, которыя кончались тѣмъ, чѣмъ обыкновенно кончаются подобныя бесѣды. Особенно дѣятельнымъ членомъ кружка, къ которому принадлежалъ Каракозовъ, былъ его двоюродный братъ, человѣкъ безъ образованія, служившій предметомъ насмѣшекъ даже для тѣхъ, кто на *выпивкахъ* охотно подчинялся его авторитету. Этотъ человѣкъ, носившій между товарищами прозвище *Юліи Пастраны*, получалъ импульсы и наказы отъ другихъ болѣе отдаленныхъ и болѣе серьезныхъ дѣятелей.

Изъ этихъ „болѣе серьезныхъ дѣятелей", привлеченныхъ къ слѣдствію, *Московскія Вѣдомости* указываютъ на одного, имѣвшаго, по ихъ мнѣнію, несравненно болѣе значенія, чѣмъ всѣ московскіе товарищи Каракозова, взятые вмѣстѣ *).

Человѣкъ этотъ проживалъ въ Петербургѣ и находился въ дѣятельныхъ сношеніяхъ не съ одними нигилистами, но и съ нѣкоторыми политическими злоумышленными партіями. Этотъ политическій руководитель нигилистовъ „былъ извѣстенъ по изданію книгъ для народнаго чтенія"... Онъ то назадъ тому года два возымѣлъ мысль освободить государственнаго преступника Чернышевскаго и снабдилъ вызвавшагося для этой цѣли въ Сибирь агента „фальшивыми паспортами". Онъ же въ іюлѣ 1865 г. поручалъ московскому кружку стараться объ освобожденіи другаго государственнаго преступника Серно-Соловьевича.

Злодѣйскій замыселъ, который нашелъ себѣ орудіе въ нигилистѣ, такъ заканчиваютъ *Моск. Вѣд.* свои толкованія, произошелъ очевидно изъ побужденій и интересовъ, выходящихъ далеко изъ области нигилизма.

Затѣмъ, черезъ нѣсколько дней (авг. 11), *Московскія Вѣдомости* добавляютъ:

Въ высшихъ петербургскихъ административныхъ сферахъ, въ началѣ нынѣшняго года, именно около той поры, когда московскіе нигилисты были возбуждаемы къ устройству революціонной организаціи и къ покушенію на цареубійство, говорилось, какъ о фактѣ положительномъ, о существованіи какого-то тайнаго общества, составившагося съ цѣлію совершить какое-то политическое злодѣяніе. За нѣсколько недѣль до покушенія, во французскихъ журналахъ появились статьи, явно писанныя

*) *Московскія Вѣдомости* разумѣютъ Худякова, вышедшаго съ 3 курса историко-филологическаго факультета Московскаго университета приблизительно въ 1862 году. Худякова встрѣчали мы въ 1861—1862 гг. въ университетѣ, какъ ревностнаго собирателя народныхъ сказокъ и пѣсенъ, около того же времени имъ изданныхъ. *Авт.*

въ ожиданіи этого событія и имѣвшія цѣлію заранѣе истолковать его въ самомъ превратномъ и злонамѣренномъ смыслѣ. Недѣли за двѣ или за три до событія, одна дама, польскаго происхожденія, въ Петербургѣ говорила о немъ, какъ о дѣлѣ извѣстномъ и ожидаемомъ. Когда на это обстоятельство было впослѣдствіи обращено вниманіе, дама эта вдругъ сошла съ ума. За два дня до событія, въ *Силезскую Газету* была отправлена изъ Петербурга корреспонденція, гдѣ per anticipationem разсказывается о многочисленныхъ арестахъ, будто бы сдѣланныхъ въ Петербургѣ, объ обыскѣ, будто бы произведенномъ въ домахъ какихъ-то вождей патріотической партіи, и о задержаніи какого-то важнаго политическаго преступника, находившагося въ связи съ этою партіею.

Всѣ эти факты, по мнѣнію *Московскихъ Вѣдомостей*, указываютъ на то направленіе, въ какомъ надобно объяснять политическую сторону преступленія 4 апрѣля.

Поясняя эту политическую сторону, та же газета въ № 180, отъ 26 авг., указавъ на связь главнаго дѣятеля тайнаго общества съ польскими революціонерами, замѣчаетъ:

Между польскими патріотами въ 1864 г., послѣ того, какъ мятежъ былъ подавленъ, возникла мысль о возбужденіи соціальной революціи и о цареубійствѣ.

Газета приводитъ выписку изъ отчета генералъ-полицеймейстера въ Царствѣ Польскомъ за 1865 годъ:

Князь Адамъ Сапѣга въ маѣ мѣсяцѣ 1864 г. созвалъ большой совѣтъ революціонеровъ въ Дрезденѣ. Въ совѣтѣ этомъ участвовали Гауке (Босакъ), Гуттри, ксендзъ Котковскій, Вацлавъ Пржибыльскій, Карлъ Рупрехтъ, Гейденрейхъ, графъ Дзялынскій и еще многіе. Сапѣга, какъ предсѣдатель собранія, объявилъ, что для возбужденія вновь мятежа въ Царствѣ Польскомъ необходимо прибѣгнуть къ *соціальной революціи*.:. На этомъ же съѣздѣ *у революціонеровъ родилась мысль о заговорѣ на жизнь коронованныхъ особъ*. Мысль эта впослѣдствіи съ увлеченіемъ подхвачена была эмиграціей, и бывшій революціонный начальникъ города Варшавы Титъ Зинковичъ, вмѣстѣ съ бѣглымъ студентомъ Кіевскаго университета Антономъ Юрьевичемъ, задумали злодѣйское покушеніе на жизнь трехъ монарховъ, пребывавшихъ тогда на водахъ въ Киссингенѣ.

Почвою, на которой созрѣло тайное общество 1866 г., были студенческіе безпорядки. Главными же дѣятелями во всѣхъ студенческихъ безпорядкахъ 1861 г. въ Петербургѣ и въ Москвѣ были поляки.

Московскія Вѣдомости (№ 181, отъ 28 авг.) усматриваютъ это между прочимъ изъ письма капитана Жвирждовскаго, который въ то время былъ въ Вильнѣ адъютантомъ генералъ-губернатора. Жвирждовскій начальствовалъ потомъ шайкою мятежниковъ, подъ именемъ Топора, былъ пойманъ и повѣ-

шенъ. Письмо Жвирждовскаго адресовано изъ Вильны отъ 25 ноября 1861 г. къ Александру Гуттри, главному распорядителю революціонныхъ движеній въ Познани. Въ письмѣ рекомендуется разспросить у подателя о безпорядкахъ въ университетахъ, ихъ причинахъ и предшествовавшихъ событіяхъ въ Петербургѣ и Москвѣ.

> Если, замѣчаетъ газета, все это 25 ноября могло быть въ точности извѣстно Жвирждовскому въ Вильнѣ и имѣло въ его глазахъ такое важное значеніе, что онъ прежде всего на этотъ предметъ обращаетъ вниманіе такого вліятельнаго польскаго революціонера, какъ Гуттри; то очевидно, что все это студенческое движеніе 1861 года было организовано поляками и по заранѣе обдуманному плану. Впрочемъ русская молодежь входила тогда въ составъ польскихъ революціонныхъ кружковъ, а самостоятельной организаціи, повидимому, еще не получала. Лишь въ концѣ 1862 года варшавскій жондъ поручилъ офицеру гвардейской конной артиллеріи Подлевскому (впослѣдствіи разстрѣлянному) заняться организаціей русскихъ революціонеровъ, дѣйствуя на основаніи полномочія и рекомендацій Герцена и Бакунина... Впослѣдствіи Огрызко отъ имени русскаго центральнаго революціоннаго комитета, подъ названіемъ „Земля и Воля“; передалъ въ Варшаву обѣщаніе „вліять на общественное мнѣніе въ Россіи въ пользу польскаго дѣла“. Впрочемъ извѣстны попытки этого общества съ золотыми грамотами.

Приведемъ кстати текстъ такой подложной царской грамоты 1863 г. Полонизмы и безграмотность отмѣчаемъ курсивомъ:

> Секретная царская воля. Объявляю всенародно (,) что воля *есть* Царя истребить всѣхъ католиковъ, *зачиная* отъ господъ, потомъ дворянъ (,) всю шляхту (,) а кончить на крестьянахъ; за то вся ихъ земля и все имущество будетъ принадлежать *къ* тѣмъ (,) которыя *заострутъ* ножи, косы и топоры. *Осмѣляйте* людей на *резъ*, всѣ за дѣло возьмитесь, *будите* богаты; Царь въ благодарность сдѣлаетъ васъ *членами* и россійскими дворянами; въ семъ дѣлѣ будутъ подтверждать отцы духовныя, въ томъ воля Божія! *Взываетъ васъ* общая русская любовь, наша славная вѣра и *вся благочесть* истребить католиковъ до единаго. А мы съ помощію церкви благословляемъ васъ и повелѣваемъ укрѣплять духъ водкою, для истребленія слугъ дьявольскихъ, очистить свѣтъ отъ противниковъ Божіихъ. Богъ Церковъ и Царъ повелѣваетъ.

Вотъ и все, что̀ высказано было сколько нибудь дѣльнаго по поводу преступленія 4 апрѣля. Остановились мы исключительно на толкованіи *Московскихъ Вѣдомостей* потому, что, при всей ихъ односторонности во взглядѣ на 4-е апрѣля, онѣ вѣрнѣе прочихъ указали главные источники, а именно: польское вліяніе, подстрекательство эмиграціею и доморощен-

ное соціалистическое броженіе въ литературѣ и школѣ. Но польскій мятежъ былъ раздавленъ; *Современникъ* и *Русское Слово*, главнѣйшіе и талантливѣйшіе соціалистическіе органы, были уничтожены; народное просвѣщеніе перешло въ завѣдываніе гр. Толстаго; умеръ наконецъ Герценъ, а крамольное движеніе, такъ преступно обнаружившееся 4 апрѣля 1866 г., не только не прекратилось, но росло и росло и рядомъ злодѣйствъ дошло даже до 1 марта 1881 года. По инерціи ли только шло оно?.. Впрочемъ, не станемъ опережать событій.

Въ началѣ сентября 1866 г. обнародованъ былъ приговоръ надъ Каракозовымъ Верховнаго уголовнаго суда отъ 31 августа. Изъ краткаго документа этого узнаемъ, что Каракозову было 25 лѣтъ, что онъ сознался въ покушеніи 4 апрѣля и въ принадлежности къ тайному революціонному обществу. Въ первомъ изъ этихъ преступленій Каракозовъ сознался, „объяснивъ предъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ, что преступленіе его такъ велико, что не можетъ быть оправдано даже тѣмъ болѣзненнымъ нервнымъ состояніемъ, въ которомъ онъ находился въ то время". Указавъ, что обстоятельство это по закону не можетъ быть принято во вниманіе, приговоръ продолжаетъ:

> Независимо отъ того, объясненіе это оказывается невѣрнымъ, ибо въ описаніи болѣзни Каракозова, составленномъ въ клиникѣ Московскаго университета, засвидѣтельствовано, что во время болѣзни умственныя способности его были нормальны; притомъ въ подсудимомъ ни до совершенія, ни во время совершенія преступленія, ни во время допросовъ, ни въ продолженіе содержанія его подъ стражею, не обнаружено никакихъ припадковъ болѣзни, которые приводили бы его въ умоизступленіе или безпамятство; напротивъ, всѣ отвѣты его доказывали, что онъ въ твердой памяти и въ полномъ обладаніи умственныхъ способностей. Продолжительность и послѣдовательность предумышленнаго преступнаго намѣренія, обнаруженнаго по собственному сознанію преступника въ покупкѣ пистолета и снарядовъ къ оному, въ снабженіи себя ядомъ и распространеніи прокламацій за три недѣли до происшествія, исключаютъ всякую возможность приписывать дѣйствія сіи ненормальному состоянію умственныхъ способностей.

Переходя къ вопросу о принадлежности Каракозова къ тайному обществу, приговоръ замѣчаетъ:

> Слѣдствіемъ положительно раскрыто, что онъ (Каракозовъ) бывалъ на нѣкоторыхъ сходкахъ онаго (общества), гдѣ обыкновенно молчалъ, а если говорилъ, то выражалъ отрывочными фразами крайнія мнѣнія, вслѣд-

ствіе чего, когда двое изъ членовъ упомянутаго общества узнали о первой его поѣздкѣ въ Петербургъ, тотчасъ же заподозрили его въ намѣреніи совершить цареубійство и потому немедленно отправились за нимъ въ означенную столицу, уговорили его возвратиться въ Москву и взяли съ него слово, что онъ не совершитъ преступленія. Не смотря однако жъ на данное имъ обѣщаніе, онъ тайно отъ всѣхъ своихъ товарищей скрылся во второй разъ изъ Москвы въ половинѣ Святой недѣли и 4 апрѣля совершилъ свое злодѣйское покушеніе.

Покушеніе это, по словамъ приговора, такое тяжкое преступленіе, что „значеніе его дальнѣйшимъ судебнымъ слѣдствіемъ о тайныхъ обществахъ, производящимся въ Верховномъ уголовномъ судѣ, не можетъ быть ни уменьшено, ни увеличено“. Сверхъ того, покушеніе вполнѣ уже разслѣдовано. Поэтому не представляется никакой законной причины отлагать произнесеніе приговора.

Каракозовъ приговоренъ былъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ смертной казни чрезъ повѣшеніе.

Приведемъ изъ *Русскаго Инвалида* описаніе казни:

Обширная Смоленская площадь была густо наполнена народомъ. Вотъ въ немъ сдѣлалось волненіе; проскакали всадники, и толпа хлынула. Но то были экипажи, въ которыхъ пріѣхали лица, назначенныя присутствовать при церемоніи. Вскорѣ однако же толпа снова заколыхалась; отъ Средняго проспекта вышелъ сильный конвой, и среди штыковъ и обнаженныхъ сабель, на высокой колесницѣ, появилась черная фигура, спиною къ площади. Тихій гулъ, постоянно висѣвшій надъ громадною толпою, умолкъ мгновенно; всѣ взоры обратились на высокую колесницу, съ каждымъ шагомъ которой впередъ фигура обрисовывалась яснѣе, и наконецъ показалось блѣдное, печальное лицо преступника. Конвой препятствовалъ видѣть ясно черты преступника. Черезъ нѣсколько минутъ онъ стоялъ уже на эшафотѣ, приставленный къ позорному столбу между двухъ палачей, появившихся на подмосткахъ. Вслѣдъ за этимъ къ нему взошелъ чиновникъ и началъ читать сентенцію. Во время чтенія преступникъ нѣсколько разъ опускалъ голову; но когда, по окончаніи сентенціи, явился священникъ, то осужденный сталъ на колѣни, и съ минуту его не было видно. Тишина была невозмутимая, но ужасная. По окончаніи напутствія священника, надѣли на преступника саванъ, и черезъ нѣсколько минутъ его не стало.

Въ дополненіе къ этому описанію оффиціальнаго изданія, воспользуемся разсказомъ *Голоса*:

Сходя съ колесницы, онъ (Каракозовъ) перекрестился нѣсколько разъ. Когда же онъ возведенъ былъ на эшафотъ и поставленъ къ позорному столбу съ открытою головою для выслушанія приговора, то въ лицѣ его замѣтенъ былъ упадокъ нравственныхъ силъ; во все время, пока читался приговоръ, онъ видимо не могъ держать прямо головы, которая

постоянно оставалась сильно наклоненною на сторону. По прочтеніи приговора, на эшафотъ взошелъ священникъ, облаченный въ черную ризу, съ крестомъ въ рукѣ. Преступникъ сталъ на колѣни и, наклонивъ голову, оставался въ этомъ положеніи все время, пока священникъ произносилъ надъ нимъ молитву и напутственное слово; затѣмъ онъ всталъ, набожно перекрестился, приложился ко кресту и, получивъ благословеніе священника, поцѣловалъ его руку. Когда священникъ сошелъ съ эшафота, началось исполненіе приговора. Съ преступника снятъ былъ бывшій на немъ армякъ. Въ эту минуту въ немъ какъ бы пробудилась бодрость: онъ поднялъ голову, поправилъ волосы, но лице его было блѣдно, и губы судорожно подергивались. По снятіи армяка, преступнику завязали глаза бѣлымъ платкомъ и надѣли на него бѣлый съ колпакомъ и длинными рукавами саванъ; потомъ завязали ему назадъ руки, свели подъ руки съ эшафота и возвели на небольшую скамью подъ висѣлицу. Еще нѣсколько секундъ — петля на него была накинута, и скамейка изъ-подъ ногъ выбита, и земное правосудіе было удовлетворено. По прошествіи получаса, тѣло казненнаго было снято, положено въ черный гробъ и отвезено для преданія землѣ на о. Голодай.

Въ концѣ сентября 1866 г. послѣдовало объявленіе судебнаго приговора прочимъ членамъ тайнаго общества. Привлеченныхъ къ дѣлу оказалось 34 человѣка. Заслуживаетъ вниманія общественное положеніе этихъ членовъ перваго преступнаго сообщничества. Это были: домашній учитель Иванъ Худяковъ, сынъ потомственнаго почетнаго гражданина Николай Ишутинъ; дворяне: Петръ Ермоловъ, Николай Странденъ, Дмитрій Юрасовъ и Максимиліанъ Загибаловъ; вольноотпущенный дворовый человѣкъ Осипъ Мотковъ, губ. секр. Вячеславъ Шагановъ, кандидатъ Московскаго университета Петръ Николаевъ, чиновникъ 10 кл. Орестъ Малининъ, студентъ Московскаго университета дворянинъ Дмитрій Ивановъ, слушатель Петровской академіи священнослужительскій сынъ Ѳедоръ Липкинъ, дворяне Александръ Ивановъ и Константинъ Кичинъ; слушатели Петровской академіи: церковнослужительскій сынъ Дмитрій Воскресенскій, изъ государственныхъ крестьянъ Ѳеофанъ Борисовъ, церковнослужительскій сынъ Василій Соболевъ, священнослужительскій сынъ Алексѣй Сергіевскій, кн. Варлаамъ Черкезовъ; дѣйствительный студентъ Александръ Маликовъ, дворянинъ Николай Кутыевъ, учитель 4 московской гимназіи колл. асс. Максимиліанъ Марксъ, учитель 3 московской реальной гимназіи колл. сов. Болеславъ Трусовъ, провизоръ Адольфъ Ланггаузъ, слушатель Петровской академіи дворянинъ Аполлонъ Полумордви-

новъ, сынъ чиновника Болеславъ Шестаковичъ, бывшій учитель бронницкаго уѣзднаго училища сынъ титул. сов. Николай Петерсонъ, дворянинъ Павелъ Маевскій, дворянинъ Викторъ Ѳедосеевъ, мировой посредникъ дворянинъ Алексѣй Бибиковъ, секретарь козельской уѣздной земской управы Леонидъ Оболенскій, бывшій студентъ С.-Петербургскаго университета Александръ Никольскій, юхновскій мѣщанинъ Ѳедоръ Никифоровъ и слушатель Петровской академіи Александръ Вознесенскій.

Изъ 34 человѣкъ 8 оказались слушателями Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи. Такой же значительный процентъ „петровцевъ“ увидимъ и далѣе въ нѣкоторыхъ процессахъ. Но обратимся къ самому приговору, опуская статьи Улож. о нак.

Подсудимые раздѣлены были на 16 группъ.

1. Ишутинъ былъ признанъ „зачинщикомъ замысловъ о цареубійствѣ, основателемъ общества, „дѣйствія коего клонились къ экономическому перевороту съ нарушеніемъ правъ собственности и ниспроверженіемъ государственнаго устройства, и виновнымъ въ незаявленіи правительству объ извѣстномъ ему преступномъ намѣреніи Каракозова“. Онъ приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

2. Ермоловъ, Странденъ и Юрасовъ оказались „участвовавшими въ преступномъ выраженіи мыслей относительно учрежденія общества для произведенія государственнаго переворота посредствомъ цареубійства и виновными въ недонесеніи объ извѣстныхъ имъ преступныхъ замыслахъ“. Но Ермоловъ и Странденъ остановили исполненіе намѣренія Каракозова въ первую его поѣздку, а Юрасовъ „не только не изъявлялъ согласія на преступный умыселъ на цареубійство, но и возражалъ противъ онаго“. Странденъ и Юрасовъ присуждены къ вѣчной каторжной работѣ въ рудникахъ, а Ермоловъ, какъ несовершеннолѣтній,—на 20 лѣтъ.

3. Загибаловъ, Шагановъ и Мотковъ признаны „членами общества „Организаціи“, имѣвшими полное свѣдѣніе о преступныхъ цѣляхъ онаго, а равно изобличенными въ знаніи и недонесеніи о преступномъ выраженіи мыслей относительно учрежденія общества для произведенія государственнаго переворота посредствомъ цареубійства“. Загибаловъ и Шага-

новъ приговорены къ каторжнымъ работамъ въ крѣпостяхъ на 12 л., а Мотковъ, какъ несовершеннолѣтній,—на 8 лѣтъ.

4. Николаевъ, какъ членъ общества „Организаціи", имѣвшій полное свѣдѣніе о преступной онаго цѣли и сознавшійся въ доставленіи Ѳедосееву средствъ къ совершенію отцеубійства, имѣвшаго цѣлью пріобрѣтеніе значительной суммы денегъ для поддержанія означеннаго преступнаго общества",—къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

5. Худяковъ, „не изобличенный въ знаніи о намѣреніи Каракозова, въ способствованіи Каракозову, но уличенный въ знаніи о существованіи и противозаконныхъ цѣляхъ тайнаго революціоннаго общества",—къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

6. Малининъ, Дмитрій Ивановъ, Липкинъ и Александръ Ивановъ признаны членами „Организаціи", имѣвшими свѣдѣнія о противозаконныхъ цѣляхъ ея. Но такъ какъ „они постоянно противодѣйствовали тѣмъ противозаконнымъ цѣлямъ и предложеніямъ „Организаціи", когда только онѣ объявлялись на сходкахъ, которыя имѣли въ виду насильственный переворотъ и доставленіе обществу средствъ преступными мѣрами, и какъ они для противодѣйствія этому обществу старались образовать особый кружокъ, не имѣющій уже тѣхъ преступныхъ цѣлей, къ которымъ стремились главные члены „Организаціи..." и какъ сверхъ того они, а въ особенности Дмитрій и Александръ Ивановы, сдѣлали вполнѣ чистосердечныя признанія, и притомъ Липкинъ и Дмитрій Ивановъ не достигли еще и нынѣ совершеннолѣтія, имѣя только по 19 лѣтъ",—къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь.

7. Ѳедосеевъ, „изобличенный въ принятіи мѣръ къ отравленію своего отца и не успѣвшій совершить это преступленіе вслѣдствіе ареста," — къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь.

8. Марксъ, какъ его „пособникъ", къ тому же наказанію.

9. Маевскій, „изобличенный въ укрывательствѣ государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ въ каторжныя работы",—къ тому же наказанію.

10. Шестаковичъ „за укрывательство государственнаго

преступника", но „въ уваженіе къ его чистосердечному сознанію",—къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ губ. Томскую или Тобольскую.

11. Ланггаузъ, „имѣвшій свѣдѣнія о существованіи тайнаго общества, но не знавшій въ точности всѣхъ цѣлей онаго, и сверхъ того изобличенный въ противозаконной передачѣ яда лицу, не имѣвшему права на полученіе онаго",—къ заключенію въ крѣпость на 8 мѣсяцевъ.

12. Кичинъ, Соболевъ, Сергіевскій, Борисовъ, Воскресенскій, Кутыевъ, Полумордвиновъ, Трусовъ и кн. Черкезовъ, „изъ коихъ никто не изобличенъ въ имѣніи точныхъ свѣдѣній объ обществѣ, въ сходкахъ котораго они участвовали, или о существованіи котораго только знали",—къ заключенію въ крѣпости на 8 мѣсяцевъ, съ зачисленіемъ имъ времени, проведеннаго уже въ заключеніи.

13. Петерсонъ, „не донесшій объ укрывательствѣ Юрасовымъ государственнаго преступника Домбровскаго",—къ заключенію въ крѣпости на 6 мѣсяцевъ, съ зачисленіемъ ему времени, проведеннаго въ заключеніи.

14. Маликова, Бибикова, Оболенскаго и Никольскаго рѣшено признать

Не подлежащими обвиненію въ принадлежности къ тайному обществу и по сему предмету отъ суда освободить; но какъ первые трое изобличены въ знаніи объ умыслѣ освободить государственнаго преступника Чернышевскаго, а четвертый въ умыслѣ освободить государственнаго преступника Серно-Соловьевича, то, сдѣлавъ имъ внушеніе о томъ, чтобъ они впредь не входили въ сношеніе съ людьми, имѣющими такіе противозаконные замыслы, такъ какъ это противно и долгу службы, и обязанностямъ каждаго вѣрноподданнаго,—обязать ихъ подпиской, чтобы они, не выѣзжая изъ С.-Петербурга, явились къ министру внутреннихъ дѣлъ, которому предоставить принять относительно всѣхъ этихъ лицъ тѣ мѣры, какія признаетъ необходимыми.

15. Никифорова отъ суда освободить,

Внушая ему отстраняться впредь отъ вредныхъ связей, такъ какъ онъ сими связями и неосмотрительнымъ своимъ поведеніемъ далъ поводъ къ столь важному обвиненію, и затѣмъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ... учредить надъ нимъ особый надзоръ полиціи.

16. Воскресенскому, „какъ посѣщавшему Общество взаимнаго вспомоществованія, не разрѣшенное правительствомъ, вмѣнить въ наказаніе содержаніе въ крѣпости".

4 октября на Смоленскомъ полѣ происходило исполненіе приговора надъ осужденными. Вотъ какъ описываетъ это *Голосъ*:

Погода всю ночь и утро стояла самая осенняя; шелъ дождь попеременно со снѣгомъ... Народу собралось замѣтно менѣе, чѣмъ при исполненіи приговора надъ Каракозовымъ. Собранныя на Смоленскомъ полѣ войска были расположены точно такъ же, какъ и 3 сентября, кругомъ эшафота. Самый эшафотъ былъ заготовленъ въ увеличенномъ размѣрѣ, съ разставленными на немъ полуциркулемъ позорными столбами, по числу лицъ, надъ которыми долженъ былъ исполниться приговоръ. Въ семь часовъ и пять минутъ утра со Средняго проспекта показалась голова печальнаго картежа; каждый изъ преступниковъ везенъ былъ на отдѣльной позорной телѣжкѣ, задомъ къ лошади и съ доской на груди; впереди всѣхъ ѣхалъ Ишутинъ. Когда кортежъ въѣхалъ въ каре, преступниковъ стали по-очередно подвозить къ эшафоту, на который и вводили ихъ по спускѣ съ телѣжки. На эшафотѣ всѣ преступники были поставлены рядомъ, по порядку категорій, обозначенныхъ въ приговорѣ. Ишутинъ первымъ съ правой стороны, а послѣднимъ, кажется, Маевскій. Два священника въ черныхъ ризахъ стали на обоихъ концахъ шеренги преступниковъ. Въ такомъ положеніи, стоя съ открытыми головами, они выслушали приговоръ; затѣмъ Ишутинъ былъ сведенъ съ общаго эшафота на другой небольшой, подъ висѣлицу, стоявшую рядомъ съ первымъ по правую руку; надъ прочими же, состоявшими въ дворянскомъ сословіи, былъ совершенъ обрядъ лишенія дворянскаго достоинства, черезъ переломленіе шпаги надъ головою каждаго, при чемъ преступникъ становился на колѣни. По исполненіи этого обряда, всѣ они были выставлены къ позорнымъ столбамъ прикованными. Между тѣмъ священникъ прочелъ отходную молитву Ишутину, который, приложившись ко кресту, поклонился на три стороны народу, взглянулъ на своихъ товарищей, и палачи приступили къ завязыванію ему глазъ. Наконецъ надѣтъ былъ саванъ и накинута петля, какъ въ толпѣ раздались громко голоса: „фельдъегерь, фельдъегерь ѣдетъ! помиловали!“ Дѣйствительно, въ каре въѣхалъ фельдъегерь на обыкновенныхъ дрожкахъ съ плоскими рессорами, запряженныхъ парой въ дышло... Онъ держалъ въ рукахъ бумагу, которою махалъ, поднявъ ее высоко надъ головой. Тотъ же чиновникъ, который читалъ приговоръ преступникамъ, взошелъ на эшафотъ и прочелъ стоявшимъ у позорныхъ столбовъ уменьшеніе мѣры наказанія. Съ Ишутина была снята петля, а затѣмъ и саванъ, и были развязаны ему глаза.

Къ этому *С.-Петербургскія Вѣдомости* добавляютъ, что Ишутинъ, когда былъ подведенъ подъ висѣлицу и священникъ сталъ читать молитву, — сталъ на колѣни, молился; потомъ, когда священникъ поднесъ къ нему крестъ, онъ приложился и долго отъ него не отрывался. Священникъ благословилъ его и осѣнилъ еще разъ крестомъ. Когда, по объявленіи дарованія жизни, сняли съ глазъ его повязку, а затѣмъ и саванъ, онъ снова припалъ ко кресту, поднесенному священникомъ.

III.

Наши сомнѣнія и вопросы о тайныхъ обществахъ, предшествовавшихъ Каракозовскому покушенію, вызвали одного изъ нашихъ корреспондентовъ подѣлиться съ нами своими воспоминаніями. Полученное нами письмо *) высказываетъ то, что уже извѣстно нашимъ читателямъ, хотя корреспондентъ пишетъ только по памяти, не имѣя подъ рукою документовъ. Но авторъ, такъ достовѣрный въ мельчайшихъ подробностяхъ того, что нами уже сообщено на основаніи всѣми забытыхъ газетъ, передаетъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній, едва ли кому извѣстныхъ.

Только нѣсколько человѣкъ, которые вѣроятно теперь уже канули въ вѣчность и унесли все съ собою, могли кое что знать о злокозненныхъ интригахъ (до 4-го апрѣля), а остальные смертные ничего не вѣдали.

Авторъ припоминаетъ, что до 4 апрѣля 1866 г. была коммиссія по политическимъ дѣламъ, такъ называемая „Голицынская“; членомъ ея между прочимъ былъ генералъ Огаревъ. Что она дѣлала, съ какими „каверзами“ могла она насъ познакомить, корреспонденту не извѣстно. Но онъ твердо помнитъ, что „многія лица изъ этой коммиссіи состояли на откупу“, подобно бывшимъ агентамъ III отдѣленія, какъ открыто говорилось недавно въ печати.

Настаетъ 4 апрѣля, и коммиссію эту беретъ подъ свое крыло покойный графъ М. Н. Муравьевъ, окружающій себя, въ виду продажности многихъ служащихъ въ коммиссіи лицъ, гвардейскими офицерами изъ числа преданныхъ ему. Но что же онъ, при всемъ желаніи, могъ сдѣлать для разоблаченія революціонныхъ козней, когда вся петербургская знать и тамошняя интеллигенція, во главѣ нѣкоего гуманнаго князя, возстала противъ его, такъ сказать, вандальскихъ замашекъ? Слѣдствіемъ по Каракозовскому дѣлу торопили, а подъ конецъ и совсѣмъ замяли...

Перечисливъ главнѣйшихъ заговорщиковъ: Ишутина, Каракозова, Ермолова, Загибалова, Страндена, Юрасова, Моткова, Никифорова, Иванова, кн. Черкезова и прочихъ, авторъ указываетъ (чего въ обнародованныхъ документахъ не находимъ), что первые семь или девять человѣкъ носили названіе монархомаховъ, т.-е. цареубійцъ, а остальные 19 чело-

*) Оно было напечатано въ *Современныхъ Извѣстіяхъ*. *Авт.*

вѣкъ составляли „Организацію“, которая „удила подходящую ей рыбку“ изъ „Общества взаимнаго вспомоществованія“, учрежденнаго ею для этой цѣли.

Но по Каракозовщинѣ все таки имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ *Сѣверной Почты*. Любопытнѣе вопросъ о связи Каракозовщины съ издателями *Молодой Россіи* и *Земли и Воли*, на что едва только намекаютъ документы. Корреспондентъ увѣряетъ:

> „Молодая Россія“ есть прыщъ большаго злокачественнаго нароста „Земля и Воля“. Листки послѣдней издавались комитетомъ „Земля и Воля“, состоявшимъ, если не ошибаюсь, изъ семи членовъ. Ишутинъ былъ если не однимъ изъ членовъ комитета, то навѣрное однимъ изъ главныхъ его агентовъ, потому что Ишутинская „Организація“, какъ достовѣрно извѣстно, получала предписанія высшаго начальства и печатныя прокламаціи чрезъ Ишутина; своего же собственнаго типографскаго станка не имѣлось. Только впослѣдствіи, съ развитіемъ революціоннаго дѣла, предполагалось завести отдѣльную типографію, для чего начинали уже по немногу пріобрѣтать типографскіе матерьялы.

Къ сожалѣнію, авторъ отказывается сказать что либо о „кружкѣ черныхъ студентовъ“, едва ли тоже кому извѣстномъ, замѣшавшемся туда же въ это смутное время. Члены комитета „Земля и Воля“ намъ тоже совсѣмъ не знакомы, но авторъ увѣряетъ, что они хорошо были извѣстны Голицынской коммиссіи, по крайней мѣрѣ именно въ этомъ ихъ званіи, потому что часть ихъ сослана была, какъ причастная къ другимъ дѣламъ. Авторъ увѣряетъ, будто эмигрантъ Утинъ былъ однимъ изъ членовъ комитета „Земля и Воля“ и скрылся за границу, будучи предупрежденъ о своемъ шаткомъ положеніи. О другомъ его товарищѣ (корреспондентъ сожалѣетъ, что забылъ его фамилію) ходили смутныя вѣсти, что онъ похороненъ въ одной изъ нашихъ далекихъ окраинъ соумышленникомъ своимъ, землевладѣльцемъ, и когда полиція явилась къ этому землевладѣльцу для ареста подозрѣваемаго лица, тотъ представилъ свидѣтельство священника о смерти подозрѣваемаго. Но умершій этотъ впослѣдствіи какими то судьбами воскресъ въ Швейцаріи.

Читатель нашелъ уже нѣсколько фактовъ, утверждающихъ польское вліяніе въ нашихъ революціонныхъ обществахъ 1862 — 1866 г. Корреспондентъ тоже подтверждаетъ этотъ фактъ, указывая на совпаденіе времени польскаго возстанія

(покушенія на жизнь В. Кн. Константина Николаевича, Лидерса, Берга) съ временемъ существованія комитета „Земля и Воля“ и рожденіемъ потомъ отъ него Ишутинской „Организаціи“.

Кромѣ произведеній *Земли и Воли*, еще къ 1861 году относится появленіе журнала *Великоруссъ*, издававшагося извѣстнымъ писателемъ по женскому вопросу Михайловымъ, осужденнымъ на каторжныя работы въ 1861 г. „за тайный изъ-за границы провозъ составленнаго имъ и напечатаннаго въ Лондонѣ возмутительнаго воззванія къ молодому поколѣнію и за распространеніе этого воззванія въ Россіи“. О дѣлѣ этомъ едва ли имѣется много свѣдѣній, но намъ извѣстно порожденное имъ другое дѣло, обнародованное какъ разъ за нѣсколько дней до 4 апрѣля 1866 г., свидѣтельствующее о томъ, какъ насыщена была антиправительственными міазмами атмосфера въ 1862 г. даже въ сибирской окраинѣ. Самое дѣло это называется „Дѣломъ о послабленіяхъ, оказанныхъ въ городѣ Тобольскѣ начальствующими тамъ лицами государственнымъ преступникамъ Михайлову и Обручеву, равно какъ и безсрочно ссыльно-каторжному Макееву“.

Михайловъ, одинъ изъ главнѣйшихъ столповъ *Современника*, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія съ назначеніемъ въ каторжную работу, отправленъ былъ 14 декабря 1861 г. съ жандармами изъ Петербурга въ Тобольскъ. Но, по прибытіи туда, онъ, вмѣсто отправленія на заводы, былъ оставленъ въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ. Во время своего тамъ пребыванія онъ пользовался свободой, былъ приглашаемъ на обѣды предсѣдателемъ тобольскаго губернскаго правленія Соколовымъ, губернскимъ прокуроромъ Жемчужниковымъ, управляющимъ коммиссаріатскою коммиссіей Жданъ-Пушкинымъ и лѣкаремъ Анучинымъ, и вообще „былъ предметомъ особеннаго сочувствія и снисхожденій, не дозволенныхъ закономъ“. Въ острогѣ во всякое время посѣщали его тѣ же Соколовъ и Анучинъ, равно какъ и студенты, высланные изъ Казани въ Тобольскъ (припомнимъ, что и Каракозовъ былъ студентъ Казанскаго университета), учители гимназіи и другіе молодые люди. Посѣтители эти не только просиживали вечера въ тюремной камерѣ Михайлова, но нѣкоторые изъ нихъ увозили осужденнаго къ себѣ на домъ къ обѣду, куда приглашаема была и моло-

дежь. Дамы, предводительствуемыя супругою г. Анучина, ходили къ Михайлову въ тюрьму съ букетами цвѣтовъ. Наконецъ, въ день отправленія арестанта изъ Тобольска, жандармы, назначенные для сопровожденія его, прибывъ днемъ за нимъ въ замокъ, уже не нашли его тамъ и только въ 8 часовъ вечера выѣхали съ нимъ изъ дома частнаго лица. Начинаются прощанья съ отъѣзжающимъ. Лѣкарь Анучинъ приказываетъ жандармамъ достать изъ повозки кандалы преступника (Михайловъ во все время пребыванія въ Тобольскѣ не былъ закованъ), тутъ же разбиваетъ ихъ и дѣлитъ между присутствовавшими. На письменномъ столѣ статскаго совѣтника Соколова видѣли потомъ нѣсколько колецъ этихъ кандаловъ, съ придѣланною къ нимъ дощечкою, на которой была надпись: „Покровителю угнетенныхъ отъ Михайлова“. За городомъ повозка была остановлена Анучинымъ и другими; раздались крики *ура*, и началось питье шампанскаго.

Слѣдствіемъ выяснилось, что Михайлова въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ посѣщали, кромѣ Соколова и Анучина съ женою, еще подполковникъ Жданъ-Пушкинъ, учители гимназіи Плотниковъ и Бѣлорусцевъ, надзиратель гимназіи Каталинскій, товарищъ предсѣдателя тобольскаго губернскаго суда Андрониковъ, бывшій совѣтникъ того же суда Губаревъ, учитель тобольской духовной семинаріи Знаменскій; студенты, исключенные изъ Казанскаго университета, Семеновъ и Добродѣевъ, и директриса тобольскаго женскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета купчиха Пиленкова. Лица эти проводили съ Михайловымъ по часу и болѣе въ разговорахъ о литературѣ, эмансипаціи женщинъ, а главный инспекторъ училищъ Поповъ разспрашивалъ Михайлова и о соучастникахъ его въ журналѣ *Великоруссъ*. Слѣдствіе пересчитало, съ рвеніемъ, достойнымъ лучшей участи, всѣ обѣды, съѣденные Михайловымъ. Арестантъ, оказывается, отлучался три раза на обѣды къ Жданъ-Пушкину, обѣдалъ два раза у ст. сов. Соколова, куда въ первый разъ доставленъ былъ полицеймейстеромъ Кувичинскимъ, обѣдалъ у лѣкаря Анучина, у товарища предсѣдателя суда Андроникова, у вдовы купца Пиленковой, которая безъ всякаго разрѣшенія сама увезла Михайлова къ себѣ и потомъ отправила его одного обратно въ острогъ. Кромѣ того, Михайловъ обѣдалъ и у губернскаго прокурора Жемчужникова.

Любопытнѣе всего показаніе губернатора, какъ допустилъ онъ всѣ эти овація въ честь политическаго арестанта. Объясненія сводятся только къ тому, что губернаторскій окладъ жалованья слишкомъ малъ...

Такова была атмосфера, такова почва, гдѣ зараждались первыя чумныя бактеріи. Слѣдствіе по 4-му апрѣля 1866 г. подняло только край завѣсы, лучше сказать, самъ преступный выстрѣлъ показалъ, гдѣ соціалистическая болячка особенно назрѣла. Но одной капли яда, уцѣлѣвшей отъ Каракозовщины, достаточно было для произведенія новаго нарыва на предрасположенномъ къ заразѣ организмѣ, на мѣстѣ, ближайшемъ къ вырѣзанной язвѣ. На смѣну Каракозовщины выступила Нечаевщина и пустила корни свои и еще глубже, и еще шире. Когда такія оконечности, какъ тобольская, напримѣръ, аристократія, была предрасположена къ болѣзни, чего же было ждать отъ какихъ нибудь „петровцевъ“, уже поставившихъ значительное число каракозовцевъ? И дѣйствительно, черезъ три года раздался еще выстрѣлъ, на этотъ разъ въ темнотѣ грота Петровской академіи, направленный въ голову несчастнаго Иванова, заставившій насъ, противъ нашей воли, обратить нѣкоторое вниманіе и на эту „исторію“.

„Волканъ продолжаетъ извергать пламя“. Такое изреченіе приписывается покойному Тьеру, усмотрѣвшему въ покушеніи поляка Березовскаго въ 1867 году не одну попытку фанатика, за свой только счетъ, а продолженіе тѣхъ изверженій въ Царствѣ Польскомъ, зарево которыхъ ярко виднѣлось и во Франціи въ началѣ 60-хъ годовъ. Волканъ этотъ, хотя потомъ и не извергалъ клокочущей лавы, повидимому все еще курился, и этотъ дымный запахъ чувствовался цѣлыя пятнадцать лѣтъ.

Не станемъ придавать особеннаго значенія тому, что фамилія злодѣя, бросившаго 1 марта 2-ю бомбу, уроженца Гродненской губерній, *Гриневецкій*, есть фамилія чисто польская. Даже больше: помнимъ, что полякъ, на котораго первоначально выпалъ жребій совершить преступленіе 2 апрѣля 1879 г., былъ признанъ неудобнымъ, именно какъ полякъ, и замѣненъ чистокровнымъ русскимъ Соловьевымъ. Но досихъ поръ въ статистикѣ нашихъ политическихъ преступленій съ 1869 по 1881 г. графа для польскаго элемента оста-

валась сравнительно довольно чистою. Когда почти всѣ народности русскаго государства дали сюда свой процентъ, поляки повидимому почти отсутствуютъ въ этой шайкѣ. Отправляясь отъ этого предположенія, мы можемъ сдѣлать только два заключенія: или русскіе поляки въ политическомъ отношеніи благонамѣреннѣе прочихъ племенъ, составляющихъ Русскую имперію, что̀ совсѣмъ уже невѣроятно; или же отсутствіе ихъ въ заговорѣ произошло по заранѣе намѣченному плану, дабы не навлечь преждевременнаго подозрѣнія.

Но нѣтъ ли однако и поляковъ, если не въ центрѣ движенія, то хотя во флангахъ, въ роляхъ, по видимому второстепенныхъ, въ мало замѣтныхъ по первому взгляду? Связь Каракозовщины съ польскою справою уже извѣстна. Но послѣ 4 апрѣля, въ трехлѣтіе, отъ Каракозова до Нечаева, съ 1866 по 1869 г., въ отпрыскахъ Каракозовщины, неужели такъ таки и не виднѣются польскіе усики? Мы не будемъ пока говорить о покушеніи въ 1867 г. поляка Березовскаго, о порожденномъ этимъ преступленіемъ процессѣ Лебаллера, назвавшаго Березовскаго палачемъ (le justicier). Даже и помимо этого, пересматривая крайне скудныя оффиціальныя свѣдѣнія за этотъ періодъ, наталкиваемся именно на такой рукавъ Каракозовщины, по которому явно пробѣгаетъ польская струйка.

Черезъ два года послѣ Каракозовщины, именно 11 іюня 1868 года, въ московскомъ военно-окружномъ судѣ разбиралось дѣло о штабсъ-капитанѣ Купенко, обвиняемомъ въ укрывательствѣ бѣжавшаго политическаго преступника, въ снабженіи его фальшивымъ паспортомъ, въ богохульствѣ и въ самопроизвольной изъ Москвы отлучкѣ въ Рязанскую губернію. Дѣло это прямо связываетъ польскихъ революціонеровъ съ каракозовцами, притомъ наканунѣ Нечаевщины.

Во время польскаго мятежа задержанъ былъ неизвѣстный человѣкъ, назвавшій себя студентомъ Оржеховскимъ, на котораго пало подозрѣніе въ покушеніи присоединиться къ мятежнической шайкѣ. Онъ признанъ былъ бродягой и отправленъ во владимірскую арестантскую роту, куда прибылъ 30 ноября 1864 г., но еще раньше этого, 27 августа того же года, туда же зачисленъ былъ конфирмаціею графа Муравьева мѣщанинъ города Бѣлостока Яковъ Поплавскій, оказавшійся по суду виновнымъ въ участіи въ мятежѣ. Оржехов-

скій и Поплавскій, находясь на излѣченіи во владимірской городской больницѣ, бѣжали въ ночь на 22 мая 1865 г. По прибытіи изъ Владиміра въ Москву, Оржеховскій, при участіи государственныхъ преступниковъ (каракозовцевъ), бывшихъ студентовъ Московскаго университета, Павла Маевскаго и Болеслава Шестаковича, сосланныхъ по приговору Верховнаго уголовнаго суда отъ 24 сентября 1866 г. въ Сибирь, помѣстилъ Поплавскаго въ квартирѣ штабсъ-капитана Купенко, знакомаго названныхъ государственныхъ преступниковъ. Поплавскій жилъ у Купенко до осени того же года на дачѣ, въ подмосковной деревнѣ Шелепихѣ, съ фальшивымъ билетомъ на имя дворянина Ѳедосеева (тоже каракозовца, покушавшагося отравить своего отца), доставленнымъ Купенко каракозовцемъ Маевскимъ.

Для характеристики этихъ господъ не излишне добавить нѣкоторыя ихъ черты. Купенко состоялъ субалтернъ-офицеромъ въ 3 Военномъ Александровскомъ училищѣ и готовилъ для поступленія туда дворянина Комарскаго, жившаго у него на дачѣ. Этому Комарскому казались страннымъ, какъ короткость въ обращеніи Купенко съ сапожникомъ Поплавскимъ, такъ и то, что Поплавскій цѣлый мѣсяцъ шилъ одни и тѣ же сапоги. Купенко уклонялся дать Комарскому объясненіе, стращая его, что если онъ самъ будетъ спрашивать этого сапожника, то можетъ убить его. Этотъ же Комарскій слышалъ разговоръ Купенко съ подпоручикомъ Мартыновымъ о какомъ то комитетѣ, отъ котораго Поплавскій получалъ деньги; фамиліи Маевскаго и Шестаковича оказались знакомы Комарскому по разговорамъ въ квартирѣ Купенко.

Подпоручикъ Мартыновъ, товарищъ Купенко по корпусу, показалъ, что онъ былъ знакомъ съ студентами Московскаго университета Павломъ Маевскимъ и Болеславомъ Шестаковичемъ, съ которыми былъ знакомъ и Купенко, рекомендовавшій ихъ ему, какъ прекрасныхъ людей и знакомыхъ отставнаго штабсъ-капитана Адамовича, который не розысканъ.

Приведемъ изъ обвинительной противъ Купенко рѣчи два мѣста, пополняющихъ эти наши свѣдѣнія о связи каракозовцевъ съ польскими мятежниками:

> Маевскій привезъ для Поплавскаго и передалъ Купенко фальшивый паспортъ на имя дворянина Ѳедосеева, а осенью Купенко, переѣзжая съ

дачи въ городъ, передалъ этотъ паспортъ Поплавскому, который отправился съ нимъ въ Петербургъ, получивъ отъ Маевскаго денегъ на дорогу и письмо къ какой то полькѣ Эмиліи Преде. Проживъ весьма не долго у Преде, Поплавскій былъ помѣщенъ польскими агентами на квартиру къ поляку Загорскому, у котораго оставался до лѣта 1866 года. Наконецъ, въ маѣ этого года, при производствѣ слѣдствія о событіи 4 апрѣля, слѣдственною коммиссіей было получено свѣдѣніе, будто *въ Петербургѣ существуетъ мятежная партія, намѣревающаяся повторить злодѣйское покушеніе,* и что для этого даже *избранъ* проживающій въ квартирѣ Загорскаго *человѣкъ*, который поэтому былъ задержанъ *и оказался Поплавскимъ*.

Обвинитель продолжаетъ:

Куценко принимаетъ къ себѣ на квартиру отставнаго офицера Адамовича, поляка родомъ, атеиста, человѣка нетрезвой жизни и проникнутаго ненавистью къ правительству. Адамовичъ знакомитъ Куценко съ *польскими агентами* Маевскимъ и Шестаковичемъ, которые по дѣлу 4 апрѣля обвинялись: Шестаковичъ—въ укрывательствѣ осужденнаго къ каторжнымъ работамъ Ярослава Домбровскаго и составленіи для него подложныхъ видовъ, а Маевскій—въ способствованіи побѣгамъ политическихъ преступниковъ, осужденныхъ въ каторжныя работы, снабженіи ихъ для побѣговъ деньгами и фальшивыми паспортами, въ имѣніи сочиненій возмутительнаго содержанія и въ знаніи о существованіи въ Москвѣ революціоннаго общества.

Это въ высшей степени важное дѣло штабсъ-капитана Куценко отыскали мы въ старыхъ газетахъ 1868 года. Тогда конечно подобнымъ процессамъ не придавали особеннаго значенія. Но какой свѣтъ даже однимъ этимъ дѣломъ бросается теперь въ самое подполье подпольной партіи. Въ этомъ отношеніи было бы крайне полезно допустить обнародованіе по крайней мѣрѣ тѣхъ дѣлъ упраздненнаго III отдѣленія, по которымъ давно уже состоялось рѣшеніе.

Подробности ранней революціонной дѣятельности, отрывочныя и уже блекнущія въ памяти, не составляютъ ясно очерченной картины. Самые источники революціоннаго теченія теряются во мракѣ прошедшаго; главнѣйшіе притоки тоже уходятъ изъ глазъ, а широкій разливъ, съ многочисленными рукавами, въ настоящую пору, окончательно мѣшаетъ опознаться. Но все же теперь, когда мы, увы, такъ стали богаты наблюденіями, приходится иначе понимать 4-е апрѣля 1866 г., въ которомъ нѣкогда нѣкоторые могли видѣть только безумную выходку одного злодѣя, раздутую слѣдственною коммиссіею, подъ предсѣдательствомъ графа Муравьева.

Даже тѣ ограниченныя данныя по Каракозовщинѣ, которыя находимъ въ современныхъ газетахъ, убѣждаютъ насъ, что съ самаго начала движеніе это вовсе не было только „безумною выходкою одного злодѣя“. Это было одно изъ первыхъ проявленій той же самой, а не иной какой либо, крамолы, которая привела къ преступленію 1 марта. Перемѣните имена каракозовцевъ, и вы дѣянія ихъ не отличите отъ преступной дѣятельности послѣдующихъ революціонеровъ и въ 1870, и въ 1880 годахъ. Движеніе 1866 г. соціалистическое; оно разчленяется на двѣ вѣтви: народническую и террористическую. Первая выразилась въ „Организаціи“; представительницею второй былъ „Адъ“, откуда уже не было отступленія: смерть грозила измѣннику или ослушнику. Если тождество вещей познается по сходству въ мелочахъ, существенныхъ однако, съ поразительною ясностью замѣчается это между каракозовцами и ихъ наслѣдниками. Предоставляемъ читателю самому сдѣлать это сравненіе; укажемъ только, что Каракозовъ отправляется на преступленіе, запасшись ядомъ, какъ Соловьевъ, и прокламаціею, какъ Рысаковъ; что освобожденіе Чернышевскаго входило въ задачи каракозовцевъ точно также, какъ мечтали объ этомъ нечаевцы и какъ пытался сдѣлать это Мышкинъ, одинъ изъ 193. Вспоминать ли объ ядѣ, которымъ снабженъ былъ одинъ изъ каракозовцевъ для отравленія своего отца, ради полученія денежныхъ средствъ на революціонныя цѣли? Подобныхъ плановъ не чужда была и послѣдующая эпоха. Такимъ образомъ, на протяженіи 15 лѣтъ, оказывается, какъ будто одна и та же „проклятая рука“. Но тайное общество рѣшительно *одно и то же*. Каракозовецъ князь Черкезовъ скоро явится подсудимымъ въ Нечаевскомъ процессѣ, давшемъ кадры для послѣдующихъ; нѣкоторые его товарищи тоже будутъ тамъ упомянуты. Бывали погромы на это тайное общество, рѣдѣли ряды его, но разъ побывавшіе въ огнѣ и уцѣлѣвшіе, оправданные или подвергшіеся незначительному наказанію, *послѣ долговременнаго одиночнаго сидѣнья въ крѣпости*, образовывали тѣ революціонные кадры, которые легко пополнялись новобранцами. Несомнѣненъ тотъ фактъ, что значительная часть разъ привлеченныхъ къ политическому дѣлу, какъ бы ни была мала къ нему причастность, становится потомъ злѣйшею крамольною закваскою въ

силу прокаженнаго общественнаго своего положенія. Одни изъ привлекавшихся попадались впослѣдствіи, какъ коноводы уже, какъ напримѣръ основатель общества Долгушинъ, одинъ изъ нечаевцевъ; Вѣра Засуличъ, сначала только свидѣтельница по Нечаевскому дѣлу; другіе, какъ напримѣръ „полуниицы“, т. е. студенты, исключенные изъ Московскаго университета по исторіи съ г. Полунинымъ и привлеченные къ Нечаевскому дѣлу, эмигрировали вслѣдъ за Ткачевымъ, тоже нечаевцемъ, и конечно теперь уже окрѣпли въ международномъ закалѣ.

Студенческія исторіи—это постоянно свѣжій матеріалъ для крамолы. Самъ Каракозовъ былъ продуктомъ такой исторіи. Такъ неизмѣнно повторялось цѣлыя 15 лѣтъ. И все таки, какъ будто не было 15 лѣтняго опыта, исключались и потомъ студенты десятками „съ правомъ поступленія черезъ годъ въ тотъ же университетъ“. Признаемся: мало понимаемъ смыслъ подобнаго наказанія. Здравая педагогія давно осудила наказаніе школьниковъ лишеніемъ пищи. Основательно разсуждаютъ, что питаніе само по себѣ, а наказаніе само по себѣ. Здѣсь же происходитъ еще худшее: недостаточно развитой и потому мѣшающійся къ исторіи студентъ лишается на годъ или на два права продолжать свое развитіе. Естественно, что при озлобленіи, онъ прямо улавливается крамолою.

Но возвратимся къ самымъ раннимъ студенческимъ исторіямъ, давшимъ почву преступному движенію. Археологомъ А. А. Титовымъ, пріобрѣтшимъ переписку покойнаго профессора Бодянскаго, доставленъ намъ любопытный документъ: „Историческая записка, составленная университетскою коммиссіею по поводу происходившихъ въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ 1861 года безпорядковъ между студентами Московскаго университета“. Въ заглавіи записки значится, что она представлена университетскимъ совѣтомъ черезъ попечителя округа министру народнаго просвѣщенія. Не знаемъ, была ли записка подана министру; имѣемъ только корректурный ея экземпляръ, правленный хорошо знакомою намъ рукою О. М. Бодянскаго, завѣдовавшаго тогда университетскою типографіею. Но „Записка“ эта все таки поучительна, ибо современна самому началу 20-лѣтнихъ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; ибо подписана почтенными име-

нами профессоровъ-историковъ С. Соловьева, О. Бодянскаго, П. Леонтьева, С. Ешевскаго,—все, увы, покойники!—и изъ здравствующихъ г. Б. Чичерина; ибо относится къ той порѣ, когда во главѣ университетовъ стояли ученыя свѣтила, блиставшія своимъ, а не заимствованнымъ свѣтомъ; когда не выростало еще этихъ „тонкихъ, тощихъ, изсушенныхъ восточнымъ вѣтромъ колосьевъ“ земли Египетской...

„Записка“ 1861 года ищетъ причинъ для современныхъ ей студенческихъ безпорядковъ. По мнѣнію университетскаго совѣта, студенческія волненія „суть послѣдствіе и отголосокъ того общаго движенія, которое охватило Россію съ 1855 года“.

> Для массы русскаго общества, продолжаетъ „Записка“, это движеніе новое; она вовсе была къ нему не приготовлена. Оно развилось внезапно, вслѣдствіе бѣдствій послѣдней войны. Понятно, что новое направленіе не скоро можетъ войти въ надлежащую, разумную и законную колею. Оно естественно колеблется, пока не найдетъ себѣ твердыхъ точекъ опоры. Только жизненный опытъ можетъ показать границы, гдѣ свобода становится анархическою и вредною для государства. Пока люди испытали одни лишь невыгоды стѣсненій, либеральное направленіе необходимо вдается въ крайности, и эти крайности отражаются прежде всего на молодыхъ умахъ.

Указавъ, что студенты живутъ не въ закрытомъ заведеніи, а среди общества, гдѣ заражаются его стремленіями, его страстями, его предразсудками, совѣтъ университета весьма основательно замѣчаетъ, что „русское общество внушило студенту такое понятіе о его достоинствѣ, какое едва ли существуетъ въ другой странѣ“. Въ Россіи учащійся становится представителемъ образованія, въ которомъ всякій русскій видитъ „единственный выходъ изъ гнетущихъ его общественныхъ золъ“. Смѣло и справедливо и то замѣчаніе профессоровъ, что „у насъ призванными къ дѣятельности постоянно считаются подрастающія поколѣнія, тогда какъ поколѣнія зрѣющія начинаютъ уже спокойно наслаждаться жизнію“. А отъ этого „молодые люди исполняются сознаніемъ своего высокаго значенія. Студентъ въ Россіи является уже не учащимся, а учителемъ общества; послѣднее смотритъ на него съ нѣкоторою гордостію и съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Въ глазахъ многихъ студентъ представляетъ будущую надежду Россіи“.

Это глубоко вѣрно: бѣда въ нашемъ невѣжествѣ, ибо гдѣ образованіе „разлито въ народѣ и пустило прочные корни, тамъ учащійся получаетъ естественно принадлежащее ему мѣсто въ общественныхъ рядахъ".

Эту мысль высказывали лучшіе историки-профессора старѣйшаго нашего университета еще 20 лѣтъ тому назадъ, и всѣ эти 20 лѣтъ у насъ все продолжался культъ студента, ибо въ невѣжественномъ журнальномъ, а особенно газетномъ мірѣ, и студентъ университета величина!

Но послѣдующія событія все же не оправдали дальнѣйшихъ выводовъ „Записки", жаловавшейся на мѣры, принятыя съ 1848 г., когда „значительно понизился уровень, какъ университетскихъ занятій, такъ и гимназическаго преподаванія": новые гимназическій и университетскій уставы едва ли много измѣнили духъ студенчества съ 1861 по 1881 г.

Основательнѣе ближайшее изученіе исторіи студенческихъ безпорядковъ. До конца 1857 г. въ студентахъ Московскаго университета, по словамъ „Записки", не было замѣтно никакого особеннаго движенія. Въ это время случилась исторія съ московскою полиціею. Студенты были оскорблены. Судъ и Высочайшая воля рѣшили дѣло въ ихъ пользу. Виновные были наказаны по закону.

> Это событіе въ первый разъ вызвало въ студентахъ мысль о своемъ единствѣ. До тѣхъ поръ у нихъ не было общихъ дѣлъ, а потому не было ни сходокъ, ни депутатовъ. Студенты не думали считать себя корпораціей, но у нихъ всегда былъ, какъ и всегда будетъ, духъ товарищества, который естественно вытекаетъ изъ ихъ положенія и составляетъ самую жизнь университета. Насиліе, совершенное надъ товарищами, почувствовалось, какъ оскорбленіе всѣхъ. Такъ какъ первоначально не было принято мѣръ для наряженія слѣдствія и все дѣло грозило кончиться ничѣмъ, то весь университетъ взволновался. Каждый день собирались сходки. Тогда г. попечитель предложилъ студентамъ выбрать съ каждаго курса два депутата, которые бы могли постоянно сноситься съ начальствомъ для наблюденія за ходомъ дѣла. Это первое студенческое движеніе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Студенты видѣли, что назначеніе слѣдственной коммиссіи было вызвано тѣми требованіями, которыя они предъявляли массою. Съ этихъ поръ у нихъ укоренилась привычка къ сходкамъ и депутаціямъ. Вскорѣ къ этому присоединилось основаніе студенческой кассы, которая управлялась выборными.

И такъ, вотъ гдѣ начало всѣхъ дальнѣйшихъ „исторій" въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но, по основательному мнѣ-

нію „Записки“, все это могло бы остаться безъ вредныхъ послѣдствій, если бы съ новымъ духомъ между студентами, съ новыми правами, имъ предоставленными, была усилена дѣятельность и университетской полиціи. Къ несчастію, послѣдовало наоборотъ.

Карцеръ былъ уничтоженъ, и университетская полиція лишилась всякихъ исправительныхъ средствъ. Гдѣ есть полиція, тамъ должно быть и полицейское наказаніе. Университетъ же былъ поставленъ въ такое положеніе, что онъ не иначе могъ прекращать безпорядки, какъ исключеніемъ виновныхъ изъ своей среды—наказаніе, слишкомъ жестокое, ибо оно за простую шалость, за легкомысленное увлеченіе, портитъ всю карьеру молодаго человѣка. Можно сказать, что съ этого времени университетская полиція фактически перестала существовать. Долго она была даже вовсе почти невидима, и только въ недавнее время она показалась снова, хотя и лишена всякихъ средствъ дѣйствовать на студентовъ.

„Записка“ указываетъ на послѣдствіе этого,—цѣлый рядъ нарушеній университетскаго порядка. Это „исторія“ съ профессорами Майковымъ, Варнекомъ, Орнатскимъ, послѣдовательно принужденными оставлять университетъ. Только въ исторіи съ профессоромъ Леонтьевымъ и преподавателемъ Клиномъ студенты потерпѣли неудачу: оба профессора остались на своихъ мѣстахъ, и нѣсколько студентовъ было исключено изъ университета.

Добавимъ отъ себя: обломокъ этого курса словеснаго факультета, потерпѣвшаго неудачу въ „исторіи“ съ Леонтьевымъ и Клиномъ, уцѣлѣвшій отъ погрома, — Худяковъ занялъ потомъ выдающуюся роль въ Каракозовщинѣ, по крайней мѣрѣ, по увѣренію *Московскихъ Вѣдомостей*, не раздѣленному впрочемъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ.

Далѣе совѣтъ университета указываетъ еще на одну „исторію“: студенты дозволили себѣ призвать къ суду ректора за мнимое оскорбленіе, нанесенное имъ студенту, который никогда и не думалъ жаловаться.

Происходившія по этому случаю сходки и движенія остались совершенно безнаказанными. Здѣсь въ первый разъ студенты начали громко толковать о своихъ правахъ, какъ корпораціи. Здѣсь посылались тѣ неумѣренныя и противныя университетскому порядку требованія, которыя повторились съ большею силою въ настоящихъ смутахъ. Студенты болѣе и болѣе убѣждались, что они призваны быть дѣятелями общественными. Нѣкоторые изъ нихъ ревностно занимались дѣлами, которыя не имѣли никакого отношенія къ университетскимъ занятіямъ. Вашему сіятельству извѣстно, что литографія лекцій послужила поводомъ къ распространенію

недозволенныхъ сочиненій. Это совершалось довольно открытымъ образомъ, а между тѣмъ долго оставалось безнаказаннымъ. На панихидѣ по убитымъ въ Варшавѣ полякамъ были произнесены студентами нѣкоторыя весьма неумѣренныя рѣчи, но ораторы не подверглись за то никакому взысканію.

Такимъ образомъ, студенты утвердились въ мысли, что они массою составляютъ силу, противъ которой начальство боится дѣйствовать рѣшительно. Одна изъ главныхъ причинъ безпорядковъ 1861 года, по убѣжденію совѣта Московскаго университета, заключается „въ недостаткѣ твердой, послѣдовательной и основанной на ясномъ пониманіи университетскихъ нуждъ системѣ управленія университетами въ продолженіи послѣднихъ 13 лѣтъ“.

Вѣско это слово лучшихъ представителей совѣта Московскаго университета 1861 года. Бывали безпорядки и въ другихъ университетахъ, и въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ за всѣ эти 20 лѣтъ; требовались, вѣроятно, каждый разъ отъ совѣтовъ и управленій объясненія причины такихъ „исторій“. Документы эти хранятся въ какихъ нибудь архивахъ. Изученіе всего этого бросило бы яркій свѣтъ на мучительную язву нашего общества. Лицамъ властнымъ доступно все это.

Начало 60-хъ годовъ это ключъ къ уясненію исторіи зарожденія бродячихъ шишей настоящаго смутнаго времени, а каждый документъ о тогдашнемъ недовольствѣ это просто кладъ.

Совѣтъ Московскаго университета весьма вѣрно оцѣниваетъ значеніе для молодежи „внѣшнихъ мелочныхъ стѣсненій“, при чемъ избѣгнуть бдительнаго взора начальства становится даже „признакомъ удальства, которое всякій нѣсколько бойкій студентъ вмѣняетъ себѣ въ честь“.

При господствѣ, такъ сказать, патріархальныхъ отношеній между студентами и начальствомъ, какъ это было до 1848 года, это направленіе (т. е. удальство идти наперекоръ начальству) остается совершенно безвреднымъ. Въ то время студенты безпрерывно нарушали форму. Инспекція то смотрѣла на это сквозь пальцы, то ласково ихъ побранивала, то, наконецъ, въ крайнихъ случаяхъ, сажала ихъ въ карцеръ, и все обходилось очень благополучно. Въ настоящее время, при томъ духѣ, который вселился въ студентовъ, при томъ высокомъ понятіи, которое они получили о себѣ, всякое мелкое стѣсненіе кажется имъ оскорбительнымъ. Они ропщутъ, напримѣръ, на обязанность всегда имѣть при себѣ билеты

и представлять ихъ при входѣ въ университетъ, гдѣ они привыкли считать себя дома и пользоваться полною свободою движенія. Опасенія же, которыя проглядываютъ въ этихъ мѣрахъ, еще болѣе утверждаютъ ихъ въ мысли, что они составляютъ дѣйствительную силу, отъ которой надо ограждаться разными изобрѣтеніями.

Съ этой же точки зрѣнія естественныхъ, патріархальныхъ отношеній „Записка“ разбираетъ и страшный вопросъ о студенческомъ представительствѣ, въ которомъ въ недавнее время и сторонники депутацій, и противники этого видѣли чуть чуть не первые шаги къ общегосударственной конституціи!

Въ послѣдніе годы студенты пріобрѣли также привычку къ постояннымъ совѣщаніямъ объ общихъ своихъ дѣлахъ и къ выбору депутатовъ. Это дѣлалось не только съ разрѣшенія, но иногда даже по распоряженію начальства. Студенты стали считать эти сходки и выборы естественно принадлежащимъ имъ правомъ. Не сдержанные полицейскою властью, они это право нерѣдко употребляли во зло. Предъидущія событія *) внушили имъ мысль, что они этими способами могутъ принимать участіе въ самомъ управленіи университетомъ, что, разумѣется, невозможно. Совѣтъ полагаетъ, что въ этой мысли заключается главное зло, проистекающее отъ сходокъ и депутацій.

Что до другаго рода совѣщаній, Совѣтъ объясняетъ, что

Студенты, не образуя даже юридически организованной корпораціи, всегда составляли и будутъ составлять товарищество; это естественное условіе и послѣдствіе университетской жизни. Между тѣмъ, повидимому, эти двѣ вещи недостаточно различаются, какъ студентами, такъ и высшимъ начальствомъ. Товарищамъ свойственно сходиться и толковать между собою. Въ случаѣ какого либо общаго дѣла, они естественно посылаютъ отъ себя кого нибудь для объясненія съ начальствомъ. Тутъ нѣтъ оффиціальнаго представительства, какъ въ корпораціи. Это совершается частнымъ, домашнимъ образомъ, и въ прежнія времена само начальство находило въ этомъ наилучшее средство для объясненія съ студентами и для возможности дѣйствія на нихъ. Новыя постановленія положительно запрещаютъ всякія сходки и всякія объясненія съ начальствомъ сборищемъ или посредствомъ депутатовъ. Ваше Сіятельство поймете, что студентамъ это должно было показаться внезапнымъ отнятіемъ права, которое они привыкли считать своимъ.

Но ни обязательные билеты, ни запрещенныя депутаціи, не подѣйствовали такъ оскорбительно, не были въ такой мѣрѣ причиною (Совѣтъ выразился слишкомъ мягко—„поводомъ“) безпорядковъ, какъ мѣра объ обязательной платѣ

*) То есть, свержѣніе нелюбимыхъ профессоровъ. *Авт.*

50 р. *) Здѣсь студенты опирались на нравственное чувство состраданія къ бѣднымъ товарищамъ. На этой почвѣ они находили постоянную поддержку въ сочувствіи общества. Въ рукахъ агитаторовъ это было наилучшимъ орудіемъ для возбужденія массы. „Записка“ указываетъ на бѣдность многихъ изъ студентовъ, нерѣдко „лишающихъ себя послѣдняго куска хлѣба, чтобы воспользоваться университетскимъ образованіемъ“.

Въ Россіи промышленное и ремесленное поприще до сихъ поръ носитъ характеръ преимущественно сословный: молодому человѣку, не принадлежащему къ купечеству или мѣщанству, трудно посвятить себя ремеслу. Если у него есть кое-какія духовныя стремленія, единственный исходъ для него—университетъ. Здѣсь только онъ пріобрѣтаетъ возможность получить хоть маленькое образованіе, пробить себѣ дорогу и занять какое-нибудь положеніе въ жизни. Изъ университета выходятъ чиновники, медики, учителя, литераторы. Отцы семействъ готовы жертвовать послѣднею копѣйкою, чтобы дать сыновьямъ своимъ средства пройти черезъ университетъ. Съ такими побужденіями многіе молодые люди пріѣхали нынѣшнее лѣто въ Москву для поступленія въ университетъ. Здѣсь имъ было объявлено, что они не иначе могутъ вступать, какъ съ уплатою 50 р. въ годъ. Этого они вовсе не ожидали. Бѣднѣйшіе изъ нихъ, тѣ, которые рѣшительно не въ состояніи были заплатить, съ сокрушеннымъ сердцемъ уѣхали домой. Тѣ же, которые имѣли кое-какія средства, внесли требуемую плату, но подверглись всѣмъ бѣдствіямъ бѣдности и, разумѣется, значительно усилили массу недовольныхъ.

Указавъ на дѣятельное участіе общества къ бѣднымъ студентамъ, совѣтъ Московскаго университета высказываетъ замѣчаніе, основательное въ Россіи хотя бы и сейчасъ: „въ настоящее время всякая мѣра, какимъ бы то ни было образомъ ограничивающая образованіе, будетъ крайне не популярна и пріобрѣтетъ общее сочувствіе всякому противъ нея протесту законному или беззаконному“.

И выходитъ, по словамъ „Записки“, что зачинщикомъ перваго значительнаго университетскаго безпорядка было отчасти тогдашнее начальство: полуобразованнымъ обществомъ студентъ возведенъ былъ въ представители образованія; неоднократною смѣною профессоровъ, неугодныхъ студенчеству, положено было основаніе охлократіи университетовъ; потомъ мѣропріятіями, не имѣвшими понятія объ университетской

*) Говоримъ это по личнымъ воспоминаніямъ. *Авт.*

жизни, подрѣзаны были лучшія университетскія преданія; затѣмъ пошли придирки, началась „исторія“, явились жертвы....

Такъ на разрыхленную заграничными агитаторами, взбудораженную петербургскими журнальными мечтателями и утучненную польскимъ удобреніемъ почву бросались первыя у насъ сѣмена школьнаго недовольства, возросшія теперь до многовѣтвистаго горькаго дерева.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Покушеніе Березовскаго.

Преступленіе 25 мая. — Отзывъ Государя Императора. — Арестъ 30 поляковъ. — Первыя показанія преступника. — Впечатлѣніе во Франціи и у насъ. — Внѣшняя сторона событія. — Нѣсколько убійцъ. — Подробности о злодѣѣ. — Настойчивость *Сѣверной Почты*.—Полякующій *Голосъ*.—Представленіе русскихъ Императору. — Отзывы французскихъ газетъ. — Письмо въ газету *Pays*. — 3132 жертвы подземнаго правительства. — Адресы красныхъ Наполеону и бѣлыхъ Александру II. — Еще убійца. — Статья *Кіевлянина*. — Отзывъ *Nord*'а — Нравственная отвѣтственность Франціи. — Письмо французскаго землевладѣльца. — Отзывъ *New-York-Herald*. — Сообщникъ Березовскаго. — Рѣчи Государя въ Вильнѣ и въ Ригѣ. — Слѣдствіе и судъ. — Біографія Березовскаго. — Мститель за семейную честь. — Отецъ преступника. — Обстановка суда. — Обвинительный актъ. — Допросъ. — Дерзость подсудимаго. — Выходка защитника. — Показанія свидѣтелей со стороны обвиненія. — Поздравленія суда. — Показанія экспертовъ. — Библіотека подсудимаго. — Повстанцы. — Дядя Березовскаго. — Безпутная фразеологія г. Араго. — Возраженіе прокурора. — Смягчающія обстоятельства. — Россія на скамьѣ подсудимыхъ.

Обильнымъ источникомъ политическихъ преступленій всякаго вида и всѣхъ размѣровъ всегда была въ нашемъ отечествѣ польская организація. Преступленіе 25 мая не требуетъ никакихъ разъясненій, и политическій характеръ его совершенно очевиденъ. Покушеніемъ Березовскаго у Булонскаго лѣса въ Парижѣ завершается безчисленное множество преступныхъ дѣйствій, отдѣльныхъ и совокупныхъ, которыми ознаменовалось возбужденіе польскаго вопроса.

Руководящая статья въ № 118 „Московскихъ Вѣдомостей“ 1867 г.

I.

26 мая 1867 года, когда Москва чествовала славянскихъ гостей, собравшихся на этнографическую выставку, а покойный Государь Императоръ находился въ Парижѣ, куда прибылъ онъ уладить несогласіе между императоромъ Наполеономъ III и королемъ прусскимъ, разрѣшившееся въ послѣдствіи паденіемъ французской имперіи, оставленной Россіею на произволъ прусской алчности, обнародована была въ Москвѣ

телеграмма министра внутреннихъ дѣлъ московскому генералъ-губернатору:

25 мая получено мною изъ Парижа отъ графа Адлерберга слѣдующее телеграфическое извѣстіе: Божій промыслъ охранилъ Государя Императора. Сегодня, около 5 часовъ пополудни, на возвратномъ пути чрезъ Булонскій паркъ, послѣ военнаго смотра, выстрѣлъ изъ пистолета былъ направленъ на экипажъ, въ которомъ находились оба императора и Великіе князья Наслѣдникъ Цесаревичъ *) и Владиміръ Александровичъ. Выстрѣлъ, сдѣланный со стороны императора Наполеона, никого не коснулся, но ранилъ лошадь шталмейстера, сопровождавшаго экипажъ. Преступникъ былъ немедленно схваченъ и почти растерзанъ народною толпою. Подлежащія власти, въ руки которыхъ онъ переданъ, производятъ слѣдствіе.

Дополнительное телеграфное извѣстіе изъ Парижа, полученное отъ графа Шувалова отъ 26 мая, сообщало:

Преступникъ уроженецъ Волынской губерніи, полякъ, по имени Березовскій; онъ эмигрировалъ два года предъ симъ, но двадцать лѣтъ **) проживалъ въ Парижѣ. Онъ уже нѣсколько дней искалъ удобнаго случая для покушенія на жизнь Государя Императора. Двухствольный пистолетъ его разорвался отъ слишкомъ сильнаго заряда, а при этомъ уклонилось и направленіе пули. Березовскій сдѣлалъ полное признаніе, обнаруживая признаки фанатизма.

Неоффиціальныя телеграммы добавляли къ этому, что во второмъ экипажѣ за императорами слѣдовалъ король прусскій; что злодѣй, падая, закричалъ: vive la Pologne! Онъ дѣйствовалъ будто бы въ свою голову; заговора яко бы не было. Выстрѣлилъ онъ въ 5 шагахъ отъ экипажа.

Новыми неоффиціальными телеграммами *Московскихъ Вѣдомостей* переданы были знаменательныя слова Государя и дальнѣйшія подробности о преступленіи:

26 мая, утромъ, Государь Императоръ, принимая всѣхъ русскихъ въ Елисейскомъ дворцѣ, сказалъ: „Опять сдѣлано покушеніе на мою жизнь. Провидѣніе видимо охраняетъ меня. Но если Его воля призвать меня, я готовъ“.

Дальнѣйшая телеграмма изъ Парижа, отъ 27 мая, извѣщала:

Послѣ молебствія въ русской церкви Государь Императоръ принималъ французскихъ министровъ; на ихъ замѣчаніе объ опасностяхъ прогулокъ безъ конвоя, Его величество отвѣчалъ: „Судьбы государей въ рукахъ Провидѣнія“, и затѣмъ прибавилъ: „Эти событія могутъ только прочнѣе закрѣпить связи, соединяющія меня съ Франціей и императоромъ.

---

*) Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ. *Авт.*

**) Тутъ явно напутано: преступникъ былъ съ небольшимъ 20 лѣтъ. *Авт.*

Выраженія симпатіи со стороны населенія оставятъ во мнѣ неизгладимое воспоминаніе".

На слѣдующій день, 28 мая, телеграфировали изъ Парижа въ *Московскія Вѣдомости*, что въ Парижѣ *арестовано до 30 человѣкъ, по большей части поляки.*

Но объ этихъ арестованныхъ 30 позднѣе не встрѣчаемъ уже ни слова...

Тогда же оффиціальный *Русскій Инвалидъ* обнародовалъ „первыя показанія преступника Березовскаго":

Имя мое Антонъ Березовскій, 20 лѣтъ, родился въ Рутеники, Волынской губерніи, по ремеслу механикъ. Вслѣдствіе послѣдняго возмущенія долженъ былъ оставить Россію и поселиться въ Парижѣ, гдѣ нахожусь съ небольшимъ два года; семейство мое послѣ мятежа переселилось во внутреннія губерніи. Я сознаюсь, что выстрѣлилъ сегодня въ Императора во время возвращенія его со смотра. Двѣ недѣли тому назадъ у меня родилась мысль цареубійства; впрочемъ, вѣрнѣе, я питалъ эту мысль съ тѣхъ поръ, какъ началъ себя сознавать, имѣя въ виду освобожденіе родины. Я никому не сообщалъ о моемъ намѣреніи и одинъ отправился на парадъ. Пистолетъ для совершенія убійства былъ купленъ мною вчера, между вторымъ и третьимъ часомъ пополудни, на Севастопольскомъ бульварѣ за 9 франковъ. При мнѣ было нѣсколько заработанныхъ мною прежде денегъ; кромѣ того, вчера же я заложилъ въ ломбардѣ (Mont-de-Piété) пальто, за которое получилъ 8 франковъ. Сегодня, вставъ въ семь часовъ утра, я отлилъ пули, такъ какъ купленныя мною оказались малы. Отливъ пули, я отправился завтракать и потомъ пошелъ въ Елисейскія поля. Не встрѣтивъ Императора Александра на пути его къ войскамъ, я рѣшился ожидать его возвращенія. Когда карета его поровнялась со мною, я выстрѣлилъ. Еще вечеромъ третьяго дня, въ бытность Императора въ оперѣ, я намѣревался стрѣлять въ него, но у меня не было при себѣ пистолета. Я долго всматривался въ Императора, чтобы узнать его въ послѣдствіи.

Объ овацiяхъ въ засѣданіи законодательнаго сословія, въ театрахъ, на улицахъ, говорить не будемъ. Народъ французскій глубоко оскорбленъ былъ злодѣяніемъ. Нечего конечно упоминать и о томъ, какъ извѣстіе о вторичномъ покушеніи и избавленіи принято было въ Москвѣ, Петербургѣ, въ городахъ и деревняхъ русской земли. Но да позволено будетъ намъ привести хотя одну провинціальную картинку. Воображеніе и чувство подскажутъ читателямъ остальное.

Пишетъ корреспондентъ изъ Нижняго-Новгорода въ *Московскія Вѣдомости* (№ 118).

27 мая. Пишу подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія только что полученной здѣсь страшной вѣсти. Больной, сидѣлъ я сегодня раннимъ ут-

ромъ у окна... Была какая то особенная тишина. Вдругъ загудѣлъ соборный колоколъ въ Кремлѣ. Я слышалъ, какъ проходившіе въ ту минуту объясняли свои догадки о причинѣ этого звона: въ городѣ носятъ явленный образъ Владимірской Божіей Матери... Но вотъ стали являться на улицѣ испуганныя лица... Въ смятеніи, крестясь, бѣгутъ къ собору. „Слава Богу!.. Опять Богъ спасъ", говорятъ на бѣгу, едва переводя духъ, православные... Многіе плачутъ. Но мало по малу улицы Нижняго запестрѣли одеждами. Сейчасъ вошелъ на дворъ, съ кружкою въ пользу храма, сѣдой какъ лунь старикъ. Общее смятеніе повидимому не коснулось одного его... „Господи Боже нашъ, Господи Боже нашъ, шепчетъ онъ, что только *они* дѣлаютъ, что дѣлаютъ!.. Ничто противъ Его святой воли... Не извести *имъ* Его. Господь и силы небесныя сохранятъ Его!" Вотъ легкій вѣтерокъ донесъ изъ Кремля послѣдніе звуки *Боже, царя храни*, и за ними полилось дружное, перекатное, неумолкаемое *ура!* Это народъ и войско встрѣчаютъ извѣстіе о второмъ избавленіи Царя отъ руки убійцы.

Между тѣмъ въ оффиціальной *Сѣверной Почтѣ* обнародованы были слѣдующія телеграммы изъ Парижа:

Отъ 26 мая. Допросы продолжаются. До сихъ поръ ничто не указываетъ на существованіе заговора или развѣтвленіе преступнаго замысла. Преступникъ продолжаетъ обнаруживать фанатизмъ. У него найдены книги, въ которыхъ проводится мысль о цареубійствѣ.

Отъ 27 мая. Новаго по слѣдствію не обнаруживается. Судебныя власти заключаютъ, что преступленіе—дѣло одного лица, безъ сообщниковъ. Рана преступника вѣроятно потребуетъ ампутаціи руки.

Отъ 28 мая. Новыхъ обстоятельствъ по слѣдствію не обнаружено.

До сихъ поръ довольствовались мы краткими телеграфными извѣстіями. Но вотъ наконецъ приходитъ въ Россію почта съ подробностями о гнусномъ злодѣяніи.

Въ припискѣ къ письму отъ 25 мая, помѣченной 4 часами утра, корреспондентъ *Московскихъ Вѣдомостей* рисуетъ внѣшнюю сторону страшнаго событія 25 мая:

Императоръ Наполеонъ возвращался въ колескѣ à la daumont въ 4 лошади, съ Государемъ Императоромъ, Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Государемъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ. За ними ѣхали Императрица съ Прусскимъ королемъ. Когда они поравнялись съ мѣстомъ скачекъ противъ Каскада, то здѣсь толпа была такъ густа, что шталмейстеръ, прикомандированный къ Императору Александру, баронъ Бургуанъ, видя, что если слѣдовать назначеннымъ маршрутомъ, то придется ѣхать шагомъ, и желая избѣгнуть этого, приказалъ скорѣе повернуть влѣво. Такое внезапное измѣненіе поѣзда, разстроившее соображенія и намѣренія убійцы, было дѣломъ Провидѣнія, такъ какъ негодяй, увидя это, немедленно слѣзъ съ дерева, на которомъ гнѣздился и откуда разсчитывалъ прицѣлиться въ Императора. Онъ бросился лѣсными тропинками къ новому направленію императорскаго кор-

тежа, проложилъ себѣ путь сквозь толпу кулаками и локтями и приблизился на нѣсколько шаговъ къ императорской коляскѣ. Въ одно мгновеніе поднялъ онъ лѣвою рукой двухствольный пистолетъ и спустилъ курокъ; но въ это мгновеніе шталмейстеръ императора Наполеона, Ренбо, ѣхавшій верхомъ подлѣ своего императора, какъ шталмейстеръ баронъ Бургуанъ подлѣ Императора Александра, завидѣлъ убійцу, двинулъ на него свою лошадь и заградилъ собою императоровъ. Выстрѣлъ раздался изъ обоихъ стволовъ, и плохой пистолетъ, купленный за 9 франковъ, треснулъ въ рукѣ убійцы, у котораго оторвало два пальца. Одна пуля попала въ шею или морду лошади г. Ренбо. Эта лошадь сдѣлала нѣсколько шаговъ далѣе, упала и своею кровью обрызгала императора Наполеона и обоихъ Великихъ князей. Другая пуля пролетѣла, какъ полагаютъ, между императоромъ Наполеономъ и Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Толпа бросилась быстрѣе молніи на убійцу, хотѣла разорвать его, и сдѣлала бы это, если бы не полиція. „Держите его: это измѣнникъ, это полякъ!“ кричали со всѣхъ сторонъ. Его взяли, связали и съ большимъ трудомъ могли высвободить изъ толпы и запереть въ карету. Но нѣсколько далѣе, такъ какъ кричали, что это рабочій, то прибѣжали настоящіе рабочіе, крича: „нѣтъ, это не рабочій!“ бросились на карету, опрокинули ее и заставили его выйдти. Тотчасъ же было удостовѣрено, что онъ полякъ, по имени Березовскій, рабочій машинистъ на заводѣ Гуэнъ, имѣющій отъ роду 20 лѣтъ. На допросѣ, сдѣланномъ ему въ присутствіи графа Шувалова въ префектурѣ, онъ, не смотря на боль, объявилъ, что уже два года обдумывалъ свое намѣреніе, что пистолетъ зарядилъ двумя пулями съ тѣмъ, что если бы онъ случайно убилъ императора Наполеона, что для него было все равно, то у него оставалась бы еще пуля для Императора Александра, который, сохраняя совершенное спокойствіе и хладнокровіе, тотчасъ отправился въ открытомъ экипажѣ къ императрицѣ Евгеніи и къ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ, дабы успокоить ихъ.

Другой корреспондентъ того же изданія г. С. Яковлевъ пополняетъ этотъ разсказъ слѣдующими подробностями:

Выстрѣлъ раздался съ той стороны, съ которой сидѣлъ Наполеонъ III. Лошадь мотнула головой: брызги крови полетѣли въ карету и обагрили лице Великаго Князя Владиміра Александровича. У убійцы былъ двухствольный пистолетъ Lefaucheé. Вслѣдъ за первымъ выстрѣломъ раздался второй, но это былъ разрывъ пистолета, которымъ у убійцы оторвало два пальца. Общій крикъ негодованія раздался вокругъ экипажа, и толпа бросилась на убійцу, который хладнокровно поднялъ руки и, желая спасти себя, закричалъ: „Vive l'Empereur de Russie“. Но толпа невдалась въ обманъ и готова была бы разорвать на части убійцу, если бы тутъ не подоспѣлъ жандармскій полковникъ г. Алеманъ, который прикрылъ собою преступника и объявилъ, что онъ принадлежитъ правосудію. Тѣмъ не менѣе толпа успѣла разорвать въ куски всю его одежду, такъ что онъ почти голый попалъ въ руки полиціи, посадившей его въ первую попавшуюся извощичью карету, изъ которой высадили двухъ

дамъ. Толпа разнесла клумбу растеній, предъ которою стоялъ преступникъ, такъ что на этомъ мѣстѣ не осталось ни одного куста... Король прусскій, ѣхавшій съ императрицей Евгеніей на разстояніи четверти часа сзади первой кареты, узналъ объ этомъ событіи только въ Тюльерійскомъ дворцѣ; когда онъ проѣзжалъ мимо мѣста, гдѣ было совершено преступленіе, не оставалось ни малѣйшаго слѣда совершившагося.

Корреспондентъ высказываетъ догадку:

Неожиданный выстрѣлъ въ мѣстѣ, гдѣ никакъ не могли думать о проѣздѣ Государя, подаетъ поводъ думать, что *убійцъ было нѣсколько и что они были разсыпаны въ различныхъ мѣстахъ, по которымъ слѣдовалъ императорскій поѣздъ.*

Это подтверждается и сообщеніемъ *Figaro*. Газета утверждаетъ, что на самомъ полѣ, гдѣ былъ смотръ, замѣтна была *толпа изъ семи или восьми поляковъ, говорившихъ между собою съ особою горячностью.*

Тотъ же г. Яковлевъ передаетъ не лишенныя значенія подробности о злодѣѣ.

Березовскій—молодой человѣкъ, жившій въ послѣднее время безъ занятій въ Парижѣ и получившій не далѣе какъ во вторникъ изъ префектуры парижской полиціи, *въ видѣ исключенія*, субсидію въ тридцать франковъ. Французскія газеты прямо говорятъ, что онъ воспользовался этими деньгами, чтобы купить пистолетъ.

Не смотря на всѣ эти извѣстія и предположенія о сообщникахъ Березовскаго, наша оффиціальная или оффиціозная *Сѣверная Почта* продолжала увѣрять, что это преступленіе—фактъ единичный. Она напечатала новую телеграмму изъ Парижа, отъ 29 мая:

Слѣдствіе надъ Березовскимъ продолжается со всевозможнымъ тщаніемъ. Слѣдователи не оставляютъ ни одного обстоятельства и ни одного признака безъ внимательнаго и полнѣйшаго разъясненія. Ихъ убѣжденіе въ томъ, что преступленіе составляетъ единичный фактъ, не сопричастный какому либо заговору, не поколебалось. Преступникъ, повидимому, одинъ задумалъ свое злодѣяніе и никому о томъ не сообщалъ.

Даже „полякующій“ *Голосъ*, и тотъ, въ отвѣтъ на эти предупредительныя завѣренія, счелъ нужнымъ замѣтить, что русскимъ позволительно не вѣрить въ одноличность преступленія Березовскаго!

Корреспондентъ *Московскихъ Вѣдомостей* предлагаетъ въ послѣдующихъ письмахъ новыя подробности о событіи 25 мая, полученныя имъ отъ лицъ свиты Ихъ Величествъ, бывшихъ свидѣтелями покушенія.

Г. Ренбо, по его словамъ, откровенно объявилъ, что онъ видѣлъ только руку, протянутую со стороны императора Наполеона по направленію къ Императору Александру, и что онъ подумалъ сначала, что дѣло идетъ о какой нибудь просьбѣ. Во всякомъ случаѣ, видя, на какомъ близкомъ разстояніи была протянута рука, онъ счелъ долгомъ отклонить ее и вслѣдствіе этого далъ шпоры лошади, чтобы загородить экипажъ отъ человѣка, которому принадлежала эта рука. За третьею каретою ѣхала карета герцога Лейхтенбергскаго. Г. Мюссаръ бросился изъ кареты и побѣжалъ въ сторону, откуда раздался выстрѣлъ такъ громко, что весь лѣсъ огласился имъ. Онъ увидѣлъ человѣка, блѣднаго, съ искаженнымъ лицомъ, очень молодаго... Нѣсколько человѣкъ изъ толпы держали его за шиворотъ; одинъ изъ лѣсныхъ сторожей также схватилъ его. Безъ вмѣшательства жандармовъ, толпа разорвала бы злодѣя на части. Усилія полиціи были напрасны; ежеминутно протѣснялись новыя толпы и бросались на убійцу. Городскіе сержанты и жандармы сочли необходимымъ перенести его въ лѣсъ, чтобы укрыть отъ народной ярости... Злодѣя отвели въ префектуру, куда тотчасъ же явились, вмѣстѣ съ графомъ Шуваловымъ и генераломъ Лебефомъ, г. Рузъ, полицейскій префектъ, генеральный прокуроръ, императорскій прокуроръ, министръ юстиціи и министръ внутреннихъ дѣлъ... Березовскій не выказалъ ни малѣйшаго сожалѣнія, что покушеніе его не удалось. Ремесломъ онъ механикъ; отъ роду ему 23 года. Онъ потерялъ много крови. Стрѣлялъ онъ обѣими руками: лѣвою держалъ пистолетъ, а правою спускалъ курокъ. Когда народъ, бросившійся на него, чтобы его разорвать, разсвирѣпѣлъ до такой степени, что городовые сержанты должны были для охраненія его обнажить сабли, то онъ воскликнулъ: „Вы шайка убійцъ!“ Тогда толпа еще разъ бросилась было на него, чтобъ его задушить. Кровь изъ ноздрей раненой лошади г. Ренбо обрызгала императора Наполеона, Наслѣдника Цесаревича и въ особенности Великаго Князя Владиміра Александровича, который сидѣлъ ближе къ лошади, напротивъ императора Наполеона, который, увидя на немъ кровь, воскликнулъ: „Вы ранены, Ваше Высочество!“ и началъ его ощупывать. Когда же Августѣйшія особы убѣдились, что никто изъ нихъ не раненъ, то императоръ Наполеонъ успокоилъ этимъ извѣстіемъ толпу.

Герцогъ Лейхтенбергскій, по словамъ корреспондента, немедленно бросился къ Его Величеству, который его обнялъ и сказалъ:

Въ другой разъ я вижу тебя первый около себя, избѣгнувъ чудеснымъ образомъ отъ ударовъ убійцы.

Императоръ далъ ему въ воспоминаніе фотографическую карточку, на которой Его Величество изображенъ былъ въ томъ самомъ мундирѣ, который былъ на немъ въ день покушенія 4 апрѣля.

Корреспондентъ описываетъ представленіе покойному Государю, проживавшихъ тогда въ Парижѣ русскихъ.

Сегодня утромъ (25 мая) множество русскихъ, безъ различія сословій, собрались въ аппартаментахъ Императора Александра. Въ половинѣ перваго Императоръ вышелъ, очевидно взволнованный, и сказалъ: „Кажется, еще разъ хотѣли покуситься на мою жизнь, но Провидѣніе видимо охраняетъ меня. Но если Его неисповѣдимому Промыслу угодно призвать меня—я готовъ!“ *) При этихъ словахъ у присутствовавшихъ навернулись на глазахъ слезы, выражавшія безмолвно, но искренно ихъ чувство. Потомъ всѣ сѣли въ экипажи и отправились въ русскую церковь, на улицѣ Креста, гдѣ стояла еще толпа русскихъ.

Корреспондентъ *Московскихъ Вѣдомостей* г. Яковлевъ тоже продолжалъ сообщать отрывочныя свѣдѣнія по поводу покушенія.

Березовскій, пишетъ онъ, арестованъ въ тюрьмѣ Conciergerie... Про него говорятъ, что онъ очень упалъ духомъ и не сообщаетъ никакихъ подробностей ни о себѣ, ни о покушеніи. Онъ уроженецъ города Дубна; отецъ его однодворецъ, бывшій сначала уніатомъ, при Императорѣ Николаѣ I присоединился къ православію. Газета La Presse говоритъ, что Березовскій, по прибытіи въ Парижъ послѣ польскаго мятежа, хотѣлъ заняться окончаніемъ своего образованія и получилъ тогда же 200 франковъ на этотъ предметъ. Въ продолженіе четырехъ или пяти мѣсяцевъ онъ былъ въ институтѣ Жофре, но потомъ поступилъ работникомъ на механическій заводъ г. Гуэна, гдѣ нашелъ уже не мало рабочихъ изъ поляковъ. Онъ хотѣлъ нѣсколько разъ впослѣдствіи удалиться въ Галицію. Онъ продолжаетъ настаивать на томъ, что не имѣлъ сообщниковъ. Тѣмъ не менѣе *Patrie* разсказываетъ, что когда экипажъ Ихъ Величествъ подъѣзжалъ къ мосту, гдѣ совершено было преступленіе, восемь или десять стоявшихъ тутъ блузниковъ закричали: Vive la Pologne! Вскорѣ раздался выстрѣлъ, и тѣ же блузники бросились впередъ съ крикомъ: Vive l'Empereur! *Вообще полагаютъ, что на пути Ихъ Величествъ было разставлено въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько убійцъ, а въ крикѣ блузниковъ подозрѣваютъ сигналъ того, что экипажъ совершенно-неожиданно поворотилъ въ боковую аллею.*

II.

Такова фактическая сторона этого преступленія. Теперь попытаемся свидѣтельствами современниковъ освѣтить относительный смыслъ этого злодѣянія. Здѣсь не можемъ не привести прекраснаго письма парижскаго корреспондента *Варшавскаго Дневника*. Письмо адресовано въ газету *Pays*.

10 іюня 1867 года.

М. г. Польскіе эмигранты протестуютъ противъ покушенія Березовскаго и выражаются слѣдующимъ образомъ: „Политическое покушеніе

*) Эти слова Государя были уже приведены выше изъ телеграммы. *Авт*

противорѣчитъ всѣмъ нашимъ преданіямъ. Это поступокъ безразсуднаго молодаго человѣка".

Мы утверждаемъ, что политическое покушеніе было любимымъ оружіемъ поляковъ, фанатизированныхъ ихъ ксендзами, которые благословляли кинжалы и вербовали людей, коимъ поручаемо было наносить смертельные удары.

Три тысячи сто тридцать два человѣка было умерщвлено по повелѣнію варшавскаго подземнаго правительства, самыми усердными опорами коего были ксендзы. Такимъ образомъ русское правительство обязано выплачивать *три тысячи сто тридцать двѣ пенсіи*.

Великій князь Константинъ Николаевичъ едва не сдѣлался жертвою покушенія въ 1862 году; маркиза Велёпольскаго пытались умертвить дважды; графъ Бергъ едва не погибъ отъ орсиніевской бомбы, пущенной изъ дворца Замойскаго, а литераторъ Минишевскій, редакторъ *Варшавскаго Дневника*, противникъ революціи, былъ пораженъ кинжаломъ за то, что онъ осмѣлился написать, что „возстаніе погубитъ Польшу" *).

И во всемъ этомъ принимала нравственное соучастіе журналистика, ибо когда правосудіе успѣвало захватить убійцъ и произносило надъ ними приговоръ, журналистика раздавала этимъ убійцамъ гражданскіе вѣнцы.

Рылли, Ржонцы, Ярошинскіе, Лемпке, Каракозовы именуются у поляковъ *мучениками за свободу*. Портреты ихъ хранятъ, какъ святыню; ихъ представляютъ окруженными ореоломъ и съ пальмою мученичества въ рукахъ.

Нѣтъ, Березовскій не единственный полякъ, *стрѣлявшій по польскому дѣлу*; болѣе шестидесяти именъ блещутъ зловѣщею извѣстностью до него и вмѣстѣ съ нимъ.

Три тысячи сто тридцать два человѣка погибли въ Польшѣ отъ политическихъ убійствъ!

Послѣ этого, надѣемся, понятно будетъ и слѣдующее письмо, напечатанное въ *Siècle* и адресованное не къ Русскому Императору, а къ императору французовъ нѣкоторыми эмигрантами-поляками.

Послѣ предисловія, адресъ говоритъ:

Это поступокъ молодаго человѣка, доведеннаго до отчаянія избытомъ горести семейной и національной. Вслѣдствіе этого мы осмѣливаемся надѣяться, что это происшествіе не нарушитъ многовѣковой симпатіи, которую питаетъ Франція къ сестрѣ своей Польшѣ, терпящей нынѣ *отъ Балтійскаго моря до Чернаго* самое безпощадное гоненіе, но не перестающей, на перекоръ наружности, предполагать, что Богъ судилъ вашему императорскому величеству славу положить ему конецъ.

---

*) Надо сюда добавить еще покушенія противъ графа Лидерса и генерала Трепова. Любопытно, что въ послѣдствіи на того же г. Трепова покушалась и Вѣра Засуличъ. *Авт.*

Сопоставимъ съ этимъ адресомъ *красныхъ* эмиграціи къ императору Наполеону адресъ *бѣлыхъ* магнатовъ, поданный Императору Александру Николаевичу въ Елисейскомъ дворцѣ особою депутаціею, прибывшею изъ Варшавы. Холодный тонъ втораго адреса, упоминаніе о *народахъ* (намекъ на австрійскую систему), *о великодушныхъ намѣреніяхъ* Александра II, ставитъ въ русскихъ глазахъ и этотъ адресъ, за подписью А. Островскаго, графа С. Велёпольскаго, графа К. Красинскаго, графа І. Замойскаго и другихъ польскихъ магнатовъ, не многимъ выше только что приведеннаго нами адреса красныхъ, а тотъ и другой не свидѣтельствуютъ ли, что за выстрѣломъ Березовскаго стояло по крайней мѣрѣ хотя только нѣкоторое сочувствіе красныхъ и бѣлыхъ? Вотъ этотъ адресъ:

Государь!

Отъ имени поляковъ Царства Польскаго, мы повергаемъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества заявленіе ощущаемой нами радости, въ виду вторичнаго спасенія Провидѣніемъ Вашей жизни, столь драгоцѣнной для всѣхъ Вашихъ *народовъ*. За насъ самихъ и *за нашихъ сотечественниковъ* *), мы считаемъ долгомъ заклеймить всѣ разрушительныя стремленія, слѣдствіемъ коихъ между прочимъ было, Государь, то, что они парализовали *Ваши великодушныя намѣренія относительно нашего отечества* и сокрушили его благоденствіе и т. д.

Стоило бы сравнить этотъ адресъ хотя бы съ теплымъ адресомъ англичанъ, проживавшихъ въ Кронштадтѣ, отсутствіе заявленія коихъ никто бы конечно и не замѣтилъ; но это далеко бы увлекло насъ за предѣлы спокойнаго повѣствованія. Даже римскій первосвященникъ, не смотря на разрывъ тогда дипломатическихъ сношеній между Россіею и Римомъ, счелъ необходимымъ предписать своему нунцію въ Парижѣ передать Его Величеству „глубокое сожалѣніе“ и „свои поздравленія“.

А между тѣмъ, чѣмъ болѣе просматриваемъ мы современныя газеты, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что дѣло Березовскаго было не единоличное, что были подосланы и еще убійцы. Такъ напримѣръ, изъ Парижа писали въ *Nord* отъ 14 іюня нов. ст., что въ программу посѣщенія Фонтенебло Императоромъ Всероссійскимъ входила также прогулка по лѣсу, но она не состоялась. Газетѣ сообщали, *на основаніи достовѣрныхъ свѣдѣній*, что

*) „Коихъ представительство они самовластно присвоиваютъ себѣ, и передъ кѣмъ же?—передъ Монархомъ“. *Москов. Вѣд.* 1867 г. № 125.

Префектъ полиціи далъ знать о прибытіи въ Фонтенебло изъ Бельгіи одного поляка, вооруженнаго сѣдельнымъ пистолетомъ. Тотчасъ же было приказано арестовать его, но это не удалось, а потому императоръ Наполеонъ, извѣстясь о томъ, рѣшился, никого не предувѣдомляя объ истинной причинѣ, отмѣнить прогулку по лѣсу.

Выстрѣлъ Березовскаго, какъ дѣло польской „справы", всего скорѣе должны были почувствовать не въ Петербургѣ или Москвѣ, а на Украйнѣ, въ Кіевѣ напримѣръ, гдѣ политическое зрѣніе зорче, изощренное долгимъ историческимъ гнетомъ. И вотъ какъ между прочимъ отозвался *Кіевлянинъ* при вѣсти о злодѣйствѣ 25 мая:

Трудно и сообразить, говоритъ газета, что было бы съ нашимъ отечествомъ... Одно только ясно и вѣрно представляется намъ: если бы удалось „злодѣйство безъ числа, безъ мѣры и предѣловъ", — вопросъ польскій былъ бы *покончень*, *такъ страшно* покончень, что на душѣ холодѣетъ отъ одного представленія объ этомъ. Призывъ къ заупокойной паннихидѣ въ городахъ и селахъ нашихъ поднялъ бы все освобожденное русское населеніе. И кто могъ бы остановить его? Месть народа, безпощадная, неумолимая, равнялась бы только безпредѣльной любви его къ Царю-Освободителю.

Газета признаетъ историческою аксіомою, что малѣйшая уступка полякамъ *) становится вредною для нихъ самихъ, возбуждая опять въ ихъ разгоряченныхъ головахъ несбыточныя надежды, какъ бы подстрекая ихъ на продолженіе игры въ возстановленіе польскаго королевства.

Не смотря на овація Императору Александру II во Франціи, нравственная отвѣтственность за выстрѣлъ Березовскаго, по замѣчанію современныхъ изданій, не снимается и съ администраціи этого государства. Въ этомъ отношеніи позволимъ себѣ указать на замѣчательную статью *Nord*'а; петербургскій корреспондентъ этой газеты г. У. отъ 18 іюня между прочимъ пишетъ:

Съ 1830 года и до 6 іюня 1867 г. въ Парижѣ былъ организованъ и тщательно поддерживаемъ тотъ очагъ польской революціи, откуда различныя правительства, слѣдовавшія одно за другимъ во Франціи, почерпали планы раздора, которые они направляли противъ Россіи. Островъ Сенъ-Луи составляетъ въ нѣдрахъ самой столицы Франціи родъ укрѣпленнаго лагеря, гдѣ хранились самые гнусные революціонные элементы и гдѣ анархія дѣйствовала безнаказанно съ клерикализмомъ и феодализмомъ для устройства заговоровъ, направленныхъ противъ Россіи, но жертвою коихъ была преимущественно Польша. При обсужденіи каждаго го-

*) Передъ 25 мая была обнародована нѣкоторая амнистія. *Авт.*

доваго бюджета, представители французской націи утверждали субсидіи, имѣвшія цѣлью поддерживать этотъ очагъ, поощрять опасныя и невыполнимыя надежды поляковъ, и многіе ораторы, даже изъ числа высокопоставленныхъ, произносили по этому случаю клеветы и оскорбленія противъ Россіи.

По дальнѣйшимъ словамъ корреспондента, изъ допроса Березовскаго оказалось, что злодѣй этотъ былъ пенсіонеромъ французскаго правительства и что наканунѣ того самаго дня, когда онъ покусился на жизнь Императора Александра, онъ получилъ 35 франковъ въ видѣ субсидіи. Злонамѣренныя стремленія польской эмиграціи, по словамъ автора, не были ни для кого тайною; они заявлены были снова во время возстанія 1863 года преступленіями, задуманными издавна, совершенными хладнокровно и юридически доказанными. Корреспондентъ указываетъ на покушенія въ Варшавѣ противъ высокопоставленныхъ лицъ, „организацію жандармовъ-вѣшателей, которые въ теченіе слишкомъ года отправляли свою должность на улицахъ Варшавы и по всему Царству, гдѣ они совершили 1,087 убійствъ“, „благословеніе и раздачу польскимъ духовенствомъ отравленныхъ кинжаловъ, покупку *кураре* *) по распоряженію подземнаго правительства, имѣвшаго своихъ агентовъ въ Парижѣ, въ Римѣ и Лондонѣ“. Факты эти, положительные, очевидные, должны бы возбудить негодованіе Франціи и отвратить ее отъ сочувствія дѣлу, пользующемуся подобными средствами. Далѣе корреспондентъ указываетъ на отчетъ генералъ-полицеймейстера Царства Польскаго за 1865, изъ котораго очевидно, что банды зажигателей организовались въ Швейцаріи, Турціи и Парижѣ, что въ маѣ 1864 года въ Дрезденѣ князь Сапега созвалъ чрезвычайный совѣтъ эмиграціи, на которомъ *съ восторгомъ была принята* идея о составленіи заговора противъ жизни многихъ государей, и что польскіе же выходцы положили умертвить трехъ государей, съѣхавшихся въ то время въ Киссингенѣ, на что мы раньше уже указывали.

Подобные факты, продолжаетъ корреспондентъ *Nord*'а, юридически доказанные и обнародованные, не могли ускользнуть отъ бдительнаго надзора французской полиціи. Она должна была знать, что это за эмиграція, отправляющая одного князя, двухъ графовъ, одного ксендза и нѣсколько

*) Сильнѣйшее изъ ядовитыхъ веществъ. Оно оказывалось и у нѣкоторыхъ изъ нашихъ крамольниковъ. *Авт.*

другихъ вліятельныхъ лицъ изъ своей среды для изобрѣтенія средствъ къ убійству императоровъ русскаго и австрійскаго и короля прусскаго. Невозможно объяснить себѣ, какимъ образомъ правильно организованное правительство не гнушалось выдавать субсидію этимъ злодѣямъ на счетъ своихъ плательщиковъ податей. Матеріальнаго факта, что Березовскій могъ купить себѣ свое цареубійственное оружіе за 35 франковъ, выданныхъ ему французскими властями, уже достаточно, чтобы глубоко сожалѣть объ этой ни на чемъ не основанной щедрости.

Въ заключеніе авторъ письма указываетъ, какъ еще недавно французскіе суды формальнымъ приговоромъ явили примѣръ безнаказанности для польской эмиграціи. Нѣкоторые изъ членовъ этой эмиграціи, уличенные въ поддѣлкѣ и распространеніи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ русскихъ, были оправданы единственно потому, что, какъ они объявили, они дѣйствовали по ненависти къ Россіи. Если фабрикація фальшивыхъ денегъ, преступленіе, строго наказываемое всѣми законодательствами, извинялась и даже поощрялась французскими присяжными, то и цареубійство, которое есть не что иное, какъ послѣдняя ступень въ сферѣ преступленій этого рода, было бы въ правѣ требовать въ свою пользу смягчающихъ обстоятельствъ со стороны тѣхъ же самыхъ присяжныхъ.

Дѣйствительно, въ послѣднемъ выводѣ своемъ корреспондентъ *Nord*'а не ошибся, какъ увидимъ ниже.

Впрочемъ даже въ самой Франціи, въ ея печати, покушеніе Березовскаго вызвало голоса, которые пытались представить „польское дѣло“ въ его настоящемъ свѣтѣ. Для образца приведемъ выдержку изъ письма въ *Pays* *) одного землевладѣльца въ окрестностяхъ Парижа. Письмо, по замѣчанію редакціи газеты, „умѣло соединить историческіе факты со здравымъ смысломъ“. Послѣ краткаго историческаго очерка, корреспондентъ говоритъ:

Всѣ, участвовавшіе въ битвахъ противъ Россіи, всѣ, замѣшанные въ мятежѣ и желавшіе оставить отечество, получили позволеніе переселиться въ чужіе края, и такимъ образомъ къ намъ явились польскіе эмигранты, которымъ выдается ежегодно по нѣскольку милліоновъ и часть которыхъ не разъ выражала намъ свою признательность, являясь въ первыхъ рядахъ на баррикадахъ 5 и 6 іюня 1832 года, 13 и 14 апрѣля 1834 года, 24 февраля и 24 іюня 1848 г. и во всѣхъ демагогическихъ заговорахъ.

*) *Pays* изданіе оффиціозное. *Авт.*

Этимъ объясняется весьма понятная къ нимъ нѣжность нашихъ революціонеровъ. Возстаніе 1863 года представляетъ тѣ же самыя черты, но только въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ возстаніе 1830 года.

Сравнивъ положеніе Россіи въ Польшѣ съ положеніемъ Франціи въ Алжиріи, гдѣ въ злополучныхъ пещерахъ Дара задушено было до 900 женщинъ и дѣтей, корреспондентъ продолжаетъ:

И такъ, требовать нынѣ отъ Россіи возстановленія въ Польшѣ трактатовъ 1815 года, не принимать въ разсчетъ 300,000 человѣкъ, потерянныхъ ею въ этой странѣ, а равно и 600 милліоновъ, ею истраченныхъ для подавленія возстанія 1830 года, требовать, чтобы она привела себя въ то же затруднительное положеніе, въ какомъ находилась въ то время,—не значитъ ли оскорблять самый простой здравый смыслъ? Россія оставила Польшу богатою и цвѣтущею; она возвратила ее себѣ снова обагренною кровью и разоренною. Зачѣмъ же оскорблять Государя и покушаться на жизнь его, Государя, который посѣтилъ насъ, полный довѣрія къ нашему гостепріимству и нашей вѣжливости, упрекать его за внутреннюю политику, которая была только роковымъ послѣдствіемъ хода вещей и которую мы можетъ быть превзошли бы въ подобномъ случаѣ?

Но еще любопытнѣе, какъ преступленіе Березовскаго было оцѣнено въ Америкѣ. Американскій *New-York-Herald* отозвался такъ:

По умерщвленіи нашего президента Линкольна, ни одно событіе не произвело въ образованномъ мірѣ столь сильнаго впечатлѣнія, какъ покушеніе въ Булонскомъ лѣсу.

Воздавъ должныя хвалы Императору Александру II, газета обсуждаетъ послѣдствія этого преступленія:

Въ настоящую минуту несомнѣнно только то, что оно повсюду повредитъ дѣлу поляковъ. Ими и безъ того уже слишкомъ много занимались. Въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній они заводили смуты въ Америкѣ, какъ въ Европѣ. Вслѣдствіе событія 6 іюня, остатокъ сочувствія, которое питали къ нимъ, исчезнетъ навсегда и вполнѣ. Можетъ быть, несправедливо сваливать на весь народъ отвѣтственность за преступленіе одного человѣка; пусть несправедливо, но это неизбѣжно.

Le Nord отъ 25 іюня н. ст., повторяя, что слѣдствіе по дѣлу Березовскаго еще не окончено, прибавляетъ:

Въ настоящую минуту въ мазасской тюрьмѣ находится другой полякъ, заключенный туда по обвиненію въ соумышленности съ виновникомъ покушенія въ Булонскомъ лѣсу.

Вотъ еще новое извѣстіе, что преступленіе Березовскаго было не единоличнымъ дѣломъ; но и этого „другаго поляка“, замѣченнаго оффиціознымъ *Nord*-омъ, на судѣ мы не увидимъ.

Государь Императоръ тѣмъ не менѣе возвращался домой

черезъ Польшу. Въ Варшавѣ онъ сказалъ только нѣсколько привѣтливыхъ словъ, но въ Вильнѣ 13 іюня, при представленіи лицъ мироваго института, покойный Императоръ замѣтилъ:

Благодарю васъ, господа, за вашу полезную службу; продолжайте ее съ прежнимъ усердіемъ. Увѣренъ, что вы будете дѣйствовать съ полнымъ безпристрастіемъ.

Къ крестьянамъ, присоединившимся къ православію, Царь Освободитель обратился съ слѣдующими словами:

Очень радъ васъ видѣть православными; увѣренъ, что вы перешли въ древнюю вѣру края съ убѣжденіемъ и искренно. Знайте, что разъ принявшимъ православіе я не могу дозволить возвратъ въ католичество. Знайте это и скажите это отъ меня всѣмъ своимъ. Повторяю: радъ васъ видѣть православными *).

За то въ Ригѣ Государь счелъ умѣстнымъ упомянуть представителямъ и о злодѣйскомъ покушеніи:

Вы знаете, господа, съ какою радостью я пріѣзжаю каждый разъ въ вашъ край. Я умѣю цѣнить чувства вашей нелицемѣрной преданности, которыя вновь выразились такъ сильно, послѣ того какъ Богъ меня вторично спасъ отъ руки убійцы. Я знаю, что они искренны и въ васъ наслѣдственны. То же могу сказать и про мое довѣріе къ вамъ. Оно также перешло ко мнѣ наслѣдственно, и я ручаюсь вамъ, что я его передамъ и дѣтямъ моимъ (*Громкое ура, прервавшее на нѣсколько времени рѣчь*). Но я желаю, господа, чтобы вы не забывали, что вы принадлежите къ единой семьѣ русской и составляете нераздѣльную часть Россіи, за которую отцы и братья ваши и многіе изъ васъ самихъ проливали кровь. Вотъ почему я вправѣ надѣяться, что и въ мирное время я найду въ васъ содѣйствіе мнѣ и представителю власти моей, облеченному полнымъ моимъ довѣріемъ, для приведенія въ исполненіе тѣхъ мѣропріятій и нововведеній, которыя я считаю полезными и необходимыми для вашего края. Я увѣренъ, господа, что и въ этомъ отношеніи я не ошибусь въ моемъ довѣріи къ вамъ и что вы оправдаете его на дѣлѣ. Теперь мнѣ остается только благодарить васъ за вашъ радушный пріемъ, который меня глубоко тронулъ **).

29 іюня н. ст. слѣдствіе по дѣлу Березовскаго было окончено, о чемъ и заявилъ *Вечерній Монитёръ* отъ 30 іюня, добавляя, что слѣдственный судья г. де-Гоне посвятилъ двад-

*) Телеграмма *Моск. Вѣд.* въ № 130. Покойный Императоръ, при каждомъ замѣчательномъ событіи, высказывалъ подданнымъ свои благія намѣренія. Припомнимъ его рѣчи при освобожденіи крестьянъ, передъ прошлою войною и т. д. Безъ сомнѣнія, изданіе рѣчей этихъ было бы весьма желательно для каждаго русскаго. *Авт.*

**) Изъ *Русск. Инвалида*.

цать дней какъ выслушанію значительнаго числа свидѣтелей, такъ и допросу Березовскаго.

Протоколъ слѣдствія, по словамъ *Монитёра*, составленъ былъ и подписанъ императорскимъ прокуроромъ г. Муаньйономъ. Березовскій отправленъ, по распоряженію слѣдственнаго судьи, въ обвинительную палату, президентомъ коей состоялъ г. Филлонъ. Палата должна была разсмотрѣть, слѣдуетъ ли виновника покушенія 6 іюня подвергнуть суду присяжныхъ Сенскаго департамента.

Черезъ нѣсколько дней *Gazette des Tribunaux* напечатала, что обвинительная палата парижскаго имперскаго суда выслушала 2 іюля докладъ о дѣлѣ Березовскаго, составленный генеральнымъ адвокатомъ г. Бенуа. Затѣмъ судъ приступилъ къ совѣщанію и отложилъ до 4 іюля постановленіе своего приговора.

Наша печать не могла конечно равнодушно относиться къ слѣдствію надъ Березовскимъ, въ чужой странѣ, по чужимъ законамъ, судьями, едва ли очень возмущенными преступленіемъ 25 мая. Но ей оставалось ограничиться только сообщеніемъ извѣстныхъ ей свѣдѣній о преступникѣ.

Родъ Березовскихъ, говорятъ напримѣръ *Волынскія Губернскія Вѣдомости*, принадлежитъ къ числу довольно древнихъ дворянскихъ родовъ на Волыни и записанъ въ шестую часть родословной книги Волынской губерніи. По справкамъ оказывается, что прадѣдъ Антона Григорія Березовскаго Матеушъ носилъ польскій чинъ, на каковой чинъ ему дана была привилегія королемъ Станиславомъ Августомъ. Упомянутый Антонъ Григорій, вмѣстѣ съ двумя братьями своими Станиславомъ и Цезаремъ, причислены къ тому же роду Березовскихъ въ 1855 году. Антонъ Григорій родился, какъ видно изъ метрическаго свидѣтельства, близъ Любара въ селѣ Авратинѣ, нѣкогда наслѣдственномъ имѣніи Березовскихъ, 9 мая 1847 года и окрещенъ по католическому обряду. Отецъ его служилъ въ волынскомъ губернскомъ управленіи писцомъ и уволенъ отъ службы въ 40 годахъ. Онъ и родной братъ его Кастанъ (дядя Антона) неоднократно бывали подъ судомъ по политическимъ и уголовнымъ преступленіямъ.

Нѣкоторыя изъ иностранныхъ газетъ, не останавливавшіяся предъ клеветою на Россію, распустили слухи, будто бы Березовскій былъ ожесточенъ варварскимъ насиліемъ, которому подверглась его сестра со стороны русскихъ солдатъ; Березовскій такимъ образомъ являлся будто бы мстителемъ за семейную честь. Уголовное дѣло, производившееся въ 1863

и 1864 годахъ въ херсонской палатѣ уголовнаго суда, всего лучше отвѣчаетъ на эту клевету, рисуя въ истинномъ свѣтѣ среду, откуда вышелъ преступникъ. Въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*, за подписью члена херсонской палаты уголовнаго суда, поручика Н. Курдюмова, напечатана была замѣтка по этому дѣлу, со свѣдѣніями, доставленными въ редакцію газеты товарищемъ предсѣдателя той же уголовной палаты.

По прочтеніи въ № 132 *Одесскаго Вѣстника* статьи о происхожденіи Березовскаго, авторъ письма былъ пораженъ тождественностью имени и мѣста рожденія преступника съ именами, находящимися въ дѣлѣ о судившемся въ херсонской палатѣ уголовнаго суда Іосифѣ Березовскомъ.

Девизъ дѣла, говоритъ авторъ, „О подсудномъ дворянинѣ Іосифѣ Березовскомъ, 40 лѣтъ, преданномъ суду за растлѣніе дочери своей Каролины, 11 лѣтъ“. Изъ дѣла видно, что Іосифъ-Захарій (двухъ именъ) Николаевичъ Березовскій имѣлъ сыновей: Станислава, Антонія, Цезаря и дочь Каролину. Въ 1852 году 18 іюля жена его Каролина умерла, и, по неизвѣстной отлучкѣ мужа, дѣти умершей находились при своей бабкѣ Юзефѣ Гриневичъ, въ селеніи Кутыщахъ Новоградволынскаго уѣзда. Въ 1863 году Іосифъ Березовскій взялъ насильно своихъ младшихъ дѣтей Цезаря 13 и Каролину 11 лѣтъ и поѣхалъ съ ними въ разныя мѣста заниматься настройкой фортепіано, но, какъ видно, нищенствовалъ. Черезъ Таращу и Златополь онъ прибылъ въ 1863 году въ Елисаветградъ, гдѣ былъ арестованъ за изнасилованіе своей дочери Каролины и содержался въ бобринецкомъ тюремномъ замкѣ. Но по несознанію и за отсутствіемъ уликъ къ обвиненію его въ преступленіи, по рѣшенію херсонской палаты уголовнаго суда, 14 августа 1864 г. опредѣлено: „Іосифа Николаева Захарія Березовскаго оставить по дѣлу растлѣнія своей дочери Каролины въ сильнѣйшемъ подозрѣніи и выслать его на мѣсто жительства для водворенія, съ отдачею подъ надзоръ полиціи. Метрическія же свидѣтельства дѣтей подсудимаго отдать бабкѣ ихъ, дворянкѣ Юзефѣ Гриневичъ, назначенной надъ дѣтьми подсудимаго Березовскаго опекуншею и живущей въ с. Кутыщахъ Новаградволынскаго уѣзда“. Есть основаніе предполагать, что вѣроятно находился въ семействѣ, при переѣздахъ отца, и преступникъ Антонъ Березовскій.

III.

Березовскій былъ преданъ суду присяжныхъ.

Засѣданіе сенскаго ассизнаго суда открылось 15 іюня 1867 г. при многочисленномъ стеченіи публики. На столѣ вещественныхъ доказательствъ находился двуствольный пистолетъ, одно дуло котораго разорвано, связка книгъ, составлявшихъ

библіотеку обвиняемаго, боевые снаряды, красное шерстяное кашне, черное пальто, въ которомъ найдено было сочиненіе, заключающее въ себѣ клятву Киленскаго.

Въ половинѣ 11 вводятъ подсудимаго. Это молодой человѣкъ, съ блѣднымъ и смугловатымъ лицемъ; темнорусые волосы подняты на высокомъ и правильномъ лбу. Его овальное лице окружено небольшой бородой; онъ носитъ усы. Лѣвая рука его поддерживается шарфомъ изъ черной шелковой матеріи. Березовскій улыбается своему защитнику, нѣсколько минутъ разговариваетъ съ нимъ и раскланивается съ нѣкоторыми знакомыми, находившимися въ залѣ.

Президентское кресло занимаетъ совѣтникъ Бертеленъ; прокурорское мѣсто—генералъ-прокуроръ де-Марна; защитника—Эммануилъ Араго. Присяжные принимаютъ присягу; подсудимый нѣсколько блѣднѣетъ въ это время. Секретарь Коммерсонъ принимается за чтеніе обвинительнаго акта.

Къ извѣстнымъ уже намъ подробностямъ преступленія обвинительный актъ добавляетъ черты изъ прошлаго у подсудимаго. Актъ этотъ повѣствуетъ:

Слѣдствіе обнаружило, что вопреки сопротивленію своего отца, фортепіаннаго учителя въ Россіи, Березовскій, не имѣя никакого личнаго повода къ неудовольствію, вступилъ въ 1863 г. въ ряды польскаго возстанія. Онъ участвовалъ въ немъ всего лишь нѣсколько недѣль, послѣ чего онъ удалился въ Галицію, гдѣ пробылъ около года. Когда австрійское правительство объявило эту провинцію въ осадномъ положеніи, онъ перебрался въ Германію, оттуда въ Бельгію и въ 1865 году прибылъ въ Парижъ просить у Франціи гостепріимства и пособій. Появленіе его нѣсколько времени послѣ этого въ русскомъ посольствѣ для полученія паспорта указываетъ, повидимому, что онъ имѣлъ желаніе возвратиться на родину; но въ точности нельзя было узнать, почему намѣреніе это не удалось, и подсудимый продолжалъ жить въ Парижѣ, будучи въ разное время то рабочимъ механикомъ на разныхъ фабрикахъ, то ученикомъ въ институтѣ Жофре, живя уединенно, чуждаясь своихъ товарищей, даже своихъ соотечественниковъ, и съ жадностью читая книги, способныя воспламенять тѣ чувства, которымъ вскорѣ онъ долженъ былъ вполнѣ предаться. Съ 13 августа 1866 года онъ находился на фабрикѣ фирмы Гуэнъ, гдѣ онъ уже два раза прежде работалъ въ разное время, когда въ концѣ апрѣля разнеслась вѣсть, что Императоръ Александръ въ скоромъ времени прибудетъ во Францію. Безъ сомнѣнія, преступные замыслы волновали въ это время умъ подсудимаго, который 30 апрѣля оставилъ фабрику Гуэнъ подъ предлогомъ болѣзненнаго состоянія и провелъ май мѣсяцъ въ совершенной праздности. 27 мая онъ совершилъ путешествіе въ Муи, въ департаментѣ Оазы, цѣль коего осталась не

разъясненною. Но 1 іюня онъ возвратился въ Парижъ и находился на станціи Сѣверной желѣзной дороги во время прибытія Русскаго Государя. Березовскій въ довѣріи Государя, разсчитывавшаго на благородство населенія, увидѣлъ только средство для удовлетворенія своихъ замысловъ мщенія и сталъ искать удобнаго случая для ихъ исполненія. Съ этою цѣлью 4 іюня вечеромъ онъ находился у входа въ оперный театръ, ожидая выхода Ихъ Величествъ; измѣннически присоединясь къ группамъ, которыя всего восторженнѣе выражали свое привѣтствіе, онъ слѣдовалъ бѣгомъ за кортежемъ до Елисейскаго дворца, крича: *да здравствуетъ Императоръ!* и все болѣе убѣждаясь въ возможности легко приблизиться къ каретѣ Русскаго Государя, онъ выбралъ день смотра, назначеннаго на 6 іюня, для исполненія покушенія, на которое онъ рѣшился. Ежемѣсячное пособіе въ 35 франковъ, которое онъ получалъ отъ администраціи и за которымъ онъ не пропустилъ явиться 3 іюня, и небольшая сумма денегъ, которую онъ добылъ въ другомъ мѣстѣ, дали ему необходимыя средства для пріобрѣтенія орудій преступленія. 5 іюня, въ два часа, онъ покупаетъ за 8 франковъ у оружейника Брюнвили двуствольный пистолетъ, который былъ поднятъ у его ногъ въ Булонскомъ лѣсу, и добываетъ себѣ въ то же время пять пуль и коробку пистоновъ. Вечеромъ онъ покупаетъ пороху въ другомъ магазинѣ и отыскиваетъ въ разныхъ газетахъ тѣ свѣдѣнія о завтрешнемъ смотрѣ, которыя ему важно было узнать. 6 іюня, рано утромъ, онъ приготовляетъ пули другой величины, чѣмъ тѣ, которыя ему были проданы, и которыя, по его мнѣнію, были слишкомъ малы для калибра его пистолета; онъ сдѣлалъ два слитка и опустилъ ихъ въ стволы поверхъ заряда пороха, забивая ихъ стальнымъ инструментомъ. Вооруженный такимъ образомъ, онъ отправляется, позавтракавъ, въ 10 часовъ въ Батиньёль къ поѣзду, который долженъ былъ привезти его въ Булонскій лѣсъ. Прежде чѣмъ войти на станцію, онъ останавливается у одного виноторговца, своего соотечественника, выпиваетъ рюмку вермута и оставляетъ въ залогъ пальто, въ карманѣ коего найдено сочиненіе о Польшѣ, съ загнутою страницей на томъ мѣстѣ, гдѣ напечатана клятва Киленскаго... Взобравшись на одинъ изъ кустовъ, окружавшихъ большой водопадъ, онъ могъ слѣдить глазами за движеніями императорской кареты и быстро устремиться въ ту сторону, куда бы она направилась... Оттуда онъ замѣтилъ, какъ карета, въ которой находились оба императора, двинулась шагомъ по аллеѣ de la Vierge; онъ бросился въ эту сторону и, пересѣкши напрямки лѣсъ, который въ этомъ мѣстѣ рѣдокъ, онъ опередилъ ее на перекресткѣ аллеи de la Vierge и дороги des Reservoirs. Тогда, будучи скрытъ позади зрителей, онъ положилъ свою руку на плечо одного изъ нихъ, г. Бонно, и держа пистолетъ обѣими руками, спустилъ заразъ оба курка. Выстрѣлъ по меньшей мѣрѣ поразилъ бы одну жертву, безъ благополучнаго содѣйствія обстоятельства, которое привело къ неудачѣ его ненавистное покушеніе: по высотѣ горизонтальной раны лошади г. Ренбо и по положенію животнаго относительно Березовскаго, дѣйствительно можно было удостовѣриться, что если бы слитокъ, попавшій въ лошадь, не былъ такимъ образомъ остановленъ въ своемъ полетѣ, то онъ попалъ бы въ грудь одного изъ

государей, и нельзя подумать безъ содраганія объ опустошеніяхъ, которыя произвелъ бы второй слитокъ, если принять въ соображеніе уклоненіе, которое обыкновенно происходитъ въ направленіи двухъ снарядовъ.

Березовскій, по словамъ обвинительнаго акта, сознался во всѣхъ фактахъ, которые относятся къ приготовленію и исполненію его злодѣянія; особенно настойчиво онъ только утверждалъ, и слѣдствіе не опровергло его въ этомъ совершенно, что онъ хотѣлъ поразить только Русскаго Государя, ограничившись, какъ онъ высказался въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, тѣмъ, что далъ бы императору французовъ и Франціи предостереженіе. Въ отношеніи къ Русскому Государю, онъ, по словамъ его, совершилъ бы только свою обязанность, исполняя клятву, которую далъ самъ себѣ, когда ему было 16 лѣтъ. Между Россіей и Польшей война, по его мнѣнію, не прекращалась; она ему давала права, которыхъ онъ не преступилъ, и онъ сожалѣетъ, что не удовлетворилъ ихъ вполнѣ. Если бы ему пришлось начинать съизнова, онъ готовъ сдѣлать то же самое. Онъ присовокупилъ, что онъ виновенъ только въ отношеніи къ Франціи, гостепріимству коей онъ измѣнилъ, не уваживъ Государя, который былъ также ея гостемъ.

Обвиненіе было формулировано такъ:

Антонъ Березовскій обвиняется въ томъ, что 6 іюня 1867 года въ Булонскомъ лѣсу совершилъ съ намѣреніемъ покушеніе на убійство надъ особой Императора Александра, каковое покушеніе, обнаруженное началомъ исполненія, не удалось единственно по обстоятельствамъ, независимымъ отъ воли виновника этого покушенія.

Опуская мало идущіе къ дѣлу вопросы при судебномъ слѣдствіи, не безъ отвращенія упомянемъ о нѣкоторыхъ отвѣтахъ подсудимаго фанатика.

— За чѣмъ вы были на станціи Сѣверной желѣзной дороги во время прибытія Царя? спрашиваетъ Березовскаго президентъ.

— Что бы посмотрѣть, не могу ли я «наказать его за его дѣла и за то, что онъ святотатственно поставилъ ногу на французскую почву».

(*Въ публикѣ движеніе*).

— Не въ это ли время вы рѣшились убить Царя?

— И въ это время, и еще прежде. Я всегда думалъ отомстить ему изъ глубины моего отечества. Бывши въ Польшѣ,

я не помышлялъ убить его. Я зналъ, что тамъ не могъ бы этого сдѣлать; но когда увидѣлъ, что его можно убить во Франціи, то не поколебался.

(*Въ залѣ волненіе*).

— Да, вы хотѣли воспользоваться гостепріимствомъ, которое Франція вамъ оказывала, дабы покуситься на жизнь Царя, и не уважили гостепріимства, которое императоръ Наполеонъ оказалъ вашему Государю, отвѣчалъ президентъ, и затѣмъ обратился къ присяжнымъ:

— Гг. присяжные, замѣтьте, что подсудимый выражается съ нѣкоторымъ затрудненіемъ. Это происходитъ отъ естественнаго недостатка въ выговорѣ, засвидѣтельствованнаго при слѣдствіи. Я дѣлаю это замѣчаніе для того, чтобы вы не приняли это затрудненіе въ выговорѣ за смущеніе.

На вопросъ о сообщникахъ, Березовскій отвѣтилъ отрицательно, и президентъ счелъ нужнымъ предупредительно замѣтить:

— Изслѣдованіями юстиціи, самыми дѣятельными и усердными, не найдено соучастниковъ.

Затѣмъ президентъ задаетъ совсѣмъ уже нелѣпо-возмутительные вопросы:

— По какому праву покусились вы на жизнь Царя?

— Я имѣлъ на это право. (*Голосомъ взволнованнымъ*). Онъ умертвилъ нашу страну, избилъ ея жителей. Однимъ почеркомъ пера онъ посылалъ всѣхъ въ Сибирь, и я не имѣлъ бы права ему отмстить!

— Вы не имѣли права присвоивать себѣ эту власть; она не принадлежала вамъ.

— Эту власть, г. президентъ, я почерпнулъ въ моемъ сердцѣ, угнетенномъ бѣдствіями моей страны.

— Но если вы не почитали Императора Россійскаго вашимъ государемъ....

— О! Нѣтъ...

— Онъ по крайней мѣрѣ вашъ ближній, а никто не имѣетъ права посягать на жизнь ближняго.

— Царь! онъ не ближній мой; никто не знаетъ, какъ назвать его, Царя; нельзя уважать это имя *Царь!*

— Но вы защитите теорію цареубійства. Богъ запрещаетъ убивать.

— Я не Богъ.

— Нѣтъ, вы не Богъ (*Смѣхъ, тотчасъ унятый*). Вы сказали при одномъ изъ сдѣланныхъ вамъ допросовъ, что вы сами осудили Царя. Вы не имѣете права судить государей.

— Оставшись живъ, Царь по смерти будетъ ввергнутъ Богомъ въ адъ; а если бы онъ искупилъ свои поступки смертью, которую я хотѣлъ ему дать, то онъ былъ бы счастливѣе на томъ свѣтѣ.

— А если бы ваша пуля попала въ другую грудь?

— Я хорошо зналъ, что не попаду въ императора французовъ *).

Дикое глумленіе подсудимаго окончилось на этотъ разъ напоминаніемъ ему прежнихъ его словъ, что „польская пуля не можетъ убить императора французовъ“; по крайней мѣрѣ хотя это президентъ нашелъ „фразою“, а не „отвѣтомъ“.

Допросъ подсудимаго окончился неприличною выходкой адвоката.

Г. Эммануэль Араго. Желательно, чтобы было засвидѣтельствовано, что при первомъ допросѣ подсудимаго присутствовалъ иностранный главный сановникъ, начальникъ русской полиціи.

Президентъ. Это не относится къ дѣлу.

Г. Марна (прокуроръ). Какъ вы хотите засвидѣтельствовать фактъ, не принадлежащій къ дѣлу, внѣ его стоящій?

Г. Э. Араго. Но во всякомъ случаѣ это не внѣ истины. Не знаю, почему не признать факта достовѣрнаго.

Выходка адвоката осталась впрочемъ безъ послѣдствій, и начался допросъ свидѣтелей.

Г. Ренбо давалъ первый показанія, при общемъ вниманіи. Фактическихъ подробностей, помимо извѣстныхъ уже намъ, онъ не сообщилъ, засвидѣтельствовавъ только, что „если бы ударъ достигъ свое цѣли, то онъ попалъ бы въ голову“. Въ заключеніе допроса г. Ренбо президентъ обратился къ нему:

— Г. Ренбо, судъ поздравляетъ васъ. Вы сумѣли инстинктивно предупредить величайшую опасность, грозившую жизни государей. Вы сохранили дни Августѣйшаго гостя Франціи. Примите наше поздравленіе.

Даетъ показанія Жанъ Пьеръ Бонно, собственникъ.

— Я увидѣлъ кортежъ; слышались крики: *да здравствуетъ императоръ!* Въ эту самую минуту у самаго моего уха, на плечѣ, раздался выстрѣлъ. „Боже мой!“ воскликнулъ я: „въ императора выстрѣлили“! Я былъ совершенно смущенъ, взволнованъ, пораженъ негодованіемъ. Я обернулся. Ухо у меня заложило; я покрытъ былъ крупинками пороха. Я увидѣлъ человѣка, наклонившаго голову; рука у него была окровавлена. Не медля ни минуты, я схватилъ этого человѣка за шиворотъ. Схвативъ его, я закричалъ: „вотъ убійца“!

Президентъ. Вы поступили очень хорошо. Судъ поздравляетъ васъ.

Свидѣтель Жанъ-Шарль Люберъ, капитанъ парижской стражи, показалъ, какъ спасалъ онъ убійцу отъ народнаго гнѣва, когда слышались крики: „смерть ему, смерть! его надо повѣсить, вздернуть на дерево!“

*) Вся эта сцена точно не на судѣ, а по меньшей мѣрѣ въ театрѣ. *Авт.*

Показаніе это подтвердилъ Эрнестъ-Августъ Гарень де-Прель, капитанъ парижской конной стражи. Онъ проводилъ преступника до полицейской префектуры.

Президентъ. Вы исполнили вашу обязанность, какъ исполняютъ ее всегда носящіе вашъ мундиръ. Судить убійцъ предоставлено ассизному суду. Судъ поздравляетъ васъ.

Прочіе свидѣтели (ихъ было очень немало) подтвердили всѣ подробности обвинительнаго акта, при чемъ одинъ изъ нихъ Эмиль Целлеръ, старшій ветеринарный врачъ императорскихъ конюшенъ, представилъ отчетъ о ранѣ лошади г. Ренбо.

— Пуля, говорилъ онъ, слѣдовала по горизонтальному направленію, и несомнѣнно, что она должна была попасть въ тѣло императора, въ верхнюю часть.

Президентъ читаетъ докладъ г. Девима, изслѣдовавшаго пистолетъ подсудимаго. Оказывается, что уклоненіе пуль было таково, что одна изъ нихъ могла навѣрное поразить императора французовъ.

— Въ уголовномъ дѣлѣ, замѣтилъ на это Э. Араго, мы прежде всего разыскиваемъ намѣреніе. Березовскій не обвиняется въ намѣреніи стрѣлять по императору французовъ.

Домашняя обстановка, особенно книги и бумаги, всего лучше рисуютъ человѣка. У Березовскаго, какъ видно изъ протокола, прочитаннаго президентомъ, были между прочимъ найдены *Исторія Россіи и ея завоевательныхъ плановъ*, *Исторія іезуитовъ* Цакконе, съ описаніемъ многихъ цареубійствъ XVI и XVII вѣковъ, *Книга Маріаны* съ трактомъ, относящимся къ цареубійствамъ Жака Клемана и Равальяка, описаніе покушенія Даміана и *Заговоръ Катилины*. На стѣнахъ было написано нѣсколько изреченій *), напримѣръ:

Въ преступленіи стоитъ только положить начало; за паденіемъ слѣдуетъ всегда другое паденіе.

Или:

Начинается съ того, что тебя обманываютъ, а подъ конецъ самъ дѣлаешься мошенникомъ.

Таковы были показанія и вещественныя доказательства противъ подсудимаго; послушаемъ свидѣтелей со стороны защиты. Главные свидѣтели, повстанцы, подъ начальствомъ

*) Для удобства сообщаемъ ихъ только въ переводѣ. *Авт.*

которыхъ служилъ революціи Березовскій, конечно дали о немъ самыя лучшія показанія: это де „былъ одинъ изъ первыхъ храбрецовъ въ сраженіяхъ“; „отличался всегда добрымъ поведеніемъ и дисциплиной“ (*показанія Рущевскаго, подполковника волынскихъ уланъ*); прочіе тоже подтвердили, что Березовскій былъ „хорошій солдатъ“. Куржонъ, которому подсудимый былъ представленъ повстанскимъ офицеромъ Рущевскимъ, свидѣтельствовалъ, что подсудимый былъ „аккуратенъ, кротокъ, трудолюбивъ, искренне набоженъ, *какъ всѣ его соотечественники*“, и т. д.

Въ концѣ судебнаго слѣдствія заявлено было депешею о сообщникѣ Березовскаго, но судъ не обратилъ на это вниманія. Были ли потомъ какіе либо розыски, мы не знаемъ.

Послѣ допроса свидѣтелей президентъ сталъ спрашивать подсудимаго о его дядѣ. Оказалось, что Березовскій не знаетъ, гдѣ тотъ живетъ.

— Какъ имя его?

— Мазескій.

— Онъ въ Парижѣ?

— Не знаю.

— Но вы его видѣли въ Парижѣ? Гдѣ онъ живетъ?

— Близъ улицы des Saints Pères.

— У васъ очень хорошая память, когда вы захотите. Подумайте хорошенько, и вы вспомните названіе улицы. Скажите: когда вы видѣлись съ нимъ?

— До отъѣзда.

— До отъѣзда? куда?

— Не знаю.

— Дядя этотъ, какъ намъ сказывали, человѣкъ очень горячій. Въ вашихъ допросахъ вы указали много лицъ, но объ этомъ дядѣ не сказали ни слова. Сегодня вы уже забыли его адресъ. Это невозможно. Почему вы не сказали о немъ ни слова на слѣдствіи?

— Я говорилъ о немъ.

Тою же забывчивостью отозвался Березовскій на допросѣ о томъ же и со стороны генералъ-прокурора.

Опять возобновились тщетные вопросы президента:

— Вы говорите о множествѣ другихъ лицъ, а о дядѣ вашемъ не скажете ни слова. Какъ имя его?

— Мазескій.

— Въ полученной нами депешѣ другое имя, Гринескій кажется?

— Это братъ моей матери; онъ давно уже умеръ.

— Участвовалъ онъ въ возстаніи?

— Да, въ 1830 году.

— А въ возстаніи 1863 года?
— Онъ умеръ до этого.
— Скажите адресъ Мазескаго.
— Право, я не знаю его.

Защитникъ Араго проситъ прочитать депешу, на которую ссылался президентъ. Оказывается, что телеграммою „подлежащія власти" извѣщаютъ, что

У Березовскаго есть дядя, который во время возстанія былъ начальникомъ шайки, служилъ подъ начальствомъ Рущевскаго и *былъ можетъ быть не чуждъ преступленія 6 іюня.*

Но на это не обращается никакого вниманія генералъ-прокуроромъ, который приступаетъ къ произнесенію обвинительной рѣчи.

Рѣчь была черезчуръ слаба. Но все таки воспользуемся немногимъ изъ ея фактическихъ подробностей.

Такъ какъ въ публикѣ, говорилъ генералъ-прокуроръ, носились разные разсказы, то существенно я считаю нужнымъ поставить на видъ, что никто изъ его (подсудимаго) семьи не пострадалъ отъ русскаго правительства, ни въ имуществѣ, ни въ личности, ни въ чести. Березовскій формально сознался въ этомъ.

Но генералъ-прокуроръ вопреки даже только что прочтенной депешѣ не усумнился утверждать, будто бы

Слѣдствіе тщательно провѣрило всѣ доставленныя ему показанія; ово подвергало обсужденію всѣ даже самые ничтожные слухи; поиски его имѣли отрицательный результатъ, и можно утверждать, что онъ одинъ совершилъ свое преступленіе, одинъ обдумалъ и приготовилъ его.

Генералъ-прокуроръ передалъ текстъ клятвы Киленскаго, которую читалъ Березовскій, отправляясь на совершеніе преступленія:

Клянусь передъ Богомъ, передъ всѣмъ міромъ, передъ нацією... быть всегда вѣрнымъ защитникомъ отечества.... Обязываюсь приготовлять всѣ средства, дабы доставить успѣхъ возстанію.... отмстить врагу за несчастія, жертвою которыхъ могутъ сдѣлаться наши.... Итакъ, да поможетъ мнѣ Богъ!

Защитительную рѣчь г. Араго тоже не приведемъ. Слишкомъ ужъ оскорбительна она для русскаго народнаго чувства: она была не защитою подсудимаго, а прославленіемъ возстанія 1863 г. Г. Араго ссылался на „ночной наборъ" передъ возстаніемъ, пользовался и русскимъ циркуляромъ 25 іюля 1863 г., и сообщеніемъ *Виленскаю Вѣстника* объ уничтоженіи польскаго мѣстечка Гіаны (т. е. Ибяны), и отмѣненными статьями нашего законодательства о донесеніяхъ

по политическимъ преступленіямъ и т. д. Вся рѣчь его была построена на извращеніи и подлогѣ фактовъ, что прекрасно разобрано было *Московскими Вѣдомостями* въ 152 № 1867 г.

Чтобы дать понятіе о безпутной фразеологіи французскаго адвоката, приведемъ только нѣсколько заключительныхъ словъ изъ его рѣчи. Защитникъ вспоминаетъ ночь (въ годовщину коей будто бы покусился Березовскій), въ которую избіеніемъ сонныхъ русскихъ солдатъ началось возстаніе поляковъ.

Но къ чему припоминать эту рѣзню? Мы ее видѣли, эту ужасную сцену. Намъ ее такъ живо изобразила одна великолѣпная картина,—она великолѣпна не только какъ живопись,—что я вижу эту сцену до сихъ поръ, вижу постоянно. Коленопреклоненная толпа поетъ псалмы и восклицаетъ: „отечества, мы просимъ отечества“! Смерть была имъ отвѣтомъ. Многіе падаютъ или шатаются, и одинъ изъ нихъ держитъ крестъ. Оставшіеся въ живыхъ повторяютъ, недвижимые, стоическіе въ виду русскихъ ружей, снова погруженныхъ въ облако дыма: „мы просимъ отечества“! Смотрю, прислушиваюсь,—эту картину можно выслушивать!— Я вижу бѣдныхъ мужчинъ и женщинъ въ траурѣ, стариковъ, мать... мать, прижимающую къ груди крошечное дитя; затѣмъ я слышу, какъ надъ толпою витаетъ какъ бы ропотъ, какъ конецъ псалма: „отечество, отечество, отечество...“ А тутъ голосъ командуетъ: огонь!... какой это голосъ? и Царь проѣзжаетъ мимо... *).

Въ отвѣтъ на это генералъ-прокуроръ основательно замѣтилъ между прочимъ:

Допустимъ, что Россія поступила строго, что усмиреніе было суровое: развѣ это даетъ право первому встрѣчному крестьянину съ Волыни доставить себѣ правосудіе, призывая имя отчизны, и посягать на жизнь Государя?

Но не будемъ томить душу читателя этою по истинѣ тяжелою не для русскаго только, а и для общечеловѣческаго чувства сценою: г. Араго, въ отвѣтъ на возраженіе генералъ-прокурора, счелъ даже нужнымъ утверждать, что „душа Березовскаго стоитъ души Императора, ибо всѣ души сестры“.

Присяжные объявили, что подсудимый виновенъ въ покушеніи на убійство, совершенное 6 іюня, но допущены смягчающія обстоятельства.

На лицѣ преступника замѣтно было удовольствіе.

---

*) Тутъ что ни слово, то ложь: рѣзня началась избіеніемъ нашихъ солдатъ; годовщина возстанія не совпадаетъ со днемъ покушенія. Нечего и говорить, что Государя не было тогда въ Польшѣ. *Авт.*

Березовскій былъ осужденъ на пожизненную принудительную работу.

Это извѣстіе встрѣчено было всеобщимъ негодованіемъ на Руси, лучшимъ выраженіемъ чего послужила руководящая статья въ № 152 *Московскихъ Вѣдомостей*.

> Когда читаешь судебныя пренія, говоритъ газета, то дѣйствительно кажется, что на скамьѣ подсудимыхъ находился не преступникъ, съ умысломъ и коварствомъ покусившійся на убійство, а находилось русское правительство и русское государство, съ его законами и внутренними распоряженіями, вѣдѣнію французскихъ судовъ, слава Богу, не подлежащими.

Въ настоящее время Березовскій уже освобожденъ, и ему не такъ давно былъ соціалистами поднесенъ „почетный револьверъ“!.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Нечаевщина.

Нечаевщина.—12 группъ подсудимыхъ.—Студенческіе безпорядки.—Нечаевъ.—Убійство Иванова.—Основаніе кружковъ и отдѣленія.—Разсказъ Успенскаго.—Роль Кузнецова.—Каракозовецъ кн. Черкезовъ.—Прыжовъ.—Николаевъ.—Фиктивный бракъ.—Орловъ.—Волховской.—Ткачевъ.—Еще связь съ каракозовщиною.—Дементьева.—Ея типографія.—Печатаніе воззванія.—Чубаровъ.—Томилова.—В. И. Засуличъ.—Флоринскій.—Коринѳскій.—Судъ надъ первой группой.—Объясненія Кузнецова.—Революціонная организація.—Пререканія Нечаева съ Ивановымъ.—Подробности объ убійствѣ.—Показаніе Николаева.—Объясненіе Успенскаго.—Лопатинская исторія.—Отщепенцы.—Знакомство на желѣзной дорогѣ.—Сестра Нечаева.—Сходка.—Арестъ Нечаева.—Хлопоты Томиловой, Нечаевой и Засуличъ.—Жандармъ.—Енишерловъ.—Характеристика Нечаева.—Трое каракозовцевъ.—Разговоры о 4 апрѣля.—Замыселъ освободить Чернышевскаго за 9 руб.—Прошлое Ткачева и Волховскаго.—Прокламація Ольшевскаго.—Малороссійская община 1863—1866 г.—Рублевое общество.—*Общія правила организаціи.*—Катехизисъ революціонера.—Наружность 1-й группы нечаевцевъ.—Бакунинъ.—Рѣчь прокурора.—Рѣчь кн. Урусова.—„Реакція“.—Защитникъ г. Спасовичъ.—Сказки о Нечаевѣ.—Польскій и русскій революціонеры.—Прошлое Прыжова и Николаева.—Омерзительная сцена.—Рѣчь предсѣдателя.—Послѣднія слова подсудимыхъ.—Рѣшеніе суда.—Приговоръ.

Оборваны попавшіеся въ руки гнилые сучки, а пень оставленъ въ покоѣ.
Руководящая статья въ № 24 „Московскихъ Вѣдомостей“ 1877 г.

I.

Прошло три года по исполненіи приговора надъ каракозовцами. Общественное вниманіе всецѣло поглощено было на первыхъ порахъ открытіемъ новыхъ судовъ, съ ихъ гласными процессами. Чудеса игольчатыхъ ружей въ австро-прусской войнѣ тоже не способствовали сосредоточенію у насъ вниманія на самихъ себѣ, и память о 4 апрѣлѣ 1866 г. изглаживалась, сохраняясь только въ празднованіи дня чуднаго спасенія Государя Императора отъ угрожавшей ему опасности.

Въ концѣ 1869 года заговорили по Москвѣ о трупѣ какого-то молодаго человѣка, найденномъ въ прудѣ парка Петров-

ской академіи. На головѣ утопленнаго оказалась огнестрѣльная рана; признаковъ ограбленія не замѣчалось. Странная, можетъ быть романическая даже исторія! Но еще раньше этого въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ произошли какіе-то безпорядки, вслѣдствіе чего нѣсколько студентовъ было исключено. Затѣмъ послѣдовали аресты, и скоро въ обществѣ появились слухи, что убійство это „политическое“; заговорили о какомъ-то агитаторѣ Нечаевѣ, о цѣломъ политическомъ дѣлѣ, всему этому однако не придали особаго значенія. Такъ прошло почти два года. Наступилъ 1871 годъ.

1 іюля 1871 г. въ петербургской судебной палатѣ, въ особомъ присутствіи, происходило засѣданіе по дѣлу „объ обнаруженномъ въ различныхъ частяхъ имперіи заговорѣ, направленномъ къ ниспроверженію установленнаго въ государствѣ правительства“. По обширному этому дѣлу, къ которому привлечено было 87 подсудимыхъ, изъ которыхъ 63 содержались подъ стражею, прокурорскимъ надзоромъ было составлено 12 обвинительныхъ актовъ. Стенографическіе отчеты обѣщано было помѣщать въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* на слѣдующій же послѣ засѣданія день. Для облегченія ознакомленія съ этимъ многосложнымъ дѣломъ *Правительственный Вѣстникъ* нашелъ небходимымъ объяснить предварительно вкратцѣ общую связь между всѣми привлеченными къ дѣлу, а также условія, послужившія основаніемъ подраздѣленія подсудимыхъ на категоріи.

По словамъ оффиціальнаго изданія, поводомъ къ обнаруженію правительствомъ преступнаго заговора послужили происходившіе въ февраля и мартѣ 1869 г. безпорядки въ средѣ студентовъ медико-хирургической академіи, Петербургскаго университета и технологическаго института, а отчасти и совершенное въ ноябрѣ того же года бывшимъ учителемъ приходскаго Сергіевскаго училища въ Петербургѣ Сергѣемъ Нечаевымъ убійство бывшаго слушателя Петровской земледѣльческой академіи Ивана Иванова. Негласнымъ дознаніемъ было обнаружено, что участниками въ этомъ убійствѣ были Петръ Успенскій, купеческій сынъ Алексѣй Кузнецовъ, отставной коллежскій секретарь Иванъ Прыжовъ и московскій мѣщанинъ Николай Николаевъ. Въ то же время обнаружена

была принадлежность этихъ лицъ къ организованному Нечаевымъ въ Москвѣ отдѣленію женевскаго международнаго революціонного комитета. Эти 4 обвиняемые, вмѣстѣ съ 7 другими (всего 11 человѣкъ), дѣятельность которыхъ принадлежала къ первому періоду настоящаго дѣла, а именно къ студенческимъ волненіямъ весною 1869 года, включены въ первый обвинительный актъ. Успенскій, Кузнецовъ, Прыжовъ и Николаевъ обвинялись сверхъ того еще въ убійствѣ Иванова.

При дальнѣйшемъ разслѣдованіи этого дѣла, обнаружена была принадлежность къ тайному обществу еще сына коллежскаго секретаря Николая Долгова, сына поручика Ѳедора Рипмана и другихъ, въ числѣ 33 человѣкъ, которые всѣ „принимали непосредственное участіе въ составленномъ Нечаевымъ заговорѣ“. Они вошли во 2-й обвинительный актъ.

Во время производства этихъ разслѣдованій дознано было, что дѣятельность тайной организаціи не ограничилась Москвою: нѣкоторыя изъ прикосновенныхъ къ обществу лицъ предпринимали поѣздки между прочимъ и въ Петербургъ, гдѣ пытались основать одно изъ отдѣленій московскаго центральнаго общества. Въ Петербургѣ обнаружено было участіе въ заговорѣ отставнаго поручика Ивана Лихутина, студента медико-хирургической академіи Алексѣя де-Тайльса и другихъ лицъ (всего 15 человѣкъ). Эти подсудимые вошли въ 3-й обвинительный актъ.

Далѣе, въ 4-й обвинительный актъ включены Александръ фонъ-деръ Эльстницъ, Александра Успенская и другіе (11 человѣкъ), „обвиняемые въ знаніи и недонесеніи о заговорѣ“.

Одновременно съ этимъ обнаруженъ былъ въ Петербургѣ еще отдѣльный кружокъ, состоявшій изъ 4 лицъ: студентовъ: петербургскаго земледѣльческаго института Петра Топоркова, медико-хирургической академіи Петра Кошкина и Александра Дудоладова, петербургскаго технологическаго института Александра Долгушина и поручика 3 туркестанскаго линейнаго баталіона Льва Топоркова. Находясь въ сношеніяхъ съ московскими и петербургскими злоумышленниками, они составляли отдѣльный самостоятельный кружокъ, будучи всѣ сибиряками. Кошкинъ, Долгушинъ, Дудоладовъ и Топорковъ даже жили на одной квартирѣ. Объ нихъ составленъ 5-й актъ.

Независимо отъ этого, Кошкинъ, Долгушинъ, Дудоладовъ и Топорковъ обвинялись въ составленіи заговора съ цѣлью отдѣленія Сибири отъ Россіи. Это 6-й обвинительный актъ.

По этому же дѣлу привлечены студенты Харьковскаго и Новороссійскаго университетовъ Малютинъ и Попичъ. Это 7-й актъ.

Привлечены также живущіе въ г. Череповцѣ учитель Менделѣевъ, купецъ Розановъ, мѣщанинъ Талицкій и крестьянинъ Макарьевскій, у которыхъ въ 1869 и 1870 гг. найдены прокламаціи преступнаго содержанія. Это 8-й актъ.

9-мъ актомъ привлечены священническій сынъ Арсеній Алексѣевъ, сынъ дьякона Василій и канцелярскій служитель Алексѣй Болотовы.

10-мъ актомъ—дворянинъ Андрей Калачевскій.

11-мъ актомъ—студентъ технологическаго института Райнгольдъ Биркъ.

12-мъ актомъ—учитель Іосифъ Собѣщанскій *).

Въ заключеніе *Правительственный Вѣстникъ* заявилъ, что одинъ изъ обвиняемыхъ по первому акту, дворянинъ Петръ Ткачевъ, независимо отъ участія въ заговорѣ, преданъ суду еще по двумъ обвиненіямъ: 1) въ составленіи предисловія и примѣчаній противозаконнаго содержанія къ изданному подъ его редакціею переводу книги Эрнста Бехера, подъ заглавіемъ: *„Рабочій вопросъ и средства къ его разрѣшенію*, и 2) въ напечатаніи статьи преступнаго содержанія, подъ заглавіемъ: *Психологическіе этюды*, въ изданномъ имъ сборникѣ *Лучъ*.

Такъ вѣтвисто раскинулся въ 1869 г. „заговоръ“, которому дадимъ имя *Нечаевщины*, хотя это было только продолженіемъ Каракозовщины и передаточнымъ звеномъ къ послѣдующей агитаціи.

Преступная дѣятельность первой группы, по свидѣтельству обвинительнаго акта, выразилась въ слѣдующемъ:

Въ февралѣ и мартѣ 1869 г. въ Петербургѣ, въ медико-хирургической академіи, университетѣ и техническомъ институтѣ, происходили студенческіе безпорядки, не имѣвшіе по-

*) Собѣщанскій въ іюнѣ 1871 былъ подвергнутъ медицинскому освидѣтельствованію и признанъ сумасшедшимъ, какъ и многіе потомъ, въ послѣдующихъ процессахъ. Дѣло о немъ прекращено. *Авт.*

видимому другаго характера, какъ только выраженія стремленій у учащейся молодежи добиться отъ начальства разрѣшенія имѣть свою студенческую кассу и право составлять сходки для обсужденія дѣйствій этой кассы. Въ апрѣлѣ безпорядки эти были прекращены, при чемъ обнаружилось, что „желанія эти, а съ ними и выражавшая ихъ молодежь, были орудіемъ въ рукахъ людей, преслѣдовавшихъ совсѣмъ иныя цѣли и бывшихъ главнымъ образомъ причиною безпорядковъ". Въ январѣ и февралѣ на сходкахъ принимали участіе состоявшій въ то время учителемъ Закона Божія въ пріходскомъ Сергіевскомъ училищѣ въ Петербургѣ Сергѣй Нечаевъ, сынъ священника изъ села Иванова Владимірской губ., учитель тамошняго сельскаго училища Владиміръ Орловъ, а также кандидатъ правъ Петербургскаго университета Петръ Ткачевъ, послѣ чего Нечаевъ съ чужимъ паспортомъ уѣхалъ за границу, а Орловъ неизвѣстно куда скрылся изъ Петербурга. Между тѣмъ въ концѣ марта задержано было напечатанное въ типографіи петербургской мѣщанки Дементьевой воззваніе *Къ обществу*, гдѣ неизвѣстный авторъ между прочимъ высокопарно заявлялъ:

> Протестъ нашъ твердъ и единодушенъ, и мы скорѣе готовы задохнуться въ ссылкахъ и казематахъ, нежели задыхаться и нравственно уродовать себя въ нашихъ академіяхъ и университетахъ*).

Въ ноябрѣ 1869 г. произведенъ былъ обыскъ у прикащика книжнаго магазина Черкесова въ Москвѣ, дворянина Петра Успенскаго. При обыскѣ между прочимъ найдены были тетрадь почтовой бумаги съ оттиснутою печатью, внутри которой былъ изображенъ топоръ, а кругомъ надпись: *Комитетъ народной расправы. 19 февраля 1870 года*; мелкаго шрифта печатная тетрадка, подъ заглавіемъ: *Изданіе общества народной расправы. 1869 г. № 1. Москва*; листки съ такою же печатью, подъ заглавіемъ: *Изложеніе общихъ правилъ сыти для отдѣленій; общія правила организаціи*. Найдены были какія-то цифирныя помѣтки, выражавшія рубли и копѣйки, а также списокъ фамилій съ обозначеніемъ противъ нихъ городовъ и мѣстностей, и разныя записки. Въ то же время произведенъ былъ обыскъ и въ книжномъ магазинѣ Черкесова, которымъ

*) Воспроизводимъ текстъ буквально, какъ напечатанъ онъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* и оттуда перепечатанъ всѣми газетами. *Авт.*

завѣдывалъ Успенскій. Здѣсь было найдено 14 экземпляровъ революціоннаго воззванія: *Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ*, съ бланкомъ на каждомъ: *Русскій отдѣлъ всемірнаго революціоннаго союза. Бланка для публики*; обращеніе студентовъ къ обществу и т. д.

Для ознакомленія съ дѣятельностью Успенскаго и другихъ, а главное, ради указанія на значеніе „Нечаевщины", какъ дальнѣйшаго только развитія Каракозовщины и посредствующаго лишь звена въ исторіи крамолы, можно отослать читателя къ тексту *Народной расправы*, помѣщенному въ обвинительномъ актѣ, воспроизведенномъ изъ *Правительственнаго Вѣстника* всѣми газетами въ іюлѣ 1871 года. Здѣсь же достаточно указать, со словъ этого, хотя и преступнаго, но уже историческаго и для насъ теперь очень важнаго документа, что „*начинаніе* святаго *дѣла*" „*было положено утромъ 4 апрѣля 1866 года* Дмитріемъ Владиміровичемъ Каракозовымъ". На сей разъ прокламація обѣщаетъ „не трогать Царя", „если къ тому не вызоветъ какая-либо безумная мѣра или фактъ", и грозится „безотлагательно" приняться за истребленіе „Аракчеевыхъ въ блестящихъ мундирахъ, обрызганныхъ народною кровью".

Тутъ же, въ выноскѣ, перечисляются всѣ лица, стоящія во главѣ управленія въ Россіи, которыхъ, по мнѣнію *Народной расправы*, необходимо истребить прежде всего, чтобъ избавиться отъ министерствъ, генералъ-губернаторствъ и барства вообще. „Кромѣ того, сдѣланы указанія на нѣкоторыхъ издателей газетъ, долженствующихъ подвергнуться той же участи".

Черезъ нѣсколько времени повторены были обыски въ магазинѣ Черкесова. 7 января 1870 г. найдены были тамъ на чердакѣ зарытые въ землѣ 95 экземпляровъ бланокъ „комитета народной расправы", съ приспособленіями для оттисковъ. 11 января того же года въ жерловой трубѣ найденъ сборъ литеръ, составляющій слова: *Русскій отдѣлъ всемірно-революціоннаго союза. Бланка для публики*; найдено сочиненіе: очеркъ развитія революціонной пропаганды съ весны 1869 г. включительно по весну 1870 г.; найдена въ стѣнѣ, въ щели между двумя кирпичами, мѣдная овальная печать, съ изображеніемъ топора и надписью: *Комитетъ народной расправы. 19 февраля*

1870 г.; найденъ еще бланкъ съ французскою надписью рукою Бакунина. Всѣ эти рукописи и бумаги, по словамъ Успенскаго, принадлежали Антоновой и дворянину Волховскому *).

Въ концѣ концовъ обнаружилось слѣдующее: 3 сентября 1869 г. уже извѣстный читателю Нечаевъ прибылъ въ Москву изъ Женевы и обратился прямо къ Успенскому, благодаря своему съ нимъ знакомству, завязавшемуся еще въ февралѣ, до побѣга Нечаева за границу. Нечаевъ убѣдилъ Успенскаго составить тайное общество, которое подготовило бы въ народѣ возстаніе, съ цѣлью ниспровергнуть существующій въ государствѣ порядокъ. Затѣмъ, по указанію Успенскаго, Нечаевъ, подъ именемъ Ивана Петровича Павлова, свелъ знакомство съ слушателями Петровской академіи. И вотъ Нечаевъ, въ качествѣ „посланнаго отъ всемірно-революціоннаго комитета изъ Женевы, для возбужденія въ Россіи народнаго возстанія", образовываетъ изъ слушателей Петровской академіи тайное общество, указывая на 19 февраля 1870 года, какъ на самый удобный для возстанія день. Чтобы придать своей пропагандѣ болѣе убѣдительный видъ, Нечаевъ ведетъ сношенія съ членами, вновь поступающими въ тайное общество, посредствомъ бланокъ отъ „комитета народной расправы", съ изображеніемъ топора, образцы которыхъ найдены были у Успенскаго, и составляетъ для руководства *Общія правила организаціи и правила сети для отдѣленій*. Согласно этимъ правиламъ, лица, склонявшіяся къ образованію изъ себя тайнаго общества, должны были сначала составить кружки, каждый въ пять человѣкъ; изъ кружковъ должны были образоваться отдѣленія и т. д. Такимъ образомъ, въ цифирной запискѣ, найденной у Успенскаго, значились подъ первыми четырьмя цифрами начальныя буквы фамилій первыхъ членовъ организаціи, слушателей академіи — Долгова, Иванова, Кузнецова и Рипмана. Противъ этихъ фамилій, въ свою очередь, выставлены были имена слушателей академіи, уже приглашенныхъ ими въ члены тайнаго общества.

Но еще раньше этого дознанія, 25 ноября 1869 г., близъ

*) Волховской привлекался къ слѣдствію и потомъ, именно по дѣлу 193, будучи уже какется мужемъ Антоновой *Авт.*

Москвы, въ пруду парка, принадлежащаго Петровской земледѣльческой академіи, случайно найдено было мертвое тѣло слушателя этой академіи Иванова, убитаго огнестрѣльнымъ оружіемъ. На шеѣ трупа затянутъ былъ красный шерстяной шарфъ, съ привязаннымъ на концахъ кирпичемъ. Признаковъ грабежа не было замѣтно; даже часы оказались въ карманѣ. Ивановъ значился въ спискѣ организаціи, и убитъ онъ не ради грабежа,—не политическое ли это убійство? И дѣйствительно, скоро Успенскій и купеческій сынъ Алексѣй Кузнецовъ, слушатель Петровской академіи, сознаются въ этомъ убійствѣ, объясняя, что убійство это совершено ими съ участіемъ Сергѣя Нечаева, отставнаго коллежскаго секретаря Ивана Прыжова и московскаго мѣщанина Николая Николаева. Но что же за причина убійства? Образовывая тайное политическое общество, Нечаевъ постоянно твердилъ сообщникамъ, что онъ дѣйствуетъ отъ имени „комитета“, приказанія котораго должны безпрекословно быть исполняемы. Вербуя изъ академіи такимъ образомъ членовъ, Нечаевъ пригласилъ и Иванова, который, хотя и согласился, но заявлялъ постоянное недовѣріе къ словамъ Нечаева о „комитетѣ“, не желая безусловно подчиняться приказаніямъ „комитета“, объявляемымъ ему Нечаевымъ, и вообще высказывалъ, „строптивость“, „намекая даже, что онъ отдѣлится отъ общества и образуетъ новое подъ своимъ главенствомъ“. Это возмущало Нечаева, и онъ возбудилъ вопросъ объ обузданіи Иванова. Составленъ былъ планъ отдѣлаться отъ Иванова посредствомъ убійства. 21 ноября Ивановъ былъ завлеченъ въ гротъ академіи Николаевымъ, гдѣ уже ожидали его Нечаевъ, Успенскій, Прыжовъ и Кузнецовъ. Первымъ бросился на него Нечаевъ, за нимъ другіе и начали его душить; Нечаевъ, взявъ у Николаева заранѣе приготовленный пистолетъ, выстрѣлилъ Иванову въ голову. Послѣ этого навязаны были камни на шею и ноги убитаго; трупъ перетащили въ прудъ и бросили въ прорубь.

Послѣ убійства Иванова, Нечаевъ привлекъ ко вступленію въ общество еще нѣсколько студентовъ земледѣльческаго и технологическаго институтовъ и медико-хирургической академіи. Когда началось дознаніе по убійству, Нечаевъ уѣхалъ въ Женеву съ женою коллежскаго совѣтника Варварою Александровскою.

Прыжовъ и Николаевъ были задержаны и сознались какъ въ принадлежности своей къ тайному обществу, такъ и въ участіи своемъ, съ Нечаевымъ, Успенскимъ и Кузнецовымъ, въ убійствѣ Иванова.

Обратимся теперь къ наиболѣе любопытнымъ подробностямъ о роли каждаго изъ „заговорщиковъ", и въ тайномъ обществѣ, и въ убійствѣ Иванова; будемъ основываться на ихъ собственныхъ показаніяхъ, вообще повидимому довольно искреннихъ.

Успенскій въ декабрѣ 1868 г. познакомился въ Петербургѣ съ Ткачевымъ, который въ началѣ 1869 г. прислалъ къ нему Орлова съ рекомендательнымъ письмомъ; Орловъ познакомилъ его съ Николаевымъ, а Николаевъ съ какимъ то „Павловымъ". Этотъ Павловъ и былъ Нечаевъ. Скоро Нечаевъ уѣхалъ за границу; но въ началѣ сентября совершенно неожиданно, прямо съ дороги, явился въ книжный магазинъ къ Успенскому. Нечаевъ сталъ разспрашивать его о своихъ знакомыхъ—Орловѣ, Николаевѣ и Волховскомъ. Узнавъ отъ Успенскаго, что за магазиномъ наблюдаютъ, Нечаевъ отправляется, по указанію Успенскаго, въ Петровскую академію, гдѣ и „основываетъ свою главную квартиру". При дальнѣйшихъ посѣщеніяхъ Успенскаго Нечаевымъ, главнымъ предметомъ ихъ разговоровъ было улучшеніе положенія народа. Успенскій стоялъ за мирное развитіе; но Нечаевъ, утверждавшій, что „любить народъ—значитъ водить его подъ картечь", былъ всегда на сторонѣ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ. Въ концѣ концовъ Нечаевъ убѣдилъ Успенскаго въ необходимости дѣйствовать путемъ революціи для измѣненія настоящаго соціальнаго порядка. Нечаевъ предлагаетъ ему заняться съ этою цѣлью устройствомъ кружковъ. Успенскій соглашается. Тогда Нечаевъ въ числѣ разныхъ вещей передаетъ ему отпечатанную шрифтомъ книжку, содержащую „исповѣдь революціонера", а также извѣстную уже намъ печать съ изображеніемъ топора и прокламаціи „Народной расправы" и „дворянскія", послѣднія отъ какого то „Брюсельскаго дворянскаго революціоннаго комитета". Печать скоро понадобилась Нечаеву. Въ числѣ вещей, переданныхъ Нечаевымъ Успенскому, находился листъ, съ надписью, что предъявитель есть довѣренное лицо революціоннаго комитета въ

Женевѣ, при чемъ была подпись: *Михаилъ Бакунинъ*. Такіе листы, по объясненію Нечаева, даются „ревизорамъ отъ революціоннаго комитета“. Вскорѣ къ Успенскому является съ подобнымъ же листомъ отставной подпоручикъ Иванъ Лихутинъ, въ качествѣ ревизора. Послѣ этого Нечаевъ беретъ у Успенскаго печать, передаетъ Прыжову, который вмѣстѣ съ Лихутинымъ и тискаютъ нѣсколько оттисковъ.

Успенскій приступаетъ къ образованію кружка: въ квартирѣ Долгова собираются Успенскій, Нечаевъ, Прыжовъ, купеческій сынъ Павелъ Прокопенко, Ивановъ, Рипманъ и Долговъ, и здѣсь обсуждается предложеніе Нечаева объ устройствѣ общества съ цѣлью пропаганды и агитаціи. Черезъ нѣсколько дней Нечаевъ, „навербовавъ въ академіи уже достаточное количество членовъ“, предложилъ Успенскому составить уже *отдѣленіе*, въ члены котораго выбралъ Прыжова, Кузнецова и Иванова. Члены отдѣленія подѣлили между собою русскій народъ: Кузнецовъ принялъ на себя дѣятельность въ кругу средняго класса—купцовъ; Ивановъ взялъ на себя вѣдѣніе академіи; Прыжовъ заявилъ желаніе „работать въ низшихъ слояхъ общества, среди такъ называемой преступной части общества, въ трущебахъ, лавочкахъ, подземельяхъ и проч.“ *). Успенскій сталъ представителемъ отдѣленія. На обязанности Успенскаго лежало храненіе адресовъ, веденіе кассы, сношенія съ „комитетомъ“, пріемъ пріѣзжихъ изъ другихъ городовъ и составленіе протоколовъ собраній. Отдѣленіе, помимо собиранія денежныхъ средствъ, занялось образованіемъ склада платья: Прыжовъ представилъ монашескій костюмъ, Николаевъ — крестьянскій, Нечаевъ — офицерскій. Отдѣленіе обсуждало способы, какъ воспользоваться начавшимся тогда волненіемъ въ Московскомъ университетѣ („Полунинскою исторіею“), для чего Кузнецовъ и Прыжовъ знакомились съ недовольными студентами, прочіе же члены должны были по-

*) Прыжовъ—чиновникъ старыхъ судовъ, экзекуторъ гражданской палаты. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ, въ качествѣ сторонняго посѣтителя, хаживалъ на лекціи словеснаго факультета Московскаго университета, интересуясь русскою исторіею. Человѣкъ нетрезваго поведенія, заика, онъ былъ предметомъ смѣха у филологовъ, съ своими изслѣдованіями по „исторіи цса“ и критическими сужденіями, въ родѣ такихъ: „Карамзинъ ха-а-луй; Соловьевъ ха-а-а-лопъ“. *Авт.*

сѣщать студенческія сходки. Нечаевъ въ это время составилъ прокламацію *Отъ сплотившихся къ разрозненымъ* и съ помощью переданнаго ему Успенскимъ шрифта вытиснулъ на экземплярахъ слова: *Русскій отдѣлъ всемірнаго революціоннаго союза. Бланка для публики.* Экземпляры были розданы студентамъ.

Вотъ какъ самъ Успенскій высказался о цѣли общества, о смыслѣ и значеніи кружковъ:

— Прежде всего о цѣли никогда ясно не говорилось, и я былъ бы въ большомъ затрудненіи, если бы мнѣ пришлось формулировать эту цѣль категорично. Разговоровъ, спеціально посвященныхъ этому, никогда не бывало, и цѣль эта скорѣе подразумѣвалась, чѣмъ была постановлена прямо; но все таки этою подразумѣваемою цѣлью было произвести возмущеніе. Я не хочу этимъ сказать, что этой цѣли и служили непосредственно кружки; нѣтъ, они служили ей, но только косвенно: на ихъ долю должна была выпасть такъ называемая подготовительная работа. Самое же движеніе, сколько я могъ понять изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ фразъ Нечаева, должно было начаться среди народа, и именно послѣ прекращенія обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Слова *19 февраля 1870 г.*, вырѣзанныя на печати, именно и указываютъ на желаніе воспользоваться народнымъ движеніемъ, которое должно явиться само, просто въ силу его тяжелаго положенія. Роль же кружковъ во всей этой исторіи должна была заключаться первое время въ подготовительной работѣ, т. е., въ скопленіи капиталовъ, въ направленіи общественнаго мнѣнія, въ поддержаніи агитаціи, какъ сказано въ правилахъ, и т. д.

Успенскій не отрицалъ своего участія въ убійствѣ Иванова.

Перейдемъ теперь къ роли остальныхъ „членовъ отдѣленія".

Сначала о Кузнецовѣ. На другой день послѣ убійства Иванова, Кузнецовъ, вмѣстѣ съ Нечаевымъ, поѣхалъ въ Петербургъ. Тамъ онъ, по приказанію Нечаева, отправился къ разнымъ лицамъ для того между прочимъ, чтобы пріобрѣсти новыхъ членовъ общества. Онъ побывалъ у Воронцовой, которая рекомендована была Нечаеву, какъ могущая принять участіе въ обществѣ, княземъ Черкезовымъ, *) состоявшимъ уже въ обществѣ; былъ у двухъ братьевъ и сестры Лихутиныхъ, при чемъ въ старшемъ изъ нихъ Иванѣ онъ узналъ офицера-ревизора отъ комитета; посѣщалъ слушателя технологическаго института Константина Росликова, у котораго пребывалъ Нечаевъ. Потомъ Нечаевъ перебирается въ лѣсной кор-

*) Кн. Варлаамъ Черкезовъ, нынѣ эмигрантъ, принадлежалъ къ 12 группѣ подсудимыхъ по Каракозовскому дѣлу. Онъ прямое предаточное звено отъ каракозовцевъ къ нечаевцамъ. *Авт.*

пусъ, въ казенное зданіе, къ одному изъ слушателей земледѣльческаго института; Кузнецовъ получаетъ отъ Нечаева приказаніе заняться обращеніемъ въ общество двухъ студентовъ института Топоркова и Святскаго. Кузнецовъ прочелъ имъ правила общей организаціи, вручилъ 3 экземпляра „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ“ для разбрасыванія на студенческой сходкѣ и далъ списать стихотвореніе *Студентъ*, сочиненное будто бы Огаревымъ въ честь Нечаева, но явно подложное, такъ какъ не отвѣчаетъ оно матеріалистическимъ воззрѣніямъ друга Герцена, да и фактически тогда невѣрное и оправдавшееся развѣ только впослѣдствіи, послѣ долгихъ пререканій съ швейцарскимъ правительствомъ, ибо воспѣваетъ кончину жизни Нечаева „въ темныхъ каторгахъ Сибири“*).

Вирши эти, сочиненныя пожалуй и самимъ Нечаевымъ, да сообщенный шифръ должны были докончить революціонное воспитаніе Топоркова и Святскаго!

Кузнецовъ обильно былъ снабженъ отъ Нечаева синими бланками съ топоромъ, приказами „комитета“ и т. п. революціонно-канцелярскими принадлежностями. Пакетъ со всѣми этими вещами Кузнецовъ, по отъѣздѣ Нечаева, 2 декабря 1869 г., передалъ пріѣхавшему въ то время изъ Москвы въ Петербургъ кн. Черкезову, чтобы тотъ „въ свою очередь передалъ ихъ на храненіе въ извѣстное ему, Черкезову, мѣсто“. Въ Москвѣ Кузнецовъ принесъ въ кассу общества болѣе 200 р. с. Онъ уговаривалъ кн. Черкезова, Скипскаго, брата своего Семена Кузнецова и братьевъ Рязанцевыхъ, слушателей академіи, вступить въ общество. Онъ образовалъ у себя склады костюмовъ; заботясь о денежныхъ средствахъ общества, составилъ особые листы съ надписью: „въ пользу пострадавшихъ“, и предлагалъ ихъ многимъ частнымъ лицамъ, прося пожертвованій въ пользу будто бы бѣдныхъ студентовъ **).

Кузнецовъ, сознавшись въ убійствѣ Иванова, добавилъ, что онъ, возвращаясь домой, разбросалъ на дорогѣ переданныя

*) Стихотвореніе это прочтено было на судѣ, напечатано въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, воспроизведено тогда во всѣхъ газетахъ, а недавно въ первомъ изданіи нашего очерка, но теперь мы его опускаемъ во избѣжаніе какихъ либо недоразумѣній. *Авт.*

**) Такіе именно листы, помнимъ, довольно свободно вращались тогда въ публикѣ. *Авт.*

ему Нечаевымъ деньги Иванова, а придя къ себѣ на квартиру, куда собрались всѣ участники убійства, сжечъ въ топившейся печкѣ свою окровавленную рубашку, бывшую во время убійства на Нечаевѣ, а также и шапку Иванова, захваченную Нечаевымъ вмѣсто своей.

Подобно Успенскому, Кузнецовъ объяснялъ цѣль тайной организаціи и назначеніе кружковъ.

— Цѣль кружковъ организаціи, добавлялъ онъ, была двоякая: одни члены должны были вербовать людей въ общество, чрезъ посредство которыхъ должны были увеличиваться силы и средства общества, а другіе кружки составлялись изъ людей, которыхъ *брали частью изъ прежде составленныхъ кружковъ*, частію набирались изъ новыхъ людей; назначеніе послѣднихъ было дѣйствовать на народъ непосредственно.

Теперь о Прыжовѣ. Онъ познакомился съ Нечаевымъ въ сентябрѣ 1869 г. Къ Прыжову приходитъ какой-то неизвѣстный ему сербъ, съ письмомъ отъ Каравелова изъ Бухареста, гдѣ говорилось, что къ Прыжову явится какой-то агитаторъ. Это и былъ Нечаевъ, прибывшій къ нему съ сербомъ. Нечаевъ, явившись съ запискою отъ Успенскаго, сталъ приглашать Прыжова принять на себя организацію низшаго класса городскихъ населеній: дворниковъ, извощиковъ, хлѣбниковъ, почталіоновъ и т. п., и сверхъ того составить изъ всѣхъ его московскихъ знакомыхъ кружокъ, съ цѣлью сдѣлать ихъ агентами народнаго движенія въ разныхъ губерніяхъ.

— Я, увѣряетъ Прыжовъ, отъ всего этого отказался; но тутъ же, по просьбѣ Нечаева, „набросалъ на клочкахъ бумаги нѣсколько прокламацій къ вольнымъ женщинамъ, чиновникамъ и Малороссіи“.

Нѣкоторыя мысли одной такой прокламаціи вошли въ напечатанную въ Женевѣ и присланную потомъ Нечаевымъ въ Россію, въ числѣ многихъ другихъ, прокламацію *До громады*.

Прыжовъ, какъ и прочіе его товарищи, исполнялъ различныя порученія Нечаева: ѣздилъ во Владимірскую губернію къ купцу Зубкову, съ цѣлью „напомнить послѣднему объ обѣщанныхъ имъ Нечаеву 10,000 р.“, но не былъ принятъ Зубковымъ; добылъ, по порученію „отдѣленія“, „въ одной лавочкѣ за 5 коп. нѣсколько старыхъ паспортовъ и съ этою же цѣлью велъ переговоры съ чиновникомъ цеховой управы Ильинскимъ“; досталъ отъ знакомаго священника старую рясу, будто бы для бѣднаго священника. Прыжовъ бывалъ

на собраніяхъ „отдѣленія“, приготовлялъ бланки съ изображеніемъ топора, изъявилъ готовность ѣхать въ Женеву для представленія Огареву и Бакунину отчета о дѣятельности тайнаго общества. Прыжову же поручено было дѣйствовать среди уволенныхъ студентовъ Московскаго университета, чтобы перенести въ послѣдній ту же организацію, которая заведена уже была въ Петровской академіи.

4-й членъ общества и участникъ въ убійствѣ Иванова — это московскій мѣщанинъ Николай Николаевъ. Въ январѣ 1869 г. пріѣзжаетъ къ Николаеву изъ Петербурга въ Москву знакомый ему сельскій учитель села Иванова-Вознесенска Орловъ.

— Въ Петербургѣ безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, разсказываетъ Орловъ; главнымъ двигателемъ студенческаго волненія близкій мой знакомый—учитель Нечаевъ. Нечаевъ съ товарищами своими, недовольными, какъ и онъ, настоящимъ порядкомъ правленія, хотятъ измѣнить его путемъ революціи. Для этого, продолжаетъ Орловъ, нужно сначала подготовить народъ, *а подготовить его можно только тогда, когда въ средѣ его будутъ работать развитые люди; и вотъ съ этою то цѣлью Нечаевъ и его товарищи подняли движеніе между студентами, предвидя, что большинство ихъ разойдутъ по всѣмъ концамъ Россіи.*

Николаевъ, уступая просьбамъ Орлова и Нечаева, достаетъ себѣ заграничный паспортъ и передаетъ его Нечаеву, съ которымъ послѣдній и уѣзжаетъ за границу на деньги (200 р.), привезенныя ему Орловымъ изъ села Иванова.

Николаевъ остается безъ паспорта и, не имѣя ни вида, ни пристанища, странствуетъ то во Владимірскую губернію изъ Москвы, то обратно, пока не основывается въ Тулѣ, куда пріѣзжаетъ изъ Москвы съ паспортомъ, взятымъ помощью обмана у мѣщанина Бѣлкова. Въ Тулѣ Николаевъ поступаетъ въ артель, въ плотники. Во время своихъ скитаній онъ, по запискѣ Орлова, знакомится со студентомъ Московскаго университета Маврицкимъ, а чрезъ Маврицкаго со студентомъ медицинской академіи Коринѳскимъ, черезъ Коринѳскаго же съ библіотекаремъ въ селѣ Ивановѣ Флоринскимъ. Николаевъ переписываетъ прокламаціи и прячетъ шрифтъ, данный ему Нечаевымъ, покупаетъ мастику для печатанія бланокъ и т. д.

Недѣли за двѣ до масляницы 1869 г., когда у Николаева жилъ Орловъ, къ Орлову пріѣзжаетъ изъ Петербурга кандидатъ правъ Ткачевъ съ мѣщанкою Дементьевою. Познакомивъ Николаева съ пріѣзжими, Орловъ объясняетъ ему, что Дементьева привезена Ткачевымъ для того, чтобы найти ей жениха, а это нужно Дементьевой для того, чтобы получить право располагать деньгами для устройства тайной типографіи, съ цѣлью печатанія въ ней разныхъ нецензурныхъ сочиненій; до совершенія же брака трудно добыть принадлежащія Дементьевой деньги, такъ какъ онѣ у опекуна. Орловъ проситъ Николаева жениться на Дементьевой съ тѣмъ, чтобы немедленно разойтись съ нею. Николаевъ согласенъ; добыто и позволеніе епархіальнаго начальства, но слишкомъ поздно: причтъ отказывается повѣнчать въ послѣдній день передъ масляницей.

Послѣ убійства Иванова, Николаевъ вытащилъ портмоне у убитаго, но въ немъ, кромѣ прокламацій и бланки для сбора денегъ въ пользу „страдающихъ студентовъ“, ничего, по словамъ Николаева, не нашли, а разсчитывали найти деньги.

Наконецъ, въ іюнѣ 1869 г., задержанъ былъ и Владиміръ Орловъ, къ убійству Иванова не причастный, но обвиняемый, какъ членъ перваго революціоннаго кружка.

Орловъ въ концѣ 1868 г. прибылъ изъ села Иванова въ Петербургъ, чтобы опредѣлиться въ университетъ. Тамъ остановился онъ у своего земляка Нечаева. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ начались уже тогда безпорядки, и Орловъ, по предложенію Нечаева, посѣщалъ студенческія сходки. Сходки бывали у Ткачева, у Нечаева и въ другихъ мѣстахъ. Когда студенты заводили рѣчь объ основаніи кружковъ по 5 и 10 человѣкъ для образовательныхъ и другихъ полезныхъ предпріятій, Нечаевъ, по словамъ Орлова, замѣчалъ, что образованіе кружковъ вещь полезная, но—только для объединенія студентовъ. Съ Успенскимъ Орловъ познакомился въ Москвѣ чрезъ рекомендательное письмо Ткачева, а чрезъ Успенскаго и съ Волховскимъ, на котораго тоже указывалъ въ письмѣ Ткачевъ. Ткачевъ еще въ Петербургѣ предлагалъ Орлову жениться на Дементьевой „для проформы“, ради полученія денегъ Дементьевою; деньги же, по словамъ Орлова, нужны были для общества взаимнаго или страхованія, или

вспомоществованія. Орловъ письмомъ на имя Ткачева отказался отъ предлагаемаго ему „фиктивнаго“ брака и указалъ на Николаева; поэтому то Ткачевъ съ Дементьевою и пріѣхали къ нему въ Москву. Уѣзжая за границу, Нечаевъ говорилъ Орлову о необходимости дѣйствовать на семинаристовъ, „какъ людей, ближе стоящихъ къ народу“. Нечаевъ поручилъ Орлову отправиться въ Петербургъ и поддерживать тамъ студенческое движеніе, при чемъ далъ ему 10—15 адресовъ. Орловъ согласился на поѣздку тѣмъ охотнѣе, что въ Петербургъ „влекла его любовь къ одной женщинѣ“. Нечаевъ при отъѣздѣ обѣщалъ Николаеву возвратить паспортъ его чрезъ лице, „которое будетъ прислано изъ-за границы вести дѣло народнаго возстанія“.

Въ мартѣ 1869 г. Орловъ вторично прибылъ въ Петербургъ и остановился у знакомой Нечаева, жены полковника Томиловой; былъ на одной только студенческой сходкѣ и уѣхалъ изъ Петербурга, но предъ отъѣздомъ оставилъ Томиловой, по ея просьбѣ, двѣ записки, въ которыхъ просилъ своихъ друзей послѣ него довѣрять Томиловой, какъ ему самому.

Записки эти, революціонные векселя на довѣріе, любопытны. Вотъ онѣ:

1) Всѣ друзья по дѣлу! вы, которымъ знакомы имена Нечаева, Ралли, Аметистова и пр., довѣрьтесь во всемъ Томиловой и всѣмъ, на кого укажетъ она. Ей переданъ весь планъ нашего дѣла, и черезъ нее вы найдете и средства, и лучшихъ друзей для продолженія нашего дѣла. *Орловъ.*

2) Всѣ друзья мои по дѣлу! вы, которымъ извѣстны имена Ралли, Нечаева и друзей ихъ, довѣрьтесь этой госпожѣ, какъ вы довѣряли имъ и довѣряете мнѣ. Ей переданъ весь ходъ дѣла; черезъ нее вы можете узнать и пользоваться всѣми нашими средствами и всѣми друзьями, которыхъ имѣли мы. Я прошу это на случай того, что если я сойду со сцены, то чтобы вы могли встать въ связь съ тѣмъ, что мы сдѣлали и кого имѣли. *Хомутовскій.*

Томилова, по словамъ Орлова, просила эти записки для того, чтобы безъ него она могла поддерживать „намѣренія Нечаева агитировать“.

Орловъ послѣ этого уѣхалъ изъ Петербурга съ тѣмъ, чтобы удалиться, по его словамъ, куда нибудь подальше и сбросить наконецъ съ себя ту маску агитатора, которую онъ надѣвалъ, „подчиняясь вліянію Нечаева, но вовсе ему не сочувствуя“. Онъ отправился на югъ Россіи, прожилъ въ

Славянскѣ у знакомыхъ своихъ, братьевъ Аметистовыхъ, отъ нихъ отправился въ Землю Войска Донскаго, гдѣ въ іюнѣ 1869 г. и былъ задержанъ.

Перейдемъ теперь къ роли остальныхъ обвиняемыхъ изъ 1-й группы. Это Волховской, Ткачевъ, Дементьева, Томилова, Флоринскій и Коринѳскій.

Волховскій состоялъ библіотекаремъ въ московскомъ магазинѣ Черкесова. Тамъ онъ чрезъ Успенскаго познакомился съ Орловымъ, который и представилъ ему студента „Павлова“ (т. е. Нечаева). Въ февралѣ Волховской видѣлся въ Москвѣ съ Ткачевымъ, но будто бы никакихъ съ нимъ отношеній не имѣлъ, а только передалъ ему посылку изъ московскаго въ петербургскій магазинъ Черкесова. Въ мартѣ 1869 г., во время студенческаго движенія въ Петербургѣ, къ Волховскому приходитъ студентъ Енишерловъ, подъ именемъ Гезецкаго, съ просьбою распространять рукопись *Къ обществу*.... Волховской на слѣдствіи во всемъ заперся, ссылаясь на умершаго студента Дешукова.

Въ рукописи, найденной у Волховскаго, читалось между прочимъ:

> Устройте такъ, чтобы силы эти были приблизительно одинаковы, чтобы противъ партіи дѣйствія очутился въ одинъ прекрасный день не дворецъ, опирающійся на войско, а одинъ только дворецъ, который самъ по себѣ слабъ. Мнѣ кажется, что, при быстротѣ и смѣломъ образѣ дѣйствій хорошо организованной партіи, вовсе не невозможно овладѣть этой вещицей.

Не болѣе его показалъ и Ткачевъ. Арестованный 26 марта 1869 г. по подозрѣнію въ составленіи прокламаціи *Къ обществу*, Ткачевъ отрицалъ свое знакомство съ Нечаевымъ. Орловъ будто бы являлся къ нему только съ просьбою о работѣ для одной знакомой ему дѣвушки; при послѣдующихъ своихъ посѣщеніяхъ Ткачева, Орловъ, по увѣренію Ткачева, „говорилъ очень много: и о народныхъ школахъ, и объ артеляхъ, и о необходимости для учащейся молодежи образовать изъ себя кружки“; но Ткачевъ будто бы „вообще старался не поддерживать этихъ бесѣдъ, такъ какъ находилъ это потерею времени“. Если Ткачевъ и далъ рекомендательное письмо Орлову, то будто бы единственно ради того, чтобы „отвязаться отъ Орлова“. Ткачевъ будто бы и Успенскаго зналъ мало. Въ Москву Ткачевъ ѣздилъ, но главнымъ обра-

зомъ изъ желанія „ознакомиться съ существовавшимъ въ Москвѣ обществомъ присяжныхъ повѣренныхъ“, въ виду того, что подобное общество предполагалось и въ Петербургѣ, и „онъ былъ приглашенъ писать уставъ его“. Съ Дементьевой онъ дѣйствительно хотѣлъ обвѣнчаться въ Москвѣ, но лишь ради удобства, и съ Орловымъ о свадьбѣ только шутилъ, а Орловъ не понялъ шутки.

— Никогда никакого кружка около себя я не составлялъ, прокламаціи *Къ обществу* не писалъ и узналъ о появленіи ея только изъ *Полицейскихъ Вѣдомостей*, закончилъ свое запирательство Ткачевъ.

При обыскѣ, у Ткачева нашли рукописный разсказъ, въ видѣ бесѣды двухъ солдатъ Бокова и Трофимова, *о казни государственнаго преступника Каракозова*. Найдено также было 5 писемъ какой то дѣвицы Евреиновой, которая изъ Петергофа между прочимъ писала:

> Къ намъ, въ Петергофъ, переѣзжаютъ сегодня царствующіе. Останутся они недолго. Не нужно ли учинить какихъ справокъ? Вы теперь знаете, что я отдана одному только дѣлу; слѣдовательно, готова на все, что можетъ хотя сколько-нибудь подвинуть и ускорить развязку.

Одновременно съ Ткачевымъ была арестована и петербургская мѣщанка Дементьева, содержательница типографіи, гдѣ было напечатано воззваніе *Къ обществу*. Дементьева, желая будто бы „доставить работу бѣднымъ женщинамъ“, пріобрѣла въ концѣ февраля или въ началѣ марта 1869 г. типографію за 1,000 р. отъ студента Серебряникова, уѣзжавшаго тогда за границу; заплатила пока за нее 200 р., занявъ ихъ у жениха своего Ткачева. Въ мартѣ въ ея типографіи было напечатано 40 экз. воззванія *Къ обществу*.

— Я это сдѣлала, говорила Дементьева, единственно для того, чтобы представить на судъ общественнаго мнѣнія истинное положеніе причинъ студенческаго движенія.

Рукописный оригиналъ воззванія будто бы принесенъ ей какимъ-то незнакомымъ мужчиною въ письмѣ къ ней отъ студентовъ. По отпечатаніи, она будто бы отнесла оттиски на условленное у нея съ неизвѣстнымъ закащикомъ мѣсто.

Потомъ Дементьева измѣнила свое показаніе:

— 18 или 19 марта 1869 г. ко мнѣ, говорила эта дѣвица,

пришли студенты Серебряниковъ и Чубаровъ *) и стали передавать о бѣдственномъ положеніи своихъ товарищей, которыхъ начальство обвиняетъ въ политическихъ стремленіяхъ, тогда какъ они имѣютъ въ виду только свои нужды, а именно: кассы и сходки. Когда Серебряниковъ и Чубаровъ ушли, я, находясь подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ разсказа, рѣшилась составить „обращеніе къ обществу“, въ которомъ общество увидѣло бы невинность студенческихъ стремленій. Я сочинила воззваніе, отпечатала, разослала въ редакціи *Дѣла*, *Отечественныхъ Записокъ*, *Голоса*, *Вѣсти* и въ магазины Черкесова и „Книжной русской торговли“; остальные экземпляры разбросала ночью около университета и технологическаго института. Въ авторствѣ я не сознавалась до сихъ поръ потому, что, когда я пришла на другой день по отпечатаніи къ Ткачеву, тамъ смѣялись надъ содержаніемъ воззванія; сверхъ того, я не хотѣла обнаружить предъ студентами, что за нихъ взываетъ женщина, никѣмъ не уполномоченная.

Однако Дементьева созналась въ намѣреніи своемъ вступить въ фиктивный бракъ съ Николаевымъ.

Жена полковника Елизавета Христіановна Томилова познакомилась съ Нечаевымъ въ 1868 г.; потомъ онъ бывалъ у нея часто, такъ какъ давалъ уроки латинскаго языка ея братьямъ.

— Въ началѣ 1869 г. я, показываетъ Томилова, увидѣла изъ бесѣдъ съ Нечаевымъ, что онъ очень интересуется студенческимъ движеніемъ, и когда я была у него на квартирѣ, по случаю болѣзни его сестры, я слышала, что къ нему приходили какіе-то знакомые; у него же я познакомилась и съ Орловымъ. Однажды Нечаевъ пришелъ ко мнѣ и сталъ прощаться, говоря: „не скоро увидимся: меня могутъ арестовать“. Потомъ черезъ день (1 февраля или въ концѣ января) я увидѣла въ рукахъ знакомой своей Вѣры Засуличъ **) записку слѣдующаго содержанія:

> Идя по мосту, я встрѣтилъ карету, въ какой возятъ арестованныхъ; изъ нея выбросили мнѣ клочекъ бумаги, и я узналъ голосъ дорогаго для

*) Чубаровъ, полагаемъ тотъ самый, который въ 1879 г. былъ казненъ вмѣстѣ съ Лизогубомъ. Давиденко, Логовенко и Виттенбергомъ. *Авт.*

**) Засуличъ извѣстная впослѣдствіи покушеніемъ на генералъ-адъютанта Трепова. На ея родной сестрѣ былъ, помнится, женатъ Успенскій. *Авт.*

меня человѣка: „если вы честный человѣкъ, доставьте“. Это я спѣшу исполнить и въ свою очередь прошу васъ, какъ честныхъ людей, сію минуту уничтожить мою записку, чтобы не узнали меня по почерку. Подписано „Студентъ“.

— При этой запискѣ приложена была другая, отъ Нечаева, написанная карандашемъ, на грязномъ клочкѣ бумаги:

Меня везутъ въ крѣпость; не теряйте энергіи, друзья-товарищи, хлопочите обо мнѣ! Дастъ Богъ—увидимся.

— Я, продолжаетъ Томилова, тотчасъ отнесла эту записку хорошему знакомому Нечаева Аметистову, а первую уничтожила.

Томилова вела переписку съ Нечаевымъ, когда тотъ былъ за границею, и посылала ему деньги.

Слушатель Петровской академіи Иванъ Флоринскій зналъ Нечаева еще съ 1868 г., живя въ селѣ Ивановѣ, на родинѣ Нечаева. Флоринскій былъ дружевъ съ проживавшимъ тамъ Орловымъ. Орловъ уѣхалъ въ Петербургъ. Въ мартѣ пріѣзжаетъ въ Иваново прежній знакомый Флоринскаго Николаевъ со студентомъ Коринѳскимъ. Николаевъ показываетъ Флоринскому записку Орлова и даетъ ему прочитать тетрадку, подъ заглавіемъ „Наша программа“, гдѣ доказывалась необходимость разрушенія государства. Видя бѣдственное положеніе Николаева, Флоринскій далъ ему записку къ купцу Зубкову, прося Зубкова одолжить Николаеву ситцеваго товара. Онъ же выпросилъ у того же купца 100 р. на поѣздку Прыжова за границу. Флоринскій пріѣзжаетъ въ Москву для поступленія въ Петровскую академію. Тамъ дня черезъ три—четыре приходитъ къ нему Нечаевъ и проситъ его съѣздить къ студенту Кіевской духовной академіи Маврицкому. Флоринскій соглашается и получаетъ отъ Успенскаго 10 руб., а отъ Нечаева записку и экземпляръ *Народной расправы*, да два экземпляра *Къ студентамъ*. Флоринскій съѣздилъ къ Маврицкому, передалъ бумаги, но Маврицкій отказался пріѣхать. Послѣ этого Нечаевъ продолжалъ посѣщать Флоринскаго, давалъ ему читать прокламаціи, но тому онѣ ему не понравились, и онъ зарылъ ихъ въ землю. Нечаевъ давалъ ему переписывать *правила* и прокламацію на малороссійскомъ языкѣ.

— Усмотрѣвъ въ *правилахъ* незаконный смыслъ, я, гово-

ритъ Флоринскій, бросилъ перо и хотѣлъ уйти изъ комнаты; Нечаевъ остановилъ меня, сказавъ:

— Такъ поступаютъ подлецы!

— Не столько это, сколько то обстоятельство, что наканунѣ еще я замѣтилъ у Нечаева ножъ, заставило меня безусловно подчиниться Нечаеву, и я сталъ исполнять всѣ его приказанія.

27 октября Нечаевъ уговаривалъ Флоринскаго ѣхать за границу, но тотъ отказался. Съ тѣхъ поръ они не встрѣчались. Въ половинѣ ноября, получивъ изъ-за границы прокламаціи и „предположивъ, что Нечаевъ, уѣхавъ туда, опять принялся за прежнее свое дѣло—посылать въ Россію прокламаціи“, Флоринскій прокламаціи эти представилъ генералу Слезкину.

Коринѳскій оказался еще менѣе прикосновеннымъ къ „заговору“. Онъ дѣйствительно выразилъ желаніе запастись крестьянскимъ паспортомъ, но лишь изъ боязни быть взятымъ „за безписьменность“; недозволенныя сочиненія читалъ, но рвалъ ихъ; собиралъ въ селѣ Ивановѣ деньги, но предполагалъ, что онѣ пойдутъ на исключенныхъ студентовъ. Къ тайному обществу Коринѳскій, по его словамъ, не принадлежалъ и о существованіи его не зналъ.

Таковы были главнѣйшіе нечаевцы. Самъ Нечаевъ скрывался за границею, и у насъ шла дипломатическая переписка съ швейцарскимъ правительствомъ о выдачѣ его, какъ уголовнаго преступника. Выдача состоялась года черезъ полтора послѣ суда надъ нечаевцами, но объ этомъ скажемъ впослѣдствіи.

1-го іюля 1871 г. открылось засѣданіе петербургской судебной палаты по 1-й группѣ обвиняемыхъ. Присутствіе составляли, кромѣ предсѣдателя Любимова и постоянныхъ членовъ, с.-петербургскій уѣздный предводитель дворянства кн. Трубецкой, царскосельскій уѣздный предводитель дворянства Платоновъ, с.-петербургскій городской голова Погребовъ, волостной старшина Михайловъ. Обвинителемъ выступилъ прокуроръ с.-петербургской палаты Половцевъ. Защиту приняли на себя присяжные повѣренные: кн. Урусовъ (Успенскаго и Волховскаго), Спасовичъ (Кузнецова, Ткачева и Томиловой), Арсеньевъ (Прыжова), Соколовскій (Дементьевой),

Турчаниновъ (Николаева), Халтулари (Коринѳскаго) и Деппъ (Флоринскаго).

Обвиненіе было формулировано такъ:

Обвинялись:

1. Дворянинъ Петръ Гавриловъ Успенскій,
2. Купеческій сынъ Алексѣй Кирилловъ Кузнецовъ,
3. Отставной коллежскій секретарь Иванъ Гавриловъ Прыжовъ,
4. Московскій мѣщанинъ Николай Николаевъ Николаевъ—въ томъ, во первыхъ, что они, по соглашенію съ прибывшимъ изъ Женевы осенью прошлаго 1869 года бывшимъ приходскимъ учителемъ Сергѣемъ Нечаевымъ, составили въ Москвѣ, а изъ нихъ Кузнецовъ началъ составлять въ Петербургѣ, заговоръ, съ цѣлью ниспроверженія правительства во всемъ государствѣ и перемѣны образа правленія въ Россіи, при чемъ злоумышленіе ихъ открыто было заблаговременно, при самомъ его началѣ; и во вторыхъ, въ томъ, что они, по предварительному между собою согласію, но по подговору вышепоименованнаго Нечаева, совершили 21 ноября 1869 года убійство слушателя Петровской академіи Иванова, заманивъ его въ уединенное мѣсто, т. е. обвиняются въ совершеніи преступленій, предусмотрѣнныхъ 249, 250, 13 и 3 п. 1453 ст. Улож. о нак. изд. 1866 г.
5. Бывшій слушатель Петровской академіи Иванъ Ивановъ Флоринскій въ томъ, что онъ принималъ участіе въ дѣйствіяхъ означеннаго заговора, съ сознаніемъ о цѣли дѣйствій заговорщиковъ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ тѣми же 249 и 250 ст. Улож.
6. Сынъ священника Владиміръ Ѳедоровъ Орловъ,
7. Дворянинъ Феликсъ Вадимовъ Волховской,
8. Кандидатъ правъ Петръ Никитинъ Ткачевъ,
9. Бывшій студентъ медико-хирургической академіи Михаилъ Петровъ Коринѳскій — въ томъ, что, умысливъ ниспровергнуть правительство во всемъ государствѣ и перемѣнить образъ правленія, совершили для этого подготовительныя дѣйствія, при чемъ также злоумышленіе ихъ было открыто заблаговременно, въ самомъ началѣ онаго, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ тѣми же 249 и 250 ст. Улож.
10. Жена полковника Елизавета Христіанова Томилова въ томъ, что дѣйствіями своими помогала обвиняемымъ Нечаеву и Орлову совершить приготовленія къ государственному преступленію, которое потомъ выразилось въ составленіи заговора ниспровергнуть правительство и перемѣнить образъ правленія, при чемъ Томилова знала о такомъ ихъ злоумышленіи, т. е. обвиняется въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 13, 121, 240 и 250 ст. Улож., и
11. С.-Петербургская мѣщанка Александра Дмитріева Дементьева въ томъ, что напечатала въ своей типографіи и затѣмъ распространила воззваніе *Къ обществу*, съ цѣлію возбудить къ явному неповиновенію власти верховной, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 251 ст. Улож. о нак.

II.

Теперь мы достаточно знакомы съ 1-ю группою нечаевцевъ. Громадный стенографическій отчетъ о судебномъ слѣдствіи, не сокращенный, не процѣженный, мало пополняя суть дѣла, представляетъ любопытныя мелкія данныя. Чуждые интересовъ прокуратуры или защиты, мы конечно не станемъ слѣдить за обстоятельствами, оправдывающими или обвиняющими подсудимыхъ. Для насъ гораздо поучительнѣе самое дѣло, его задачи, размѣры и средства; любопытнѣе біографическія черты подсудимыхъ и ихъ характеры; полезнѣе знать наконецъ отношеніе этого дѣла къ предшествовавшимъ и послѣдовавшимъ кружкамъ и лицамъ.

Здѣсь, повидимому, наиболѣе откровенны показанія Кузнецова.

Передавая споры свои съ Нечаевымъ, Кузнецовъ указывалъ, напримѣръ, на такіе софизмы этого агитатора:

> Положеніе народа можетъ окончиться Пугачевщиной; слѣдовательно, нужно какимъ-нибудь образомъ ослабить эти послѣдствія и не дать проявиться грубой силѣ черни въ такихъ размѣрахъ, въ которыхъ она проявлялась въ прежнихъ возстаніяхъ, какъ при Разинѣ, такъ и при Пугачевѣ.

То есть, бунтовщики должны создаться нарочно, только для того, чтобы взять впослѣдствіи въ свои руки это только чаемое возстаніе народа и регулировать бунтъ!

Кружковскую организацію Кузнецовъ описываетъ такъ:

> — Отличіе кружковъ 1-й степени отъ центральныхъ кружковъ состоитъ въ томъ, что члены кружковъ 1-й степени могутъ знать только о личномъ составѣ и о дѣлахъ членовъ своего кружка, тогда какъ члены центральнаго кружка, около котораго образовались кружки 1-й степени, разсуждали на своихъ собраніяхъ о дѣйствіяхъ членовъ уже другихъ кружковъ, которые стояли около нихъ. Эти представители кружковъ первой степени обязаны были составлять протоколы своихъ собраній и представлять ихъ собранію центральнаго кружка, гдѣ они разсматривались. О томъ, что происходило въ собраніяхъ центральнаго кружка, также составлялись протоколы, и одно лицо было выбрано „комитетомъ“, которое и сносилось съ нимъ.

Протоколы собраній записывались особымъ цифирнымъ шифромъ. Въ этомъ шифрѣ фамиліи членовъ общества расположены были въ азбучномъ порядкѣ.

— Долговъ обозначался 1, Ивановъ 2, я, говоритъ Кузнецовъ, 3, Рипманъ 4. Кружки, которые состояли при каждомъ изъ насъ, снова размѣщались въ алфавитномъ порядкѣ, и первый по алфавиту въ моемъ кружкѣ обозначался цифрою 31, т. е. первая цифра (3) означала кружокъ, а вторая—личность по алфавиту. Такимъ образомъ, у насъ никогда не называлось фамилій. Это дѣлалось потому, что Нечаевъ въ первоначальныхъ отношеніяхъ со мною, убѣждая меня вступить въ общество, постоянно говорилъ, что нашихъ фамилій не будетъ существовать совсѣмъ и что ихъ тотчасъ же перешлютъ въ центральное бюро за границу. Здѣсь же мы будемъ извѣстны только подъ одними знаками.

Ранніе наши пропагандисты, каковы нечаевцы, еще не закалялись въ противообщественной борьбѣ; поэтому-то они такъ легко и сознаются, что они были жертвою обмана. Не таковы послѣдующіе, имѣвшіе уже „революціонное прошлое“. Кузнецовъ сознается, что и не желая, и не имѣя времени заниматься дѣлами кружка, онъ принужденъ былъ доставлять въ „комитетъ“ ложные отчеты.

— Такъ я, признается онъ, писалъ, что завожу знакомства съ разными богачами черезъ своихъ товарищей по коммерческому училищу, сношенія съ клубами и т. д.; на самомъ же дѣлѣ я ни съ однимъ изъ моихъ бывшихъ товарищей даже не возобновилъ знакомства и вообще во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ представлялась полнѣйшая свобода, самостоятельная дѣятельность и гдѣ возможно было избѣжать контроля, тамъ я не дѣлалъ ничего, кромѣ оффиціальныхъ занятій въ кружкѣ. Для того же, чтобы не замѣтна была ложь въ моихъ отчетахъ, я старался каждый разъ приносить въ собраніе деньги и показывалъ такимъ образомъ, какъ будто бы ихъ собиралъ съ тѣхъ лицъ, о которыхъ говорилъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ деньги я давалъ по большей части свои собственныя.

Кузнецовъ сообщаетъ нѣсколько подробностей о своемъ сочленѣ, каракозовцѣ князѣ Черкезовѣ. Кн. Чержезовъ добываетъ для склада костюмовъ мундиръ инженернаго офицера. Кн. Черкезовъ завербовалъ въ общество Воронцову и Бѣлиеву.

— Воронцова попала въ общество совершенно случайно, говоритъ Кузнецовъ: она проѣзжала черезъ Москву, встрѣтилась съ Черкезовымъ и была приведена на собраніе. Ей были прочитаны правила организаціи при Черкезовѣ.

Разсказъ о пререканіяхъ Нечаева съ Ивановымъ вводитъ насъ въ самое пекло кружковскихъ отношеній. Иванова побуждали оставить уроки и жить на средства общества. Тотъ, не имѣя возможности заниматься порученнымъ ему дѣломъ—заводить знакомства въ окрестности академіи съ „различными

волостными писарями", не хотѣлъ кривить душею, какъ Кузнецовъ напримѣръ, и отказался представлять отчеты.

— Ивановъ, по словамъ Кузнецова, былъ очень самолюбивъ; а потому невѣжливое обращеніе съ нимъ Нечаева вызывало постоянное раздраженіе. Мало по малу къ этому присоединилось еще нѣсколько другихъ причинъ, которыя постоянно усиливали раздоръ. Такъ между прочимъ, Ивановъ требовалъ, чтобы Долгову дали тѣ же права, т. е. перевели его въ кружокъ отдѣленій; кромѣ того, Ивановъ непремѣнно хотѣлъ ѣздить въ Москву на собранія, хотя ему даже не было необходимости присутствовать на этихъ собраніяхъ. Наконецъ одною изъ причинъ, усилившихъ раздоръ между ними, говоритъ Кузнецовъ, было приказаніе Нечаева, по моему мнѣнію, крайне не основательное, о томъ, чтобы Ивановъ наклеивалъ прокламаціи въ столовыхъ слушателей академіи и библіотекахъ. Ивановъ сказалъ, что послѣ этого кухмистерскія закроются, и тогда негдѣ будетъ обѣдать. Я въ этомъ отношеніи стоялъ за него; тогда кто-то заявилъ, кажется Нечаевъ, что этотъ вопросъ долженъ идти на обсужденіе комитета. Ивановъ, имѣя уже случай замѣтить, что комитетъ всегда рѣшаетъ споръ въ пользу Нечаева, отказался. Это сильно разсердило Нечаева.

Послѣ подобныхъ пререканій, Нечаевъ объявляетъ Успенскому, Прыжову и Кузнецову:

— Я ошибся въ выборѣ Иванова, и комитетъ поручилъ мнѣ „покончить" съ нимъ.

— Я, разсказывалъ Кузнецовъ, сталъ было спорить съ нимъ, но онъ, злобно взглянувъ на меня, холодно сказалъ:

— И вы думаете сопротивляться!?

— Мнѣ, продолжаетъ Кузнецовъ, оставалось одно—уступить.

Злоумышленники приступили къ обсужденію плана. Вспомнили о гротѣ въ саду Петровской академіи и рѣшили завлечь туда Иванова, подъ предлогомъ *вырыть типографію, остававшуюся еще со времени Каракозова* *).

Начались приготовленія къ убійству. Нечаевъ приказываетъ Успенскому взять съ собою веревку, а прочимъ осмотрѣть свое платье и оставить всѣ вещи, которыя могли бы выдать убійцъ.

— Нечаевъ просто съ ума сошелъ! Нужно удержать его отъ этого безобразія, говоритъ Прыжовъ Кузнецову.

— Я, говоритъ Кузнецовъ, пришелъ къ Нечаеву, началъ

*) Каракозовцы не имѣли своей типографіи. Они только приступили къ пріобрѣтенію типографскихъ принадлежностей. *Авт.*

указывать ему на взволнованное состояніе Успенскаго, на нежеланіе Прыжова.

— Что? вы опять принялись за старое! вскрикиваетъ Нечаевъ.

Кузнецовъ замолчалъ.

Теперь перейдемъ къ описанію самаго убійства.

Убійцы уже у грота. Сейчасъ явится Ивановъ, за которымъ посланъ Прыжовъ. Вотъ оба они уже показались.

— Была мертвая тишина; всякій шагъ дѣлался все тише и тише; наконецъ остановились. Въ это время Нечаевъ страшнымъ голосомъ сказалъ: „Кто здѣсь"? При этихъ словахъ я, говоритъ Кузнецовъ, сейчасъ выбѣжалъ изъ грота и сталъ, прислонившись къ дереву, около грота... Черезъ нѣсколько времени я увидѣлъ согнутую фигуру около выхода изъ грота; я подбѣжалъ тотчасъ къ этой фигурѣ, спросилъ: „что такое, въ чемъ дѣло?"... Я очутился передъ самымъ Ивановымъ и людьми, которые выходили за мною... Нечаевъ тотчасъ навалился на Иванова, который упалъ навзничь, головою ко мнѣ и ногами къ выходу. Я стоялъ сзади. Онъ сталъ кричать; я пустился къ Иванову. Не помню, много ли прошло времени, что дѣлалось; вдругъ раздался выстрѣлъ... Послѣ выстрѣла, Нечаевъ сталъ кричать, ругать Николаева, кажется; и потомъ, какъ сквозь сонъ видѣлъ, какъ снимали пальто съ Иванова, потомъ кажется шарили въ карманахъ, потомъ Нечаевъ закричалъ снова; начали поднимать трупъ. Я дрожащими руками взялся за край платья и пошелъ также около трупа... Когда дошли до проруби, то опустили трупъ на землю, а Нечаевъ пошелъ въ воду по колѣно, и хотя былъ въ длинныхъ сапогахъ, но вода заливалась за сапоги...

Но пока опустимъ покровъ на это безсмысленное злодѣйство, равно какъ и на попытку Нечаева убить потомъ изъ револьвера еще и Прыжова.

Изъ остальныхъ объясненій Кузнецова заслуживаетъ вниманія указаніе его на какую-то „Абрамовскую исторію". Нечаевъ, по словамъ Кузнецова, мало по малу сталъ доказывать ему, что „поступившій въ общество уже не имѣетъ права выдти изъ него, какъ напримѣръ въ Абрамовскую исторію, и что за это можно поплатиться своею жизнью" *).

Николаевъ, мальчикъ, которому еще годы не позволяли жениться на Дементьевой, немного прибавилъ къ извѣстнымъ

*) Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, что это за „Абрамовская исторія". Подобныхъ „исторій" было нѣсколько между Каракозовщиною и Нечаевщиною, и обнародованіе документовъ по этимъ дѣламъ бросило бы яркій свѣтъ на всѣ 15 лѣтъ крамолы. *Авт.*

уже намъ фактамъ. Самъ онъ служилъ и надзирателемъ надъ арестантами, и письмоводителемъ у судебнаго слѣдователя. Отдавъ свой паспортъ Нечаеву, разжалобившему его грозившею яко бы ему опасностію, Николаевъ принужденъ былъ скитаться по Россіи, ставъ безропотнымъ исполнителемъ приказаній Нечаева. Нечаевъ увлекаетъ его въ тайное общество.

— Когда я, откровенно признается Николаевъ, ему возразилъ, что я самъ ничему не учился, что я буду совершенно безполезенъ въ этомъ дѣлѣ; то онъ (Нечаевъ) на это мнѣ отвѣчалъ, что развитія для этого не нужно, а нужно только желаніе помочь народу, потому что есть люди, болѣе развитые, которые уже будутъ управлять дѣйствіями менѣе развитыхъ.

И, добавимъ отъ себя, будутъ водить этихъ несчастныхъ неразумныхъ мальчиковъ на каторги и висѣлицы!

Николаевъ своими показаніями дополняетъ страшныя подробности убійства Иванова.

Подходя къ гроту, Ивановъ пошелъ впередъ. Кузнецовъ и Прыжовъ пошли сзади, а я, какъ предупредилъ меня Нечаевъ, долженъ былъ идти позади Иванова и постараться во-время схватить его за руки. Когда мы подошли къ гроту, Ивановъ пошелъ впередъ, а я позади его. Тутъ кто-то закричалъ: „гдѣ же онъ?“ Въ это время Ивановъ попятился назадъ; я его схватилъ за руку, какъ приказалъ Нечаевъ; но Ивановъ вырвался отъ меня. Тутъ кто-то сталъ меня душить; не помня себя, я вырвался и закричалъ, что это я, Николаевъ, а въ то же время кто-то закричалъ: „бѣжалъ! бѣжалъ!“ Затѣмъ Нечаевъ толкнулъ меня и побѣжалъ ко входу; съ меня слетѣла шапка, и я, въ страшномъ испугѣ, остался въ темнотѣ. Затѣмъ Иванова повалили. Я не могъ его разсмотрѣть, потому что въ гротѣ было темно, и я старался къ нему не подходить. Немного погодя, Нечаевъ закричалъ, заругался на меня и на всѣхъ остальныхъ; подозвалъ меня къ себѣ. Я подошелъ къ нему, и онъ заставилъ меня душить Иванова. Я совершенно безсознательно схватилъ, вмѣсто Иванова, Нечаева за руку, такъ что Ивановъ успѣлъ простонать и сказать что-то. Нечаевъ сталъ ругаться еще больше и закричалъ, чтобы я подалъ револьверъ; но Ивановъ еще сильнѣе застоналъ. Затѣмъ, когда я подалъ Нечаеву револьверъ, то онъ все время ругался. Послѣ того, какъ я подалъ револьверъ, Нечаевъ сейчасъ же выстрѣлилъ Иванову въ голову.

Николаевъ также сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о кн. Черкезовѣ, важныя для насъ потому, что каракозовецъ этотъ, проживающій и сейчасъ въ эмиграціи, представляется намъ однимъ изъ хранителей раннихъ преданій крамолы. Такія именно лица и способны объединять все пятнадцатилѣтіе русской противообщественной партіи.

Николаевъ встрѣчается съ кн. Черкезовымъ въ Петербургѣ у одного своего знакомаго. Черкезовъ предлагаетъ ему пере-

ночевать у одного знакомаго ему студента. Николаевъ отправляется съ кн. Черкезовымъ къ этому студенту, котораго Черкезовъ представляетъ ему, какъ своего товарища по работамъ для желѣзныхъ дорогъ. Тутъ же Черкезовъ знакомитъ Николаева еще съ однимъ человѣкомъ, который пожелалъ вступить въ общество. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, Николаевъ знакомится съ Тейльсомъ все чрезъ того же кн. Черкезова. По пріѣздѣ въ Москву, Черкезовъ сообщаетъ, что онъ познакомился съ Тейльсомъ и еще съ другими лицами, которыя согласны дѣйствовать такъ, какъ желаетъ Нечаевъ. Нечаевъ поручаетъ Черкезову стараться устраивать около себя кружки и проситъ его въ то же время ѣхать въ Петербургъ и выхлопотать ему какимъ бы то ни было образомъ заграничный паспортъ. Въ Тулѣ Нечаевъ знакомитъ Черкезова съ Александровскою. Нечаевъ посылаетъ Николаева въ Петербургъ за Тейльсомъ, а въ Москвѣ Черкезовъ объявляетъ Тейльсу, что присутствіе его уже болѣе не нужно, такъ какъ Нечаевъ, вмѣстѣ съ Александровскою, уѣхалъ за границу. Затѣмъ Черкезовъ посылаетъ Тейльса въ Тулу, къ Аннушкѣ, горничной дѣвушкѣ Александровской, для того чтобы она ѣхала въ Москву съ Николаевымъ и устроилась въ трактирѣ до пріѣзда Александровской. Черкезовъ говоритъ Николаеву, что, пока Нечаевъ находится за границею, онъ, Черкезовъ, и Николаевъ „должны устроить притоны, для того чтобы, по пріѣздѣ своемъ, Нечаевъ могъ устроиться совершенно безопасно“. Николаевъ привезъ изъ Тулы Аннушку; квартира была уже нанята Черкезовымъ. Но тутъ Николаевъ былъ арестованъ.

Показанія Прыжова ничего не добавляютъ къ дѣлу. Онъ принадлежалъ къ числу лицъ, такъ часто въ политическихъ процессахъ нами встрѣчаемыхъ, которыя близки къ психическому разстройству. Нервная болѣзнь во время ареста отняла у него память. Онъ пережилъ нервный ударъ; на судѣ разсказывалъ онъ о видѣніяхъ и голосахъ, которые представлялись и слышались ему во время болѣзни. Повидимому, и самое вступленіе Прыжова въ тайное общество, и участіе его въ убійствѣ Иванова объясняются ненормальнымъ душевнымъ состояніемъ этого 40-лѣтняго человѣка. Рѣчь его на судѣ почти лишена смысла.

— Я вступилъ въ общество съ опредѣленною цѣлью, чисто соціальною; понимая вещи въ чисто научномъ смыслѣ, именно потому, что въ продолженіи долгаго времени, около 15 лѣтъ, я не имѣлъ возможности воспользоваться священнымъ даромъ, предоставленнымъ всякому человѣку, на трудъ, поэтому спеціальностью моею было составить исторію народа. Я занимался этою исторіею не такъ, какъ привыкли заниматься наши записные русскіе ученые, но имѣлъ предметомъ только живое изложеніе, и потому эта исторія выходила не перепискою однихъ архивныхъ документовъ, а живымъ разсказомъ.

Дементьева, посѣщавшая студенческія сходки и открывшая типографію для „женскаго труда“, произнесла на судебномъ слѣдствіи горячую защитительную рѣчь за положеніе студентовъ, лишенныхъ кассы и права сходокъ, а также за бѣдственную участь трудящихся женщинъ. Своею блестящею рѣчью эта несовершеннолѣтняя дѣвица рѣзко выдѣлилась изъ остальной группы подсудимыхъ. Такія именно женщины служатъ самымъ прочнымъ цементомъ въ построеніи зданія крамолы. Съ фактической стороны Дементьева пополнила извѣстныя уже намъ подробности тѣмъ, что за Ткачева она не могла выйти замужъ потому, что онъ былъ поднадзорнымъ, а женѣ поднадзорнаго не разрѣшили бы держать типографію.

Успенскій несравненно выше не только Николаева и Прыжова, но и Кузнецова, какъ развитіемъ, такъ и характеромъ. Въ страстности онъ не уступаетъ Дементьевой. Это центральное лице въ дѣлѣ, если не считать самого Нечаева и не догадываться о выдающейся роли Ткачева, самаго развитаго изъ подсудимыхъ, съ личиною скромности на судѣ. Откровенныхъ показаній Успенскаго объ обществѣ и объ убійствѣ Иванова касаться не станемъ: мало добавляютъ они новаго. Но заявленіе Успенскаго, что̀ заставило его вступить въ тайное общество, съ его „отвратительными прокламаціями“, какъ самъ онъ называетъ ихъ, что̀ сдѣлало его жертвою обмана со стороны Нечаева, заслуживаетъ полнѣйшаго нашего вниманія. Пусть тутъ страстность и преувеличеніе, но несомнѣнно, и многіе другіе подобнымъ же путемъ „среды“ приходятъ къ такому же концу: воздушная крамола, преслѣдуемая однимъ только „государственнымъ мечемъ“, безъ другихъ органическихъ мѣръ, повидимому способна множиться, какъ двоилась и та „сила нездѣшняя“, которую поражали возгордившіеся богатыри нашихъ былинъ.

По словамъ Успенскаго, причины, главнымъ образомъ побудившія его ко вступленію въ общество, были слѣдующія:

— Со времени выхода моего изъ школы, я, говоритъ онъ, постоянно обращался въ кругу людей, большею частью молодыхъ, которые подвергались административнымъ преслѣдованіямъ. Я могу назвать 100 — 150 моихъ знакомыхъ, или сосланныхъ на каторгу *) и на поселеніе, или высланныхъ административнымъ порядкомъ. Конечно, я не могъ оставаться ко всему равнодушнымъ; я не могъ не сочувствовать этимъ лицамъ. Мало того: послѣднія административныя мѣры сдѣлали то, что ни я, ни кто изъ моихъ знакомыхъ не могли считать себя безопасными и гарантированными отъ преслѣдованія, хотя и не считали себя заслуживающими такого преслѣдованія; поэтому когда меня арестовали, то я нисколько не былъ удивленъ; арестъ не произвелъ на меня никакого впечатлѣнія, потому что я давно былъ къ нему приготовленъ, хотя и не видѣлъ къ тому причины. Все это повело къ тому, что я поступилъ въ общество по той же причинѣ, по которой человѣкъ, никогда не воровавшій, если про него кричатъ, что онъ воръ, дѣйствительно дѣлается воромъ... Въ это же время, 14 мая, была арестована моя сестра, 15-лѣтняя дѣвушка. Ее посадили въ Арбатскую часть, затѣмъ перевели въ Петропавловскую крѣпость, **) гдѣ она просидѣла 9 мѣсяцевъ. Между тѣмъ я зналъ навѣрное, что арестъ ея совершенно незаконный, что нѣтъ никакихъ причинъ подозрѣвать ее въ чемъ-нибудь. Я сталъ хлопотать объ ея участи. Нѣкоторыя лица приняли въ ней участіе, но это ни къ чему не привело. Затѣмъ другая моя знакомая, молодая дѣвушка, Антонова, больная, нервная, лежавшая въ горячкѣ, была посажена въ одно помѣщеніе съ сумасшедшими. Въ то же время былъ сосланъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ, человѣкъ, посвятившій все свое время наукѣ, ничего не знавшій объ обществѣ и почему-то заподозрѣнный въ участіи въ волненіи студентовъ. Я зналъ и другіе факты, волновавшіе во мнѣ желчь. Послѣднимъ было письмо, полученное мною отъ арестованной сестры. Письмо это было такъ странно, что я счелъ ее за сумасшедшую. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, способствовали сближенію моему съ Нечаевымъ.

Къ числу любопытныхъ эпизодовъ допроса Успенскаго относится уязвленіе г. Каткова обвиняемымъ.

— Вы упомянули о томъ, что Нечаевъ бѣжалъ изъ крѣпости. Вы выдаете это за слышанное или считаете это неоспоримымъ фактомъ? спрашиваетъ Успенскаго предсѣдатель.

— Я передаю это, какъ слухъ, который ходилъ въ то время,

*) Сосланныхъ на каторгу мы имѣемъ только каракозовцевъ. Если сосланные на каторгу знакомцы Успенскаго не выдумка съ его стороны, значитъ онъ былъ близокъ съ каракозовцами — новая данная къ выясненію связи нечаевцевъ съ ихъ предшественниками. Или это были поляки? *Авт.*

**) Сестра Успенскаго была заключена въ Литовскій замокъ. *Авт.*

отвѣчаетъ обвиняемый. Редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей* Катковъ еще болѣе пропагандировалъ его имя, написавъ о немъ передовую статью.

Показанія Флоринскаго, играющаго второстепенную роль въ дѣлѣ, не даютъ новыхъ чертъ. Флоринскій подтверждаетъ заявленіе Успенскаго о неразборчивости арестовъ:

— Я зналъ, говоритъ Флоринскій, что Нечаевъ присылалъ изъ-за границы прокламаціи нѣкоторымъ лицамъ еще весною 1869 года. Лица эти совершенно невинныя, т. е. я зналъ ихъ за людей, вполнѣ благонадежныхъ въ политическомъ отношеніи; но они были арестованы за то только, что получили изъ-за границы отъ этого Нечаева письма и прокламаціи.

Орловъ, обвиняемый въ „умыслѣ ниспровергнуть правительство во всемъ государствѣ и перемѣнить образъ правленія“, оказался на судебномъ слѣдствіи только безумно влюбленнымъ въ сестру Нечаева, „этой, какъ выразился самъ онъ, позорной, злополучной и несчастной личности“. Въ этомъ и вся его прикосновенность къ дѣлу. Любовь къ сестрѣ агитатора заставила его корчить изъ себя революціонера, и теперь онъ откровенно признается:

— Сочувствіе къ студенческому движенію, къ женскимъ и мужскимъ сходкамъ, все это бездѣлье, вся эта суета суетъ, всѣ эти неуловимыя мелочи, толки о мастерскихъ, швейныхъ и т. п. всякой всячинѣ, вся эта рисовка съ моей стороны, желаніе казаться не тѣмъ, что я есть—все это было для меня такъ тяжело, что я даже заболѣлъ отъ сознанія тѣхъ несчастныхъ отношеній къ людямъ, въ которыя я сталъ въ Петербургѣ въ первый разъ въ жизни.

Слѣдствіе не открыло принадлежности Волховскаго къ тайному обществу. Съ изысканною вѣжливостью относясь къ суду, Волховской находчивыми своими отвѣтами выгородилъ себя изъ дѣла. При чтеніи процесса, участіе его чувствуется, но уликъ мало: съ Успенскимъ онъ знакомится, въ качествѣ посѣтителя магазина; потомъ, сдѣлавшись прикащикомъ у Черкесова, онъ знакомится черезъ то съ Прыжовымъ и съ Ткачевымъ. Компрометтирующія его бумаги, найденныя у него, принесъ къ нему студентъ Енишерловъ; онъ принялъ бумаги, желая отвязаться отъ непрошеннаго посѣтителя, ожидая къ себѣ гостей,—и все въ такомъ же родѣ. Но Волховской еще до Нечаевщины имѣлъ уже „революціонное прошлое“, и оно то, вмѣстѣ съ прикосновенностью его потомъ къ дѣлу 193, заставляетъ признать его болѣе изворотливымъ,

чѣмъ правымъ. Къ сожалѣнію, для насъ темна исторія, на которую ссылается Волховской.

— Въ 1866 г. я, говоритъ онъ, былъ арестованъ по совершенно другому дѣлу, а именно, вслѣдствіе того письма, которое написалъ Лопатинъ. Полагали, что записку эту написалъ я; но это было несправедливо. Вслѣдствіе этого обстоятельства я и онъ были арестованы и пробыли полгода въ одиночномъ заключеніи, и дѣло затѣмъ оставили безъ послѣдствій. Онъ былъ сосланъ административнымъ порядкомъ въ Ставрополь, а я былъ отданъ подъ надзоръ полиціи.

Ткачевъ, или какъ онъ самъ назвалъ себя, „петербургскій нигилистъ“, въ своихъ отвѣтахъ на судебномъ слѣдствіи, признавъ, что прокламацію *Къ обществу* сочинилъ онъ, а не Дементьева, коснулся „студенческихъ исторій“ и значенія „фиктивныхъ браковъ“.

Будущій эмигрантъ и издатель „Набата“ показываетъ:

— Студенты университета, технологическаго института и медицинской академіи обратились съ заявленіемъ къ своему начальству, прося для себя права на сходки, на учрежденіе кассъ и освобожденія отъ нѣкоторыхъ полицейскихъ стѣсненій. Когда вслѣдствіе этого заявленія была закрыта медицинская академія; тогда, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ частяхъ нашего общества стали распространяться темные слухи, будто бы учащаяся молодежь совершенно не нуждается въ томъ, о чемъ проситъ, а что она, являясь только безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ какихъ-то агитаторовъ, представляется не болѣе, какъ игрушкой. Эти слухи, разумѣется, въ нашемъ обществѣ не новые, не оригинальные: они возбуждались и возбуждаются повсюду во время студенческихъ исторій; но, къ сожалѣнію, какъ они ни стары, тѣмъ не менѣе однако они почти всегда достигаютъ полнаго успѣха, то есть, тотъ вопросъ, который желаютъ устранить такимъ образомъ, всегда устраняется. Все это испытала на себѣ петербургская учащаяся молодежь, начиная съ 1861 года. Она постоянно обращалась съ заявленіями къ начальству, прося дать ей возможность устроивать сходки, кассы и т. п., и каждый разъ относительно этого заявленія употреблялся одинъ и тотъ же пріемъ. Въ 1861 году вопросъ о сходкахъ и кассахъ былъ отожествленъ съ увеличеніемъ пожаровъ, затѣмъ съ польскимъ возстаніемъ, наконецъ, въ 1866 году, его безъ всякихъ дальнихъ околичностей прямо отнесли къ стремленію уничтожить существующій порядокъ.

Потому-то, въ виду запрещенія, наложеннаго на легальную печать, говоритъ о „студенческихъ исторіяхъ“, Ткачевъ, по его объясненію, и напечаталъ безъ цензуры обращеніе къ обществу; характеръ же прокламаціи получился будто бы отъ краткой, сжатой формы.

Но, не смотря на всѣ увѣренія Ткачева, что студенческія

исторіи не вызываются агитаторами, не можемъ согласиться съ нимъ даже по одному тому, что самъ онъ, также Дементьева, не говоря о Нечаевѣ и другихъ, все стороннія университету лица, участвовали въ студенческихъ сходкахъ, цѣль которыхъ (наплодить побольше выгнанныхъ студентовъ для обращенія ихъ въ агитаторовъ) откровенно указана выше однимъ изъ подсудимыхъ. Связь студенческихъ „исторій“ съ соціалистической агитаціею даже общее мѣсто въ исторіи крамолы. Студенческія сходки бывали на дому и у Нечаева, и у Ткачева.

Фиктивные браки явленіе обыкновенное въ средѣ нигилья: къ Ткачеву обращались уже двѣ женщины съ просьбою устроить имъ такіе браки, и нигилистъ-сватъ остроумно объясняетъ потребность въ такихъ бракахъ тѣмъ, что жена, помимо болѣе самостоятельнаго своего положенія, живя по документу мужа, избѣгаетъ многихъ непріятностей съ полиціей. На вопросъ предсѣдателя, не рискуетъ ли онъ участью дѣвушки, выдавая ее фиктивнымъ бракомъ, Ткачевъ отвѣчаетъ:

— Именно вслѣдствіе того, что браки эти стали слишкомъ часто повторяться, они уже перестали быть чѣмъ-то ненормальнымъ: къ нимъ относятся безъ всякой боязни; въ нихъ не видятъ риска.

Перейдемъ теперь къ показаніямъ Коринѳскаго. Вся вина его заключалась въ знакомствѣ съ Орловымъ и Ралли, да участіи въ сходкахъ, дозволенныхъ впрочемъ начальствомъ. Исторія Коринѳскаго поучительна, какъ образецъ того, какимъ путемъ могли вырабатываться у насъ отщепенцы общества.

— 6 или 7 марта у студентовъ медико-хирургической академіи, показываетъ студентъ Коринѳскій, начались сходки по ночамъ, допускаемыя самимъ начальствомъ *de facto*. 8 числа конференція даетъ позволеніе подать коллективное прошеніе. Назначается общая сходка для прочтенія этого прошенія. Я, говоритъ Коринѳскій, былъ выбранъ депутатомъ и, разумѣется, на этихъ сходкахъ участвовалъ. 11 марта инспекторъ сообщилъ мнѣ, чтобы я уговорилъ студентовъ разойтись. Меня поразило это обстоятельство. Сходки у насъ существовали *de facto*. Что же мнѣ было дѣлать, какъ представителю интересовъ студентовъ? Что же я могъ сказать студентамъ? Если бы я предложилъ разойтись, то меня опять послали бы къ инспектору, и мнѣ оставалось только просить инспектора, чтобы онъ самъ сказалъ, чтобы студенты разошлись. Затѣмъ заперли двери аудиторіи, гдѣ назначена была сходка. Потомъ, когда было вывѣшено объявленіе, что инспекторъ запрещаетъ сходки по желанію

военнаго министра, я больше не оставался въ академіи, ушелъ и на сходкѣ больше не былъ.

Коринѳскій самъ подалъ прошеніе объ увольненіи, но тѣмъ не менѣе въ документахъ его было обозначено что онъ „исключенъ по безпорядкамъ“. Скоро Коринѳскій уразумѣлъ, какова участь „исключеннаго по безпорядкамъ“.

— Потомъ я, разсказываетъ онъ, убѣдился, какими глазами смотрятъ на человѣка, у котораго на бумагахъ „исключенъ по безпорядкамъ“. На меня смотрѣли дурно люди, у которыхъ я просилъ работы. Я не могъ получить работы, не могъ мѣста достать. Въ глазахъ родныхъ я былъ положительно несчастнымъ человѣкомъ. Я долженъ былъ ѣхать въ другую губернію, чтобы не быть у нихъ на глазахъ, потому что всѣ смотрѣли на меня съ сожалѣніемъ. Я поѣхалъ въ Тамбовскую губернію, куда меня рекомендовали въ одно семейство домашнимъ учителемъ, и то потому я былъ принятъ въ этомъ семействѣ, что одинъ изъ членовъ этого семейства былъ когда-то арестованъ по какой-то исторіи, и потому меня не опасались. Я пробылъ мѣсяца два учителемъ. Потомъ мнѣ запретили заниматься домашнимъ учительствомъ. Въ то же время я узналъ, что исправникъ спрашиваетъ, не былъ ли я между крестьянами. На службу поступить нельзя. Ремесла никакого я не зналъ и находился въ ужасномъ положеніи.

Получивъ мѣсто писца у мироваго судьи, по рекомендаціи все той же гостепріимной семьи, а потомъ мѣсто въ земской управѣ, Коринѳскій въ скоромъ времени былъ арестованъ исправникомъ. На просьбу Коринѳскаго показать предписаніе, исправникъ отвѣчалъ, что этого не нужно, и затѣмъ Коринѳскаго препроводили въ острогъ.

III.

Въ іюнѣ 1868 года ѣдетъ по Николаевской желѣзной дорогѣ на мѣсто родины въ Малороссію полковница Томилова съ своимъ больнымъ братомъ. Противъ нея сидитъ какой-то чиновникъ въ формѣ министерства народнаго просвѣщенія. Рядомъ съ нею помѣщается какая-то дама.

— Ѣздила я въ Петербургъ навѣстить своихъ дѣтей, обращается она къ Томиловой. Куда какъ трудно имъ съ латынью, безъ приватныхъ уроковъ!

— У меня тоже братъ во 2-й гимназіи. По всѣмъ предметамъ идетъ хорошо, только латинскій языкъ для него камень преткновенія. Что-то будетъ дальше? замѣчаетъ г-жа Томилова.

— Я вамъ совѣтовала бы взять учителя для приватныхъ уроковъ, надоумливаетъ незнакомая дама.

— Хотѣлось бы. Да вотъ средства... мнѣ бы не дорогаго.

— Да обратитесь къ семинаристамъ: они учителя не дорогіе.

— Это очень хорошая идея. Благодарю васъ. Я непремѣнно ею воспользуюсь.

Не долго пробыла въ Москвѣ полковница Томилова и отправилась съ братомъ же въ Нижній-Новгородъ. Тотъ же въ формѣ министерства просвѣщенія пассажиръ оказывается и здѣсь въ одномъ вагонѣ съ Томиловою.

Вечеръ, и уже поздно. Около Томиловой пустое мѣсто. На него пересаживается пассажиръ-чиновникъ.

— Я ѣхалъ съ вами по Николаевской дорогѣ и слышалъ вашъ разговоръ. Вы желаете имѣть учителя? заговариваетъ сосѣдъ.

— Да. Судя по вашей формѣ, вы, можетъ быть, учитель той же гимназіи, гдѣ учится и мой братъ?

— Нѣтъ, я учитель Сергіевскаго приходскаго училища въ Петербургѣ; зовутъ меня Сергѣй Геннадіевичъ Нечаевъ. Я самъ даю приватные уроки и могу рекомендовать вамъ своего товарища. Если хотите, я, по вашемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, зайду къ вамъ.

— Очень буду рада, отвѣчаетъ Томилова.

— Я живу въ училищѣ, продолжаетъ Нечаевъ. А вы?

Томилова написала свой адресъ,—гдѣ-то около Владимірской.

— Это для меня очень удобно. Я занимаюсь и во Владимірскомъ училищѣ.

На этомъ разговоръ окончился, и, по пріѣздѣ въ Нижній, новые знакомые разстались.

Пробывъ на родинѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ, Томилова возвратилась въ Петербургъ около 20 сентября, совершенно забывъ о случайномъ знакомствѣ.

Въ началѣ октября возвращается разъ вечеромъ она отъ своихъ знакомыхъ.

— А къ тебѣ приходилъ какой-то господинъ, спрашивалъ тебя, говоритъ полковникъ Томиловъ своей женѣ.

— Это, вѣроятно, по работѣ спрашиваютъ?

— Нѣтъ, онъ говорилъ о какихъ-то урокахъ, отвѣчаетъ мужъ.

Сначала Томилова никакъ не можетъ догадаться.

— Онъ сказалъ свою фамилію? обращается она къ горничной.

— Нѣтъ-съ, фамиліи своей они не сказывали, а сказали, что зайдутъ черезъ нѣсколько дней, отвѣчаетъ та.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней является тотъ же господинъ и рекомендуется Томиловой:

— Я Нечаевъ. Если вы не забыли, я встрѣтился съ вами въ вагонѣ, и у насъ была рѣчь о латинскихъ урокахъ.

— Помню, помню. Садитесь. Не хотите ли чаю?

Хозяйка позвала своего брата и спросила:

— Трудно тебѣ заниматься латынью?

— Теперь будетъ легко, отвѣчаетъ гимназистъ.

Барыня и учитель условились въ цѣнѣ. Нечаевъ сталъ пить чай. На столѣ лежалъ № *Вѣстника Европы*. Учитель началъ перелистывать книгу, заинтересовался какой-то статьей.

— Не дадите ли вы мнѣ прочесть эту статью? спрашиваетъ онъ сестру будущаго своего ученика.

Какъ быть? думаетъ Томилова. Незнакомый человѣкъ.... Впрочемъ онъ далъ свой адресъ. Отчего же не довѣрить ему книгу?...

Дѣйствительно, черезъ недѣлю приходитъ Нечаевъ и возвращаетъ книгу. Въ это время у Томиловыхъ сидѣлъ въ гостяхъ знакомый профессоръ изъ горнаго института. Хозяйка и гость-профессоръ разговаривали о диспутахъ въ институтѣ.

— Отчего вы не пріѣдете какъ-нибудь на диспутъ? спрашиваетъ профессоръ свою собесѣдницу.

— У васъ очень спеціально. Я скорѣе поѣхала бы на какіе-нибудь другіе диспуты, отвѣчаетъ г-жа Томилова.

Профессоръ уѣзжаетъ. Нечаевъ подходитъ къ хозяйкѣ.

— Что же вы не пріѣдете *къ намъ* въ университетъ? спрашиваетъ онъ, продолжая разговоръ о диспутахъ.

— Я бы желала, да не знаю, можно ли: тамъ у меня нѣтъ никого знакомыхъ.

— Да вѣдь это такъ просто: вы придете къ швейцару, попросите, чтобы онъ показалъ вамъ вѣшалку вашего знакомаго, студента Нечаева, и повѣсите ваше платье.

Такъ завязалось знакомство между полковницею Томиловою и агитаторомъ Нечаевымъ.

Или вотъ еще картинка.

Какъ-то разъ Нечаевъ заходитъ къ Томиловымъ. У г-жи Томиловой было тогда много швейной работы. Она брала заказы, шила на магазины.

— Не знаете ли вы какую-нибудь особу, которая согласилась бы мнѣ помогать? спрашиваетъ Нечаева г-жа Томилова.

— Изъ петербургскихъ никого не могу вамъ рекомендовать, а не возьмете ли вы мою сестру, которая пріѣдетъ сюда? не выучите ли вы ее шить на машинѣ? навязывается Нечаевъ.

— Выписывать вашу сестру я не рѣшилась бы: я не знаю, буду ли имѣть достаточно работы. Но если ваша сестра пріѣдетъ, я готова подѣлиться съ нею своей работой, отвѣчаетъ Томилова.

Дня черезъ четыре пріѣзжаетъ сестра Нечаева. Нечаевъ приводитъ ее къ Томиловой. Сначала та лишь постоянно приходила работать; но къ Рождеству, когда у Томиловой скопилось много работы, она совсѣмъ переселилась къ ней. На праздникахъ Анна Геннадіевна Нечаева заболѣла возвратнымъ тифомъ. У Томиловыхъ не было удобнаго помѣщенія, и ей пришлось поселиться у брата. Томилова стала часто навѣщать Анну Геннадіевну. Самъ Нечаевъ рѣдко бывалъ дома, все больше пропадалъ на студенческихъ сходкахъ. Въ январѣ Томилова встрѣчаетъ Орлова у Анны Геннадіевны.

Какъ-то разъ Анна Геннадіевна получаетъ письмо отъ Орлова. Сестра Нечаева была дѣвушка „малограмотная“, а Орловъ „писалъ такъ неразборчиво и скверно“, что Анна Геннадіевна не могла разобрать письмо и просила г-жу Томилову прочитать ей. Это было объясненіе въ любви, приглашеніе ѣхать съ собою въ деревню.

Страннымъ показалось это г-жѣ Томиловой: Нечаева говорила ей, что Орловъ хлопоталъ, чтобы она ѣхала учиться; братъ тоже желалъ, чтобы сестра какъ можно больше занималась.

— Что за странность, раздумываетъ Томилова: хлопоталъ, чтобы ее учить, а теперь хочетъ увезти.

Томилова рѣшилась переговорить объ этомъ съ Нечаевымъ.

— Орловъ сдѣлалъ предложеніе вашей сестрѣ, говоритъ она Нечаеву.

— Пустяки, отвѣчаетъ тотъ.

— Въ самомъ дѣлѣ. Я и письмо читала, продолжаетъ Томилова.

Нечаевъ проситъ самое письмо.

— Вотъ оно, на столѣ, указываетъ Томилова.

— Это пустяки, повторяетъ смѣясь Нечаевъ, прочитавъ письмо. Можете вы себѣ представить Орлова женатымъ и семейнымъ человѣкомъ! Я познакомлю свою сестру съ нѣкоторыми знакомыми мнѣ женщинами, а то ваша жизнь слишкомъ монотонна, слишкомъ буржуазна. Я васъ прошу ни въ чемъ не стѣснять сестру, предоставлять ей полную свободу бывать вездѣ и по возможности принимать у себя.

Какъ-то разъ Нечаевъ заходитъ къ Томиловой и говоритъ:

— Я хорошо знаю французскій языкъ, перевожу все, а между тѣмъ былъ въ театрѣ и совершенно ничего не понялъ; оказывается, что я не понимаю разговорнаго языка. Я бы желалъ взять учителя, но конечно самаго дешеваго, который бы могъ заниматься со мною послѣ 9 часовъ вечера, потому что ранѣе я занятъ.

— Теперь я никого не имѣю въ виду, но, вѣроятно, найдется кто-нибудь, отвѣчаетъ Томилова.

Потомъ Томиловой приходитъ въ голову, что, можетъ быть, Нечаевъ хорошо знаетъ нѣмецкій языкъ.

— Могу читать и переводить съ вами по-французски, говоритъ она Нечаеву, а вы займитесь со мною по-нѣмецки.

— Отлично, соглашается Нечаевъ.

Это взаимное обученіе продолжалось впрочемъ не долго.

Томиловой приходилось слышать разговоры Нечаева съ сестрою о кассѣ.

— Я желала бы составить себѣ болѣе опредѣленное понятіе объ этомъ вопросѣ, замѣтила Томилова, слушая толки, что у студентовъ образовалась партія не желавшихъ просить кассы и партія, желавшая просить.

— Приходите на сходку, и тогда это совершенно для васъ разъяснится, замѣчаетъ Нечаевъ.

— Не пойду я къ незнакомымъ, отвѣчаетъ г-жа Томилова.

Въ концѣ января Нечаевъ прислалъ къ Томиловой сво-

его ученика съ книгой и маленькою записочкой: „Если вы желаете, сегодня будетъ въ квартирѣ вашей знакомой *) сходка и будетъ довольно интересная".

Началась сходка. Любознательная полковница стала за дверью. Кто-то предлагаетъ завести кассу для студентовъ. Оказывается, что мало сочувствующихъ ему. Вторымъ говоритъ Нечаевъ и „очень хорошо", по мнѣнію Томиловой. Статистическими данными онъ доказываетъ необходимость оффиціальной кассы. Онъ утверждаетъ, будто бы изъ 50 человѣкъ, оканчивающихъ курсъ гимназіи съ правомъ поступленія въ университетъ, поступаетъ только 7, а остальные по бѣдности должны идти на какія-нибудь механическія работы, напримѣръ въ писцы; что, по всей вѣроятности, самые даровитые то и не попадаютъ въ число этихъ 7 лицъ.

— Иду, по приглашенію Калашнина, въ канцелярію оберъ-полицеймейстера объясниться по поводу сходки третьяго дня, говоритъ черезъ день Нечаевъ своей сестрѣ.

— Меня отпустили на поруки директора училища, сообщаетъ онъ, возвратившись совершенно разстроеннымъ отъ оберъ-полицеймейстера. Завтра велѣли мнѣ явиться въ Ш отдѣленіе все по поводу этой же сходки, замѣчаетъ онъ. Можетъ быть, меня и арестуютъ: господинъ, у котораго была сходка, говорилъ много ерунды, высказываетъ онъ, прощаясь.

На другой или на третій день прибѣгаетъ къ Томиловымъ Вѣра Ивановна Засуличъ, чрезвычайно усталая. Засуличъ бросается на стулъ и протягиваетъ г-жѣ Томиловой руку съ какой-то бумажкой. Это было уже знакомое читателямъ извѣщеніе Нечаева, будто бы онъ арестованъ.

Было передъ вечеромъ; темнѣло. Г-жа Томилова подходитъ къ Засуличъ, беретъ бумажку. Вѣра Ивановна не можетъ слова выговорить, „до такой степени была уставши". Подошла сестра Нечаева, и обѣ онѣ стали читать почтовый листокъ бумаги: „идя я встрѣтилъ карету" и т. д. При этомъ приложенъ былъ грязный клочекъ бумаги, исписанный краснымъ карандашемъ. Сестра узнала почеркъ брата. Прочитавъ записку, г-жа Томилова рѣшилась увѣдомить объ

*) Знакомая не названа въ показаніи Томиловой. Можетъ быть, это была Вѣра Засуличъ. *Авт.*

этомъ друзей Нечаева, изъ которыхъ знала она только одного Евлампія Аметистова, который тоже давалъ уроки ея брату.

Томилова въ это время была больна. Она заразилась отъ Нечаевой, и у нея начиналась лихорадка. Тѣмъ не менѣе она сама отправилась къ Аметистову на Петербургскую сторону. Оказалось, что тотъ ушелъ къ товарищу. Томилова туда, на Васильевскій островъ. Но Аметистовъ успѣлъ уже и оттуда уйти. Томиловой пришлось проѣздить весь день. Вернувшись домой, она нашла Аметистова у себя.

Началась страшная суетня у Томиловой, Нечаевой и Засуличъ.

Сестра Нечаева въ отчаяніи; она не спитъ всю ночь. Томилова встревожена ея слезами: слезы страшно подѣйствовали на ея нервы. Барыни узнаютъ адресъ директора училища, гдѣ служитъ Нечаевъ. Томилова все еще больна, сама отправиться не можетъ и проситъ одного знакомаго ѣхать съ Нечаевою. Директоръ ничего не знаетъ. Два дня страшно горюетъ Нечаева. Полковникъ Томиловъ предлагаетъ ей идти въ канцелярію попечителя учебнаго округа,—тамъ не знаютъ ли чего? Въ канцеляріи попечителя чиновникъ прямо объявляетъ, что Нечаевъ арестованъ.

— Я сейчасъ справлюсь, говоритъ онъ, уходя.

Ждутъ просители. Приходитъ другой чиновникъ. Они къ нему съ разспросами.

— О Нечаевѣ ничего неизвѣсто въ канцеляріи попечителя, отвѣчаетъ тотъ.

Такъ просители, ничего не добившись, и возвратились домой.

— Отправляйтесь-ка прямо въ III отдѣленіе, совѣтуетъ Томилова.

III отдѣленіе показалось Нечаевой „очень страшнымъ“, и только съ полковникомъ Томиловымъ она рѣшилась отправиться туда.

Два часа дожидаются здѣсь просители, но наконецъ имъ въ пріемѣ отказываютъ. Еще раза два, и также тщетно, пытаются они добиться какихъ-нибудь свѣдѣній. Наконецъ выходитъ дежурный чиновникъ и спрашиваетъ у нихъ прошеніе. Прошенія у просителей не оказалось.

— Нужно подать прошеніе, повторяетъ дежурный.

Воротились домой просители, написали прошеніе, подали. Нечаева нѣсколько разъ приходила справляться, разрѣшено ли ей свиданіе съ братомъ.

— Нечаева нѣтъ въ III отдѣленіи, отвѣчаетъ ей наконецъ, кажется, Мезенцовъ.

Не обратиться ли къ коменданту крѣпости? вѣдь Нечаевъ пишетъ, что его везутъ въ крѣпость, толкуютъ въ домѣ Томиловыхъ.

— Я провожу туда Нечаеву, вызывается Вѣра Ивановна Засуличъ.

Нечаева и Засуличъ проходили весь день, видѣли плацъ-маіора, плацъ-адъютанта, просили свиданья.

— Нѣтъ здѣсь Нечаева, отвѣтилъ имъ въ концѣ концовъ кто-то.

Пошли нелѣпые слухи. То, будто бы кто-то видѣлъ Нечаева на желѣзной дорогѣ, въ сопровожденіи жандармовъ; то, будто товарищи Нечаева получили отъ него письмо изъ Архангельска, куда онъ сосланъ. Наконецъ является Орловъ и объявляетъ, что Нечаевъ уѣхалъ за границу съ паспортомъ Николаева. Послѣ того пришло въ домъ Томиловыхъ письмо отъ самого Нечаева изъ Брюсселя.

Орловъ между тѣмъ продолжаетъ посѣщать Нечаеву. Ей и Томиловой онъ развиваетъ свою теорію о соціальномъ устройствѣ; вся природа, говоритъ онъ, управляется законами космическими, историческими и физіологическими.

— Онъ говорилъ туманно, разсказываетъ г-жа Томилова, такъ монотонно, постоянно повторялся и заикался, что и я эту теорію очень мало понимала, а сестра Нечаева такъ ужъ буквально ничего не поняла. Онъ такъ погружался въ свою мысль, что продолжалъ говорить, совершенно не замѣчая, когда Нечаева шутя подсказывала ему фразы. Когда его разспрашивали объ идеальномъ обществѣ, онъ начиналъ заикаться, путаться и ровно ничего не могъ сказать.

Черезъ недѣлю послѣ письма изъ Брюсселя, къ Томиловымъ приходитъ телеграмма изъ Брюсселя же. Телеграмма эта, за подписью Николаева, требуетъ скорой присылки денегъ. Депеша пришла, когда Томилова еще спала.

— Разбери, пожалуйста, мы тутъ ничего не можемъ понять: телеграмма на французскомъ языкѣ, а Орловъ по-французски

не знаетъ, съ такими словами будитъ г-жу Томилову ея братъ.

Томилова передала Орлову содержаніе телеграммы.

— Что же вы, Орловъ, не посылаете Нечаеву денегъ? вѣдь онъ тамъ находится въ ужасномъ положеніи, говоритъ Томилова Орлову.

— Я и пошлю, но въ настоящее время у меня нѣтъ денегъ, отвѣчаетъ тотъ; если у васъ есть пошлите пожалуйста, проситъ онъ.

Томилова послала Нечаеву 100 р.

Послѣ этого какъ-то вечеромъ зашелъ разговоръ у Томиловой съ Анной Геннадіевной Нечаевой о высылкѣ студентовъ за безпорядки, о сборѣ денегъ въ ихъ пользу.

— Я бы съ удовольствіемъ собрала, замѣчаетъ Томилова, да у меня знакомые, на которыхъ нельзя разсчитывать,—люди бѣдные; сами помочь не могутъ, а которые могутъ, тѣ относятся не сочувственно.

— Вотъ если бы у насъ, въ Ивановѣ, такъ тамъ можно бы много собрать: тамъ богатое купечество: если одинъ подпишетъ 25 руб., другой не захочетъ отставать и подпишетъ 50 руб., отвѣчаетъ Нечаева.

— Анна Геннадіевна, поѣзжайте-ка, сдѣлайте доброе дѣло, шутитъ Томилова.

Въ эту минуту является Орловъ.

— Нечаева хочетъ ѣхать въ Иваново собирать въ пользу студентовъ, продолжаетъ шутить Томилова, уже обращаясь къ Орлову,

— Это хорошая мысль, отвѣчаетъ Орловъ; но нужно, чтобы ѣхала не Нечаева, а петербургская личность, напримѣръ, вы.

— А что, если меня не признаютъ, что я „петербургская личность“? смѣется Томилова.

— Признаютъ: я вамъ дамъ письмо, съ которымъ вы обратитесь къ моимъ друзьямъ, настаиваетъ Орловъ.

Въ это время чей-то приходъ прерываетъ ихъ бесѣду.

На другой день приходитъ Орловъ проститься, объявляя, что ѣдетъ въ Москву. При прощаньи онъ передаетъ Томиловой записки, уже извѣстныя читателямъ. Взглянувъ на эти записки и замѣтивъ ихъ торжественный тонъ, Томилова не удержалась отъ восклицанія: „какъ торжественно!“

— Что значитъ сей сонъ? успѣла она только спросить Орлова. Заика Орловъ, торопясь на поѣздъ желѣзной дороги, не имѣлъ времени что-либо объяснить.

Черезъ нѣсколько дней пришли къ Томиловой изъ-за границы какія-то загадочныя письма и телеграммы.

13 апрѣля утромъ, въ 8 часовъ, Томилову будитъ звонокъ. Дѣвушка подаетъ письмо. Томилова начала вскрывать его, но оно было такъ крѣпко запечатано, что пришлось изорвать конвертъ. На конвертѣ заграничная марка. Тутъ приходитъ какая-то дама на счетъ работы. Въ это время входитъ и Нечаева.

— Вотъ письмо отъ вашего брата, говоритъ Томилова, передавая Аннѣ Геннадіевнѣ письмо, которое не успѣла еще сама прочесть.

Нечаева отправилась читать письмо.

— Жандармскій офицеръ! успѣваетъ только проговорить дѣвушка, открывая дверь.

— Позвольте письмо, которое вы получили изъ-за границы, обращается жандармъ къ Томиловой.

— Какое письмо? у меня нѣтъ никакихъ писемъ, отвѣчаетъ та.

— Письмо, которое вамъ принесли четверть часа тому назадъ; дайте мнѣ это письмо, настаиваетъ офицеръ.

— Я увѣряю васъ, что у меня нѣтъ этого письма, отказывается Томилова.

Сестра Нечаева, услыхавъ шумъ, перепугалась, бросилась въ кухню, гдѣ умывался маленькій братъ Томиловой; смявъ письмо въ рукѣ, она бросила его въ печку и спросила, гдѣ спички.

— А вотъ они тамъ жгутъ письмо! вскричалъ жандармскій офицеръ, который, услышавъ тамъ шумъ, бросился туда и вытащилъ письмо.

Такъ замѣшалась въ Нечаевщину полковница Томилова, если разумѣется вполнѣ во всемъ повѣримъ ея словамъ, по которымъ и составленъ этотъ разсказъ. Г-жа Томилова судомъ была оправдана, и потомъ имени ея мы не встрѣчали ни въ одномъ процессѣ. Вѣроятно, она стала болѣе осторожна въ знакомствахъ на желѣзныхъ дорогахъ съ чиновниками „въ формѣ министерства народнаго просвѣщенія“.

Имя Енишерлова, автора какихъ-то прокламацій о студенческихъ дѣлахъ, знакомо уже читателямъ. Свидѣтель этотъ не присутствовалъ на судѣ, но было прочитано его показаніе, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи:

> Вопросъ студенческій, по его мнѣнію, далъ средство преслѣдовать свою цѣль людямъ двоякаго рода. Къ первымъ изъ нихъ принадлежатъ литературные инсинуаторы, старающіеся постоянно представлять правительству опасную оппозицію въ лицѣ всего молодаго поколѣнія, люди, старающіеся убѣдить общество въ томъ, чему сами не вѣрятъ, и заставить ихъ смѣшивать два слова: студентъ и революціонеръ. Цѣль этихъ людей—распродажа мелочная и обтовая ихъ ежедневныхъ и періодическихъ изданій. Къ другому роду людей, эксплуатировавшихъ студенческій вопросъ, принадлежитъ Сергѣй Нечаевъ.

Енишерловъ характеризуетъ намъ Нечаева, съ которымъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и который надѣялся сдѣлать его своимъ соумышленникомъ:

> — Я находилъ всегда Нечаева въ озлобленномъ и скептическомъ настроеніи человѣкомъ, которому не удалось предпринятое дѣло, который не услышалъ сочувственнаго отклика. По его выраженію, русское общество состоитъ изъ холоповъ, въ которыхъ не вспыхнетъ революціонная искра, какъ бы ее не раздували; но и въ немъ пропаганда только тогда будетъ имѣть успѣхъ, когда скроется на первыхъ порахъ подъ какимъ-нибудь лично студенческимъ дѣломъ.

Енишерловъ вѣрнѣе, кажется, чѣмъ кто либо, понялъ настоящій смыслъ Нечаевщины, хотя нѣсколько и ослабляетъ ея значеніе:

> — Нечаевъ искалъ сочувствія въ студенческой средѣ и не встрѣтилъ. Тогда, разочаровавшись, онъ задался намѣреніемъ, съ одной стороны, отомстить несочувствующимъ людямъ, а съ другой — выставить, за неимѣніемъ революціонной оппозиціи, ея призракъ; смутить и встревожить общество какою-нибудь шумною, безобразной выходкой. Онъ это и сдѣлалъ, втолкнувъ *вполнѣ умышленно* въ казематы сотни людей, если чѣмъ-либо виноватыхъ, то единственною своею довѣрчивостью и благодушіемъ. Съ такой точки зрѣнія объясняется тотъ непонятный фактъ, что Нечаевъ требовалъ, пока не настоялъ, у студентовъ списка ихъ фамилій. Получивъ этотъ списокъ, оказавшійся необъяснимымъ для меня образомъ въ III отдѣленіи Собственной Е. И. В. канцеляріи, Нечаевъ безъ всякой видимой причины эмигрировалъ и прислалъ изъ-за границы ложный доносъ подъ либеральною формою прокламаціи. Его прокламація писаны не для студентовъ, а для III отдѣленія, которое онъ желаетъ убѣдить въ томъ, что лица, которыхъ фамиліи подписаны подъ протестомъ, его единомышленники и даже пожалуй соучастники. Не желавшихъ слушать Нечаевскаго шепота Сергѣй Нечаевъ заставилъ услышать свой вопль.

Въ показаніи Енишерлова встрѣчаемъ фамилію *Кадьянъ*. Это студентъ медицинской академіи, который, вмѣстѣ съ другими, доставлялъ Енишерлову „матеріалъ для прокламацій", написанныхъ Енишерловымъ. Кадьянъ, доставлявшій Енишерлову „матеріалы" и, по словамъ Енишерлова, будто бы не знавшій даже, на что̀ нужны эти „матеріалы", занимаетъ насъ только потому, что тотъ же конечно Кадьянъ встрѣчается потомъ въ дѣлѣ 193. Одинъ изъ списковъ такой прокламаціи Енишерловъ отослалъ къ студенту Харьковскаго университета Ковалевскому.

Въ видѣ улики противъ Николаева, прочитано было на судѣ показаніе крестьянина Кундушева. Здѣсь случился курьезъ: показаніе Кундушева имѣло въ виду совсѣмъ другаго Николаева, а не того, который сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ. Тѣмъ не менѣе, оно весьма важно, какъ указаніе и на преданія Каракозовщины, и на общее мѣсто политическихъ процессовъ — освобожденіе Чернышевскаго, о чемъ мечтали и каракозовцы, и нечаевцы, и 193, и другіе.

Съ этимъ вторымъ Николаевымъ Кундушевъ отправился въ Петербургъ въ концѣ августа или началѣ сентября 1867 г. Перемѣнили они тамъ квартиръ пять неудобныхъ, наконецъ поселились у своего земляка саратовца Воскресенскаго. Въ квартирѣ Воскресенскаго жили вмѣстѣ съ ними кн. Черкезовъ, Щербатовъ, Сергіевскій, Жигмановскій и Орфановъ. Изъ нихъ князь Черкезовъ, Воскресенскій и Сергіевскій были замѣшаны въ дѣло покушенія 4 апрѣля. Воскресенскаго посѣщало много молодежи; занимались изрѣдка чтеніемъ Чернышевскаго, и обыкновенно происходила попойка. „Разговаривали и о покушеніи 4 апрѣля, и отзывы были объ этомъ самые разнообразные: одни ругали Каракозова, а другіе признавали въ его поступкѣ ту пользу, что молодежь, вмѣсто того, чтобы заботиться лишь о собственной пользѣ, стала выставлять на первый планъ пользу общества". Три недѣли прожили они такъ; потомъ перемѣнили квартиру, куда собирались тѣ же лица и также проводили время. Къ Воскресенскому, кромѣ молодыхъ людей, приходили и женщины, большею частью молодыя, стриженныя въ кружокъ; впрочемъ между ними была и одна постарѣе, жена офицера Бобарыкова". Бывалъ и самъ Бобарыковъ. „Настоящая цѣль всѣхъ

этихъ собраній заключалась въ освобожденіи Чернышевскаго, когда то бывшаго учителя саратовской гимназіи".

— Объ этой идеѣ, показываетъ Кундушевъ, сообщено было пріѣхавшему въ январѣ 1868 г. къ Воскресенскому въ С.-Петербургъ Котинъ-Ярцеву. Съ Котинъ-Ярцевымъ на данные намъ Воскресенскимъ 40 руб., полученные имъ отъ Калачевскаго *), мы поѣхали въ Рязань съ тѣмъ, чтобы ожидать тамъ высылки отъ Воскресенскаго денегъ болѣе 1,000 руб. Пріѣхали мы въ Рязань, пробираясь въ Сибирь, съ тою цѣлью, чтобы, получивъ деньги, отдать ихъ Чернышевскому. Деньги должны были быть высланы на имя Котинъ-Ярцева, по адресу, высланному имъ Воскресенскому изъ Рязани. Виды и документы наши, вѣроятно, въ Рязани не прописаны. Котинъ-Ярцевъ переѣзжалъ съ видомъ, полученнымъ изъ Петровской академіи, гдѣ онъ нѣкоторое время былъ стипендіатомъ. Въ Рязани мы прожили около $1^1/_2$ мѣсяца, и въ теченіе этого времени Котинъ-Ярцевъ получилъ отъ Воскресенскаго 10 руб., при чемъ Воскресенскій писалъ, что еще вышлетъ. Котинъ-Ярцевъ уѣхалъ въ Петербургъ поговорить о дѣлѣ, а я оставался одинъ и черезъ недѣлю получилъ 9 руб.

Таковы дѣянія первой группы нечаевцевъ. Помимо варварскаго убійства Иванова, это была только игра въ революцію. Хожденія въ народъ еще не замѣчается. Школьники собирались или по своимъ студенческимъ дѣламъ, или для составленія кружковъ, правда крайне дурнаго направленія, но безъ ясно опредѣленной въ будущемъ цѣли, и занимались преимущественно революціонно-бюрократическимъ дѣломъ: переписывали прокламаціи, приготовляли бланки, прикладывали печати. Закаленныхъ характеровъ, такъ извѣстныхъ съ 1878 года, еще не встрѣчаемъ. Только въ Нечаевѣ, да еще развѣ въ Успенскомъ и Ткачевѣ, примѣтны черты агитаторовъ послѣдующаго времени; прочіе — жертвы, обманутыя и брошенныя, пожалуй даже выданныя Нечаевымъ. Это была та молодежь, которую нужно было скомпрометтировать предъ правительствомъ и обществомъ, отрѣзать ей путь къ отступленію. Съ теченіемъ времени изъ нея должны были выйти Нечаевы; изъ нѣкоторыхъ они и вышли. Но пока хотя бы даже этихъ каракозовцевъ, на 9 руб. разсчитывавшихъ освободить Чернышевскаго, мы застаемъ почти на той же степени развитія, какъ и гимназистовъ, начитавшихся Майнъ-Рида и крадущихъ деньги у родителей съ тѣмъ, чтобы, за-

*) Калачевскій—сынъ московскаго купца, готовившійся поступить на юридическій факультетъ. *Авт.*

купивъ на нихъ конфектъ, варенья да револьверъ, бѣжать въ дикіе лѣса Америки.

Знакомство съ первою группою нечаевцевъ закончимъ любопытными для исторіи крамолы данными изъ біографіи Ткачева и Волховскаго. Оба они до процесса нечаевцевъ имѣли уже „революціонное прошлое“. Ихъ исторіи частію наполняютъ промежутокъ между Каракозовщиною и Нечаевщиною.

Въ 1869 году возникло дѣло о какихъ-то воззваніяхъ возмутительнаго содержанія. Слѣдственная коммиссія, по разсмотрѣніи этого дѣла, нашла виновнымъ между прочимъ *) бывшаго студента Московскаго университета Леонида Ольшевскаго—въ сочиненіи возмутительныхъ воззваній, подъ заглавіемъ: *Къ русскому народу*, *Разсказъ дяди Кузьмича* и *Мѣра правительства для успокоенія Польши*, которыя онъ намѣренъ былъ распространять. Та же коммиссія нашла виновнымъ бывшаго студента С.-Петербургскаго университета Петра Ткачева **)—въ знаніи (по собственному его сознанію) о написанномъ Ольшевскимъ второмъ воззваніи, въ имѣніи у себя двухъ печатныхъ воззваній *Что нужно народу* и стиховъ преступнаго содержанія. Коммиссія рѣшила этихъ и еще нѣкоторыхъ другихъ лицъ предать сужденію правительствующаго сената. Ткачевъ, согласно рѣшенію сената, заключенъ былъ въ С.-Петербургскую крѣпость на три мѣсяца; въ февралѣ 1869 г. онъ былъ освобожденъ изъ-подъ ареста и отданъ на поруки.

Въ 1863 — 1866 гг. студенты Московскаго университета, уроженцы южныхъ губерній, устроили негласно „малороссійскую общину“ въ Москвѣ, съ цѣлью помогать бѣднымъ товарищамъ ***). Община имѣла свой уставъ и свою библіо-

*) Было привлечено къ отвѣтственности 11 человѣкъ. *Авт.*

**) Въ справкѣ о судимости Ткачевъ названъ „бывшимъ студентомъ“. Въ 1871 г. мы видимъ его уже „кандидатомъ правъ“. Повидимому, Ткачевъ не окончилъ курса и уже потомъ выдержалъ экзаменъ на степень кандидата, или же сидѣніе въ крѣпости не помѣшало ему снова вступить въ университетъ. *Авт.*

***) Подобныхъ „общинъ“ въ указанное время было нѣсколько въ Московскомъ университетѣ. Таковъ былъ и „пензенскій кружокъ“. Помнится, въ такія общины могли поступать не одни земляки. Кстати: проектировавшіяся не такъ давно „землячества“, повидимому, ничѣмъ не отличались отъ университетскихъ „общинъ“ 1863—1866 гг. *Авт.*

теку. Устраивались засѣданія, составлялись протоколы и собрана была довольно значительная сумма денегъ. Секретаремъ этой общины былъ Феликсъ Волховской, и о существованіи общины, по словамъ оффиціальной справки, знало университетское начальство. Московская слѣдственная коммиссія, произведя слѣдствіе по этому дѣлу, передала его въ С.-Петербургскую слѣдственную коммиссію. Та, разсмотрѣвъ бумаги общины, не нашла въ нихъ ничего особеннаго, кромѣ одной рукописи о костелѣ, предосудительнаго содержанія. Изъ согласныхъ объясненій участниковъ кружка не оказалось, чтобы община эта, по словамъ справки, преслѣдовала какія-либо преступныя цѣли.

Въ 1868 г. получены были свѣдѣнія, что кандидатъ С.-Петербургскаго университета Германъ Лопатинъ и дворянинъ Феликсъ Волховской устроиваютъ какое-то „рублевое общество“; они составили программу *Вопросъ молодаго поколѣнія* и собрали подробныя свѣдѣнія о личности и сочиненіяхъ государственнаго преступника Чернышевскаго. Дѣло это III отдѣленіемъ передано было въ С.-Петербургскую слѣдственную коммиссію. На допросахъ коммиссіи Лопатинъ ни въ чемъ не сознался, а Волховской, послѣ нѣкотораго запирательства, показалъ, что „стремясь къ скорѣйшему распространенію образованія въ народѣ, онъ намѣренъ былъ составить общество странствующихъ сельскихъ учителей, которые, переходя изъ одного мѣста въ другое, могли бы обучать дѣтей, не заводя особыхъ школъ“ и т. д. „Сельскіе учителя обязаны были заниматься собираніемъ мѣстныхъ этнографическихъ, статистическихъ и другихъ свѣдѣній. Сельскихъ учителей предполагалось набирать изъ молодежи“. Проектъ этотъ сообщенъ былъ Волховскимъ Лопатину и профессору Костомарову. Послѣдній не одобрилъ проекта, а Лопатинъ нашелъ его весьма полезнымъ, составилъ для этого особую программу *Вопросъ молодаго поколѣнія*, предложилъ дѣлать постоянные ежемѣсячные рублевые взносы и назвалъ предпріятіе „рублевымъ обществомъ“. Общество это существовало только еще въ предположеніи. Свѣдѣнія о Чернышевскомъ собирались для приложенія къ роману *Что дѣлать?* предназначавшемуся въ подарокъ одной знакомой этихъ молодыхъ людей.

Все это данныя оффиціальной справки. Но вотъ постановленіе слѣдственной коммиссіи:

Лопатина *выслать* къ родителямъ въ Тифлисъ, подъ непосредственный надзоръ отца и строгое наблюденіе мѣстныхъ властей, съ предоставленіемъ ему поступить тамъ въ государственную службу; дворянина же Волховскаго, во вниманіе къ его молодости, чистосердечному сознанію и *почти шестимѣсячному заключенію*, отъ ареста и дальнѣйшаго преслѣдованія освободить, и по сдѣланіи ему строгаго внушенія о неблаговидности его поступковъ, отдать на поруки его матери, съ учрежденіемъ надъ нимъ наблюденія.

Но ни „чистосердечное сознаніе“, ни „шестимѣсячное заключеніе“, ни „строгое внушеніе“, ни „наблюденіе“, не помѣшали Волховскому попасть въ Нечаевское дѣло, а потомъ въ дѣло 193-хъ.

Никогда, ни прежде, ни послѣ, судъ по дѣламъ политическимъ не былъ на столько гласенъ и свободенъ, какъ въ дѣлѣ нечаевцевъ. Здѣсь прочитаны были всѣ документы, въ послѣдующихъ процессахъ почему-то стыдливо опускаемые *). Читатель, познакомившись съ наименѣе изъ нихъ скучными, увидитъ, на сколько эти суровыя, даже аскетическія требованія соотвѣтствовали той дѣйствительности, которую представляли нечаевцы, по большей части раскаившіеся на судѣ, но раньше сбитые съ толку, соблазненные, скомпрометтированные, а иные вовлеченные и въ уголовное преступленіе только однимъ хорошо выдрейсированнымъ за границею 22-лѣтнимъ агитаторомъ.

Документы эти, вызывающіе болѣзненное любопытство при темнотѣ, совершенно блѣднѣютъ, вынесенные на свѣтъ Божій. Для насъ онѣ важны тѣмъ, что тѣ же организація, цѣль и средства оставались и въ послѣдующее время.

Вотъ, напримѣръ, *Общія правила объ организаціи*, о которыхъ раньше мы уже упоминали; текстъ ихъ выписываемъ буквально изъ *Правительственнаго Вѣстника*.

§ 1. Строй организаціи основывается на довѣріи къ личности. § 2. Организаторъ (уже членъ) изъ среды своихъ знакомыхъ намѣчаетъ 5 — 6 лицъ, съ которыми переговоривъ одиночно и заручившись согласіемъ каждаго, собираетъ ихъ вмѣстѣ и закладываетъ основаніе замкнутаго кружка. § 3. Механизмъ организаціи скрытъ отъ всякаго празднаго взгляда, а потому вся сумма связей и весь ходъ дѣятельности кружка есть се-

*) Только одна прокламація была прочтена при закрытыхъ дверяхъ. Но о ней выразился прокуроръ, что она „жжетъ руки“. *Авт.*

кретъ для всѣхъ, исключая его членовъ и центральнаго кружка, куда организаторъ представляетъ полный отчетъ въ опредѣленные сроки. § 4. По извѣстному плану, основанному на знаніи мѣстности, или сословія, или среды, въ которой ведется подготовительная работа, труды спеціализируются членами. § 5. Членъ организаціи немедленно составляетъ въ свою очередь каждый около себя кружокъ 2-й степени, къ которому прежде основанный становится въ значеніи центральнаго, куда всѣ члены организаціи вносятъ всю сумму свѣдѣній отъ своихъ кружковъ для доставленія далѣе. § 6. Правило не дѣйствовать непосредственно на всѣхъ тѣхъ, на которыхъ можно дѣйствовать съ не меньшимъ результатомъ посредственно, т. е. черезъ другихъ, должно быть выполняемо съ строгой аккуратностью. § 7. Общій принципъ организаціи не убѣждать, т. е. не вырабатывать, а сплачивать тѣ силы, которыя есть уже на лице, исключать всякія пренія, не имѣющія отношенія къ реальной цѣли. § 8. Устраняются всякіе вопросы отъ членовъ къ организатору, не имѣющіе цѣлью дѣло кружковъ подчиненныхъ. § 9. Полная откровенность отъ членовъ къ организатору лежитъ въ основѣ успѣшнаго дѣла. § 10. По образованіи кружковъ втораго разряда, прежде организованные становятся относительно ихъ центрами, получаютъ уставъ общества и опредѣленную программу дѣятельности въ той средѣ, гдѣ находятся.

Особенно любопытны правила, которыми должны руководиться революціонеры. Напоминаніе объ этихъ правилахъ мы считаемъ весьма полезнымъ, особенно для тѣхъ, кто способенъ сколько нибудь идеализировать нашу противобщественную партію. Вотъ выдержки изъ этого революціоннаго катехизиса:

Отношеніе революціонера къ самому собѣ.

§ 1. Революціонеръ — человѣкъ обреченный. У него нѣтъ ни своихъ интересовъ, ни дѣлъ, ни собственности, ни даже имени *). Все въ немъ поглощено единымъ исключительнымъ интересомъ, единою мыслью, единою страстью—революціей.

§ 2. Онъ въ глубинѣ своего существа, не на словахъ только, а на дѣлѣ, разорвалъ всякую связь съ гражданскимъ порядкомъ и со всѣмъ образованнымъ міромъ, со всѣми законами, приличіемъ, общепринятыми условіями и нравственностію этого міра. Онъ для него — врагъ безпощадный, и если бы онъ продолжалъ жить въ немъ, то для того только, чтобы его вѣрнѣе разрушить.

§ 3. Революціонеръ презираетъ всякое доктринерство и отказался отъ мірской науки **), предоставляя ее будущимъ поколѣніямъ. Онъ знаетъ только одну науку, науку разрушенія. Для этого, и только для этого, онъ

*) Отсюда позднѣе этотъ „Ѳедоръ“ въ дѣлѣ Соловьева и Мирскаго, „инженеры Сашки“, „Коты“, „Мокриды“, „Милорды“, „Волки“, „Машки“ и т. д. *Авт.*

**) Въ процессѣ 193 агитація въ учебныхъ заведеніяхъ каждый разъ начиналась убѣжденіемъ бросить ученье. *Авт.*

изучаетъ теперь механику, физику, химію *), пожалуй медицину. Для этого изучаетъ денно и нощно живую науку людей, характеровъ, положеній и всѣхъ условій настоящаго общественнаго строя во всѣхъ возможныхъ слояхъ. Цѣль же одна—наискорѣйшее разрушеніе этого поганаго строя.

§ 4. Онъ презираетъ общественное мнѣніе. Онъ презираетъ и ненавидитъ во всѣхъ побужденіяхъ и проявленіяхъ внѣшнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствуетъ торжеству революціи; безнравственно и преступно все, что помѣшаетъ ему.

§ 5. Революціонеръ — человѣкъ обреченный, безпощаденъ для государства и вообще для всего сословно образованнаго общества; онъ и отъ нихъ не долженъ ждать для себя никакой пощады. Между ними и имъ существуетъ тайная или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и на смерть. Онъ долженъ пріучить себя выдерживать пытки **).

§ 6. Суровый для себя, онъ долженъ быть суровымъ и для другихъ. Всѣ нѣжныя изнѣживающія чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести, должны быть задавлены въ немъ единою холодною страстью революціоннаго дѣла. Для него существуетъ только одна нѣга, одно утѣшеніе, вознагражденіе и удовлетвореніе—успѣхъ революціи. Денно и нощно должна быть у него одна мысль, одна цѣль — безпощадное разрушеніе. Стремясь хладнокровно и неутомимо къ этой цѣли, онъ долженъ быть готовъ и самъ погибнуть, и погубить своими руками все, что мѣшаетъ ея достиженію.

§ 7. Природа настоящаго революціонера исключаетъ всякій романтизмъ, всякую чувствительность, восторженность и увлеченіе. Она исключаетъ даже личную ненависть и мщеніе. Революціонная страсть, ставъ въ немъ обыденностью, ежеминутно должна соединяться съ холоднымъ разсчетомъ. Всегда и вездѣ онъ долженъ быть не то, къ чему его побуждаютъ влеченія личныя, а то, что предписываетъ ему общій интересъ революціи.

Отношеніе революціонера къ товарищамъ по революціи.

§ 8. Другомъ и милымъ человѣкомъ для революціонера можетъ быть только человѣкъ, заявившій себя на дѣлѣ такимъ же революціонернымъ дѣломъ, какъ и онъ самъ. Мѣра дружбы, преданности и прочихъ обязанностей въ отношеніи къ такому товарищу опредѣляются единственно степенью полезности въ дѣлѣ всеразрушительной практической революціи.

Этого пожалуй довольно, чтобы составить понятіе о нравственной сторонѣ задачъ нечаевцевъ. Приведемъ еще изъ *Правительственнаго Вѣстника* только нѣсколько особенно поучительныхъ §§. Въ главѣ *Отношеніе революціонера къ обществу* § 14 гласитъ:

---

*) Какъ Кибальчичъ, напримѣръ. *Авт.*

**) Какъ Рахметовъ, напримѣръ, въ романѣ *Что дѣлать*. *Авт.*

Съ цѣлью безпощаднаго разрушенія, революціонеръ можетъ и даже часто долженъ жить въ обществѣ, притворяясь совсѣмъ не тѣмъ, что онъ есть. Революціонеръ долженъ проникнуть всюду, во всѣ низшія и среднія сословія, въ купеческую лавку *), въ церковь, въ барскій домъ, въ міръ бюрократическій, военный, въ литературу, въ III отдѣленіе и даже въ Зимній дворецъ **).

§ 15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на нѣсколько категорій: 1-я категорія неотложно осужденныхъ на смерть... ***).

§ 17. Вторая категорія должна состоять изъ такихъ людей, которымъ даруютъ только временно жизнь, чтобъ они рядомъ звѣрскихъ поступковъ довели народъ до неотвратимаго бунта.

§ 18. Къ третьей категоріи принадлежитъ множество высокопоставленныхъ скотовъ или личностей, не отличающихся ни особеннымъ умомъ, ни энергіей, но пользующихся по положенію богатствомъ, связями, вліяніемъ, силою. Ихъ надо эксплуатировать всевозможными манерами, путями; опутать ихъ, сбить съ толку и, овладѣвъ по возможности ихъ грязными тайнами, сдѣлать ихъ своими рабами...

Къ 4-й категоріи отнесены „государственные честолюбцы и либералы съ разными оттѣнками“. „Съ ними, говоритъ катехизисъ, можно конспирировать по ихъ программамъ, дѣлая видъ, что слѣпо слѣдуешь за ними, а между тѣмъ прибирать ихъ въ руки, овладѣть всѣми ихъ тайнами, скомпрометтировать ихъ до нельзя, такъ чтобы возвратъ для нихъ былъ невозможенъ, и ихъ руками мутить государство“.

Женщинъ катехизисъ раздѣляетъ на три разряда: однѣ — „пустыя, обезсмысленныя, бездушныя“; другія — „горячія, преданныя, способныя, но не наши“; третьи — „совсѣмъ наши“. „Мы должны смотрѣть на нихъ, какъ на драгоцѣннѣйшія сокровища, безъ помощи которыхъ намъ обойтись невозможно“.

Хорошо отношеніе и къ „чернорабочему люду“ со стороны непризванныхъ благодѣтелей:

§ 23. У товарищества нѣтъ другой цѣли, кромѣ полнѣйшаго освобожденія и счастія народа, т. е. чернорабочаго люда. Но, убѣжденное въ томъ, что это освобожденіе и достиженіе этого счастія возможно только путемъ всесокрушающей народной революціи, *товарищество всѣми силами и средствами будетъ способствовать къ развитію революціи и разоб-*

*) Ибо и роль „Кобозевыхъ“ можетъ понадобиться. *Авт.*

**) Въ III отдѣленіи, какъ не очень давно засвидѣтельствовано „правительственнымъ сообщеніемъ“, былъ революціонный агентъ Клѣточниковъ, а Халтуринъ, произведшій взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, проникнувшій туда подъ видомъ столяра, выполнилъ послѣдній пунктъ этой программы. *Авт.*

***) Опускаемъ не какія-либо ужасныя вещи, а только пустословіе. *Авт.*

щенію *) *тѣхъ бѣдъ и тѣхъ золъ, которыя должны вывести наконецъ народъ изъ терпѣнія и понудить его къ поголовному возстанію* **).

Прокламаціи, эти произведенія революціонной канцеляріи, считаются средствомъ, способнымъ воспламенять молодые умы, чего онѣ и достигаютъ, *передаваемыя школьниками съ глазу на глазъ между уроками*. Хотя мы увѣрены, что иные даже гимназисты не безъ смѣха прочли бы это слабое стилистическое упражненіе, носящее громкое названіе: *Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ*; хотя обнаженная на судѣ, воспроизведенная *Правительственнымъ Вѣстникомъ*, перепечатанная болѣе 10 лѣтъ тому назадъ всѣми газетами, а недавно и нами въ отдѣльныхъ очеркахъ, прокламація эта показалась бы тому же мальчику плохимъ реторическимъ упражненіемъ: однако лучше ограничимся приведеніемъ только начала ея. Вотъ это упражненіе въ литературномъ жаргонѣ крамолы:

> Братья! полгода назадъ *питерская* молодежь воспрянула противъ *гнета насилія* и развращенія (?), съ единственной, *совершенно сознательной цѣлью заявить обществу*, что *живая мысль* еще не въ конецъ *убита проповѣдниками деспотизма*, что *чистыя начала* правды еще устояли противъ напора, *систематическаго* напора.

Но довольно этой чепухи.

Познакомимся уже заразъ изъ *Правительственнаго Вѣстника* и съ возваніемъ *Къ обществу*, произведеніемъ Петра Ткачева, чтобы уяснить, на сколько не для студенческихъ интересовъ, а для взбудораживанія общества, потребовалось появленіе этого произведенія типографіи Дементьевой:

> Мы, студенты медицинской академіи, университета, технологическаго института, земледѣльческой академіи, желаемъ:
>
> 1) Чтобы намъ предоставлено было право имѣть кассу, то есть помогать нашимъ бѣднымъ товарищамъ;
>
> 2) Чтобы намъ предоставлено было право совѣщаться объ нашихъ дѣлахъ въ зданіяхъ нашихъ учебныхъ заведеній;
>
> 3. Чтобы съ насъ была снята унизительная опека, которая съ ученической скамьи налагаетъ постыдное клеймо рабства. Начальство на наши требованія отвѣчаетъ закрытіемъ учебныхъ заведеній, противозаконными арестами и высылками. Мы аппеллируемъ къ обществу. Общество должно поддержать насъ, потому что наше дѣло—его дѣло. Относясь равнодушно къ нашему протесту, оно куетъ цѣпи рабства на собственную шею. Протестъ нашъ твердъ и единодушенъ, и мы скорѣе готовы задохнуться

*) Т. е. распространенію, расширенію. *Авт.*

**) Стало быть, рекомендуются, напримѣръ, даже и поджоги для „разобщенія бѣдъ“, причиняемыхъ пожарами! *Авт.*

въ ссылкахъ и казематахъ, нежели задыхаться и нравственно уродовать себя въ нашихъ академіяхъ и университетахъ. Марта 20, 1869 года.

Какъ бы въ отвѣтъ на это нелѣпое воззваніе юнаго Ткачева, раздалось ободряющее слово изъ Женевы старика Бакунина. Ткачевъ ли обманывалъ Бакунина, или Бакунинъ и Ткачевъ обманывали студентовъ? Бакунинская прокламація тоже цѣликомъ напечатана была въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, но мы ограничимся только указаніемъ на это.

Укажемъ также на воззваніе Нечаева, которое разсылалъ онъ изъ-за границы, послѣ мнимаго бѣгства своего изъ Петропавловской крѣпости. Обращаясь къ студентамъ университета, академіи и технологическаго института въ Петербургѣ, агитаторъ пишетъ:

Выбравшись, благодаря счастливой удачѣ, изъ промерзлыхъ стѣнъ Петропавловской, на зло темной силѣ, которая меня туда бросила *), я шлю вамъ, мои дорогіе товарищи, эти строки изъ чужой земли, на которой не перестану работать во имя великаго связующаго насъ дѣла.

Негодуя на „студентовъ-баричей“, „идущихъ объ руку съ своими отцами Треповыми“ **), посланіе Нечаева приводитъ изреченіе „спятившаго съ ума нѣмца“:

Das Wirkliche ist das Vernünftige und das Vernünftige ist das Wirkliche ***).

Отъ студенческаго вопроса прокламація эта, какъ и предыдущая, переходитъ къ вопросу о переустройствѣ всей русской земли.

И дѣйствительно, изъ „вопроса русской молодежи сдѣлался вопросъ русской земли“. Но какъ же это случилось? Тѣмъ

*) Нечаевъ въ Петропавловскую крѣпость посаженъ не былъ. Эта ложь была сочинена имъ и объявлена чрезъ Вѣру Засуличъ которая, какъ припомнятъ читатели, принесла Томиловой записку, будто бы брошенную Нечаевымъ, когда его якобы везли въ крѣпость. Засуличъ не только пустила въ ходъ эту басню, но, усердно разыскивая Нечаева, якобы арестованнаго, этою сказкою обманула нечаевцевъ, какъ позднѣе, послѣ покушенія на г. Трепова, обманула и присяжныхъ, судившихъ ее, и наконецъ администрацію, рѣшившуюся сослать ее. Засуличъ похитрѣе Томиловой и Дементьевой, и потому конечно она только свидѣтельница въ Нечаевскомъ дѣлѣ, когда тѣ—обвиняемыя. *Авт.*

**) Противъ Трепова высказывалась и прокламація Бакунина. Какъ отсюда ясенъ смыслъ покушенія на г. Трепова Засуличъ, сообщницы Нечаева и своячиницы Успенскаго. *Авт.*

***) Прыжовъ увѣрялъ, будто Нечаевъ производилъ сильное впечатлѣніе, цитуя цѣлыя мѣста изъ „Критики чистаго разума“ Канта; но приведенная фраза заимствована, конечно, у какого-нибудь отечественнаго критика. *Авт.*

то и худо, что это случилось именно такъ, какъ и предсказывалъ, какъ проектировалъ 22-хъ лѣтній Нечаевъ. Послушаемъ, что говоритъ онъ:

> Въ глуши кабинетовъ, въ уединеніи надъ кипами древнихъ мудрствованій и отжившихъ началъ, не могутъ *выработаться характеры*, необходимые для настоящаго времени, когда всѣ вопросы сводятся къ одному, это—къ необходимости обновленія русской жизни переворотомъ. *Такіе характеры, устойчивые въ борьбѣ, твердые въ пресмѣдованіи цѣлей, вырабатываются только тоже въ борьбѣ, тоже въ столкновеніяхъ.* Застой не создаетъ этихъ людей: ихъ родитъ протестующая дѣятельность, и чѣмъ въ большихъ размѣрахъ протестъ, чѣмъ чаще столкновенія съ темной силой, *тѣмъ сильнѣе борьба, тѣмъ болѣе людей вырабатывается для дальнѣйшаго ея продолженія. Вотъ почему является необходимость фактическихъ заявленій, которыя способствуютъ быстрому закрѣпленію убѣжденій тѣхъ, кто во время затишья въ цѣлые годы не додумался бы да извѣстныхъ воззрѣній. Они создаютъ въ двойномъ числѣ прозелитовъ на мѣсто жертвъ.*

Да, Нечаевъ былъ откровенный человѣкъ. Карты были раскрыты 12 лѣтъ тому назадъ....

IV.

Мы познакомились съ первою группою нечаевцевъ, слышали ихъ показанія, читали ихъ нелѣпыя произведенія, замѣтили у большинства несоотвѣтствіе между пропорвѣдью всеобщаго разрушенія и мальчишескимъ, не сложившимся еще характеромъ. Для большей раздѣльности представленія, познакомимся теперь и съ наружностью подсудимыхъ, по описанію очевидца, корреспондента *Московскихъ Вѣдомостей*, едва ли желавшаго умалить значеніе этихъ „революціонеровъ“.

Подсудимый *Успенскій* (22 лѣтъ). Средняго роста, *съ кроткимъ выраженіемъ лица* и большой окладистой бородой. Говоритъ тихо, смотритъ угрюмо и по временамъ щурится. Одѣтъ въ пиджакѣ коричневаго цвѣта.

Подсудимый *Кузнецовъ* (24 лѣтъ). *Имѣетъ кроткое выраженіе лица, говоритъ искренно, растроганнымъ голосомъ; смотритъ печально* и угрюмо. Онъ одѣтъ въ черномъ сюртукѣ.

Подсудимый *Прыжовъ* (42 лѣтъ). Выше средняго роста; *лице имѣетъ открытое*, мѣстами обросшее волосами. Говоритъ *заикаясь* и съ декламаціею. *Въ немъ замѣтны слѣды бывшаго съ нимъ недавняго паралича.*

Подсудимый *Ткачевъ* (27 лѣтъ). Держитъ себя непринужденно, говоритъ свободно; носитъ бороду. Черты лица имѣетъ правильныя, смотритъ задумчиво.

Подсудимый *Николаевъ* (20 лѣтъ). *Смотритъ запуганнымъ*, говоритъ тихо. Видно, что принадлежитъ къ людямъ *поверхностно образованнымъ*. Одѣтъ въ пальто.

Подсудимый *Флоринскій* (24 лѣтъ). Высокъ ростомъ, отличается крѣпостью и здоровьемъ; носитъ большую окладистую бороду. Говоритъ на *о*; *образованъ поверхностно*.

Подсудимый *Волховской* (24 лѣтъ). Средняго роста, сухощавый, *съ болѣзненнымъ выраженіемъ лица, нервенъ и слегка глухъ*.

Подсудимый *Орловъ* (26 лѣтъ). Худая, сутуловатая фигура. *Говоритъ нервно и сбивчиво*.

Подсудимый *Коринѳскій* (25 лѣтъ). Высокаго роста; *лицо имѣетъ открытое* и правильное, обрамленное большою окладистою бородой.

Подсудимая *Томилова* (30 лѣтъ). Худощавая и *болѣзненная* женщина; волосы подрѣзаны.

Подсудимая *Дементьева* (22 лѣтъ). Училась въ пріютѣ принца Ольденбургскаго, а потомъ въ женской гимназіи. Собою очень миловидна, съ умнымъ выраженіемъ лица; волосы коротко острижены; одѣта очень чисто; *постоянно улыбается*; голосъ у ней пріятный, *немного дѣтскій*; говоритъ довольно громко, округленными періодами.

Но это, скажутъ, не скамья подсудимыхъ, а лазаретъ? Для душевнобольныхъ, — пожалуй. Во всякомъ случаѣ даже эти жалкіе убійцы Иванова далеко не тѣ злодѣи, съ которыми встрѣтимся послѣ процесса 193: тутъ „кроткія выраженія“; тутъ „искренній, растроганный голосъ“, тутъ „печальный“ взглядъ, „запуганный“.

Ничтожество это сплочено Нечаевымъ. Но и юный Нечаевъ не самъ по себѣ; онъ въ свою очередь выдвинутъ, но уже старымъ грѣшникомъ Бакунинымъ. „Вѣрно то, утверждаетъ *Allgemeine Zeitung*, что Бакунинъ есть основатель и руководитель этого заговора, который имѣетъ своею цѣлью ни больше, ни меньше, какъ уничтоженіе всякаго государственнаго начала, отверженіе всякой личной особенности и воцареніе коммунизма“.

О Бакунинѣ, главномъ коноводѣ Нечаевщины, имѣемъ личныя воспоминанія редактора *Московскихъ Вѣдомостей*, повидимому близко его знавшаго.

Послѣ Герцена скипетръ русской революціи, по словамъ *Московскихъ Вѣдомостей*, перешелъ къ Бакунину. Но раньше этого, въ 1849 году, Бакунинъ бунтовалъ на дрезденскихъ улицахъ, попалъ за то въ австрійскіе казематы, былъ потомъ выданъ нашему правительству, сидѣлъ въ крѣпости, писалъ оттуда умилительныя и полныя раскаянія письма, былъ

помилованъ и высланъ на житье въ Сибирь, гдѣ ему была дарована полная свобода; служилъ тамъ по откупамъ, женился тамъ на молоденькой полькѣ изъ ссыльнаго семейства, сошелся со многими изъ соплеменниковъ своей жены, и когда разыгралось польское возстаніе, бѣжалъ изъ Сибири. Въ 1863 г. Бакунинъ съ нѣсколькими сорванцами польской эмиграціи предпринимаетъ морской походъ противъ Россіи, но предпочитаетъ высадиться на шведскомъ берегу.

Случай свелъ насъ съ Бакунинымъ еще въ первую пору молодости, пишетъ одинъ изъ редакторовъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Въ молодости это былъ человѣкъ не безъ нѣкотораго блеска, способный озадачивать людей слабыхъ и нервныхъ, смущать незрѣлыхъ и выталкивать ихъ изъ колеи. Это была натура сухая и черствая, умъ пустой и безплодно возбужденный. Онъ хватался за многое, но ничѣмъ не овладѣвалъ, ни къ чему не чувствовалъ призванія, ни въ чемъ не принималъ дѣйствительнаго участія... Всякому было съ нимъ тягостно и неловко. Въ немъ не было ничего искренняго; всѣ интересы, которыми онъ повидимому кипятился, были явленіями безъ сущности. Одна впрочемъ черта въ его характерѣ была несомнѣнно реальная... — способность жить на чужой счетъ и не дѣлать различія между карманомъ чужимъ и своимъ. Онъ всегда умѣлъ пристраиваться къ денежнымъ, податливымъ и конфузливымъ людямъ, и съ добродушіемъ временъ богатырскихъ соглашался хозяйствовать въ ихъ кошелькахъ и пользоваться ихъ избытками. Какъ не дѣлалъ онъ практическаго различія между чужими и своими деньгами, такъ не дѣлалъ онъ различія въ своихъ потребностяхъ между дѣйствительными и мнимыми. Ему ничего не стоило вытянуть у человѣка послѣднія деньги съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же разсорить ихъ на вещи, ему самому совершенно не нужныя...

Въ послѣдній разъ мы видѣли его въ Берлинѣ, гдѣ, подъ предлогомъ занятія философіею, онъ предавался абсолютной праздности, хотя своею развязностію въ Гегелевой терминологіи озадачивалъ добродушнаго Вердера *). Однажды, въ честь одного знаменитаго профессора, студенты устроили факельную процессію. Множество молодыхъ людей собрались предъ домомъ юбиляра, и когда почтенный старецъ вышелъ на балконъ своего дома благодарить за сдѣланную ему овацію, раздалось громогласное hoch, и всѣхъ пронзительнѣе зазвенѣлъ у самыхъ ушей нашихъ знакомый голосъ: то былъ Бакунинъ. Черты лица его исчезли: вмѣсто лица былъ одинъ огромный разинутый ротъ. Онъ кричалъ всѣхъ громче и суетился всѣхъ болѣе, хотя предметъ торжества былъ ему совершенно чуждъ, и профессора онъ не зналъ, и на лекціяхъ его не бывалъ...

Послѣ того прошло около 30 лѣтъ, и Бакунину будетъ теперь подъ 60 **). Съ тѣхъ поръ мы не встрѣчались съ нимъ. До насъ доходили

*) Вердеръ преподавалъ логику Гегеля. *Авт.*

**) Статья эта писана въ началѣ 1870 г. *Авт.*

лишь общія свѣдѣнія и слухи о его похожденіяхъ и злоключеніяхъ. Но вотъ, въ 1859 году, когда онъ уже проживалъ въ Сибири и служилъ по откупамъ, мы неожиданно получили отъ него письмо, въ которомъ онъ припоминалъ о нашемъ давнемъ знакомствѣ, и которое показалось чамъ искреннимъ.

Бакунинъ предложилъ *Русскому Вѣстнику* свое сотрудничество. Изъ переписки редактора съ сотрудникомъ оказалось, что Бакунинъ жилъ въ Сибири не только безъ нужды, но въ избыткѣ, ничего не дѣлалъ и читалъ французскіе романы.

Въ письмахъ его къ намъ проглянулъ прежній Бакунинъ. Хотя тонъ ихъ былъ все таки весьма умѣренный и благонравный, но отъ нихъ вѣяло пустымъ и лживымъ фантазерствомъ. Мѣстами онъ заговаривалъ тономъ вдохновенія, пророчествовалъ о будущихъ судьбахъ славянскаго міра и взывалъ къ нашимъ русскимъ симпатіямъ въ пользу польской націи... Послѣднее посланіе получили мы отъ него уже въ эпоху варшавскихъ демонстрацій. Прежній Бакунинъ явился передъ нами во всей полнотѣ своего ничѣмъ не поврежденнаго существа. Онъ потребовалъ отъ нашей гражданской доблести присылки ему денегъ, по малой мѣрѣ 6,000 руб. Дабы облегчить для насъ это пожертвованіе, онъ дозволилъ намъ открыть въ его пользу подписку между людьми, ему сочувствующими и его чтящими, которыхъ, по его разсчету, долженствовало быть не мало. Зачѣмъ же вдругъ и такъ экстренно понадобилась ему вышеозначенная сумма? Вотъ зачѣмъ: однажды осѣнило его сознаніе, что онъ получалъ даромъ жалованье отъ откупщика, у котораго числился на службѣ, ничего не дѣлая, и онъ вдругъ сообразилъ, что откупщикъ выдавалъ ему ежегодно въ продолженіи трехъ лѣтъ по 2,000 рублей, единственно изъ угожденія генералъ-губернатору, которому Бакунинъ приходился съ родни. Сознаніе это не давало де ему покоя, и вотъ, онъ рѣшился, во что бы то ни стало, возвратить откупщику всю въ продолженіи трехъ лѣтъ перебранную отъ него сумму. Благородный рыцарь, онъ хотѣлъ подаяніемъ уплатить подаяніе и изъ чужихъ кармановъ возстановить свою репутацію во мнѣніи откупщика.

Издатель *Русскаго Вѣстника* не могъ быть полезенъ Бакунину. Впрочемъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Бакунинъ все таки добылъ сумму, которую требовалось возвратить откупщику, но откупщику не возвратилъ ея, а съ полученными деньгами бѣжалъ изъ Сибири. Откупщикъ былъ только предлогомъ, чтобы выманить деньги.

Послѣ этой характеристики главнаго виновника Нечаевщины, вернемся опять къ нашему разсказу.

Никогда еще въ русскихъ судахъ не лились такіе потоки краснорѣчія, какъ въ процессѣ нечаевцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, надо же было чѣмъ-нибудь наполнить 15 дней засѣданія па-

латы по дѣлу только одной первой группы подсудимыхъ. Мы разумѣется не можемъ привести цѣликомъ ни рѣчей обвиненія, ни рѣчей защиты: обвиненіе виновныхъ и оправданіе невинныхъ никакъ не входитъ въ задачу нашего историческаго очерка. Но такъ какъ тутъ лучшія наши юридическія силы преломляли копья, не безполезно обратить вниманіе хотя только на нѣкоторыя ихъ общія положенія: сторонѣ эти на судѣ правда кособоки, но за то онѣ ближайшія и компетентнѣйшія свидѣтельницы этого момента 15-лѣтней крамолы. Но мы конечно не можемъ раздѣлять всѣхъ ихъ соображеній.

Прокуроръ В. А. Половцевъ, согласно не разъ уже высказанному нами взгляду, поставилъ Нечаевщину въ прямую связь съ Каракозовщиною.

> По окончаніи дѣла 4 апрѣля, по его словамъ, весьма многія привлеченныя къ нему лица были оставлены на свободѣ, какъ потому, что представлявшіяся противъ нихъ улики не составляли достаточныхъ основаній для преданія ихъ суду, такъ и потому, что большая часть ихъ принадлежала не къ тайному обществу, а лишь къ ассоціаціямъ. Эти лица, оставаясь на свободѣ и бывъ пропитаны лжеученіями, непрерывно продолжали свою прежнюю дѣятельность. Дѣятельность эта имѣла послѣдствіемъ настоящее дѣло.

Нѣкоторыя изъ цѣлей, преслѣдовавшихся въ 1866 г., преслѣдовались, по свидѣтельству прокуратуры, и въ 1868 г.; нѣкоторые предметы, интересовавшіе тогда тайное общество, продолжали интересовать и тѣхъ изъ его членовъ, которые остались на свободѣ; такова, напримѣръ, мысль объ освобожденіе Чернышевскаго.

Обращаясь къ характеристикѣ подсудимыхъ, прокуратура находила въ ихъ личномъ положеніи условіе возникновенія преступнаго направленія. Это люди, по большей части образованные, не лишенные ни способностей, ни нѣкоторыхъ познаній, въ большинствѣ не могли, по разнымъ обстоятельствамъ, окончить свое образованіе. Они тяготятся своимъ положеніемъ и находятъ, что ихъ способности, ихъ познанія, ихъ прежнія занятія даютъ имъ, повидимому, право на нѣчто лучшее. Свое положеніе они относятъ не къ собственнымъ недостаткамъ, а къ условіямъ, ихъ окружающимъ. Помощи они ожидаютъ извнѣ, отъ обстоятельствъ. Среди этихъ лицъ образуются группы, кружки, въ силу чего именно, этого

прокуратура не объясняетъ, но не считаетъ эти общества преступными. Личное недовольство членовъ еще болѣе усиливается, будучи сконцентрировано въ кружки. Начинается дѣятельность предосудительная, переходящая въ преступную, съ появленіемъ въ кружкахъ такихъ лицъ, какъ Нечаевъ.

Вотъ почти все, что могли мы выжать изъ рѣчи прокурора къ уясненію общаго характера Нечаевщины.

Защита открылась рѣчью кн. А. И. Урусова. Но и здѣсь намъ важно только уясненіе факта, пусть и со стороны защиты.

> Исторія, по словамъ защитника, указываетъ намъ, по примѣру Франціи и Италіи, что при существованіи широкаго развитія народной жизни, такія общества и заговоры представляются явленіями, болѣе или менѣе рѣдкими; но какъ скоро это развитіе народной жизни, вслѣдствіе сознанія правительства о томъ, что необходимо положить ему извѣстнаго рода преграды и придать извѣстныя формы и назначить границы, уходитъ во внутрь страны, уходитъ со свѣта Божія, какъ бы въ нѣдра земли, то производитъ броженіе, которое потомъ является въ формѣ тайныхъ обществъ.

Указавъ на примѣры иностранныхъ государствъ, гдѣ „реакція возбуждаетъ тайную политическую дѣятельность“, защитникъ коснулся „благопріятныхъ условій“, гдѣ указалъ на длящіяся причины революціоннаго настроенія:

> Для того, чтобы писать статьи въ газеты, чтобы произносить рѣчи на трибунѣ, нужно извѣстное развитіе, извѣстное знаніе; для того, чтобы писать прокламаціи, чтобы держать рѣчи въ тайныхъ закрытыхъ собраніяхъ, не нужно ни большихъ познаній, ни большой опытности; напротивъ, чѣмъ менѣе опытности, тѣмъ болѣе энтузіазма, чѣмъ менѣе познаній, тѣмъ болѣе вѣры. Слѣдовательно, люди, которые при другихъ условіяхъ не имѣли бы большаго значенія въ политической жизни, при этомъ условіи пріобрѣтаютъ громадное значеніе.... Въ Россіи, т. е. въ средѣ, въ которой зародилось настоящее преступное движеніе, оно составляетъ вещь не новую. Съ 1861 г., проходя черезъ различныя формы, отъ студенческихъ волненій до революціонныхъ вспышекъ и наконецъ до организованныхъ тайныхъ обществъ, до 1870 г., тянется одна нить, прерываемая то здѣсь, то тамъ; и это указываетъ на такое патологическое состояніе страны, которое, повидимому, не устранено, не смотря на самыя энергическія мѣры.

Отказавшись дѣлать изъ этого факта выводы въ пользу подсудимыхъ, защитникъ продолжалъ:

> Всѣ эти люди чрезвычайно молоды, кромѣ Прыжова... Всѣмъ обвиняемымъ отъ 18 до 26 лѣтъ; ни одинъ изъ нихъ не достигъ той обыкновенной степени зрѣлости, принадлежащей тому возрасту, который бы въ

другихъ странахъ давалъ, быть можетъ, право на участіе въ политическихъ дѣлахъ.

Указанную прокуроромъ ассимиляцію настоящаго преступленія съ преступленіемъ 1866 г. защитникъ рѣшительно отвергалъ и въ обоихъ этихъ явленіяхъ указывалъ искать только „отраженіе тѣхъ патологическихъ законовъ государственной жизни, которые вообще изъясняютъ собою проявленіе того или другаго болѣзненнаго факта". Оказавшись слабымъ въ этомъ пунктѣ, защитникъ указалъ на столь же слабую сторону обвиненія, на мнѣніе о самопроизвольномъ возникновеніи предосудительныхъ кружковъ:

Само собою, что молодежь симпатизируетъ другъ другу, что она сближается въ силу естественной симпатіи, но чтобы отъ такихъ сближеній, отъ такого обмѣна мыслей могли произойти безусловно вредныя послѣдствія, чтобы въ такихъ кружкахъ усиливались болѣе и болѣе неудовольствія, чтобы причиною этихъ неудовольствій были именно самые кружки, утверждать подобную вещь — значитъ совершенно смѣшивать причину внѣшняго и причину внутренняго. При обыкновенныхъ благопріятныхъ условіяхъ народной жизни, подобные кружки не представляютъ ничего вреднаго; слѣдовательно, если они выработываютъ элементы неудовольствія, то, по всей вѣроятности, эти элементы должны были приходить извнѣ, потому что имъ внутри образоваться было невозможно. Я думаю, что въ такомъ случаѣ пришлось бы желать, чтобы между молодежью существовало совершенное разъединеніе, чтобы эта разъединенность опредѣлилась по крайней мѣрѣ сословными границами.

Доказывая, что Нечаевщина не есть заговоръ, а только тайное общество, защитникъ основательно изображаетъ описываемый нами моментъ крамолы:

Опасность общества не можетъ заключаться только въ преданности идеямъ, потому что безъ этой преданности не было бы и самого общества. Опасность политическихъ явленій представляется прямо пропорціональною его средствамъ. Средства политической ассоціаціи—люди, оружіе и деньги. Люди должны быть опытные, уже прошедшіе искусъ политическихъ волненій, умѣющіе повелѣвать своими страстями и слѣдовательно пріобрѣтать авторитетъ надъ другими. Здѣсь же самымъ старымъ, самымъ опытнымъ человѣкомъ былъ Нечаевъ, которому было всего 23 года; остальные были юноши, совершенно не знакомые съ жизнью, и между этими революціонерами выдается только одинъ, который старше другихъ—это г. Прыжовъ, который даже не могъ раздѣлять этихъ убѣжденій и отнесся скептически къ нимъ; но остальные была молодежь, и уже одинъ возрастъ подсудимыхъ лучше всякаго аргумента говоритъ, что первый элементъ силы отсутствовалъ, т. е., не было людей, которые могли бы создать опасную политическую ассоціацію. Второе средство—оружіе. Но его даже и не было; никто и не помышлялъ запасаться ка-

кимъ-либо оружіемъ. Общество имѣло отдаленную цѣль, а именно: предполагало пользоваться тѣми или другими случаями и поддерживать ассоціацію... Общество, вооружившись противъ того государства, гдѣ организація возникла, не имѣло въ своемъ распоряженіе никакого оружія, кромѣ револьвера, которымъ совершено убійство Иванова. Наконецъ, третье средство—деньги. Я полагаю, что для поддержанія ассоціаціи въ странѣ съ 80 милліоннымъ населеніемъ, нужно было нѣсколько болѣе 300 р.; между тѣмъ въ обществѣ въ самое цвѣтущее для него время было еле-еле собрано 300 руб. И вотъ, съ этими 300 р., съ однимъ револьверомъ, въ обществѣ молодыхъ людей, изъ которыхъ почти ни одинъ не достигалъ зрѣлыхъ лѣтъ, въ теченіе полутора мѣсяца, отъ 8 октября до 26 ноября, разыгралась та ужасная драма, та ужасная агитація, которая представляется намъ какимъ-то пугаломъ, какимъ-то ужаснымъ страшилищемъ... Какъ идея, это симптомъ весьма важный; какъ фактъ, это ничтожество.

Рѣчь свою съ преслѣдуемой нами общей точки зрѣнія кн. Урусовъ ремюзировалъ такъ:

Въ русскомъ обществѣ совершается медленное прогрессивное движеніе, въ одномъ направленіи съ импульсомъ правительственныхъ реформъ. Такое прогрессивное движеніе преимущественно выражается въ средѣ учащейся молодежи, или такъ называемаго мыслящаго пролетаріата. Не имѣя права открыто собираться, открыто помогать своимъ нуждамъ, молодежь эта весьма легко вовлекается въ тайныя ассоціаціи. Подъ вліяніемъ внѣшнихъ стѣсненій, въ этихъ тайныхъ ассоціаціяхъ весьма легко возникаютъ раздраженіе и озлобленіе, переходящія границы законности.

Въ заключеніе защитникъ выразилъ надежду, что палата, которой „приходится волею неволею вырывать и подкашивать силы русской молодежи“, „не будетъ расточительно тратить этотъ живой капиталъ“.

Хотя критика мнѣній, особенно такихъ одностороннихъ, какъ прокуратуры или защиты, и не входитъ въ программу нашего обзора, считаемъ однако нужнымъ оговориться: едва ли особенно объясняется этими общими мѣстами защиты зарожденіе кружковъ съ гнилостнымъ броженіемъ. Успенскій и товарищи его, кромѣ Прыжова, никакихъ реакцій не переживали, ибо даже для реакціи 1866 г. они были еще очень юны, не говоря уже о подмѣчаемой нѣкоторыми реакціи будто бы даже въ 1861 г. (т. е. въ годъ освобожденія крестьянъ!). Точно также и „отсутствіе права открыто собираться“ едва ли тутъ при чемъ: допущенныя въ послѣднее время „сходки“ и кружки едва ли даже не сослужили обратной службы противъ той, которая отъ нихъ ожидалась. Но, къ сожалѣ-

нію, и до сихъ поръ возникновеніе и усиленіе крамолы многіе пытаются объяснять „реакціею“, да запрещеніемъ „кружковъ“—объясненіе напускное, позволительное развѣ только въ описываемое нами время, когда не было столькихъ фактовъ для наблюденія.

Не менѣе талантливый, другой защитникъ, г. Спасовичъ, касаясь общаго вопроса, освѣтилъ весьма важную сторону дѣла, обойденную прокуратурою и мало развитую кн. А. И. Урусовымъ. Это—значеніе русской эмиграціи въ настоящемъ дѣлѣ. Но предварительно г. Спасовичъ мѣтко набросалъ черты хлестаковщины въ Нечаевѣ, принятыя подсудимыми за чистую монету.

Задумавъ исчезнуть изъ Петербурга, Нечаевъ, по словамъ оратора, озаботился препроводить къ друзьямъ чрезъ Вѣру Засуличъ записку о вымышленномъ своемъ арестѣ. Въ этой запискѣ онъ притворяется отправленнымъ въ крѣпость и проситъ друзей посѣтить и помочь. Явившись въ Москву, онъ разнообразитъ эту тему болѣе и болѣе живописными варіаціями. Его сажали въ промерзлый казематъ Петербургской крѣпости; онъ до того окоченѣвалъ въ этихъ стѣнахъ, покрытыхъ льдомъ, что ему ножемъ разнимали при допросѣ стиснутые зубы, чтобы впустить нѣсколько капель спирта; онъ ушелъ, надѣвъ шинель какого-то генерала, и очутился въ Москвѣ. Изъ Москвы отправился онъ въ Одессу. Тутъ новая сказка: его арестуютъ и везутъ въ кибиткѣ жандармъ и чиновникъ, но онъ далъ тумака одному и другому и явился опять въ Москву. Наконецъ Нечаевъ заправду нырнулъ и очутился за границею. Поѣздка эта была крайне необходима: она должна была поставить его въ соприкосновеніе съ нѣкоторою частью русской эмиграціи, отъ которой онъ и надѣялся получить, такъ сказать, рукоположеніе, заручиться такимъ авторитетомъ, предъ которымъ бы безпрекословно преклонить людей, на коихъ онъ намѣревался дѣйствовать....

Обвиненіе, продолжалъ защитникъ, представляетъ вообще все дѣло организаціи выросшимъ цѣликомъ на русской почвѣ, безъ всякихъ приходящихъ элементовъ изъ-за границы... Мнѣ кажется, что на исключительно русской почвѣ дѣло это не могло бы сложиться, что для него необходимъ былъ приходящій элементъ, что много заимствовано Нечаевымъ самаго существеннаго, того, что помогало ему дѣйствовать на русскую молодежь, что онъ позаимствовалъ отъ эмиграціи извѣстный образъ дѣйствій, извѣстную идею, извѣстную даже организацію... Мы слышали отъ князя Черкезова, что Нечаевъ попалъ будто бы въ Бельгію, гдѣ поступилъ въ рабочіе, устроилъ стачку рабочихъ; затѣмъ, этими рабочими онъ отправленъ былъ делегатомъ въ Женеву, гдѣ познакомился съ Бакунинымъ, послѣ чего сдѣлался членомъ международнаго общества рабочихъ. Подсудимому Успенскому Нечаевъ передавалъ о своемъ знакомствѣ съ Герценомъ (умершимъ въ 1870 г. 7 января). Герценъ

будто бы говорилъ про него: „что у васъ, Сергѣй Геннадьевичъ, все рѣзня на умѣ!“ Николаеву, который гораздо болѣе простъ и довѣрчивъ, Нечаевъ сообщилъ, что столь недовѣрчиво относился къ нему Герценъ только сначала, но что затѣмъ Нечаевъ подъѣхалъ къ нему поближе, употребивъ нѣсколько недѣль на то, чтобы его обработать, достигъ того, что Герценъ сдѣлался совершенно его сторонникомъ, вполнѣ сочувствующимъ тому, что выражено въ *Народной расправѣ*.

Г. Спасовичъ находилъ, что Нечаевъ выкроенъ по типу Марка Волохова въ романѣ Гончарова *Обрывъ*, и что кромѣ того въ немъ есть еще много хлестаковскаго.

Но если Нечаевъ и наклеветалъ на Герцена, то съ Бакунинымъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ: врагъ Нечаева Негрескулъ видѣлъ Бакунина и Нечаева вмѣстѣ; Бакунинъ, трепля Нечаева по плечу, говорилъ: „вотъ какіе у насъ, въ Россіи, люди есть“!

Г. Спасовичъ коснулся и общаго мѣста, такъ называемой „реакціи“, полагая ее главною изъ историческихъ причинъ крамольнаго движенія.

Нашъ вѣкъ, говорилъ онъ, пережилъ два важныя движенія: одно, которое привело къ великимъ реформамъ — къ положенію 19 февраля, къ новому судебному устройству, къ земскимъ учрежденіямъ. Правительство предусмотрѣло, предупредило и направило это движеніе; оно провело реформы весьма сильною рукою, при чемъ ему сильно содѣйствовали всѣ ряды прогрессистовъ, начиная съ самыхъ умѣренныхъ и до самыхъ крайнихъ. Когда реформы проведены, то бываетъ одновременно слѣдующее: наступаетъ извѣстный моментъ остановки, чтобы сжиться съ новымъ, привыкнуть въ нему, ввести его въ дѣйствіе. Такая реакція необходима послѣ каждаго движенія реформастическаго и революціонернаго. Другое движеніе, испытанное потомъ обществомъ, но не предусмотрѣнное; это движеніе, извѣстное подъ именемъ польскаго мятежа, которому дѣланы сначала уступки, а потомъ живьемъ его уколотили, что вызвало тоже реакцію.

По мнѣнію г. Спасовича, во время этой двойной реакціи пришлось пострадать весьма многимъ, быть оторванными отъ своихъ, потерять свое семейство, свое состояніе. Къ этимъ-то недовольнымъ, по мнѣнію защитника, легко было приступить Нечаеву *).

*) Но юные дѣятели Нечаевщины, какова бы ни была реакція, не могли ея чувствовать, тѣмъ менѣе, какъ обыкновенно выражаются, „пережить“. А между тѣмъ и предыдущая защита опиралась на эту же „реакцію“. Защита съ большею основательностію могла бы указать и на оторванность нашего образованія отъ жизни, и на паденіе всякаго авторитета въ школѣ, и на журнальную агитацію конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, и особенно на головешки польскаго пожара. *Авт.*

Г. Спасовичъ мѣткими чертами рисуетъ разницу между польскимъ и русскимъ революціонеромъ.

Полякъ любитъ народъ, т. е. свой народъ. У этого народа есть богатое прошлое; есть въ прошломъ многое, отъ чего и донынѣ бьется сердце у современниковъ. Это прошлое и возникаетъ передъ его глазами въ пурпурѣ и златѣ, въ дивномъ величіи, и онъ кидается въ это національное прошлое съ тѣмъ, чтобы осуществить посредствомъ того свои демократическія мечтанія. Вотъ, какимъ способомъ дѣлается онъ революціонеромъ. Другое дѣло русскій юноша. Прошлое его не богато, весьма не богато, что ни говори славянофильство; настоящее сухо, бѣдно, голо, какъ степь раскатистая, въ которой можно разгуляться, но не на чемъ остановиться. Та размашистость русской натуры, о которой такъ много говорятъ, тотъ радикализмъ, который замѣтенъ въ большинствѣ русскихъ дѣятелей, происходитъ именно отъ неимѣнія прошлаго, отъ отсутствія культуры, отъ того, что не на что опереться. Радикализмъ этотъ есть самая крупная, всего болѣе выдающаяся черта въ дѣятеляхъ русскихъ. Почти всякій молодой человѣкъ дѣлается радикаломъ, то есть, по необходимости, по естественному ходу идетъ докапываться до корня вещей, до сути отношеній, до самой сокровеннѣйшей подкладки; онъ пробивается разлагающимъ эти отношенія умомъ сквозь государство, сословность, религію, науки, искусство, сквозь всѣ эти оболочки и останавливается на томъ, откуда дальше и пути никакого нѣтъ — на экономическомъ основаніи быта, на противоположностяхъ и борьбѣ съ одной стороны капитала и собственности, съ другой стороны—труда *). Когда онъ остановился на этой точкѣ, то здѣсь встрѣчаетъ цѣлую богатую литературу иностранную о рабочемъ вопросѣ на западѣ и по необходимости дѣлается *соціалистомъ*. Можно сказать, что почти всѣ мы тамъ были, въ этой соціалистической странѣ, и что эти наши путешествія не происходятъ отъ какого бы то ни было заговора, напримѣръ отъ Каракозовскаго, и даже не отъ того, такъ называемаго тайнаго общества, которое называютъ именемъ Петрушевскаго.

Защитникъ Прыжова г. Арсеньевъ, какъ и защитникъ Николаева г. Буймистровъ, почти не касались общихъ вопросовъ, стоя только на почвѣ фактовъ судебнаго слѣдствія. Хотя и ихъ рѣчи не менѣе блестящи, но такъ какъ ни обвиненіе, ни оправданіе не входятъ въ нашу задачу, то и огра-

*) Характеристика, можетъ быть, была бы еще вѣрнѣе, если бы добавить, что русскій революціонеръ являлся, по крайней мѣрѣ въ описываемую пору, орудіемъ революціонера польскаго. Вѣдь главный руководитель Нечаевщины Бакунинъ былъ связанъ ближайшимъ родствомъ съ ссыльными поляками и предпринималъ даже смѣхотворный морской походъ на помощь возстанію 1863 года; Нечаева при за арестованіи защищали поляки вооруженною рукою. Каракозовщина вся была на польской подкладкѣ, а между Каракозовщиною и Нечаевщиною полякъ Березовскій стрѣлялъ въ покойнаго Государя. *Авт.*

ничимся только, со словъ защитниковъ, двумя-тремя новыми чертами изъ прошлаго подсудимыхъ.

Прыжовъ, по словамъ г. Арсеньева, „сынъ народа", окончилъ курсъ въ гимназіи. Только событія 1848 г. и принятыя затѣмъ ограничительныя мѣры лишили его возможности получить высшее образованіе *). Вмѣсто филологическаго факультета, Прыжовъ принужденъ былъ поступить на медицинскій факультетъ. Это не соотвѣтствовало его призванію, и онъ оставилъ университетъ. Онъ поступаетъ въ Московскую гражданскую палату экзекуторомъ на жалованье 23 р. Съ этою дѣятельностью, тягостною для него, идетъ другая, занятія по русской исторіи. Въ 1867 г. Московская гражданская палата закрывается, и Прыжовъ остается безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій **). Тутъ познакомился онъ съ Нечаевымъ.

Еще хуже прошлое Николаева, по словамъ его защитника г. Буймистрова:

> Николаева называютъ рабомъ Нечаева. Дѣйствительно, онъ даже хуже, чѣмъ рабомъ родился, и онъ былъ дѣйствительно постояннымъ рабомъ. Онъ незаконный сынъ бездушнаго богатаго отца и такой же матери. Они изъ ложнаго стыда не желали воспитать сына дома и отдали его въ Москву въ воспитательный домъ, гдѣ, какъ извѣстно, дѣти не знаютъ ни матери, ни отца, а знаютъ одну нумерную кличку. Подъ этимъ нумеромъ Николаевъ жилъ въ крестьянской избѣ 6 лѣтъ. Вамъ извѣстно, каково было жить на воспитаніи, особенно у прежнихъ крестьянъ, которые хлопотали только о томъ, чтобы больше взять съ ребенка и меньше ему дать. Прошло 6 лѣтъ этого житья, и родители наконецъ сжалились; имъ захотѣлось посмотрѣть, что вышло изъ этого нумера, отыскали его, взяли къ себѣ. Но всѣ родительскія чувства ограничились только тѣмъ, что они сдѣлали своего сына слугою въ домѣ, мальчишкой. Имъ не жаль было, живя въ богатствѣ и довольствѣ, видѣть, какъ родной ихъ сынъ чистилъ имъ сапоги, и какъ маленькія его силы уходили даромъ. А сколько брани,

---

*) Вотъ чуть ли не единственный случай прямаго значенія реакціи, да и то изъ временъ императора Николая I, если конечно стоять на фактахъ, а не на тенденціяхъ. *Авт.*

**) Здѣсь уже не „реакція" качнула житейскій челнокъ Прыжова, а прямо реформа. Реформы вообще по необходимости должны были создать много людей, витавшихъ между небомъ и землею. Такъ, ближе всего къ настоящему случаю, дѣти дореформенныхъ чиновниковъ не въ особенномъ же патріотизмѣ воспитывались своими отцами, потерявшими служебныя мѣста. Не говоримъ уже объ оскудѣніи дворянскомъ. Указываемъ на это конечно не въ укоръ реформамъ, а въ противовѣсъ обвиненію „реакціи". Это впрочемъ тоже, пожалуй, реакція, но *не со стороны правительства, а прямо общества*. *Авт.*

сколько тревогъ различныхъ перенесъ Николаевъ отъ дворни, отъ тѣхъ людей, которые окружали это семейство! Какъ они его бранили!... Его бранили такъ, какъ не бранятъ дѣтей, родившихся въ законномъ бракѣ.

Такъ прожилъ Николаевъ десять лѣтъ, до 16 лѣтъ. Послѣ этого онъ подпалъ вліянію Орлова и сталъ учиться. Затѣмъ послѣдовала встрѣча съ Нечаевымъ.

Защитникъ Флоринскаго Деппъ тоже совсѣмъ не касался общихъ вопросовъ, да и кліентъ его мало нуждался въ защитѣ.

Защитникъ Коринѳскаго (оправданнаго) г. Турчаниновъ указалъ на любопытные факты отказа прокуратуры отъ обвиненія по политическимъ дѣламъ, — черта, несомнѣнно, весьма важная для насъ. Это, пожалуй, тоже одинъ изъ ключей къ уразумѣнію происхожденія крамолы: вѣдь конечно прокуратура, отказываясь отъ обвиненія, не дѣлала послабленія подсудимымъ; скорѣе же слишкомъ ревностно привлекали къ слѣдствію, чѣмъ не только возбуждали вообще неудовольствіе, но и прямо иногда создавали изгоевъ.

Въ дѣлѣ этомъ, по словамъ г. Турчанинова, представитель обвинительной власти отказался отъ обвиненія трехъ лицъ изъ государственныхъ преступниковъ, т. е. болѣе $^1/_4$ части. То же явленіе отказа представителя обвинительной власти отъ поддержанія обвиненія на судѣ случилось и въ другомъ политическомъ дѣлѣ, въ дѣлѣ о распространеніи фальшивыхъ ассигнацій съ политическою цѣлью *).

Такіе отказы, столь рѣдкіе въ другихъ дѣлахъ, показываютъ, по мнѣнію г. Турчанинова, что преданіе суду по подобнымъ дѣламъ часто основывается не на точномъ, ясномъ разслѣдованіи дѣла, а на „недостаткахъ, недодѣлкахъ". Верховнымъ уголовнымъ судомъ, продолжалъ защитникъ, масса обвиненій была отвергнута, и судъ призналъ гораздо меньшую дѣйствительную виновность нѣкоторыхъ; другіе же были совсѣмъ оправданы. Въ другомъ политическомъ дѣлѣ, въ дѣлѣ о распространеніи фальшивыхъ серій, равнымъ образомъ масса подсудимыхъ была оправдана судомъ.

Въ заключеніе защиты Ткачева, г. Спасовичъ напомнилъ, что его кліентъ сидитъ въ одиночномъ заключеніи $2^1/_4$ года.

---

*) Особенно рѣзко замѣтно это или усиленное привлеченіе къ суду, или широкое оправданіе въ дѣлѣ 193. Но тамъ это скорѣе, повидимому, объясняется недостаткомъ единства при слѣдствіи, а потомъ, послѣ геройскихъ подвиговъ русской молодежи на войнѣ, нѣкоторымъ благодушнымъ настроеніемъ. *Авт.*

Подобныя же напоминанія дѣлали и другіе защитники. Въ этомъ-то долговременномъ одиночномъ заключеніи, по нашему убѣжденію, и закалялась крамола, доступная на первыхъ порахъ даже раскаянію, теперь же поставляющая изъ рецидивистовъ какихъ-то абрековъ.

Рѣчи прочихъ защитниковъ ничего не дали новаго съ общей точки зрѣнія.

Мы едва осилили первую серію рѣчей защиты, и не удивимся, если инымъ изъ нашихъ читателей Нечаевщина покажется новизною, хотя 10 лѣтъ тому назадъ она больше двухъ мѣсяцевъ занимала всѣ газеты. Велико было терпѣніе суда выслушивать, строго говоря, мало идущія къ дѣлу соображенія, но для насъ теперь это хотя односторонніе, но полезные голоса современниковъ, наиболѣе изучившихъ Нечаевщину.

Предсѣдатель, разрѣшая сторонамъ приступить ко вторичному обмѣну мыслей, „ходатайствовалъ“, чтобы стороны не повторялись, но волна словеснаго пустоцвѣта съ той и другой стороны неслась неудержимо. Мы приведемъ только дѣльное заключительное слово прокуратуры изъ 2 рѣчи, опуская возраженія защитниковъ, первою серіею рѣчей которыхъ и такъ пришлось пользоваться больше, чѣмъ соображеніями обвиненія, только потому, что и на самомъ судѣ защита, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, значительно перевѣшивала обвиненіе.

Разсказавъ, какъ обыкновенно ведутъ себя простые убійцы по совершеніи преступленія, прокуроръ рисуетъ слѣдующую омерзительную сцену послѣ злодѣйства надъ несчастнымъ Ивановымъ:

> Совершивъ убійство, всѣ собрались въ квартиру Кузнецова. Тамъ они разговариваютъ, строятъ планы о томъ, какъ лучше изобрѣсти способъ, чтобы отвратить отъ себя подозрѣніе, разсуждаютъ о томъ, что нужно будетъ говорить каждому, когда возникнетъ дѣло, какъ показать о томъ, что они въ этотъ день дѣлали. Кузнецовъ, въ качествѣ хозяина, топитъ печку и сжигаетъ въ ней принадлежности преступленія: шапку и бумаги Иванова. Видя на Нечаевѣ окрававленное бѣлье, Кузнецовъ заставляетъ его снять, потому что оно принадлежитъ ему. Снимая бѣлье, замѣчаютъ, что брюки Нечаева также въ крови. Онъ снимаетъ ихъ, и что же онъ дѣлаетъ? Онъ заставляетъ поднять ихъ Николаева, а самъ беретъ его брюки. Николаеву этого не хочется, онъ противится; но, конечно, сопротивляться долго невозможно: онъ покоряется, надѣваетъ эти брюки и носитъ ихъ до своего заарестованія. Успенскій сидитъ возлѣ Нечаева и,

видя на столѣ передъ собою револьверъ, которымъ былъ убитъ Ивановъ, проситъ разсказать ему устройство его. Нечаевъ беретъ его, и такъ какъ руки у него были искусаны Ивановымъ, то онъ не можетъ удержать курка, спускаетъ его; раздается выстрѣлъ, и пуля проходитъ близъ головы Прыжова. У всѣхъ тотчасъ же является мысль, что Нечаевъ хотѣлъ совершить новое, еще болѣе ужасное убійство: онъ хотѣлъ, выстрѣливъ почти въ упоръ, убить Прыжова. И что же? Люди, убѣдившіеся, что между ними былъ человѣкъ, котораго можно бы смѣло и не называть этимъ именемъ, эти люди продолжаютъ съ нимъ дружески бесѣдовать и въ этихъ разговорахъ коротаютъ ночь, а Прыжовъ, противъ котораго направленъ былъ выстрѣлъ и который избавился отъ угрожавшей ему опасности совершенно случайно, говоритъ, что если смерть эта нужна для пользы дѣла, то онъ готовъ пожертвовать для него и самою жизнью, и затѣмъ цѣлуется съ Нечаевымъ. Вотъ, гг. судьи, картина, на которой если я остановлюсь и вдумаюсь, то она мнѣ покажется гораздо болѣе потрясающею, чѣмъ та ужасная сцена, которая за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ разыгралась близъ грота академіи.

— Подсудимые! Вамъ принадлежитъ послѣднее слово судебнаго состязанія сторонъ, торжественно произнесъ предсѣдатель, по окончаніи преній прокуратуры и защиты. Близокъ, ударяетъ часъ окончательнаго рѣшенія вашей участи. Сосредоточьтесь сами въ себѣ и постарайтесь извлечь изъ глубины души вашей и выразить судебной палатѣ все то, что, по вашимъ мыслямъ и убѣжденіямъ, можетъ завершить драгоцѣнное для васъ право и дѣло собственной защиты. Г. Успенскій! предоставляю слово вамъ.

Но Успенскій, „изъ глубины души“ извлекъ только защиту—Нечаеву и укоры—Иванову. Высказавъ даже убѣжденіе въ несуществованіи пресловутаго „комитета“ и, слѣдовательно, въ сознательномъ обманѣ со стороны Нечаева, ведущемъ однако подсудимаго на каторгу, несчастный фанатикъ этотъ не обнаружилъ ни раскаянія, ни сожалѣнія. Ему предносились тѣни Брута и Кассія, поссорившихся наканунѣ Фарсальскаго сраженія, когда между ними „стояла тѣнь Цезаря“. Жалкое ослѣпленіе!

Прыжовъ назвалъ себя „жертвою“ сложнаго обстоятельства, „раскрыть которое не намъ, а нашимъ потомкамъ“, и закончилъ плохимъ переводомъ словъ Гете:

Жертвы валятся здѣсь
Не телячьи, не бычьи,
Но неслыханныя жертвы—человѣчьи.

Дементьева пыталась, оправдывая Ткачева, принять всю отвѣтственность на себя, а прочіе подсудимые или отказались отъ послѣдняго слова, или ничего не высказывали новаго.

Вотъ рѣшеніе суда:

Палата нашла, что осенью 1869 г. составлено въ Москвѣ тайное общество съ цѣлью измѣнить существующій образъ правленія. Признаны виновными: Успенскій 22 л., Кузнецовъ 24 л., Прыжовъ 42 л., Николаевъ 19 л., въ томъ, что они были соучастниками тайнаго общества и сообщниками, по подговору Нечаева, въ убійствѣ Иванова, заманеннаго въ уединенное мѣсто; Флоринскій 24 лѣтъ—въ томъ, что, зная о существованіи тайнаго общества, принималъ участіе въ его дѣйствіяхъ; Ткачевъ 27 л. и Дементьева 19 л.—въ томъ, что первый сочинилъ для напечатанія и распространенія, а вторая напечатала и распространила воззваніе съ цѣлью возбудить неуваженіе къ распоряженіямъ правительственныхъ установленій. Орлова, Волховскаго, Томилову, Коринѳскаго судъ призналъ невиновными. Палата опредѣлила: лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы: въ рудникахъ: Кузнецова на 10 лѣтъ, Прыжова на 12, Николаева на 7 лѣтъ и 4 мѣсяца, съ поселеніемъ потомъ въ Сибири; заключить въ тюрьму: Флоринскаго на 6 мѣсяцевъ, съ отдачей потомъ подъ строгій надзоръ полиціи на 5 лѣтъ; Ткачева на годъ и 4 мѣсяца, Дементьеву на 4 мѣсяца. Остальныхъ признать оправданными.

Убійцы Иванова пошли на каторгу. Ткачевъ, отсидѣвъ свой срокъ, изъ подъ „строгаго надзора полиціи“ бѣжалъ за границу, гдѣ занялся изданіемъ революціоннаго журнала *Набатъ*, органа самой крайней партіи. Прочихъ подсудимыхъ мы не встрѣчали потомъ въ новыхъ политическихъ процессахъ.

Впрочемъ, оправданный на этотъ разъ Волховской снова вынырнулъ въ дѣлѣ 193...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Нечаевщина.

(Продолженіе).

Списокъ подсудимыхъ.—Сознавшіеся.—Связь Нечаевщины съ Каракозовщиною. — Показаніе кн. Черкезова. — Предсмертная исповѣдь полусумасшедшаго.— Заключеніе рѣчи прокурора. —Защита.—Не послѣднее слово кн. Черкезова.— Приговоръ палаты. — 19 подсудимыхъ. — Александръ Долгушинъ и Дебагорій-Мокріевичъ. — Разсказъ Лихутина. — Де-Тайльсъ. — Женскія увертки. — Юлія Бобарыкова. — Варвара Александровская. — Екатерина Лихутина. — Любовь Воронцова. — Какъ формулировано обвиненіе. — Пропаганда чрезъ кружки. — Артиллеристы. — Поѣздка Александровской въ Женеву. — Характеристика Негрескула.—Разсказъ г-жи Воронцовой.—Денежный искъ противъ кн. Черкезова.— Шарфъ атамана разбойниковъ.—Литература въ юбкѣ.—Умершіе въ тюрьмѣ.— Письмо Лихутиной къ матери. — Жизнь въ крѣпости. — Письмо кн. Черкезова къ Ивану Лихутину. — Характеристика Нечаева. — Письмо Попова къ Лихутиной. — Рѣчь прокурора. — Приговоръ палаты. — Череповская группа. — Подсудимые по 5-й группѣ. — Петръ Топорковъ. — Кошкинъ. — Сибиряки. — Коммуна. — Показаніе Дудоладова. — Какъ формулировано обвиненіе. — Еще обвинительный актъ. — Показаніе Долгушина. — Разсказъ Крохалева. — Настаиваніе прокуратуры. — Анализъ г. Спасовича. — Защита Долгушина. — Приговоръ. — Итоги Нечаевщины.

Не оправдывая виновнаго, и не осуждая невиннаго.
„Судебные уставы 1864 года.“

I.

Опять Нечаевщина, скажетъ читатель, утомленный и предыдущимъ очеркомъ. Что дѣлать? Пишемъ не для удовольствія, а въ надеждѣ изъ прошлаго получить уроки для настоящаго и будущаго, знакомство же съ мелкими нечаевцами (2-ю группою подсудимыхъ по политическому дѣлу 1869—1871 г.) тѣмъ полезнѣе, что эти новобранцы откровенно знакомятъ насъ съ источниками и существомъ крамолы: 10 лѣтъ тому назадъ дѣло это было еще въ сыромъ видѣ, не кристаллизовалось, какъ теперь, не окончательно еще отлилось въ готовые типы

и формулы. Впрочемъ, съ своей стороны, щадя читателя, постараемся быть возможно краткими.

Во 2-й группѣ нечаевцевъ привлечено было къ отвѣтственности 33 подсудимыхъ. Назовемъ ихъ, съ обозначеніемъ ихъ званія и возраста: то и другое очень важно для насъ, ибо точно опредѣляетъ и среду, гдѣ десять лѣтъ тому назадъ гнѣздилась крамола, и поколѣніе, которое пыталась она обнять. Вотъ эти мелкіе нечаевцы, все члены тайнаго общества „топора“, или „народной расправы“, разумѣется, по мнѣнію обвинительнаго акта. Большинство ихъ созналось въ принадлежности къ этому тайному обществу; не многіе заперлись, а, можетъ быть, и на самомъ дѣлѣ были не виновны. Мы стоимъ на почвѣ обвинительнаго акта и судебныхъ преній, а совѣсть человѣческую судитъ одинъ Богъ.

Обвинительнымъ актомъ были привлечены къ отвѣтственности:

1. бывшій слушатель Петровской земледѣльческой академіи *), сынъ коллежскаго секретаря Николай Степановъ Долговъ, 26 лѣтъ;

2. б. с. ПА, сынъ поручика Ѳедоръ Ѳедоровъ Рипманъ, 28 лѣтъ;

3. мѣщанка города Калуги, дѣвица Елизавета Иванова Бѣляева, 28 лѣтъ;

4. б. с. ПА, купеческій сынъ Иннокентій Ѳедоровъ Климинъ, 23 лѣтъ;

5. князь Варлаамъ-Джонъ Аслановъ Черкезовъ, 23 лѣтъ;

6. б. с. ПА, купеческій сынъ Семенъ Кирилловъ Кузнецовъ**), 23 лѣтъ;

7. купеческій сынъ Викторъ Павловъ Скипскій, 22 лѣтъ;

8. б. с. ПА, потомственный почетный гражданинъ Иванъ Владиміровъ Рязанцевъ, 23 лѣтъ;

9. б. с. ПА, потомственный почетный гражданинъ Владиміръ Николаевъ Рязанцевъ, 25 лѣтъ;

10. б. с. ПА, купеческій сынъ Георгій Яковлевъ Гавришевъ, 24 лѣтъ;

---

*) При изобиліи этихъ „бывшихъ слушателей“, для удобства будемъ означать ихъ сокращенно б. с. ПА. *Авт.*

**) Родной братъ Кузнецова, убійцы Иванова. *Авт.*

11. б. с. ПА, дворянинъ Порфирій Ивановъ Коробьинъ, 25 лѣтъ;

12. б. с. ПА, сынъ титулярнаго совѣтника Владиміръ Константиновъ Поповъ, 24 лѣтъ;

13. бывшій студентъ Московскаго университета, дворянинъ Николай Михайловъ Пирамидовъ, 22 лѣтъ;

14. бывшій студентъ медико хирургической академіи, сынъ губернскаго секретаря Степанъ Лазаревъ Мутафовъ, 24 лѣтъ;

15. бывшій студентъ Московскаго университета, сынъ губернскаго секретаря Джавадъ Петровъ Ишхановъ, 23 лѣтъ;

16. бывшій студентъ того же университета, сынъ законоучителя Омаровой секты тифлисской классической гимназіи, Ибригинъ Рахимовъ, 21 года;

17. бывшій студентъ того же университета, сынъ маіора Амидъ Хаджибековъ, 20 лѣтъ;

18. бывшій студентъ того же университета, дворянинъ Яковъ Сарибековъ, 23 лѣтъ;

19. бывшій студентъ того же университета, сынъ подпоручика Индрисъ Шанаевъ, 22 лѣтъ;

20. б. с. ПА, дворянинъ Пименъ Александровъ Енкуватовъ, 22 лѣтъ;

21. б. с. ПА, купеческій сынъ Николай Алексѣевъ Шестаковъ, 25 лѣтъ;

22. б. с. ПА, отставной прапорщикъ Николай Николаевъ Римскій-Корсаковъ, 27 лѣтъ;

24. б. с. ПА, дворянинъ Леонидъ Ивановъ Голиковъ, 20 л.;

25. бывшій студентъ Московскаго университета, дворянинъ Домитій Александровъ Енкуватовъ, 22 лѣтъ;

26. б. с. ПА, сынъ надворнаго совѣтника Валентинъ Карловъ Ланге, 23 лѣтъ;

27. б. с. ПА, сынъ титулярнаго совѣтника Эдуардъ Вильгельмовъ Лау, 28 лѣтъ;

28. б. с. ПА, сынъ поручика Григорій Агѣевъ Свѣчинъ, 23 лѣтъ;

29. б. с. ПА, сынъ коллежскаго секретаря Петръ Ѳедоровъ Ивакинъ, 26 лѣтъ;

30. сынъ надворнаго совѣтника Дмитрій Георгіевъ Коведяевъ, 20 лѣтъ;

31. б. с. ПА, сынъ финляндскаго землевладѣльца Алексѣй Антоновъ Костыркинъ, 30 лѣтъ;

32. дворянинъ Иванъ Генриховъ Пожонъ-де-Монсе, 25 лѣтъ;
33. бывшій студентъ Московскаго университета, дворянинъ Александръ Сергѣевъ Бутурлинъ, 24 лѣтъ.

Всмотримся въ этихъ лицъ, которыя привлечены къ суду по обвиненію „въ томъ, что, принявъ участіе въ составленномъ въ концѣ 1869 года въ городѣ Москвѣ заговорѣ, съ цѣлію ниспровергнуть правительство во всемъ государствѣ и перемѣнить существующій въ Россіи образъ правленія, приступили уже къ различнымъ приготовительнымъ по сему заговору дѣйствіямъ, зная о цѣли оныхъ, при чемъ злоумышленіе сіе было открыто правительствомъ заблаговременно, при самомъ онаго началѣ, то есть, обвиняются, въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 249 и 250 ст. Улож. о наказ.“

Какого, напримѣръ, возраста эти обвиняемые въ преступленіи, за которое слѣдуетъ, по нашимъ законамъ, даже смертная казнь? Средній возрастъ подсудимыхъ $23^{9}/_{11}$ лѣтъ. По образованію, это главнымъ образомъ бывшіе слушатели Петровской академіи: ихъ 17 человѣкъ, т. е. больше половины; потомъ бывшіе студенты Московскаго университета, исключенные за Полунинскую исторію: ихъ 9 человѣкъ, т. е. почти $^{1}/_{3}$; далѣе слѣдуютъ великовозрастные недоросли, каковы: 22-лѣтній недоросль, купеческій сынъ Скипскій; 20-лѣтній недоросль изъ разночинцевъ Коведяевъ, 25-лѣтній недоросль дворянинъ Пожонъ-де-Монсе, и наконецъ 28-лѣтняя калужская мѣщанка Бѣляева. Бывшіе петровцы отличаются вообще великовозрастіемъ: Рипману 28 лѣтъ, Разанцеву 25, Попову 24, Шестакову 25, Римскому-Корсакову 27, Лау 28, Ивакину 26, Костыркину 30. Эти петровцы, заматорѣлые въ праздности, и подняли средній возрастъ подсудимыхъ до $23^{9}/_{11}$ лѣтъ. Бывшіе студенты университета вообще гораздо моложе этого средняго возраста. Еще любопытная черта: петровцы преимущественно изъ купечества, Митрофаны Простаковы новѣйшей фармаціи; бывшіе же студенты университета, эти Мутафовъ, Джавадъ Ишхановъ, Ибригинъ Рахимовъ, Амидъ Хаджибековъ, Сарибековъ, Индрисъ Шанаевъ, Пименъ и Домитій Енкуватовы, явно восточные человѣки. И вотъ эти то недоросли, да петровцы, да восточные люди и составили ядро „заговора“, при чемъ этимъ князю Варлааму-Джонъ Асланову Черкезову да сыну законоучителя Омаровой

секты Ибригину Рахимову, вмѣстѣ съ калужскою мѣщанкою Бѣляевою и т. д., зачѣмъ то понадобилось „ниспровергнуть правительство во всемъ государствѣ“!

На судебномъ слѣдствіи не признали себя виновными С. Кузнецовъ, В. Рязанцевъ, Поповъ, Н. Голиковъ, Римскій-Корсаковъ, Л. Голиковъ, Ланге, Лау, Свѣчинъ, Ивакинъ, Костыркинъ, Пожонъ-де-Монсе и Бутурлинъ.

Долговъ, отрицая участіе въ заговорѣ, призналъ себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу. То же заявили Бѣляева, Климинъ, Черкезовъ, Гавришевъ, Коробьинъ, Пирамидовъ, Мутафовъ и Сарибековъ.

Рипманъ, Скипскій и Рязанцевъ признали себя виновными въ принадлежности къ тайному обществу, имѣвшему цѣлью способствованіе матеріальному улучшенію народнаго быта.

Шестаковъ призналъ себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу, но „не революціонному, а имѣвшему цѣлью пропаганду соціальной теоріи Лассаля“.

Восточные люди Ишхановъ, Рахимовъ, Хаджибековъ, Шанаевъ, Енкуватовы и Ковендяевъ признали себя виновными въ принадлежности къ тайному обществу, цѣль котораго была имъ неизвѣстна.

И такъ 20 человѣкъ сознались; только 13, кто постарше, заперлись. Восточные люди оказались такими, какъ и быть слѣдуетъ: они принадлежали, сами не зная къ чему.

Было бы слишкомъ утомительно слѣдить за этимъ пустоцвѣтнымъ дѣломъ: кружокъ исключенныхъ полунинцевъ, члены кассы Петровской академіи, да знакомые Нечаева, въ томъ числѣ и его возлюбленная, объединены во вторую группу „заговорщиковъ“. Итакъ, не будемъ пользоваться и всѣми показаніями этихъ подсудимыхъ; отмѣтимъ только наиболѣе характерныя.

— Зачѣмъ, спрашиваетъ Долгова предсѣдатель, распространяли вы программы „народной расправы“, не сочувствуя ей?

— Это запрещенная вещь—не мѣшаетъ прочесть, отвѣчаетъ Долговъ.

Это „не мѣшаетъ прочесть запрещенную вещь“ вообще немало объясняетъ успѣхъ подпольной печати среди юношества.

Рипмана Прыжовъ знакомитъ съ поддонками общества, любопытство одинаковаго сорта съ любознательностію Долгова, и вотъ впечатлѣнія Рипмана:

— Нечаевъ мнѣ сказалъ, что Прыжовъ покажетъ мнѣ, гдѣ можно познакомиться съ народною жизнью. Прыжовъ указалъ мнѣ мѣсто, куда я могу ходить, именно на Хитровъ рынокъ; сказалъ мнѣ, какимъ образомъ я долженъ вести себя; говорилъ, чтобы сидѣлъ молча, ни съ кѣмъ не заговаривалъ, и только, если обратятся ко мнѣ съ какимъ-нибудь вопросомъ, отвѣчалъ. На меня такъ подѣйствовало, когда я туда вошелъ, что со мною чуть не сдѣлался обморокъ, при видѣ той грязи, физической и нравственной, которая господствовала въ этомъ вертепѣ. Если бы не водка, которую я выпилъ, я бы упалъ. Я въ первый разъ просидѣлъ тамъ немного, потомъ еще нѣсколько разъ приходилъ, и съ каждымъ разомъ впечатлѣніе, производимое на меня посѣтителями этихъ мѣстъ, дѣлалось тяжелѣе и тяжелѣе. Дѣло дошло до того, что здоровье мое начало портиться, что было замѣчено Прыжовымъ и нѣкоторыми товарищами моими.... Руководясь наставленіями Прыжова, я прислушивался къ разговорамъ, которые происходили тамъ. Изъ этихъ разговоровъ я узналъ, что нѣкоторые изъ посѣтителей занимаются грабежемъ карамановъ. Мнѣ какъ-то не вѣрилось, что если они занимаются такимъ ремесломъ, чтобъ они такъ открыто могли посѣщать трактиры. Въ это время мнѣ пришлось встрѣтиться съ однимъ безсрочно-отпускнымъ солдатомъ, который имѣлъ видъ истощенный; я угостилъ его обѣдомъ, и за это онъ предостерегъ меня, что тутъ есть жулики, нужно быть поосторожнѣе. Кромѣ того, мнѣ удалось поговорить разъ или два съ публичными женщинами, которыя посѣщали этотъ кабакъ. Я иногда заговаривалъ съ ними, желая знать причину, почему онѣ такъ низко пали, и одна изъ нихъ, которой я оказалъ маленькую услугу тѣмъ, что накормилъ ее, сказала мнѣ, что жулики намѣрены меня ограбить.

Таково было разочарованіе Рипмана въ „народѣ“.

Извѣстный уже намъ по Каракозовщинѣ князь Черкезовъ развязно объяснилъ, что *съ Нечаевымъ онъ познакомился раньше другихъ и раньше другихъ узналъ отъ него о намѣреніи его учредить тайное общество**). По мнѣнію кн. Черкезова,

Нечаевъ былъ настолько слабъ, настолько мало развитъ, что не съумѣлъ бы, во всякомъ случаѣ, склонить ту массу людей, которая завлечена въ общество, если бы для этого не было другихъ причинъ, движущихъ молодежью, причинъ болѣе серіозныхъ. Причинами этими были обыски, аресты, ссылки и т. д., которые съ 1861 г. тяготѣли надъ молодежью. Это было однимъ изъ самыхъ сильныхъ стимуловъ, которые двигали эту молодежь. Всякій чувствовалъ себя не обезпеченнымъ: никто не могъ быть увѣренъ, что за какой-нибудь вздорный листокъ, разрозненный нумеръ *Колокола* онъ не будетъ схваченъ, арестованъ и высланъ административнымъ порядкомъ въ Колу, Пинегу и другія мѣста.

*) Вотъ новая важная для насъ данная. Каракозовщина и Нечаевщина связываются еще и раннимъ знакомствомъ кн. Черкезова съ Нечаевымъ, именно въ 1868 г., т. е. черезъ 2 года послѣ 4 апрѣля.

И такъ, кн. Черкезовъ отодвигаетъ „реакцію“ уже къ 1861 году. Когда же не было реакціи?... Но есть, повидимому, и печальная правда въ его словахъ — нѣкогда довольно неразборчивыя административныя мѣры противъ молодежи за вещи, пожалуй слишкомъ ничтожныя. По мнѣнію кн. Черкезова, и другія побужденія руководили лицами, вступившими въ члены общества. Это—извѣстное общее мѣсто политическихъ процессовъ: бѣдность учащейся молодежи и запрещеніе имѣть сходки и кассы.

Въ дѣлѣ встрѣчается указаніе на какую-то темную исторію какого-то Лебедева. Лебедевъ этотъ, очевидно, тоже былъ членомъ тайнаго общества и, какъ кажется, покончилъ съ собою самоубійствомъ вслѣдствіе психическаго разстройства.

На переплетномъ листѣ сочиненій Гоголя, лежавшихъ въ комнатѣ самоубійцы, была надпись:

Прощайте, милые братья и сестры! Отъ всего сердца желаю вамъ счастья и здоровья... Судьба меня преслѣдовала съ 15 лѣтъ. Умираю я такимъ же, какимъ былъ и 10 лѣтъ назадъ; разница развѣ въ томъ, что въ продолженіи моего ареста я думалъ о прошлой жизни, и это постоянно выводило меня изъ себя, такъ мнѣ казалась грязна и безцвѣтна проведенная мною жизнь; думалъ употребить всѣ средства, чтобъ исправиться, и надѣялся это сдѣлать... Много также прежде причинилъ вамъ, а также и маменькѣ, горя и непріятностей. Простите меня; въ этомъ я не виноватъ: много виновата моя болѣзнь и самая жизнь. Дай Богъ, чтобъ вы послѣ моей смерти были счастливы.

Въ другой книгѣ на корешкѣ еще надпись:

Іисусъ Христосъ погибъ на крестѣ за то, что любилъ людей, которыхъ Онъ считалъ своими ближними—вотъ вся Его вина.

На той же книгѣ и еще надпись:

Если бы въ крѣпости я былъ здоровъ такъ, какъ теперь, то я чѣмъ былъ 10 лѣтъ назадъ, тѣмъ остался бы и теперь; вотъ и вся моя вина. *За то, что у меня были сильно разстроены нервы, воображеніе, поврежденъ мозгъ, что я былъ въ родѣ полусумасшедшаго, и за это... Гдѣ же правда, гдѣ же судъ и справедливость, когда невинный человѣкъ страдаетъ только за то, что у него голова не въ порядкѣ;* и неужели до сихъ поръ не могли понять, что я за человѣкъ и какая у меня была болѣзнь? Страшно. Адвокатъ Линкольнъ *) и луна. Современная біографія Линкольна. Жалко, что у насъ нѣтъ хорошихъ адвокатовъ.

Мы опустили множество подробностей этого дѣла и считаемъ возможнымъ ограничиться только заключеніемъ рѣчи прокурора, гдѣ формулировано обвиненіе.

*) Президентъ Линкольнъ былъ въ молодости блестящимъ адвокатомъ. *Авт.*

Отказавшись отъ обвиненія Костыркина и Пожонъ-де-Монсе, прокуроръ закончилъ:

Я обвиняю Долгова, Климина и Рипмана, какъ членовъ центральнаго кружка, въ число занятій котораго входило, по сознанію Долгова, распространеніе прокламацій, а князя Черкезова и двухъ братьевъ Енкуватовыхъ, на основаніи собственнаго ихъ сознанія, въ распространеніи этихъ прокламацій.... Изъ числа 31 человѣка, за отказомъ моимъ отъ обвиненія двоихъ, должны быть признаны, по моему мнѣнію, сравнительно съ другими обвиняемыми, подлежащими бо́льшей отвѣтственности тѣ лица, которыя, образовавъ около себѣ кружокъ или же вступивъ въ центральный кружокъ, тѣмъ самымъ распространяли дѣйствія своего общества и слѣдовательно причиняли тѣмъ больше вреда и зла, чѣмъ другія лица, участіе которыхъ ограничивалось лишь вступленіемъ въ общество и исполненіемъ тѣхъ обязанностей, которыя общество возлагало на всѣхъ членовъ. Такими людьми, участіе которыхъ представляется болѣе значительнымъ, я считаю нижеслѣдующихъ: Долгова, Рипмана, Климина, Ишханова, Лау, Пимена Энкуватова и Шестакова.

Виновность прочихъ представлялась прокурору „въ главныхъ чертахъ схожею“. Наиболѣе заслуживающими снисхожденія, по его убѣжденію, были члены кружка Ишханова: Хаджибековъ, Сарибековъ, Шанаевъ и Рахимовъ.

Въ заключеніе прокуроръ просилъ судей, чтобы они признали за Бѣляевой*) „право на полное, совершенное, безграничное снисхожденіе“.

Защита указала нѣсколько не лишенныхъ интереса фактовъ и соображеній.

Такъ, напримѣръ, г. Стасовъ, защитникъ Долгова и Римскаго-Корсакова, повидимому, довольно вѣрно очертилъ дѣятельность одного изъ кружковъ.

Всѣ собранія этого кружка, говорилъ защитникъ, ограничивались, какъ показали многіе изъ подсудимыхъ, совершенно посторонними разговорами... Если цѣль общества не была дѣйствительно вполнѣ извѣстна всѣмъ членамъ, то очевидно, что о цѣли этой они не могли говорить. О чемъ же оставалось говорить? Если членъ былъ принятъ, то не говорить же о томъ, что членъ принятъ; прокламаціи читать каждый разъ, конечно, нечего, такъ какъ онѣ разъ уже прочитаны. Что же остается читать? Правила организаціи? Но тѣ, которые поступили въ члены, прочли уже раньше. Слѣдовательно, что же оставалось сообщать? Оставалось только намѣчать и рекомендовать членовъ. Въ этомъ отношеніи мнѣ представляется совершенно справедливымъ показаніе Николаева, который вполнѣ добро-

*) Бѣляева хотя и была „членомъ отдѣленія“, но вся преступная дѣятельность этой возлюбленной Нечаева едва ли не ограничилась пожертвованіемъ ею *одного* рубля въ кассу общества. *Авт.*

душно говоритъ: „я приходилъ, наблюдалъ, писалъ, да писать то было нечего; должны были намѣчать знакомыхъ, а знакомыхъ не было; слѣдовательно, нечего было и писать".

Теперь обратимъ вниманіе на педагогическое прошлое подсудимыхъ по 2-й группѣ. Это по бо́льшей части или не окончившіе курса, или перелеты изъ одного учебнаго заведенія въ другое, третье и т. д. Долговъ принадлежалъ къ послѣднимъ, и посмотрите, гдѣ только онъ не побывалъ.

Долговъ, по словамъ его защитника, уроженецъ Саратовской губерніи, учился въ гимназіи, гдѣ кончилъ курсъ, и поступилъ въ Казанскій университетъ. Пробывъ въ этомъ университетѣ годъ и находя, что тотъ факультетъ, на который онъ поступилъ, не удовлетворяетъ его ожиданіямъ, онъ перешелъ въ Петербургскій университетъ, гдѣ пробылъ также не долго, потому что въ это время случилась непріятная исторія съ его товарищемъ, котораго хотѣли уволить и за котораго Долговъ, какъ и многіе его товарищи, заступился. Совѣтъ университета исключилъ Долгова изъ университета, но позволилъ ему поступить въ другое высшее учебное заведеніе. Онъ поступилъ въ технологическій институтъ, и въ это время случилась съ нимъ непріятная исторія въ семействѣ. Отецъ его былъ недоволенъ тѣмъ, что онъ переходилъ изъ одного заведенія въ другое, и прервалъ съ нимъ сношенія. Благодаря однако дядѣ, Долговъ могъ поступить въ технологическій институтъ, гдѣ пробылъ около двухъ лѣтъ. Хотя дядя и платилъ за него деньги за ученье, но Долговъ находился въ такомъ положеніи, что ѣсть было нечего, а потому онъ долженъ былъ переписывать бумаги, заниматься переплетнымъ мастерствомъ и такимъ образомъ не могъ учиться... Наконецъ товарищи Долгова переманили его въ Петровскую академію, гдѣ, пробывъ годъ, онъ могъ бы получить стипендію. Въ первый годъ его пребыванія въ академіи одинъ изъ его товарищей платилъ за него, какъ за ученье, такъ за квартиру и за ѣду. Затѣмъ онъ получилъ стипендію, и если не кончилъ курса, то это не потому, чтобы онъ не хотѣлъ заниматься, а потому, что былъ арестованъ.

И такъ, съ точки зрѣнія защиты, всѣ виноваты: и Казанскій университетъ, почему-то не понравившійся Долгову, и Петербургскій, исключившій его за исторію, и отецъ, отрекшійся отъ сына, и дядя, переставшій потомъ платить за племянника, и товарищи, переманившіе Долгова въ 4-е высшее учебное заведеніе, и наконецъ арестъ. Правъ одинъ только лѣнтяй студентъ!

Кромѣ извѣстнаго уже намъ самоубійцы Лебедева, психически больнымъ въ этой второй группѣ подсудимыхъ видимъ еще Коробьина. Коробьинъ, по словамъ его защитника, „хотя и явился на судъ, но находится въ ненормальномъ состояніи.

Онъ былъ въ клиникѣ психическихъ болѣзней, и теперь опять у него возвращаются припадки".

Присяжный повѣренный Танѣевъ, защитникъ братьевъ Рязанцевыхъ, кн. Черкезова и Н. Голикова, высказалъ общій взглядъ на всю 2 ю группу подсудимыхъ:

> Всѣ вообще недовольные существующимъ порядкомъ, говорилъ защитникъ, рѣзко раздѣляются на двѣ опредѣленныя группы: одни изъ нихъ— слабые, робкіе, кроткіе, думаютъ водворить новыя начала, новыя идеи безъ всякаго насилія, безъ всякихъ потрясеній, спокойно, мало по малу и постепенно; они думаютъ, что всякій, какъ бы ни былъ узокъ кругъ его дѣятельности, можетъ своими слабыми силами помогать торжеству новыхъ идей, новыхъ началъ и введенію ихъ въ общество.

Къ этому-то роду недовольныхъ, противоположныхъ такимъ „врагамъ всѣхъ приверженцевъ стараго порядка", какимъ былъ будто бы только одинъ Нечаевъ, защита и причисляетъ всѣхъ подсудимыхъ по 2-й группѣ.

Дѣйствительно, всегда и вездѣ есть такіе недовольные, какъ большинство этихъ мелкихъ нечаевцевъ, но дѣло въ томъ, что какъ разъ въ числѣ кліентовъ г. Танѣева былъ князь Варламъ-Джонъ Аслановъ Черкезовъ, нѣкогда каракозовецъ, а сейчасъ эмигрантъ.

Присяжный повѣренный Герардъ объяснилъ намъ значеніе кассы петровцевъ въ настоящемъ политическомъ дѣлѣ. По его словамъ, все это дѣло 2-ой группы чуть ли не сводится къ вопросу о кассѣ слушателей Петровской академіи.

Возражая противъ выраженнаго прокуроромъ недовѣрія къ существованію этой кассы, основаннаго на томъ, что объ этой кассѣ подсудимые впервые упомянули на судѣ, защитникъ объяснилъ, что

> Подсудимые, дѣйствительно, скрывали существованіе этой кассы, и только сильныя убѣжденія со стороны защиты могли поколебать намѣреніе подсудимыхъ промолчать о ней до конца, чѣмъ бы ни кончилось ихъ дѣло. Въ эту кассу, при самомъ основаніи академіи, поступило довольно много лицъ, по преимуществу весьма бѣдныхъ. Назначеніе ея было удовлетворять ихъ коллективнымъ нуждамъ, и въ случаѣ излишка, снабжать отдѣльныхъ лицъ, нуждающихся въ деньгахъ, въ платьѣ, въ хлѣбѣ. Въ началѣ эта касса не была не только тайною, но, напротивъ, въ ней принимали участіе почти всѣ слушатели академіи, и о ней знало начальство академіи. Но послѣ безпорядковъ, бывшихъ весною 1869 года, академическое начальство, опасаясь совершенно справедливо, чтобы, независимо отъ кассы, не случилось чего-нибудь, вслѣдствіе чего на это начальство палъ бы упрекъ, стало не запрещать, а игнорировать эту кассу. Между

тѣмъ она приносила столь громадныя выгоды, имѣла столь важное значеніе для всѣхъ студентовъ вообще, что подсудимые, не смотря на то, что имъ грозила большая опасность, что раскрытіе этой кассы могло бы привести къ облегченію участи, если не всѣхъ подсудимыхъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, не соглашались говорить объ этой кассѣ.

Существованіе кассы бросаетъ, по мнѣнію защитника, весьма важный свѣтъ на это дѣло.

Вслѣдствіе той таинственности, въ которую должны были облекаться всѣ дѣйствія кассы, образовались кружки, имѣвшіе весьма важное экономическое значеніе, потому что лица, принадлежавшія одному и тому же кружку, лица, близкія между собою, выбирали изъ себя представителя, который, вмѣстѣ съ другими представителями, обсуждалъ общія дѣла кассы. Этотъ маленькій кружокъ составлялъ кружокъ совсѣмъ замкнутый. Существованіе этой кассы имѣло важное значеніе въ томъ отношеніи, что организація Нечаева могла распространиться легче съ помощью ея. Члены кружковъ, которые къ ней примкнули, пользовались этимъ устройствомъ, этими собраніями кассы, чтобы на нихъ проповѣдывать тѣ теоріи о необходимости сплотиться съ политическою цѣлью, которыя они почерпнули отъ Нечаева.

Отсюда защитникъ пришелъ къ тому заключенію, что не будь этихъ кружковъ кассы, этой таинственности, не могла бы и организація распространиться такъ успѣшно.

И такъ, по мнѣнію защиты, будто бы на самомъ днѣ всѣхъ „исторій“ этого времени лежало необезпеченное положеніе учащейся молодежи. Но вѣдь учащаяся молодежь и во времена Ломоносова также плохо была обезпечена, носительницею же крамольныхъ стремленій не была; значитъ, ключъ не въ плохомъ обезпеченіи, а въ выставленіи учащеюся молодежью на первый планъ интересовъ желудка, наслажденія вообще, а не долга. Отсюда, напримѣръ, и эти многочисленные незрѣлые браки между школьнымъ поколѣніемъ. И выходитъ, что нѣкоторая часть учащейся молодежи, на подобіе гоголевскаго капитана Копѣйкина, не пролившая не только „крови“, а даже и пота за отечество, прежде всего требуетъ отъ общества, по примѣру Копѣйкина, и „котлетку и брюнетку“!

Подсудимымъ по 2-й группѣ дано было „послѣднее“ слово. Изъ этихъ „послѣднихъ словъ“ приведемъ только слово кн. Черкезова, именно потому, что оно-то вовсе и не было послѣднимъ у будущаго эмигранта.

Въ своемъ „послѣднемъ словѣ“ кн. Черкезовъ прежде всего удивился, какимъ образомъ можно смѣшивать цѣли Нечаева

съ цѣлями тѣхъ людей, которые сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ. Далѣе, вполнѣ отвергая знаніе подсудимыхъ о цѣли Нечаева, онъ замѣтилъ, что изъ знакомства ихъ съ Долговымъ и Рипманомъ нельзя заключить, чтобы они имѣли какое-либо понятіе о тѣхъ политическихъ интересахъ, которые преслѣдовались Нечаевымъ.

— Я, продолжалъ кн. Черкезовъ, хотя и зналъ цѣли Нечаева еще въ 1868 году, о чемъ уже говорилъ, когда былъ свидѣтелемъ по 1-й группѣ, но смѣялся надъ ними вмѣстѣ съ тѣми людьми, которые бывали у меня на квартирѣ. Прочитавъ въ сентябрѣ прокламаціи, я тотчасъ же объявилъ, что онѣ отвратительны и распространять ихъ не слѣдуетъ.

Далѣе кн. Черкезовъ объяснилъ, будто бы онъ заранѣе зналъ, что Нечаеву не удастся составить общества, и онъ убѣжденъ, что если передъ судомъ сидитъ теперь такая масса людей, то это единственно потому, что дѣло было раскрыто на третьемъ мѣсяцѣ, а пройди еще мѣсяца три, онъ увѣренъ, на скамьѣ подсудимыхъ было бы человѣкъ 12—13, не болѣе, такъ какъ многіе изъ нихъ хотѣли бросить общество.

— Коведяевъ, напримѣръ, будучи членомъ общества, продолжалъ кн. Черкезовъ, говорилъ мнѣ, что онъ хочетъ уѣхать въ Петербургъ. Прокуроръ усматриваетъ въ этомъ раскаяніе Ковѣдяева, но я не вижу въ этомъ раскаянія, а вижу просто въ Коведяевѣ человѣка мыслящаго, который собственнымъ разсудкомъ дошелъ до сознанія необходимости отстать отъ общества. Кромѣ Коведяева, я могу привести въ примѣръ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, которыя, какъ лица самостоятельныя, не могли относиться сочувственно къ подобнымъ вещамъ, какъ организація Нечаева.

Въ заключеніе каракозовецъ этотъ, отрицая взглядъ защиты на Нечаева, представлявшей его человѣкомъ необыкновеннымъ, заявилъ, что, по его мнѣнію, еслибы въ молодежи не было въ то время возбужденнаго состоянія, то и Нечаевъ ничего не могъ бы сдѣлать.

Три дня совѣщалась палата; наконецъ, 6 августа 1871 года, предсѣдатель объявилъ слѣдующую резолюцію, изъ которой конечно выбрасываемъ судейскую листву:

1. Палата признаетъ виновными въ соучастіи въ противозаконномъ обществѣ, направленномъ къ измѣненію существующаго въ Россіи по-

рядка государственнаго устройства: Долгова, Рипмана, Бѣляеву, Климина, князя Черкезова, Скипскаго, И. Рязанцева, В. Рязанцева, Гавришева, Коробьина, Попова, Пирамидова, Мутафова, Ишханова, Рахимова, П. Енкуватова, Шестакова, Д. Енкуватова, Ланге, Лау, Свѣчина, Ивакина и Коведяева.

2. Палата находитъ, по обвиненію въ злоумышленномъ распространеніи преступныхъ сочиненій, Долгова, Климина, Рипмана, кн. Черкезова, П. и Д. Енкуватовыхъ не виновными, и

3. Равнымъ образомъ палата признаетъ не виновными въ соучастіи въ противозаконномъ обществѣ, направленномъ къ измѣненію существующаго въ Россіи государственнаго устройства: С. Кузнецова, Хаджибекова, Сарибекова, Шанаева, Л. и Н. Голиковыхъ, Римскаго-Корсакова, Костыркина, Пожона-де-Монсе и Бутурлина.

На основаніи изложеннаго и руководясь статьями *имя рек*, опредѣляетъ:

1. Князя Черкезова, по лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Томскую губернію, съ воспрещеніемъ ему всякой отлучки отъ мѣста, назначеннаго для его жительства, въ продолженіи $1^1/_2$ года и выѣзда затѣмъ въ другія губерніи и области Сибири въ теченіи 5 лѣтъ.

2. Подвергнуть заключенію въ тюрьмѣ: Долгова, Рипмана, Климина и П. Енкуватова на 8 мѣсяцевъ; Гавришева, Ишханова и Лау на 4 мѣсяца; Бѣляеву, Скипскаго, П. и В. Рязанцевыхъ, Коробьина, Попова, Пирамидова, Мутафова, Ланге, Свѣчина, Ивакина и Коведяева—на 2 мѣсяца, съ оставленіемъ, по освобожденіи изъ тюрьмы, подъ строгимъ надзоромъ полиціи въ продолженіи 5 лѣтъ.

3. Рахимова подвергнуть аресту въ тюрьмѣ на 3 недѣли, съ оставленіемъ затѣмъ подъ таковымъ надзоромъ въ теченіи 5 лѣтъ.

4. С. Кузнецова, Хаджибекова, Сарибекова, Шанаева, Н. и Л. Голиковыхъ, Римскаго-Корсакова, Костыркина, Пожона-де-Монсе и Бутурлина признать по суду оправданными.

За Скипскаго, Коробьина, Пирамидова и Мутафова постановлено ходатайствовать предъ Высочайшею властью о совершенномъ ихъ помилованіи.

Здѣсь пока оставляемъ читателя съ его недоумѣніями: можно ли эту публику назвать противозаконнымъ сообществомъ, направленнымъ къ измѣненію существующаго въ Россіи порядка государственнаго устройства, не говоря уже о прокурорскомъ опредѣленіи этого дѣла какъ „заговора“? если да, то умѣстны ли здѣсь наказанія, не превышающія для всѣхъ, кромѣ одного (кн. Черкезова), власти мироваго судьи? повысить ли нужно было наказаніе, или же понизить понятіе самаго преступленія? и что за наказаніе 2-хъ-мѣсячные и

3-хъ-недѣльные аресты послѣ предварительнаго 2-хъ-лѣтняго одиночнаго заключенія въ крѣпости? входятъ ли въ интересы крамолы эти 2-хъ-лѣтнія одиночныя заключенія для лицъ, судомъ потомъ оправдываемыхъ? прилично ли наконецъ судить человѣка психически больнаго, какъ Коробьинъ?

Вѣрно только одно: судъ съигралъ въ ничью: подсудимые, послѣ 2-хъ-лѣтняго одиночнаго заключенія въ крѣпости, конечно охотно отсидѣли въ тюремномъ обществѣ краткіе сроки. А каракозовецъ кн. Черкезовъ, признанный и палатою наиболѣе виновнымъ и потому присужденный къ ссылкѣ, отправился на поселеніе—въ Швейцарію...

II.

Нечаевъ пытался посѣять плевелы и между петербургскими учащимися молодыми людьми, но неособенно удачно.

— Какъ женщины, они мнѣ измѣнили и предали меня, какъ рабы, высокопарно выражался онъ потомъ о своихъ петербургскихъ послушникахъ.

При производствѣ дознанія въ Москвѣ о Нечаевщинѣ, по свидѣтельству обвинительнаго акта, получены были свѣдѣнія, что нѣкоторые изъ нечаевцевъ предпринимали поѣздки, между прочими городами, и въ Петербургъ, гдѣ пытались основать одно изъ отдѣленій центральнаго московскаго общества. Такъ въ октябрѣ 1869 г. прислана была Нечаевымъ въ Петербургъ уже извѣстная намъ его возлюбленная мѣщанка Бѣляева съ порученіемъ къ дѣвицѣ Лихутиной, технологу-студенту Старицыну и дворянину Негрескулу. Членъ московскаго общества, прикащикъ книжнаго магазина Черкесова, купеческій сынъ Викторъ Скипскій, оказалось, возилъ отъ Алексѣя Кузнецова письма въ Петербургъ къ студенту Старицыну, дворянину Негрескулу и къ женѣ студента Луниной. Въ Петербургѣ Скипскій узналъ отъ Негрескула о томъ, что у знакомаго имъ дворянина Калачевскаго насильственно былъ взятъ вексель въ 6,000 р. Въ этомъ принимали участіе жившіе въ Петербургѣ братья Лихутины и самъ Нечаевъ. Послѣ убійства Иванова, Кузнецовъ и Нечаевъ прибыли въ Петербургъ, и тотчасъ же начались розыски старыхъ

знакомыхъ Нечаева помощью Кузнецова, при чемъ обратились они къ прежней своей московской знакомой Воронцовой. Нечаевъ въ Петербургѣ остановился сначала у отставнаго поручика Рослякова, а потомъ въ нумерѣ студентовъ лѣснаго института Ковалевскаго, Святскаго и Топоркова, при чемъ двое послѣднихъ были посвящены Кузнецовымъ въ члены тайнаго общества. По полученіи извѣстія объ арестѣ Успенскаго, Нечаевъ, покидая Петербургъ, вручилъ Кузнецову какіе-то пакеты, которые поручилъ сохранять въ благонадежномъ мѣстѣ до своего возвращенія. Такое мѣсто отыскано было въ квартирѣ студента медико-хирургической академіи де-Тайльса. Жена поручика Юлія Бобарыкова имѣла намѣреніе ѣхать съ письмами отъ членовъ общества въ Женеву къ Нечаеву, который уѣхалъ туда съ дворянкою Александровскою.

Всѣ эти свѣдѣнія сообщены студентомъ Негрескуломъ.

Вслѣдствіе этого были задержаны слѣдующія лица:

1. отставной подпоручикъ Иванъ Лихутинъ;
2. его братъ, студентъ медико-хирургической академіи Владиміръ Лихутинъ;
3. ихъ сестра, дочь коллежскаго совѣтника Екатерина Лихутина;
4. студентъ земледѣльческаго института Петръ Топорковъ;
5. студентъ того же института Владиміръ Святскій;
6. студентъ того же института Владиміръ Ковалевскій;
7. студентъ медико-хирургической академіи Алексѣй де-Тайльсъ;
8. студентъ той же академіи Александръ Дудоладовъ;
9. жена поручика Юлія Бобарыкова;
10. студентъ технологическаго института Константинъ Росляковъ;
11. студентъ того же института Александръ Старицынъ;
12. бывшій студентъ того же института Александръ Долгушинъ;
13. бывшій студентъ того же института Александръ Лазаревскій;
14. слушатель Петровской академіи Викторъ Лунинъ;
15. поручикъ Левъ Топорковъ;
16. дворянка Александровская;

17. жена дворянина Любовь Воронцова;
18. студентъ медико-хирургической акад. Петръ Поповъ;
19. студентъ технологическаго института Прохоръ Дебогорій-Мокріевичъ.

Два слова объ этихъ 19 задержанныхъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь семья Лихутиныхъ. Далѣе, это студенты или земледѣльческаго института, или медико-хирургической академіи, или технологическаго института: земледѣльцевъ 3, медико-хирурговъ 5, технологовъ 5. Итакъ, главное мѣсто занимаютъ *студенты высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній.* Здѣсь уже нѣтъ ни одного студента университета. За то встрѣчаемъ тутъ 4-хъ женщинъ: Лихутину, Бобарыкову, Александровскую и Воронцову. Въ Каракозовщинѣ не видимъ женщинъ, или, можетъ быть, ихъ не привлекали. Въ 1-й группѣ нечаевцевъ мы познакомились съ Дементьевой и Томиловой; во 2-й группѣ видѣли Бѣляеву. Теперь число ихъ возросло. Съ 1869—1871 г. женскій элементъ занимаетъ въ крамольномъ движеніи разъ отъ разу все болѣе и болѣе видное мѣсто. Изъ мужскаго персонала обратимъ вниманіе на студентовъ-технологовъ Александра Долгушина и Прохора Дебогорія-Мокріевича. Они послужатъ передаточными звеньями къ послѣдующимъ фазисамъ крамолы. Долгушинъ въ 1874 году опять предстанетъ на судъ, въ качествѣ основателя преступнаго сообщества, вмѣстѣ съ полякомъ Дмоховскимъ, а Дебогорій (или Дебогоріо) Мокріевичъ займетъ одно изъ серединныхъ мѣстъ не только въ дѣлѣ 193, но и въ послѣдующихъ.

Уличать осужденныхъ или оправданныхъ лицъ, конечно, не наше дѣло, а повѣствованіе о крамолѣ словами самихъ подсудимыхъ, надѣемся, не положитъ лишняго несправедливаго нареканія на насъ. Впрочемъ, самъ читатель увидитъ, чему можно и чему нельзя тутъ вѣрить.

Отставной артиллерійскій поручикъ Иванъ Лихутинъ познакомился съ Нечаевымъ еще во время студенческихъ сходокъ, руководителемъ которыхъ обыкновенно былъ Нечаевъ. Послѣ этого, въ апрѣлѣ 1870 года, сестра Лухутина Екатерина получаетъ изъ-за границы письмо отъ Нечаева, а въ сентябрѣ того же года будто бы „совершенно неожиданно“ является къ Лихутину и самъ Нечаевъ.

— Вы, господа, заснули: васъ разбудить нужно, говоритъ онъ, и предлагаетъ Лихутину ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Москву.—Въ Москвѣ, *равно какъ и на югѣ Россіи* *) и въ разныхъ мѣстахъ, дѣла идутъ хорошо: люди не спятъ, а сплачиваются, настаиваетъ Нечаевъ.

Лихутинъ согласился. Подъѣзжая къ Москвѣ, Нечаевъ вручилъ ему бланкъ съ женевскою печатью, прося его выдать себя за агента женевскаго революціоннаго общества. Въ Москвѣ Лихутинъ прямо отправился въ книжный магазинъ Черкесова къ Успенскому, у котораго встрѣтилъ Прыжова и переговорилъ съ нимъ; вскорѣ отъ Нечаева явился за Лихутинымъ Флоринскій, доселѣ ему неизвѣстный, съ клочкомъ отъ кусочка обоевъ, другую часть котораго Нечаевъ вручилъ Лихутину вмѣстѣ съ женевскимъ бланкомъ, какъ условный знакъ. Послѣ этого Лихутинъ началъ продѣлывать различные революціонно-канцелярскіе пріемы съ бланками и печатями, уже достаточно намъ извѣстные изъ предыдущихъ очерковъ. Но наконецъ Лихутинъ будто бы сталъ проситься въ Петербургъ, чтобы „спокойно заниматься наукою“, на что Нечаевъ согласился, лишь подъ условіемъ, чтобы Лихутинъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, досталъ вексель отъ дворянина Калачевскаго въ 6 тысячъ рублей, необходимый Нечаеву, „будто бы чтобы держать въ рукахъ“ Калачевскаго. Нечаевъ научилъ Лихутина, какъ это и сдѣлать. На прощанье Нечаевъ вручилъ ему экземпляръ *Народной расправы*.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Лихутинъ разсказалъ о своей поѣздкѣ сестрѣ своей Екатеринѣ и товарищамъ Попову, Щелкунову и Ковалевскому, а *Народную расправу*, послѣ прочтенія ея къ кругу этихъ лицъ, сжегъ. Затѣмъ приступлено было къ операціи надъ Калачевскимъ. Но пусть разсказываетъ самъ Лихутинъ.

— Пригласивъ къ себѣ подъ вымышленнымъ предлогомъ, чрезъ товарища своего Попова, помощника присяжнаго повѣреннаго Калачевскаго, онъ,

---

*) Въ 1873 году, весною, произошелъ бунтъ въ Харьковѣ: толпа овладѣла полицейскими частями, и въ теченіи цѣлыхъ сутокъ на каланчѣ 1-й части, въ видѣ революціоннаго флага, развѣвался мундиръ частнаго пристава. Корреспондентъ *Московскихъ Вѣдомостей* настойчиво указывалъ тогда на руководительство какихъ-то агитаторовъ, но *Правительственный Вѣстникъ* счелъ нужнымъ это опровергнуть *Авт.*

Лихутинъ, между тѣмъ сообщилъ о своемъ намѣреніи брату своему Владиміру и студенту Мокріевичу, которые, прежде ухода отъ него Калачевскаго, вышли изъ дому, наняли карету, и изъ нихъ Владиміръ Лихутинъ, надѣвъ его офицерское платье, фальшивые усы и бакенбарды, а Мокріевичъ, начернивъ себѣ усы и бороду, стали ждать Калачевскаго недалеко отъ квартиры его, Лихутина. Когда Калачевскій уходилъ, то для вѣрности успѣха онъ, Иванъ Лихутинъ, передалъ Калачевскому въ запечатанномъ пакетѣ записную книжку Нечаева, которую этотъ послѣдній вручилъ ему при отъѣздѣ изъ Москвы, высказывая самый планъ ограбленія Калачевскаго, при чемъ Лихутинъ замѣтилъ Калачевскому, что книга эта—вещь секретная. По выходѣ Калачевскаго на улицу, означенные братъ Лихутина и Мокріевичъ, назвавшись чинами III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, арестовали его и повезли въ Знаменскую гостинницу, гдѣ предложили: или быть отправленымъ немедленно въ III отдѣленіе, или выдать вексель въ 6 тыс. руб. Калачевскій исполнилъ послѣднее, и затѣмъ Владиміръ Лихутинъ и Мокріевичъ возвратились домой и вручили ему, Ивану Лихутину, вексель въ 6 тыс. руб., подписанный Калачевскимъ; 24 же ноября, когда Нечаевъ снова прибылъ въ Петербургъ и посѣтилъ его, Лихутина, онъ тайно передалъ ему означенный вексель *).

Алексѣй де-Тайльсъ совращенъ былъ извѣстнымъ уже намъ каракозовцемъ княземъ Черкезовымъ. Въ концѣ ноября 1869 года онъ встрѣтился съ Черкезовымъ въ квартирѣ поручика артиллеріи Бобарыкова. Здѣсь, въ разговорѣ, Черкезовъ далъ ему замѣтить, что „въ настоящее время существуетъ что-то, въ смыслѣ серіознаго политическаго предпріятія".

— Разъясните, въ чемъ дѣло, проситъ де-Тайльсъ.

— Къ вамъ явится человѣкъ, который все скажетъ, отвѣчаетъ Черкезовъ.

На другой день въ той же квартирѣ Черкезовъ рекомендуетъ де-Тайльсу уже извѣстнаго намъ Николаева. Началось обычное крамольное путанье съ неизвѣстными де-Тайльсу лицами, какъ то: Алексѣемъ Кузнецовымъ, Нечаевымъ и т. д. Наконецъ де-Тайльсу Кузнецовъ предлагаетъ, а Черкезовъ передаетъ на храненіе какіе-то „пакеты", которые тотъ потомъ сжигаетъ, и т. д. все въ этомъ же родѣ.

Дамскій персоналъ въ показаніяхъ своихъ отличается женскими увертками.

*) Вотъ любопытный образчикъ добыванія денегъ на крамолу. Такіе случаи могли и повторяться. Жертва подобнаго шантажа не всегда, конечно, рѣшится заявить о преступленіи: не говоря уже о грозившей участи Иванова или изуродованнаго сѣрною кислотою Гориновича, опутанному крамолою прежде всего пришлось бы доносить на самого себя. *Авт.*

— Дѣйствительно, Черкезовъ, показывала Юлія Бобарыкова, видѣлся въ моей квартирѣ съ де-Тайльсомъ и женою коллежскаго совѣтника Варварою Александровскою, но о чемъ шла у нихъ рѣчь, я не знаю, а изъ разговоровъ съ Черкезовымъ я поняла, что есть какое-то тайное общество, но, по неясности его намековъ, не могла отчетливо себѣ представить, какое именно общество. Когда Черкезовъ уѣзжалъ изъ Петербурга въ Москву, я на приглашеніе его пріѣхать въ Москву дала согласіе, такъ какъ мнѣ нужно было во всякомъ случаѣ ѣхать туда по денежнымъ дѣламъ. Въ Москвѣ я сначала остановилась въ нумерахъ, но потомъ, по неудобству этого помѣщенія, перешла на квартиру, указанную мнѣ кн. Черкезовымъ. Затѣмъ съ нимъ я была еще на одной квартирѣ, гдѣ опять слышала какія-то смутныя фразы объ обществѣ, и уѣзжая получила отъ находившагося въ послѣдней квартирѣ неизвѣстнаго мнѣ лица (Николаева) шифрованную записку для передачи Нечаеву въ Женевѣ. За границу я намѣревалась ѣхать съ цѣлью узнать, гдѣ удобнѣе учиться медицинѣ, и не прочь была познакомиться съ женевскими эмигрантами.

— Черкезовъ и Николаевъ, подтверждаетъ и Александровская, говорили мнѣ и де-Тайльсу о существованіи какого-то общества, прося на первый разъ позволенія моего остановиться въ Тулѣ у меня нѣкоторымъ изъ членовъ общества. Не давъ положительнаго отвѣта, я уѣхала въ Тулу, но въ декабрѣ явился туда ко мнѣ неизвѣстный человѣкъ Елпидинъ (т. е. Нечаевъ) отъ Берсенева (т. е. Черкезова) и остался будто бы ожидать пріѣзда де-Тайльса. Послѣ продолжительной бесѣды съ Нечаевымъ, я увидѣла себя подъ непреодолимымъ вліяніемъ своего собесѣдника, такъ что когда онъ, а потомъ прибывшій въ Тулу Черкезовъ, стали меня упрашивать ѣхать за границу по дѣламъ общества, замѣтивъ при этомъ объ опасности не исполнять велѣнія комитета, какъ это пытался дѣлать убитый Ивановъ, я безсознательно имъ подчинилась.

Такимъ образомъ, Александровская отправилась съ Нечаевымъ въ Женеву, гдѣ пришлось ей видѣться съ какимъ-то старикомъ (Огаревымъ), который спросилъ у нея, что дѣлается въ Россіи. Нѣсколько дней оставалась Александровская въ Женевѣ. Тамъ являлись къ ней разныя лица съ Не-

чаевымъ. Наконецъ Нечаевъ приказалъ ей ѣхать въ Россію, наградивъ на прощанье цѣлымъ пукомъ прокламацій.

— Я, говоритъ Александровская, имѣла положительное намѣреніе предъявить эти прокламаціи не по назначенію Нечаева, а правительству. Въ Вержболовѣ я узнала, что офицеръ, меня задержавшій, присланъ III отдѣленіемъ; ему я и вручила всѣ прокламаціи.

При задержаніи Александровской въ Вержболовѣ, у этой коллежской совѣтницы было найдено подъ платьемъ значительное количество печатныхъ прокламацій, крайне возмутительнаго содержанія, съ обращеніемъ къ разнымъ сословіямъ въ Россіи, какъ то: къ войску, подъ названіемъ *Что жъ, братцы?* къ народу, подъ названіемъ *До громады* и *Мужичкамъ и всѣмъ простымъ людямъ работникамъ*, къ студентамъ — *Студентъ* и *Нѣсколько словъ къ молодымъ братьямъ въ Россіи* и т. д.

Лихутина совсѣмъ отрицала какое бы то ни было съ своей стороны участіе въ дѣлѣ.

— Нечаевъ посѣщалъ насъ, призналась она; братъ ѣздилъ съ нимъ въ Москву и, возвратившись оттуда, разсказывалъ мнѣ о составившемся обществѣ. Но прокламаціи *Народная расправа* братъ мнѣ не читалъ; сама я ни къ какому тайному обществу не принадлежала и вообще ничего не знаю о дѣятельности какого бы то ни было общества.

Любопытно также показаніе жены дворянина Любови Воронцовой, послушно являвшейся на Тверской бульваръ по письму неизвѣстнаго ей человѣка и будто бы приказавшей наконецъ прислугѣ не принимать „московскихъ незнакомцевъ“.

Она объяснила, что

> Дѣйствительно, во время пребыванія ея въ Москвѣ (въ началѣ ноября 1869 г.) она была приглашена, чрезъ посредство письма отъ неизвѣстнаго, придти на Тверской бульваръ, если она желаетъ принять участіе въ какомъ-то обществѣ; она исполнила это, и со встрѣтившимся съ нею въ названномъ мѣстѣ неизвѣстнымъ человѣкомъ (Кузнецовымъ), съ которымъ она обмѣнялась условною фразою, пошла въ какую-то квартиру, гдѣ незнакомецъ прочелъ ей уставъ общества, а затѣмъ пригласилъ ее вступить въ общество, и она согласилась. Послѣ краткой бесѣды, въ которой она упомянула о намѣреніи своемъ ѣхать въ Петербургъ, неизвѣстный пригласилъ ее придти на другой день, и когда она явилась, то онъ подалъ ей письмо отъ комитета, отмѣтившаго ее уже особымъ нумеромъ, въ которомъ говорилось, что она должна совершенно ввѣриться

тому лицу, на которое ей укажетъ незнакомецъ; вслѣдъ затѣмъ изъ другой комнаты вышелъ другой человѣкъ (Нечаевъ) и сталъ спрашивать ее объ ея знакомыхъ въ Петербургѣ; она назвала нѣкоторыхъ, и онъ поручилъ ей склонить ихъ къ вступленію въ общество.

Цѣлью этого общества, какъ поняла Воронцова изъ разговоровъ съ „неизвѣстными", было „измѣненіе существующаго порядка".

Въ заключеніе Воронцова объяснила, что

Пріѣхавъ въ Петербургъ, она ни съ кѣмъ изъ своихъ знакомыхъ объ означенномъ обществѣ не говорила и вообще убѣдилась, что дѣйствія вышеупомянутыхъ московскихъ незнакомцевъ смѣшны, а потому, когда они въ концѣ ноября стали приходить къ ней, то она велѣла ихъ не принимать, что и было исполнено ея прислугою.

Изъ прочихъ показаній, крайне однообразныхъ, остановимся только на показаніи Дебогорія-Мокріевича, такъ какъ съ этимъ „Мокридою" еще не разъ потомъ встрѣтимся. Онъ объяснилъ, что

Онъ, дѣйствительно, вмѣстѣ въ Владиміромъ Лихутинымъ, совершилъ насиліе надъ Калачевскимъ, но игралъ при этомъ пассивную роль; онъ нанялъ только нумеръ въ Знаменской гостинницѣ, куда потомъ былъ привезенъ Калачевскій, и карету, въ которой самъ оставался, покуда Лихутинъ не посадилъ туда Калачевскаго, а затѣмъ все остальное совершалъ Лихутинъ, и сказалъ ему уже потомъ, что взялъ съ Калачевскаго вексель. При этомъ Мокріевичъ присовокупилъ, что взятіе векселя была шутка, которую задумалъ Владиміръ Лихутинъ, а онъ съ нимъ согласился, но не имѣя въ виду никакихъ корыстныхъ цѣлей, и самый вексель, какъ ему сказали, былъ впослѣдствіи сожженъ.

Далѣе Дебогоріо-Мокріевичъ объяснилъ, что

О поѣздкѣ Ивана Лихутина въ Москву онъ слышалъ отъ него же, при чемъ Лихутинъ ему разсказывалъ, что Нечаевъ распространяетъ тамъ между студентами прокламаціи и хлопочетъ о составленіи революціоннаго общества.

Продѣлка съ Калачевскимъ едва ли была шуткою. Пособникъ въ этомъ дѣлѣ Поповъ показалъ, что вексель Калачевскаго хранился, и только послѣ ареста Владиміра Лихутина, по просьбѣ этого послѣдняго, вексель былъ сожженъ Поповымъ, Ковалевскимъ и Мокріевичемъ. По словамъ Владиміра Лихутина, вексель Калачевскаго хранился у его брата въ комнатѣ, подъ дверью, подъ обоями; только при арестѣ онъ указалъ на это мѣсто храненія кому-то изъ товарищей, которыми вексель и былъ уничтоженъ. Но все-таки это было только шуткою надъ Калачевскимъ, добавилъ Владиміръ Лихутинъ.

Бо́льшая часть изъ этихъ обвиняемыхъ, а именно 15 человѣкъ (*третья группа*), предстали 16 августа 1871 г. на судъ петербургской судебной палаты.

Обвиненіе было формулировано такъ:

Обвиняются:

1. Отставной подпоручикъ Иванъ Лихутинъ;
2. Студентъ медико-хирургической академіи Алексѣй де-Тайльсъ;
3. Жена подпоручика Юлія Бобарыкова;
4. Жена коллежскаго совѣтника Варвара Александровская;
5. Дочь коллежскаго совѣтника Екатерина Лихутина, и
6. Студентъ технологическаго института Александръ Старицынъ—въ томъ, что принимали участіе въ дѣйствіяхъ составленнаго въ Москвѣ заговора, съ цѣлью ниспроверженія правительства во всемъ государствѣ и перемѣны образа правленія, съ знаніемъ о цѣли сихъ дѣйствій, при чемъ злоумышленіе ихъ открыто правительствомъ заблаговременно, при самомъ онаго началѣ, т. е. совершили преступленіе, предусмотрѣнное 249 и 250 ст. Улож. о наказ. изданія 1866 года, и первый изъ нихъ, отставной подпоручикъ Иванъ Лихутинъ, кромѣ того въ томъ, что согласилъ какъ брата своего Владиміра, такъ равно студентовъ Мокріевича и Попова, посредствомъ угрозъ, заставить дворянина Калачевскаго выдать имъ вексель въ 6,000 р., т. е. совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 13 и 1686 ст. Улож. о наказ.
7. Жена дворянина Любовь Воронцова;
8. Студентъ земледѣльческаго института, дворянинъ Владиміръ Свитскій—въ томъ, что вступили въ означенный заговоръ, съ знаніемъ о цѣли его, т. е. совершили преступленіе, предусмотрѣнное 13, 240 и 250 ст. Улож. о наказ.
9. Студентъ технологическаго института, отставной подпоручикъ Константинъ Росляковъ;
10. Студентъ земледѣльческаго института отставной прапорщикъ Владиміръ Ковалевскій, и
11. Бывшій студентъ технологическаго института, дворянинъ Михаилъ Лазаревскій—въ томъ, что, не принимая прямаго участія въ таковомъ заговорѣ, они завѣдомо давали или же содѣйствовали къ дачѣ убѣжища главному заговорщику Нечаеву, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 13, 249 и 250 ст. Улож. о наказ.
12. Бывшій слушатель Петровской земледѣльческой академіи, дворянинъ Викторъ Лушинъ;
13. Студентъ технологическаго института Прохоръ Дебогорій-Мокріевичъ и
14. Студентъ медико-хирургической академіи Петръ Поповъ—въ томъ, что, зная о вышеизложенномъ злоумышленіи и приготовленіи къ приведенію онаго въ дѣйствіе и имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, не исполнили сей обязанности, т. е. обвиняются въ преступленіи, предусмотрѣнномъ тѣми же 249 и 250 ст. Улож. о наказ., и кромѣ того, два послѣдніе—Дебогорій-Мокріевичъ и Поповъ—въ томъ

еще, что, по предварительному согласію, помощью угрозъ, заставили дворянина Калачевскаго выдать имъ вексель въ 6,000 р., т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 13 и 1,646 ст. Улож. о наказ., и наконецъ,

15. Студентъ медико-хирургической академіи Владиміръ Лихутинъ обвиняется въ соучастіи, по предварительному согласію съ вышеозначенными Дебогоріемъ-Мокріевичемъ и Поповымъ въ томъ же преступленіи относительно Калачевскаго, предусмотрѣнномъ 13 и 1,686 ст. Улож. о нак.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ подсудимыхъ никто не призналъ себя виновнымъ, кромѣ одного Ивана Лихутина. Но какъ его показаніями, такъ и показаніями его товарищей, по прежнему будемъ пользоваться съ точки зрѣнія исторической и бытовой, не только „не оправдывая виновнаго, не осуждая невиннаго“, но и вообще не ставя вопроса о виновности или невиновности того или другаго лица.

Въ показаніи Ивана Лихутина отмѣтимъ любопытное соображеніе Нечаева о значеніи университетскихъ кружковъ для пропаганды. Въ день отъѣзда своего въ Москву Нечаевъ заходитъ къ Лихутинымъ. Послѣ упрековъ, что въ Петербургѣ „люди спятъ“, агитаторъ указываетъ, что „самое лучшее было бы соединиться имъ въ кружки, которые могутъ имѣть связь единственно путемъ вспомоществованія другъ другу“. Ему на это возражаютъ, что „кружки, конечно, вещь очень полезная, но что, въ виду того подозрѣнія, съ которымъ на нихъ смотритъ полиція, не стоитъ устраивать такіе кружки“. Нечаевъ настаиваетъ, „доказывая пользу связи между студентами тѣмъ, что, напримѣръ, если будутъ присылаться кому либо прокламаціи или нецензурныя сочиненія, то, если не будетъ такой связи, сочиненія эти пролежатъ у одного человѣка и не принесутъ никакой пользы, а между тѣмъ при существованіи связи, сочиненія эти могутъ пройти черезъ рядъ кружковъ и будутъ распространяться въ многочисленной средѣ *).

Иванъ Лихутинъ окончилъ курсъ въ артиллерійскомъ училищѣ. У него былъ „кружокъ знакомыхъ изъ его прежнихъ

*) Дѣйствительно, кружки могутъ служить хорошимъ проводникомъ внѣцензурнаго литературнаго тока. Но та же студенческая организація, имѣя въ основѣ своей науку и ученье, а не задачи только чрева, могла бы давать и отпоръ непрошеннымъ элементамъ. Періодическіе навардаки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и происходятъ, повидимому, между прочимъ отъ ложной постановки дѣла: въ основаніе желаемой организаціи полагается понятіе не о *студентѣ*, а о какомъ-то млекопитающемъ. *Авт.*

товарищей по артиллерійскому училищу". Хотя онъ и значительно разнился съ ними по своей спеціальности, все же обстоятельство это бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на позднѣйшій „кружокъ артиллеристовъ", о которомъ будемъ говорить въ главѣ о 193-хъ. Обвинительный актъ не укажетъ тамъ связи „кружка артиллеристовъ" съ дѣломъ Лихутина, но намъ позволительно видѣть здѣсь нѣкоторую преемственность: Лихутинъ вышелъ только застрѣльщикомъ „артиллеристовъ".

Въ показаніи Александровской находимъ свѣдѣніе о Негрескулѣ. Негрескулъ, по словамъ Черкезова, „былъ арестованъ по проискамъ его, Черкезова". Негрескулъ, повидимому, вообще выдавался болѣе здравымъ смысломъ. Онъ стоялъ во враждебныхъ отношеніяхъ къ Нечаеву, какъ убитый Ивановъ. Александровская на судебномъ слѣдствіи показала, что Черкезовъ и Нечаевъ, послѣ того какъ имъ не удалось убѣдить ее дѣйствовать сознательно въ ихъ пользу, сказали ей, что она обязана исполнять ихъ требованія и ѣхать за границу (вмѣстѣ съ Нечаевымъ), при чемъ Черкезовъ прибавилъ, что за ослушаніе она рискуетъ подвергнуться той же участи, какъ Ивановъ и Негрескулъ. Черкезовъ и Нечаевъ, послѣдній вооруженный пистолетомъ, пригрозили ей смертью, если она не послушается.

> Прибывъ въ Женеву, они помѣстились въ квартирѣ у Огарева; съ подсудимой былъ ея ребенокъ — дочь. Однажды Нечаеву зачѣмъ-то понадобилось, чтобы всѣ отправились въ балаганъ, а спящій ребенокъ долженъ былъ оставаться на квартирѣ, и къ нему для охраненія Нечаевымъ приставлена была лягавая собака. Подсудимая не хотѣла оставлять ребенка одного, но Нечаевъ сказалъ, что это совершенно лишняя нѣжность. Послѣ этого подсудимая настоятельно стала просить, чтобы ее отпустили изъ Женевы. Благодаря Огареву, который отказался дать ей помѣщеніе, Нечаевъ отправилъ подсудимую въ Россію, давъ ей ворохъ бумагъ, которыя самъ зашилъ въ юбку, и приказалъ ѣхать въ Москву и отдать тамъ бумаги Черкезову.

Любопытны показанія каракозовца Калачевскаго, игравшаго незавидную роль въ дѣлѣ о векселѣ. Къ извѣстнымъ уже подробностямъ о немъ добавимъ, что у него сестра находилась подъ арестомъ. Переодѣтые въ жандармовъ Лихутинъ съ компаніею соблазняли Калачевскаго между прочимъ и тѣмъ, что могутъ освободить его сестру. Калачевскій былъ знакомъ съ Негрескуломъ, котораго описываетъ такъ:

Онъ былъ человѣкъ весьма увлекающійся, обладающій недюжинными способностями, человѣкъ достаточно обширныхъ свѣдѣній, натура очень симпатичная, способная привязаться къ человѣку и глубоко чувствовать какъ любовь, такъ и ненависть. Человѣкъ этотъ напрягалъ всѣ свои способности главнымъ образомъ на то, чтобы достигнуть полной свободы личности человѣка *).

Калачевскому, для его уловленія, была дана записная книжка Нечаева. Книжку эту Калачевскій передалъ потомъ Негрескулу, сообщивъ ему всю исторію. Негрескулъ подумалъ и сказалъ, что подозрѣваетъ въ этомъ братьевъ Лихутиныхъ. На другой день Калачевскій, вмѣстѣ съ Негрескуломъ, отправился къ Лихутинымъ. По пріѣздѣ туда, Негрескулъ сильно бранилъ Лихутиныхъ, называя ихъ сообщниками Нечаева. Съ Нечаевымъ Негрескулъ познакомился за границею и расходился съ нимъ въ мнѣніяхъ. Негрескулъ, какъ человѣкъ, способный сильно чувствовать, возненавидѣлъ Нечаева и старался вездѣ преслѣдовать его.

Но странное дѣло: Калачевскій на судебномъ слѣдствіи заявилъ, что „вообще онъ не допускаетъ, чтобы исторія съ векселемъ была затѣяна ими (т. е. Лихутинымъ съ братіею) съ какою-нибудь корыстною цѣлью". Не трусость ли побудила его къ этому? Самъ Калачевскій признается въ этомъ своемъ качествѣ.

Лихутины дѣйствительно могли сдѣлать заключеніе о его трусости, на томъ основаніи, что онъ, будучи нѣсколько разъ заарестованъ административнымъ порядкомъ, имѣлъ причину всегда опасаться новаго повода къ обыску или аресту; къ тому же сестра его въ то время была арестована, и онъ не желалъ ее компрометтировать.

Калачевскій въ 1866 году привлекался по дѣлу 4 апрѣля, въ качествѣ свидѣтеля, но при этомъ находился подъ надзоромъ полиціи и долженъ былъ увѣдомлять ее о своихъ вы-

*) Фамилія Негрескулъ, чрезвычайно рѣдкая, напомнила намъ изъ нашей самой ранней юности въ 1852 г. другаго Негрескула, Василія Дементьевича. Это былъ тогда молодой человѣкъ, окончившій курсъ въ херсонской, кажется, гимназіи и пришедшій оттуда *пѣшкомъ* для поступленія въ студенты Московскаго университета. Негрескулъ поселился у М. П. Погодина, сотрудничалъ въ *Москвитянинѣ*, держалъ корректуру, училъ дѣтей покойнаго М. П. Погодина. Но началась война 1853 года, и Негрескулъ, какъ патріотъ, пошелъ на войну, гдѣ и умеръ отъ ранъ. Характеристика этого втораго, младшаго Негрескула какъ бы списана съ покойнаго Василія Негрескула. Не изъ одной ли они семьи? *Авт.*

ѣздахъ изъ Петербурга, что онъ и исполнялъ до послѣдняго ареста.

Показаніе Воронцовой на судебномъ слѣдствіи рисуетъ довольно подробно князя Черкезова.

Съ княземъ Черкезовымъ она была знакома съ 1867 года и знала его за человѣка честнаго, добраго, но имѣвшаго страсть къ таинственности. Въ 1867 и 1868 годахъ она жила въ Петербургѣ и видѣлась съ нимъ; затѣмъ они разъѣхались и совершенно неожиданно встрѣтились въ Москвѣ въ мартѣ 1869 года. Здѣсь Черкезовъ разсказывалъ, что въ Москвѣ устраивается литературное общество для сближенія литераторовъ и вообще молодежи и для изданія журнала. Затѣмъ они разъѣхались и увидѣлись опять въ августѣ мѣсяцѣ; но тогда Черкезовъ объ этомъ обществѣ ничего уже не говорилъ. Онъ былъ озабоченъ, бѣгалъ по Москвѣ, держалъ себя по обыкновенію очень таинственно и между прочимъ разсказывалъ какія-то басни о прокламаціяхъ, которыя будто бы падаютъ въ театрѣ съ люстры; но подсудимая думала, что онъ сочиняетъ. Онъ разсказывалъ также объ обществѣ, которое, кромѣ литературной цѣли, имѣетъ въ виду распространеніе книгъ, о какихъ-то экономическихъ интересахъ народа и т. д. Затѣмъ, въ концѣ ноября, когда подсудимая намѣревалась отправиться въ Петербургъ, такъ какъ въ Москвѣ не для чего было оставаться, пришелъ къ ней Черкезовъ, началъ ей разсказывать о Полунинской исторіи, при чемъ подсудимая его не особенно слушала, и затѣмъ сказалъ, что познакомитъ ее съ обществомъ *). На другой день они поѣхали въ какую-то улицу, и въ это время подсудимая замѣтила, что Черкезовъ чего-то конфузится. Пріѣхавъ въ квартиру, они встрѣтили какого-то господина, фамилію котораго Черкезовъ не назвалъ. Господинъ этотъ, оказавшійся Кузнецовымъ, вынесъ на середину комнаты столъ и принесъ какія-то бумаги, при чемъ также чего-то конфузился, такъ что у подсудимой явилось нѣкоторое подозрѣніе. Господинъ этотъ прочелъ ей правила организаціи, которыхъ она не поняла, и не знала, къ чему все это ведетъ. Кузнецовъ просилъ ее придти на другой день, чтобы получить какое-то порученіе, и подсудимая, рѣшительно не предполагая, чтобы она считалась вступившею въ общество, взялась исполнить порученіе, такъ какъ Кузнецовъ произвелъ на нее хорошее впечатлѣніе. Когда она пріѣхала на другой день, то Кузнецовъ вынесъ ей письмо, на которомъ стояли какія-то цифры, и объяснилъ ей, что въ обществѣ, въ которое она вступила, фамилія не допускаются и замѣняются нумерами. Въ письмѣ этомъ она прочла, что ее познакомятъ съ господиномъ, который будетъ ея руководителемъ и которому она должна вѣрить по приказанію комитета. Хотя это поразило подсудимую, такъ какъ о комитетѣ она раньше ничего не слыхала, тѣмъ не менѣе она согласи-

*) Вторя такому показанію подсудимой, защитникъ ея г. Герардъ острилъ: „Было бы странно и безполезно, если бы Воронцова каждый разъ, какъ пріѣзжалъ къ ней Черкезовъ, бѣжала въ полицію объявлять, что у Черкезова кроется въ головѣ какое-то тайное общество“. *Авт.*

лась. Затѣмъ вышелъ какой-то господинъ въ синихъ очкахъ и сказалъ ей, что общество всегда пользуется случаемъ отъѣзда кого-нибудь изъ членовъ въ Петербургъ для того, чтобы завести тамъ такія же связи, какъ и въ Москвѣ. Подсудимая видѣла въ этомъ какое-то недоразумѣніе. Вѣроятно, Кузнецовъ полагалъ, что Черкезовъ посвятилъ ее во всѣ тайны общества, а Нечаевъ полагалъ, что они оба посвятили ее.

Наконецъ, будто бы г-жа Воронцова, когда ей предложили „наблюдать за Воскресенскимъ*), котораго подозрѣвали въ шпіонствѣ", рѣшила, что „съ такими людьми, которые окружаются таинственностью, ей дѣлать нечего". Она объявила, что „не желаетъ имѣть никакого дѣла съ обществомъ и вообще отказывается отъ всякаго знакомства съ Нечаевымъ, такъ какъ онъ человѣкъ нахальный". Затѣмъ, когда къ ней явился Черкезовъ, будто бы „она прямо ему сказала, что она проситъ этихъ господъ избавить ее отъ всякихъ посѣщеній, такъ какъ они ей надоѣли" **).

Вообще очевидно, что подсудимые перессорились между собою, особенно же взбунтовались противъ вожаковъ. Не говоря о посрамленіи Нечаева почти всѣми, кромѣ развѣ члена комитета Успенскаго, и каракозовецъ кн. Черкезовъ, какъ наиболѣе выдающееся лице, подвергся этой же участи отъ сочленовъ. Такъ даже и Александровская, довольно замѣтная дѣятельница, провожавшая Нечаева въ Женеву, на предварительномъ слѣдствіи, по увѣренію кн. Черкезова, „искала съ него убытки, въ размѣрѣ 300 рублей, за то, что она поѣхала на свой счетъ за границу и дала еще Нечаеву 100 рублей". Даже г-жа Екатерина Лихутина, которая, какъ сама свидѣтельствуетъ, „имѣла большое вліяніе на братьевъ и на всѣхъ окружающихъ", называемая въ письмахъ Нечаева „любезною тетушкою", подписанныхъ „покорная племянница Началова", чувствовала отвращеніе къ реликвіямъ Нечаева. Обвиненіе ставило ей въ улику шарфъ, подаренный ей Нечаевымъ. Лихутина объяснила, что Нечаевъ просилъ ее взять этотъ шарфъ на память, „сказавъ, что получилъ его въ знакъ пріязни отъ атамана разбойниковъ".

— Я сначала хотѣла отказаться, замѣтила г-жа Лихутина,

---

*) Былъ Воскресенскій каракозовецъ. Не объ немъ ли рѣчь? *Авт.*

**) Добавимъ къ этому, что Воронцова была родная сестра Коведяеву, изъ 2 группы, приговоренному къ 2 мѣсяцамъ тюрьмы. *Авт.*

но, боясь его обидѣть, взяла и, чувствуя къ нему отвращеніе, отдала его вымыть.

Шарфъ, какъ оказалось, дѣйствительно былъ вымытъ. Такимъ образомъ „вліявшая на всѣхъ окружающихъ“ г-жа Лихутина искренно повѣрила чисто дѣтской сказкѣ „объ атаманѣ разбойниковъ, подарившемъ Нечаеву въ знакъ пріязни свой шарфъ“.

Изъ протоколовъ осмотра вещественныхъ доказательствъ можемъ почерпнуть любопытныя историко-литературныя свѣдѣнія. Слѣдующія произведенія печати оказались зашитыми собственноручно Нечаевымъ въ юбку жены коллежскаго совѣтника В. В. Александровской:

№ 1. „Изданія общества „Народной расправы“. № I. „Лѣто 1869 г. Москва“ (Отъ русскаго революціоннаго комитета). № II. „Изданія общества „Народной расправы“.

№ 2. „Зима 1870 г. С.-Петербургъ“.

№ 3. Манифестъ коммунистической партіи“.

№ 4. „Начала революціи“.

№ 5. „Постановка революціоннаго вопроса“.

№ 6. „Въ память людямъ 14 декабря 1825 г.“ (Посвящено русскому войску. Подписано: *Н. Огаревъ*).

№ 7. „Что такое государство“ (В. А. Энгельсона. Женева. 1870 г. Напечатано въ „Полярной Звѣздѣ“ за 1858 г.).

№ 8. „Что-жъ, братцы“.

№ 9. „До громады“ (на малороссійскомъ языкѣ).

№ 10. „Нѣсколько словъ къ молодымъ братьямъ въ Россіи“. (Подписано: *Михаилъ Бакунинъ*. Женева. 1869 г.).

№ 11. „Студентамъ университета, академіи и технологическаго института въ С.-Петербургѣ“. (Подписано: *Нечаевъ*).

№ 12. „Наша повѣсть“. (Подписано: *Издатели „Колокола“*).

№ 13. „Русскіе студенты“. (Внизу написано: „Женева, апрѣль 1869 г.“).

№ 14. „Студентъ“, стихотвореніе, посвященное Нечаеву. (Подписано: *Н. Огаревъ*).

№ 15. „Мужичкамъ и всѣмъ простымъ людямъ, работникамъ“.

№ 16. „Мужичкамъ“.

№ 17. „Гой, ребята, люди русскіе“.

№ 18. „Встрѣча“. (Посвящ. духовенству).

№ 19. „Права русскаго народа“.

№ 20. „Вольный пѣсенникъ“.

№ 21. „Народное дѣло“. (№ 1-й, 1 сентября 1868 г.).

Все это г-жею Александровскою привезено было въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Студентъ Александръ Старицынъ на судъ не предсталъ. Онъ умеръ въ заключеніи, что вообще, рядомъ съ помѣшательствомъ, не рѣдкость при прежнихъ медлительныхъ слѣдственныхъ производствахъ по политическимъ дѣламъ. Старицынъ въ своемъ показаніи, данномъ письменно сенатору Чемадурову, рисуетъ жандармское усердіе.

— Когда пришелъ ко мнѣ въ первый разъ жандармскій полковникъ, производившій дознаніе, со мной произошелъ слѣдующій случай. Дѣло было вечеромъ; я стоялъ, сильно задумавшись, у окна, выходящаго на корридоръ. Вдругъ послышался шумъ, стучанье сабель и шпоръ, и громко была названа моя фамилія. Внезапность эта такъ подѣйствовала на меня, что я туда же на корридоръ, откуда слышался шумъ, выбросилъ находившійся у меня карандашъ, оставшійся какъ-то у меня въ брюкахъ, при переводѣ моемъ изъ клиники подъ арестъ. Но при спросѣ, я ли это сдѣлалъ, я сначала сказалъ, что не я, хотя очевидно другой никто не могъ, и потомъ опять сейчасъ же сказалъ, что я: такъ я былъ взволнованъ. Далѣе, у меня былъ сдѣланъ обыскъ, при чемъ мнѣ казалось, что надо мною глумятся, ибо, по приказанію дежурнаго офицера, солдатъ искалъ у меня въ носу и ушахъ. Послѣ этого мнѣ сдѣлось дурно.

Старицынъ умеръ въ заключеніи. Умеръ и младшій Лихутинъ. Точно также умеръ въ крѣпости и Негрескулъ. Прикосновенности послѣдняго къ дѣлу мы не замѣтили: роль Негрескула, насколько видно изъ дѣла, ограничивалось только раскрытіемъ продѣлокъ Нечаева и Лихутиныхъ. Тѣмъ не менѣе онъ томился и умеръ, повидимому, въ заключеніи, ибо онъ не явился на судъ ни обвиняемымъ, ни свидѣтелемъ.

Вотъ какъ жалобно писалъ больной Негрескулъ изъ заключенія къ сенатору Чемадурову:

Ваше превосходительство! Я уже имѣлъ честь заявить вамъ, что если отъ разъясненія силы и значенія обвиняющихъ меня показаній зависитъ рѣшеніе возбужденнаго полмѣсяца тому назадъ (вслѣдствіе рѣшенія докторовъ и прошеній моей матери) вопроса о выпущеніи меня на свободу (для предотвращенія пагубнаго вліянія на мое здоровье тюремнаго заключенія); то я считаю необходимымъ допустить меня къ возраженію противъ *фактовъ*, указанныхъ въ этихъ показаніяхъ. Теперь имѣю честь дополнить, что мнѣ не было предложено буквально ни одного вопроса, изъ которыхъ я могъ бы составить себѣ хотя отдаленное представленіе о томъ, что еще г. Лихутинъ могъ измыслить на меня. Поэтому, не ожидая рѣшенія на мою предъидущую просьбу, я спѣшу изложить всѣ мои столкновенія съ этимъ человѣкомъ и спѣшу обезпечить себя отъ извращенія фактовъ.

Изъ дальнѣйшаго показанія, которое дышетъ правдою,

видна вся вина Негрескула: Лихутина во всю свою жизнь Негрескулъ видѣлъ не болѣе 30 минутъ; Нечаевъ занялъ у него за границею 40 франковъ и не отдалъ, да еще сверхъ того укралъ у него сюртукъ.

Такъ подсудимые говорили на судѣ, гдѣ чувство самосохраненія должно было побуждать ихъ представить дѣло въ лучшемъ для себя свѣтѣ. Послушаемъ, что говорятъ они между собою и съ своими родными. Мы имѣемъ нѣсколько ихъ писемъ, посланныхъ изъ крѣпости. Письма эти писаны съ цѣлью сговориться между собою, но вмѣсто этого они попали въ слѣдственную коммиссію и явились на судѣ уликами.

Вотъ выдержки изъ писемъ Лихутиной къ Ковалевскому, когда Лихутина содержалась уже въ крѣпости.

Помни, я подтвердила мои прежнія показанія. Изъ московскихъ никого не знаю; никто у меня никогда не былъ. На дняхъ меня призываютъ къ допросу, и прокуроръ сказалъ мнѣ, что по показаніямъ какой-то Бѣляевой, бывшей будто бы у меня съ письмомъ или письмами, не знаю, отъ Нечаева, меня обвиняютъ въ сочувствіи планамъ Нечаева и содѣйствіи ему, и т. д. въ этомъ родѣ. Я отвѣтила, что никакой Бѣляевой и не видала, никакихъ писемъ отъ Нечаева не получала. Тебя будутъ спрашивать о сходкахъ, бывшихъ у Ткачева. Имъ извѣстно, что ты бывалъ на нихъ, но извѣстно это отъ лицъ, мало знакомыхъ съ этими сходками; знаютъ, что Нечаевъ и Орловъ бывали тамъ. Отвѣть, какъ найдешь лучшимъ. Я вполнѣ полагаюсь на твой умъ, на твое хладнокровіе. Помни: я подтвердила свои прежнія показанія: изъ московскихъ я никого не знаю; никто никогда у меня не былъ. Мнѣ, вѣроятно, удастся доказать, что Бѣляева и всѣ ей подобные врутъ; я намѣрена отстаивать себя, сколько могу, и не отступлю отъ показаній, данныхъ мною прежде. Я къ нимъ прибавила слѣдующее: недѣли черезъ 2 или черезъ 3 послѣ исторіи съ векселемъ я узнала правду, и настаиваю на томъ, что Нечаевъ не замѣшанъ въ этой глупой шуткѣ. О поѣздкѣ Вани *) въ Москву я узнала тоже послѣ, какъ и вы всѣ: какъ-то разъ, сидя за чаемъ, онъ сказалъ, что слышалъ о существованіи въ Москвѣ какого-то общества, и прибавилъ: „собралось нѣсколько дураковъ, пишутъ прокламаціи и думаютъ, что дѣло дѣлаютъ“... Меня опять допрашивали. Я держусь и буду держаться прежнихъ показаній. На дняхъ меня позвали къ допросу, и прокуроръ сказалъ мнѣ, что какая-то Бѣляева показала, будто бы она была у меня съ письмомъ отъ Нечаева, изъ котораго можно заключить, что Нечаевъ высоко цѣнилъ меня, и т. д. Я отвѣтила, что никакой Бѣляевой не видала и не знаю. Еще много вздора въ этомъ родѣ мнѣ наговорили.

*) То есть, брата ея, Ивана Лихутина. *Авт.*

Особенно обширны и любопытны письма Ивана Лихутина, тоже изъ крѣпости, къ своей матери.

Воскресенье, 8 февраля.

Милая мамаша! Я васъ ждалъ въ пятницу, субботу и сегодня, но, какъ вамъ хорошо извѣстно, понапрасну. Быть можетъ, свиданія пріостановлены. Я въ безпокойствѣ, тѣмъ болѣе, что нужно было передать вамъ письмо, мною заготовленное: лежа у меня, оно, какъ говорится, жжетъ руки. Володю *) уже увезли нѣсколько дней, какъ говорятъ солдаты и старшій; при пріѣздѣ его я буду увѣдомленъ. Странно то, что теперь надолго, кажется, не возятъ. Но во всякомъ случаѣ его будутъ содержать лучше здѣшняго. Безпокоиться ему нечего: онъ устраненъ довольно. Прибавлю, что онъ самъ недѣли двѣ назадъ просился къ допросу. Ходитъ слухъ также (отъ сосѣда) **), что его просто перевели въ № 16, но служители всѣ опровергаютъ. Поняла ли тогда Катя, что нужно Ковалевскаго извѣстить объ открытіи Ткачевскаго кружка? ***) Когда мнѣ объяснили, что имъ извѣстно, то я не счелъ нужнымъ отрицать или объяснять своимъ незнаніемъ: и такъ ничего все не знаешь; это конечно подозрительно. Я нашелъ лучшимъ остаться при старомъ показаніи о Калачевскомъ, а не отвертываться „шуткой". Въ другомъ письмѣ я объясню. Вы всѣ, какъ не знающіе, останетесь при „шуткѣ".

Иванъ Лихутинъ распространяется о своихъ показаніяхъ по исторіи съ векселемъ Калачевскаго; даетъ наставленіе, какъ показывать „Катѣ", и т. д.; затѣмъ объясняетъ, какъ можно переписываться съ нимъ помощью книгъ, повидимому, доставляемыхъ арестантамъ ихъ родными:

Вотъ какъ переписываться можно: въ первой книгѣ франц. съ 20 стр. нужныя слова подчеркивайте; если же ихъ трудно найти, составляйте изъ буквъ, зачеркивая ихъ. Цифру, гдѣ начинаются и кончаются точки, обводить кругомъ; гдѣ кончается письмо, спустя 2 сторон., замарывайте карандашемъ. Помѣчая стр., подкладывайте бумагу, чтобъ не выходило на другихъ. Старайтесь меньше пестрить одну стр., а разбрасывать ****).

---

*) Володя—младшій братъ Ивана Лихутина, умершій въ тюрьмѣ. *Авт.*

**) Хожденіе слуховъ при одиночномъ заключеніи объясняется переговорами помощью *постукиваній*. *Авт.*

***) Катя—сестра Ивана Лихутина. Изъ ея письма къ Ковалевскому, только что приведеннаго, видно, что боязнь брата ея была неосновательна. *Авт.*

****) Мы слыхали о другомъ еще способѣ переписки. Корреспонденты запасаются какою-нибудь книгой одного изданія въ 2 экземплярахъ, положимъ условленнымъ изданіемъ Новаго Завѣта. Каждая буква шифра означается тремя цифрами: 1 указываетъ на страницу, 2 на строку, 3 на букву. Это можетъ быть упрощено ссылкою только на страницу и букву. Въ процессахъ мы не встрѣчали этого рода шифра. Въ дѣлѣ 193 приведено нѣсколько шифровъ, ключемъ которыхъ служитъ какая-нибудь фраза, напр. „пріятна жизнь царскихъ холоповъ", и т. д. Тамъ же встрѣчаемъ шифръ изъ неприличныхъ словъ, облюбованный женщинами, какъ напримѣръ дочерью генерала, 40-лѣтнею Софьею Лешернъ фонъ-Герцфельдъ. *Авт.*

Такая переписка идетъ конечно на глазахъ тюремнаго начальства. Но можно было даже иначе сноситься съ заключенными. Продолжаемъ выдержку изъ того же письма Ивана Лихутина:

Будете ѣздить по воскресеньямъ къ Машѣ, приказывайте ѣхать по Невѣ; дорога у самой крѣпости; увидите рѣшетку у берега, за ней садикъ, деревья маленькія; въ зданіи полукруглыя окна съ рѣшеткой,— тамъ и сидятъ. Я чуть ли не по серединѣ садика, близко, разстояніе саж. 20. Спросите технолога Котельникова, не онъ ли (или его братъ) шелъ въ середу, въ 3 часу, съ палкой, вдоль у самой рѣшетки, воротился назадъ, разсматривая. Часовой спросилъ, чего онъ смотритъ. Тотъ отвѣчалъ, что не знаетъ, какъ на Петербургскую сторону черезъ этотъ садъ попасть. — „Тутъ дороги нѣтъ: дальше идите“. По голосу я положилъ — Котельниковъ. Давши отойти обоимъ, я закричалъ, но тихо; услыхалъ одинъ только часовой, какъ разъ наоборотъ. Въ случаѣ передачи вы, Петръ Ив., совершенно спокойно можете часовъ около шести придти къ рѣшеткѣ. Мое окно отличите тѣмъ, что столъ съ лампой на немъ будетъ стоять. (Идти такъ: по мосткамъ крѣпости, потомъ налѣво вдоль рѣшетки или берега въ нѣсколькихъ саженяхъ дорога идетъ). Въ садикѣ, кажется, только одинъ часовой. Одѣньтесь въ шинель, сверху мой башлыкъ, а лучше—погоны къ пальто; шинель старайтесь распахивать, чтобъ часовой видѣлъ сюртукъ. Дежуритъ гвардія: она развратна; предложите 50 — 60 коп. за позволеніе переговорить; интересныя мѣста пофранц. (не пойму — запишу): и толковать нечего — подумавши, возьметъ. Часовыхъ не удвоиваютъ; посмотрите когда днемъ, сколько ихъ; если два, то возможно только перекликаться.

Арестантъ острится, что его допрашивалъ самъ министръ: „человѣка во мнѣ признали“. Но все-таки не сладко одиночное заключеніе въ Петропавловской крѣпости:

И какая досада: напротивъ дворецъ; порой слышится музыка по Невѣ; вечеромъ и ночью тройки, смѣхъ, пѣсни; а тутъ сиди въ компаніи съ черными тараканами, и отъ нихъ видишь одно только неуваженіе: ночью сплю и чувствую что-то на головѣ и переползаетъ на ухо; я схватилъ— объ полъ, но отъ движенія другой сваливается на шею. Тутъ я такого страха набрался—съ кровати да къ двери; но, зашибши кулакъ, очнулся. Утѣшаюсь тѣмъ, что во всѣхъ нумерахъ много, и кто не замѣчаетъ, то отъ нерадѣнья.

Отставной подпоручикъ Иванъ Лихутинъ переписывался изъ крѣпости и съ княземъ Черкезовымъ, котораго *„зналъ еще въ корпусѣ“*, и когда узналъ, что онъ былъ заключенъ въ крѣпость по дѣлу Каракозова, ему было интересно спросить его мнѣніе о Нечаевѣ“.

Лихутинъ! такъ пишетъ кн. Черкезовъ. Исполняю твое желаніе тѣмъ охотнѣе, что, быть можетъ, мнѣ приходится говорить съ тобою первый

и послѣдній разъ, какъ съ человѣкомъ, стоящимъ за народное дѣло. Нечаевъ въ моихъ глазахъ человѣкъ не съ особенно яснымъ, широкимъ развитіемъ, человѣкъ, не могущій не только дать направленіе—куда ему!—но даже быть представителемъ какой бы то ни было серіозной и послѣдовательной политической агитаціи. Но онъ имѣетъ одно качество — рѣшительность, доходящую до изувѣрства, любовь къ работѣ на народное дѣло и привязанность къ нему, равносильную фанатизму. Въ этомъ послѣднемъ качествѣ и нужно искать то вліяніе, которое онъ имѣлъ на извѣстныя группы честныхъ людей. Этимъ людямъ онъ не далъ ничего, не помогъ въ развитіи (они выше его по развитію), не выяснилъ имъ ни программу, ни состояніе народнаго дѣла: они знали все это помимо и лучше его. Не давая имъ ничего, онъ привлекъ ихъ къ дѣлу, какъ человѣкъ энергическій и дѣятельный; онъ, хотя и запачканный, явился къ нимъ, какъ стоящій за тѣмъ дѣломъ, которое они понимали и яснѣе, и шире его. Но онъ первый былъ въ томъ дѣлѣ, въ которое другіе внесли много мысли и, самое главное, много чистоты и честности, большія матеріальныя средства, обширный кругъ знакомыхъ. Что касается до его личныхъ качествъ, какъ личности, я долженъ сказать одно: личность его въ этомъ отношеніи не ахти какъ привлекательна. Я знаю Нечаева уже годъ слишкомъ. Его личность имѣла для меня одно значеніе—посредника между отдѣльными недовольными личностями; но его посредничество становится лишнимъ, какъ скоро личности сами столкнулись.

Мѣткость этой характеристики Нечаева трудно оспаривать. Участникъ въ исторіи съ векселемъ Калачевскаго, Поповъ, палатою оправданный, тоже переписывался изъ крѣпости съ Лихутиной.

Не удивляйтесь и не сердитесь, что не было писемъ. Это случилось не по моей винѣ. Я писалъ и только вчера узналъ, что вы не получали. Пишу снова. 31 января я давалъ и писалъ показанія Чемадурову и министру на три пункта: 1) О векселѣ; разсказалъ, какъ и почему мы втроемъ выдумали эту шутку, подробно; какъ привели въ исполненіе—по разсказамъ. О письмѣ сказалъ, что и Серг. Петр.; это имѣлось въ виду. Вексель сожженъ не при мнѣ только. На др. д., когда К. *) сталъ разсказывать съ фамиліями, мы готовы были признаться (я такъ думаю и увѣренъ), но Н., **) посторонній и незнакомый человѣкъ, хотѣлъ и требовалъ вести дѣло серіозно; тогда пошло иначе. Я ходилъ съ нимъ объясняться, но ничего не сказалъ. Требовали удовлетвореніе за обиду. Вамъ они дали слово не разглашать исторіи, но поздно. 2) О *Netschaew*-ѣ—видалъ на сходкѣ, слышалъ, что онъ за границей. Осенью былъ здѣсь и у насъ***)въ кв. бр. Лихутиныхъ; толковалъ по обычаю; мы не соглашались, защищали органическое развитіе народа. Мы—это братья и я. 3) О тайныхъ обществахъ и прокламаціяхъ проспрягалъ „не принадле-

*) К. очевидно Калачевскій. *Авт.*

**) Н. конечно Негрескулъ. *Авт.*

***) Поповъ жилъ у Лихутиныхъ. *Авт.*

жу"; не слыхалъ ни отъ кого, даже отъ Нечаева; кромѣ женевской прокламаціи, не видалъ (самъ не знаю, почему я соскромничалъ); слыхать слыхалъ и читалъ о томъ въ вѣдомостяхъ. Составили и прочитали постановленіе: на основаніи §§ NN уг. закона, обвиняюсь въ двухъ пунктахъ: въ содѣйствіи къ принудительной выдачѣ векселя въ 6,000 рублей и въ знаніи о тайномъ обществѣ и прокламаціяхъ. *Sic*?! Значитъ, нашей милости нужно позабыть объ академіи и отправиться въ одну изъ дальнихъ губерній „въ экспедиціи съ ученою цѣлью изслѣдовать мѣстныя болѣзни". Да это чепуха; никто и не думалъ наслаждаться миромъ. Развѣ немного рано? Только и всего.

Поповъ въ томъ же письмѣ передаетъ свой разговоръ съ жандармскимъ полковникомъ. По дѣлу о векселѣ Поповъ сослался на какого-то Жигунова. Жандармскій полковникъ повезъ Попова къ этому Жигунову.

Я дорогою благодарилъ его за доставленное мнѣ удовольствіе кататься, дышать чистымъ воздухомъ. Онъ пустился бесѣдовать. Спрашиваетъ: „Вѣдь Кал. *) пріѣхалъ въ каретѣ обратно вмѣстѣ съ Лих. **) и Мокр. ***)?" Я сказалъ, что тогда я не катался бы съ его В-бл. Онъ: „Вы всѣ трое сговорились и сочиняете, но дѣло откроется". Я: Очень буду радъ: тогда я буду на свободѣ. Спросилъ я о Нечаевѣ. Онъ: „А вамъ, должно быть, важно знать о немъ?" Я: Ни мало; просто любопытство. Онъ: „Неправда; онъ не играетъ ли тутъ, въ векселѣ, роли?" Я раскрылъ до нельзя глаза и расхохотался. Онъ: „Вы все притворяетесь". И въ этомъ родѣ.

Прокуроръ въ своей рѣчи почти не касался общаго смысла этого процесса. Онъ только указалъ, что за исключеніемъ Святскаго и Воронцовой, всѣ остальные 11 подсудимыхъ распадаются на 3 отдѣльныя группы: первая, сгруппировавшаяся вокругъ И. Лихутина, состояла изъ Ковалевскаго, Попова, Мокріевича, сестры и брата Лихутиныхъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, привлеченныхъ по настоящему дѣлу, но о которыхъ слѣдствіе было прекращено; другой кружокъ, группировавшійся около умершаго Старицына, состоялъ изъ Рослякова и Лазаревскаго и къ нему же потомъ примкнулъ и подсудимый Лунинъ; наконецъ, третья и послѣдняя группа состояла изъ Бобарыковой, Александровской и де-Тайльса. Всѣ эти три группы, а въ особенности двѣ первыя, какъ нельзя болѣе связаны были между собою понятіями,

*) Кал. Калачевскій. *Авт.*

**) Лих. Лихутинъ Владиміръ. *Авт.*

***) Мокр. Дебогорій-Мокріевичъ. *Авт.*

мыслями и общею жизнью; если же они жили не вмѣстѣ, то постоянно видѣлись, обмѣнивались мыслями, сообщали другъ другу свои планы и вообще все, что нужно было знать каждому изъ нихъ.

По мнѣнію прокурора, характеристическая черта этой группы подсудимыхъ та, что всѣ они, за исключеніемъ Бобарыковой, Александровской, де-Тайльса, Святскаго и Воронцовой, знали Нечаева съ 1868 года и начала 1869, какъ слушателя Петербургскаго университета, принимавшаго живое участіе въ студенческихъ волненіяхъ, вынужденнаго вслѣдствіе этого оставить Россію, и находились съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ.

Защита, какъ и прокуратура, стояла на строго юридической почвѣ, а потому, не касаясь ихъ, перейдемъ прямо къ приговору палаты по этому дѣлу. Вотъ этотъ приговоръ отъ 22 августа 1871 года:

1. Палата признаетъ виновными въ принятіи участія въ дѣйствіяхъ составленнаго осенью 1869 года въ Москвѣ противозаконнаго сообщества, направленнаго къ измѣненію существующаго въ Россіи порядка государственнаго устройства: И. Лихутина, де-Тайльса и Александровскую.

2. Равнымъ образомъ палата находитъ, что Е. Лихутина виновна въ недонесеніи о существованіи вышеупомянутаго сообщества, но что за это преступленіе она, за силою 128 ст. Улож. о наказ., не подлежитъ наказанію.

3. Кромѣ того, палата считаетъ виновными Лихутина и Александровскую: перваго въ томъ, что изъ личныхъ видовъ согласилъ другихъ вовлечь дворянина Калачевскаго, чрезъ умышленное сообщеніе ему ложныхъ извѣстій о предстоящемъ ему арестѣ, къ невыгодной для него, Калачевскаго, сдѣлкѣ по имуществу, а послѣднюю—въ томъ, что она помогала на злоумышленное распространеніе преступныхъ сочиненій.

4. Палата признаетъ подсудимыхъ: Воронцову, Бобарыкову, Святскаго, Рослякова, Ковалевскаго, Лазаревскаго, Лунина, Дебогорія-Мокріевича и Попова во взводимыхъ на нихъ преступленіяхъ невиновными.

На основаніи вышеизложеннаго и руководясь (слѣдуетъ исчисленіе статей Улож. о нак. и Уст. угол. судопр.), палата опредѣляетъ:

1. Александровскую, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Сибирь на поселеніе въ мѣста не столь отдаленныя;

2. Лихутина, по лишеніи нѣкоторыхъ, означенныхъ въ ст. 50 Улож., особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, заключить въ смирительный домъ на годъ и 4 мѣсяца, а по освобожденіи отдать его подъ надзоръ полиціи на 1 годъ;

3. Де-Тайльса заключить въ тюрьму на 4 мѣсяца, съ оставленіемъ, по освобожденіи изъ тюрьмы, подъ строгимъ надзоромъ полиціи въ продолженіи 5 лѣтъ;

4. Лихутину, Бобарыкову, Воронцову, Святскаго, Рослякова, Ковалевскаго, Лазаревскаго, Лунина, Дебогорія-Мокріевича и Попова признать по суду оправданными.

Прочіе пункты приговора касались разныхъ судейскихъ формальностей.

Такъ лопнулъ этотъ мыльный пузырь, громко названный третьею группою обвиняемыхъ въ „заговорѣ". Дѣйствительно, изъ слѣдствія ничего нельзя было выжать, кромѣ провоза прокламацій Александровскою, да „невыгодной" для Калачевскаго сдѣлки съ Лихутинымъ. Дѣянія прочихъ были правда крайне недоброкачественны, но формулировать ихъ, какъ политическое преступленіе, тѣмъ менѣе, какъ „заговоръ", едва ли было возможно. Духъ, направленіе не укладываются въ рамки Уложенія о наказаніяхъ и не могутъ быть уложены. Отсюда каждый политическій процессъ, туша пожаръ, не въ силахъ залить всѣ головни, и даже заливая искры, не уничтожаетъ вполнѣ угара; блескъ же пожара можетъ развивать въ зрителяхъ пироманію.

III.

Мы обозрѣли только три группы подсудимыхъ 1871 года, а ихъ, какъ можетъ быть припомнитъ читатель, было двѣнадцать. Не рѣшаемся болѣе коснѣть на этомъ моментѣ крамолы; ограничимся только 5 группою, *сибиряками*. Прочія группы почти не представляютъ интереса и видимо надоѣли даже современнымъ газетамъ. Впрочемъ для полноты очерка скажемъ два—три слова и объ этихъ группахъ.

24 августа разсматривалась въ Петербургской судебной палатѣ такъ называемая *череповская* группа; обвинялись четверо: Талицкій, Макарьевъ, Розановъ и Менделѣевъ—въ томъ, что имѣли у себя прокламаціи и не донесли о томъ правительству. Подсудимые не отвергали факта полученія прокламацій, но виновными себя не признали, такъ какъ они получили прокламаціи съ почты, не зная, отъ кого; были перепуганы и рѣшительно не знали, что имъ дѣлать: сжечь или представить полиціи. Пока они совѣтовались съ знакомыми, полиція произвела у нихъ обыскъ, нашла прокламаціи и посадила ихъ подъ арестъ, въ которомъ они содержались около двухъ мѣсяцевъ. Обвинялъ товарищъ прокурора

Александровъ *); защищалъ присяжный повѣренный Герке. Защитникъ основательно указывалъ между прочимъ на пробѣлъ въ нашихъ законахъ о недонесеніи, а именно: въ законѣ не сказано, кому въ данномъ случаѣ слѣдовало донести: губернатору, III отдѣленію, или же полиціи: исправнику, полицеймейстеру или десятскому; притомъ, какимъ порядкомъ донести: представить ли эти бумаги противозаконнаго содержанія тому или другому учрежденію или лицу при прошеніи, или же безъ прошенія; наконецъ, въ законѣ не объяснено, въ какой срокъ слѣдуетъ донести: въ ту ли же минуту, какъ прокламаціи будутъ получены, или же на второй, на третій день.

Вслѣдъ за тѣмъ палата перешла къ разсмотрѣнію двухъ обвинительныхъ актовъ по 4 группѣ, о недоносителяхъ, и 11 акта, которымъ преданы суду студентъ Биркъ и учитель Собещанскій. Собещанскій, по медицинскому освидѣтельствованію, признанъ сумасшедшимъ, и дѣло о немъ прекращено.

Изъ обвиняемыхъ по 4 группѣ трое, а именно: Гольдштейнъ, Смирновъ и Эльстницъ бѣжали за-границу **). На скамьѣ подсудимыхъ изъ этой группы осталось только 8 человѣкъ. Защитниками явились присяжные повѣренные: Поццо (защитникъ Успенской ***) и Попкова), Пржевальскій (Петровскаго и Прокофьева), Герардъ (Померанцева), Танѣевъ (Ламанскаго), Войцеховскій (Бирка), Матвѣевъ (Маслова) и Потѣхинъ (Моравскаго). Подсудимые обвинялись въ недонесеніи, а двое изъ нихъ—и въ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія. Никто изъ нихъ виновнымъ себя не призналъ.

25 августа палата приступила къ разсмотрѣнію другихъ обвинительныхъ актовъ: о подсудимыхъ Алексѣевѣ, двухъ братьяхъ Болотовыхъ и Калачевскомъ ****), обвиняемыхъ въ знаніи и недонесеніи о существованіи тайной организаціи. Подсудимые виновными себя не признали. Но довольно.

Теперь мы можемъ перейти къ разсказу о *сибирякахъ*.

---

*) Рѣчи прокуратуры не касаемся: ищемъ искренности и убѣжденія, а не описанія прокурорскихъ и адвокатскихъ единоборствъ. Г. Александровъ не тотъ ли самый, который потомъ такъ блистательно защитилъ г-жу Засуличъ? *Авт.*

**) Гдѣ остаются, кажется, и сейчасъ. *Авт.*

***) Очевидно, сестры Успенскаго, который убилъ Иванова. *Авт.*

****) Калачевскій—обманутый Лихутинымъ въ дѣлѣ о векселѣ. *Авт.*

Засѣданіе по этой *5 группѣ* подсудимыхъ происходило 27 августа въ Петербургской судебной палатѣ. Въ засѣданіи было прочтено два обвинительныхъ акта.

По *первому* обвинительному акту предавались суду палаты слѣдующія лица:

1. студентъ Петербургскаго земледѣльческаго института Петръ Александровъ Топорковъ, 20 лѣтъ;
2. студентъ медико-хирургической академіи Петръ Михайловъ Кошкинъ, 21 года;
3. бывшій студентъ Петербургскаго технологическаго института Александръ Васильевъ Долгушинъ, 22 лѣтъ;
4. студентъ медико-хирургической академіи Александръ Ефимовъ Дудоладовъ, 22 лѣтъ;
5. поручикъ 3-го туркестанскаго линейнаго баталіона Левъ Александровъ Топорковъ, 23 лѣтъ.

Всѣ они содержались въ Петербургской крѣпости, кромѣ Дудоладова, который былъ арестованъ въ срочной тюрьмѣ.

Дѣло это началось вслѣдствіе показаній Кузнецова, убійцы Иванова. Кузнецовъ, по порученію Нечаева, имѣлъ свиданіе съ Петромъ Топорковымъ, завербованнымъ въ члены организаціи, при чемъ получилъ адресъ Топоркова отъ Нечаева. Бумажка съ адресомъ, которая находилась у Топоркова, имѣла вырѣзку и должна была быть имъ представлена Кузнецову для сличенія. При свиданіи Кузнецовъ далъ Топоркову списать стихотвореніе *Студентъ*, прочиталъ *Правила организаціи*, передалъ три экземпляра прокламаціи *Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ* и продиктовалъ азбуку. Этимъ шифромъ Топорковъ долженъ былъ написать отчетъ о своей дѣятельности. Но отчетъ этотъ представленъ не былъ, такъ какъ ранѣе срока его представленія Кузнецовъ былъ арестованъ.

Показанія Петра Топоркова свидѣтельствуютъ, какъ просто и легко молодые люди улавливались въ крамолу.

Въ квартирѣ студентовъ Баснина, Ковалевскаго и Святскаго Топорковъ встрѣчаетъ однажды молодаго человѣка въ формѣ министерства путей сообщенія, какого-то Нанина. Это былъ Нечаевъ. Панинъ (Нечаевъ), оставшись наединѣ съ Топорковымъ, сталъ спрашивать его, не видалъ ли онъ прокламацій, пущенныхъ Нечаевымъ, и сообщилъ, что въ Мо-

сквѣ существуетъ тайное общество, цѣль котораго—распространять въ народѣ слухи, что всѣ настоящія народныя бѣдствія происходятъ отъ существующаго образа правленія, и что поэтому для народнаго благосостоянія надо уничтожать высокопоставленныхъ лицъ, чтобы они не помѣшали народному возстанію. Лица, не принадлежащія къ обществу, должны быть, по словамъ Панина, истреблены. Панинъ объяснилъ при этомъ, что общество образовывается такъ, что трое знаютъ только одного члена *). Затѣмъ агитаторъ предложилъ Топоркову вступить въ общество и получилъ его согласіе. Посвященный уже Кузнецовымъ въ общество, Топорковъ рѣшается завербовать туда же и Кошкина и, найдя случай остаться съ нимъ наединѣ, употребляетъ всѣ усилія, чтобы склонить его къ поступленію въ это общество.

Чѣмъ объяснить такую легкость обращенія Топоркова и большинства ему подобныхъ, сказать затрудняемся. Но ясно, что тутъ дѣйствуетъ не убѣжденіе, а какая-то слѣпая *вѣра*.

То же повторилось и съ Кошкинымъ, ученикомъ Топоркова. Когда Топорковъ прочиталъ Кошкину прокламацію *Отъ сплотившихся*,

> Горячая натура Кошкина перестала сдерживаться, и онъ увлекся; начались споры и предположенія, которыя состояли въ томъ, чтобы идти въ народъ и пояснить ему, откуда произошли всѣ бѣдствія **). Кошкинъ даже говорилъ объ истребленіи Императорской фамиліи ***) и о томъ, чтобы составить шайки и напасть на дворецъ.

Согласно данному обѣщанію, Топорковъ приготовилъ отчетъ о своей дѣятельности, въ которомъ указывалъ на Кошкина, Долгушина и Дудоладова, какъ на завербованныхъ имъ членовъ тайнаго общества, „хотя, по словамъ Топоркова, послѣдніе двое ничего объ этомъ не знали“. Но вскорѣ Топорковъ былъ арестованъ.

Самъ Кошкинъ о своемъ участіи въ дѣлѣ разсказалъ такъ:

— При починѣ моемъ и Долгушина, образовался кружекъ изъ сибирскихъ уроженцевъ, бывшихъ въ Петербургѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Цѣлью этого кружка было

*) Подобная организація, кажется, и въ наше время; а то иначе какъ объяснить, что при всѣхъ новыхъ процессахъ, нить розысковъ каждый разъ обрывается, встрѣчаясь какъ бы съ узломъ какой-то сѣтки? *Авт.*

**) Эту задачу приняли потомъ на себя главнымъ образомъ 193. *Авт.*

***) Задача возпреобладавшей потомъ фракціи террористовъ. *Авт.*

взаимное вспомоществованіе и сближеніе въ настоящемъ и дѣятельность въ Сибири на пользу ея населенія въ будущемъ. Кружекъ этотъ имѣлъ нѣсколько собраній, на которыхъ было положено учредить кассу и библіотеку изъ книгъ о Сибири, „такъ какъ прежде начала своей дѣятельности члены кружка должны были изучить Сибирь и потребности ея населенія". Вмѣстѣ съ тѣмъ положено было устроивать „общежитія", чтобы удешевить средства къ существованію. Такое общежитіе устроилось на Итальянской улицѣ, въ домѣ Алонкина. Въ „коммунѣ" этой поселились я, Долгушинъ, Дудоладовъ и Левъ Топорковъ. Какъ-то разъ въ эту квартиру является Петръ Топорковъ съ прокламаціей *Отъ сплотившихся*, „и съ этого вечера началась пропаганда о необходимости насильственнаго переворота въ Россіи". Петръ Топорковъ приносилъ еще и *Народную расправу*, которую я читалъ, а Долгушинъ „почти выучилъ наизусть".

Агитація Петра Топоркова, въ связи съ слухами и разсказами, имъ же распространяемыми, о революціонномъ настроеніи общества, о насильственныхъ мѣрахъ правительства и пр. повела, по словамъ Кошкина, къ тому, что онъ, Кошкинъ, и Долгушинъ рѣшились пристать къ ожидаемой ими революціи и составить тайное общество съ цѣлью истребленія императорской партіи, чтобы она не помѣшала народному возстанію. Подъ именемъ императорской партіи они разумѣли лицъ высокопоставленныхъ и особенно Императорскую фамилію.

Программа этого общества видна изъ устава его, написаннаго Долгушинымъ, гдѣ, по словамъ Кошкина, „Долгушинъ срезюмировалъ все, что говорилось о революціи, и прибавилъ еще нѣсколько своихъ мыслей".

Это резюме мыслей юныхъ сибиряковъ, съ „прибавкою еще нѣсколькихъ мыслей Долгушина", заключалось, на сколько могъ припомнить Кошкинъ, въ слѣдующемъ:

Организуется общество тайное изъ людей, желающихъ перемѣны настоящаго порядка, который поддерживается административно устарѣлымъ механизмомъ. Слѣдовательно, если этотъ механизмъ не уничтожить, то настоящее, имѣющее быть, народное возстаніе *) будетъ имъ подавлено. Для этого и организуется общество, чтобы помѣшать администраціи подавить возстаніе; а такъ какъ администрацію представляютъ лица, держащія *de facto* все въ своихъ рукахъ, то этихъ лицъ и уничтожить.

*) Нечаевцы чаяли въ 1870 году всеобщаго народнаго возстанія, подобно сектантамъ, назначающимъ день и часъ кончины міра. Не имѣлся ли при этомъ въ виду срокъ выкупа усадебной осѣдлости? *Авт.*

Императорская же фамилія управляетъ только *de jure,* но затѣмъ она даетъ всегда возможность существовать лицамъ, которыя держатъ все въ своихъ рукахъ; поэтому если будетъ возможно, то уничтожить Императорскую фамилію, но только въ этомъ случаѣ непремѣнное условіе, если будетъ возможнымъ уничтожить всѣхъ членовъ династіи; если же хотя одинъ останется, то нечего и приниматься, потому что тогда старый порядокъ будетъ возстановленъ во всей силѣ. Общество начинаетъ дѣйствовать и изыскивать средства для выполненія своей цѣли тогда, когда достигнетъ 200 человѣкъ; дѣйствовать же начнетъ только во время возстанія народа. Общество организуется посредствомъ десятковъ, изъ которыхъ первый составитъ центръ, при чемъ низшіе центры не знаютъ высшихъ. Обязанности членовъ десятковъ — самый осторожный наборъ новыхъ членовъ до тѣхъ поръ, когда начнется повсемѣстное возстаніе.

Такъ бѣденъ былъ мыслительный продуктъ сибирской коммуны, хотя и „съ прибавкою нѣсколькихъ мыслей Долгушина“! Тогда это могло казаться только мальчишествомъ. Но послѣ 1-го марта 1881 г. уже очевидно, что за все время рядомъ съ народническою вѣтвью крамолы росла и крѣпла террористическая вѣтвь.

Александръ Долгушинъ отрицалъ этотъ оговоръ. Но разсказъ Кошкина былъ подтвержденъ и другимъ обвиняемымъ, Александромъ Дудоладовымъ.

Петръ Топорковъ, по увѣренію Дудоладова, принесъ въ ихъ квартиру прокламацію *Отъ сплотившихся* и говорилъ о существованіи тайнаго общества въ Москвѣ, учрежденнаго Нечаевымъ. На этотъ разъ всѣ спорили съ Топорковымъ, не одобряя намѣреній его и Нечаева. Вскорѣ послѣ этого Кошкинъ и Долгушинъ, дотолѣ умѣренные, стали, по словамъ Дудоладова, высказывать крайнія мнѣнія. Такъ, напримѣръ, они предлагали тайное общество съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка управленія и истребленія всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ. Дудоладовъ тоже подтвердилъ планъ устройства Долгушинымъ тайнаго общества посредствомъ десятковъ. Во время подобныхъ разговоровъ Дудоладовъ и Петръ Топорковъ постоянно де возражали Кошкину и Долгушину, но каждый разъ безуспѣшно.

Но, при всѣхъ злодѣйскихъ замыслахъ, любопытна эта наклонность крамольниковъ 70-хъ годовъ выдавать другъ друга. Выгораживаніе себя и предательство соумышленниковъ одна изъ отличительныхъ чертъ Нечаевщины. Позднѣе

увидимъ какую-то окаменѣлость предъ судомъ, сплошные отказы отъ участія въ судѣ и если какія-либо показанія, то съ цѣлію только принять лишнюю вину на себя, чтобы выгородить другаго. Послѣднею чертою особенно отличаются и женщины, какъ Армфельдъ (Кіевское дѣло 1879 года) и другія.

Левъ Топорковъ показалъ, что никакихъ разговоровъ политическаго характера онъ не слыхалъ.

Преступленіе сибиряковъ *первымъ* обвинительнымъ актомъ было формулировано такъ:

Обвиняются:

1. Студентъ земледѣльческаго института Петръ Александровъ Топорковъ, 20 лѣтъ, въ томъ, что, согласившись принять участіе въ заговорѣ, образованномъ съ цѣлью ниспроверженія правительства во всемъ государствѣ и измѣненія образа правленія, соглашалъ другихъ лицъ принять участіе въ означенномъ заговорѣ, который открытъ правительствомъ заблаговременно, при самомъ онаго началѣ, т.-е., въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 249 и 250 Улож. о наказ.;

2. Студентъ Императорской медико-хирургической академіи Петръ Михайловъ Кошкинъ, 21 года;

3. Бывшій студентъ технологическаго института Александръ Васильевъ Долгушинъ, 22 лѣтъ, въ томъ, что согласились принять участіе въ означенномъ заговорѣ, т.-е., въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 249 и 250 Улож. о нак.;

4. Студентъ Императорской медико-хирургической академіи Александръ Евимовъ Дудоладовъ, 22 лѣтъ, и

5. Поручикъ 3-го туркестанскаго линейнаго баталіона Левъ Александровъ Топорковъ, 23 лѣтъ, въ томъ, что, зная о существованіи вышеозначеннаго заговора, не довели о немъ до свѣдѣнія правительства, т.-е., въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 15, 128, 249 и 250 Улож. о наказ.

По *второму* обвинительному акту, Кошкинъ и Долгушинъ обвинялись „въ образованіи кружка сибиряковъ, съ цѣлью ниспровергнуть правительство въ нѣкоторой части государства (отдѣлить Сибирь), каковой умыселъ открытъ правительствомъ заблаговременно, при самомъ онаго началѣ, т.-е., въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 249 и 250 Улож. о нак.“

Не удивительно, что эта топорная работа обвинительнаго акта, какъ и предъидущихъ, должна была развалиться на судѣ. Опредѣленіе всѣхъ мальчишескихъ выходокъ, пусть и крайне вреднаго направленія, ужаснымъ понятіемъ „заговора“ (т.-е. тайнаго общества, располагающаго вооруженною силою, подобно декабристамъ), постоянное подведеніе всего подъ

страшныя статьи 249 и 250, это суетное расходованіе словъ: „низверженіе правительства во всемъ государствѣ“, „ниспроверженіе существующаго порядка“ (какъ будто государственное зданіе, слагавшееся въ теченіе 1,000 лѣтъ, подобно карточному домику), да позволительно будетъ откровенно замѣтить, едва ли могло особенно способствовать столь необходимому различенію закоренѣлыхъ злодѣевъ отъ распущенныхъ балбесовъ, а главное, все это популяризовало, даже какъ бы утверждало вѣроятность совсѣмъ ужъ невозможнаго дѣла, какъ „ниспроверженіе существующаго порядка во всемъ государствѣ“. Неужели обвиненіе могло, напримѣръ, хотя минуту серіозно вѣрить въ возможность отдѣленія Сибири мальчиками Кошкинымъ, Долгушинымъ, Дудоладовымъ и Топорковымъ? и удовлетворяетъ ли логикѣ понятіе о „кружкѣ“, состоящемъ только изъ *двухъ* лицъ? Очевидно, обвинительный актъ сталъ на точку зрѣнія Долгушина, который, по показанію свидѣтеля Крохалева, утверждалъ, будто „основаніе коммуны могутъ положить два человѣка, но это minimum“.

На судебномъ слѣдствіи выяснилось, что сибирскій кружекъ носилъ характеръ взаимнаго вспомоществованія. Долгушинъ объяснилъ, что „цѣль кружка состояла въ пособіи бѣднымъ товарищамъ и въ изученіи Сибири, съ тѣмъ чтобы потомъ, по возвращеніи на родину, стараться возвысить образованіе населенія“.

Здѣсь наиболѣе любопытны показанія Крохалева; они же были и главною уликою противъ подсудимыхъ.

Пріѣхавъ изъ Тобольска въ Петербургъ, Крохалевъ, по его словамъ, постарался отыскать своихъ сибиряковъ, чтобы посовѣтоваться съ ними, въ какое высшее учебное заведеніе поступить. Скоро онъ нашелъ знакомаго ему еще по Тобольску Кошкина, жившаго тогда въ квартирѣ какого-то портнаго. Когда Кошкинъ переѣхалъ въ Итальянскую, Крохалевъ, по его приглашенію заходилъ къ нему раза два. „Въ это время составлялся сибирскій кружекъ, съ цѣлью сдѣлать студенческую кассу и библіотеку, книги которой относились бы до спеціальности каждаго члена“. Сверхъ того, „кружекъ долженъ былъ помогать каждому бѣдному человѣку, пріѣхавшему изъ Сибири и имѣющему цѣль поступить въ какое-нибудь

высшее учебное заведеніе". Кружекъ въ началѣ состоялъ изъ Кошкина, Долгушина, Дудоладова, двухъ Топорковыхъ, Акулова, Пономарева и Скорняковой. На первой сходкѣ говорено было о библіотекѣ. „Тутъ же Кошкинъ и Долгушинъ предложили попавшіяся по дешевой цѣнѣ книги о Сибири тоже покупать, въ виду того, что не худо бы было между прочимъ и съ Сибирью знакомиться". Тогда же присутствовавшіе внесли и деньги. Крохалевъ далъ 4 рубля. На этой же сходкѣ была рѣчь и о томъ, чтобы вмѣстѣ жить, „ибо это удешевило бы жизнь въ Петербургѣ". Долгушинъ обѣщалъ къ слѣдующему разу написать уставъ. Собесѣдники съ тѣмъ и разошлись. Недѣли черезъ двѣ они собрались снова. Долгушинъ сказалъ небольшую рѣчь, а потомъ прочелъ уставъ. Крохалевъ помнилъ слѣдующіе §§ устава: „1) основаніе коммуны могутъ положить два человѣка, но это *minimum;* поэтому каждый изъ членовъ долженъ „вербовать" новыхъ; 2) кто что̀ получаетъ, тотъ то и долженъ вносить въ общую кассу".

— Дальше мы узнаемъ, продолжаетъ Крохалевъ, что цѣль коммуны не сближеніе, не помощь бѣднымъ студентамъ-сибирякамъ, не касса и не библіотека, а одна цѣль—предполагаемое отдѣленіе Сибири отъ Россіи. Для достиженія этого, въ томъ же уставѣ говорится, кажется, что Сибирь нужно изучить напередъ теоретически, съ торговлей, производствами, изучить отдѣльно каждую изъ губерній, чтобы все это послѣ примѣнить на дѣлѣ. Срокъ сперва былъ, должно быть, десять лѣтъ, а потомъ Кошкинъ уменьшилъ до трехъ. По истеченіи этого срока, одинъ или два человѣка для пропаганды должны были ѣхать въ Сибирь. Потомъ же, если будетъ нужно, то и остальные должны будутъ ѣхать туда для той же цѣли. Притомъ, если общество найдетъ нужнымъ, всякій членъ обязанъ оставить учебное заведеніе, если онъ студентъ, и идти
1 въ народъ. Также нужно имѣть переписку съ какими-то кружками въ Сибири, преимущественно въ Томскѣ.

Но даже самъ Крохалевъ не могъ объяснить, какіе это такіе сибирскіе кружки.

Крохалевъ возражалъ противъ многихъ статей этого устава, но ему предложили „убираться", если онъ не хочетъ слѣдовать имъ. Дудоладовъ колебался вступить въ коммуну, „и только, должно быть, крайнее безденежье заставило его вступить". Крохалевъ слышалъ отъ Дудоладова, что сибиряки, узнавъ объ арестахъ, произведенныхъ между студентами, „все упрятали, даже портретъ Чернышевскаго, который, я помню, всегда висѣлъ на стѣнѣ".

— Я, говорилъ Крохалевъ, еще раньше отказался формально отъ дѣла, предпринятаго сибиряками; но, „все еще не признавая себя правымъ предъ правительствомъ и предъ той средой, которая меня воспитала и воспитываетъ, я хотѣлъ открыть это дѣло“.

— Слышалъ я, что можно это сдѣлать чрезъ посредство господина Филиппеуса, для чего и пошелъ въ III экспедицію. Это было около Рождества. Я объяснилъ господину Филиппеусу суть дѣла, и онъ, спросивъ адресъ, вмѣсто котораго я оставилъ свой видъ на жительство, велѣлъ уйти и придти черезъ день. Я былъ, но, не заставъ г. Филиппеуса тамъ, ушелъ домой и по болѣзни ноги не приходилъ до 13 марта. Этого числа я, взявъ обратно паспортъ и не упомянувъ о дѣлѣ, предполагая, что онъ, г. Филиппеусъ, помнитъ самъ, ушелъ.

На судебномъ слѣдствіи Крохалевъ отказался отъ этихъ своихъ показаній, утверждая, что онъ „видѣлъ что-то, но былъ ли это уставъ или нѣтъ, онъ не знаетъ“. Кружекъ же собирался „только для взаимной помощи“.

Тѣмъ не менѣе товарищъ прокурора г. Александровъ, повидимому, тотъ самый, который потомъ такъ отличился защитою г-жи Вѣры Засуличъ, считалъ нужнымъ поддерживать обвиненіе во всей силѣ обвинительнаго акта, основываясь только на молчаніи подсудимыхъ да на противорѣчащемъ показаніи Крохалева!

Гораздо тоньше былъ анализъ защиты, преимущественно г. Спасовича. Воспользуемся общею частью его рѣчи. Защитникъ началъ свою рѣчь съ того, что лицамъ, участвующимъ въ настоящей группѣ, приписываются дѣйствія, тенденціи и намѣренія, прямо противоположныя другъ другу: ихъ обвиняютъ въ устройствѣ коммуны, т.-е. общежитія на началахъ уничтоженія частной собственности, и въ то же время въ сепаратизмѣ, въ желаніи отдѣленія Сибири; тогда какъ извѣстно, что всѣ коммунисты и соціалисты прежде всего космополиты, люди, стремящіеся все сгладить и вовсе не сочувствующіе сепаратизму. Самое отдѣленіе Сибири, не основанное ни на историческихъ, ни на этнографическихъ данныхъ, могло бы осуществиться *) только черезъ десятки лѣтъ, между тѣмъ какъ подсудимые обвиняются во вступле-

*) Защитникъ не поясняетъ, какъ могло бы „черезъ десятки лѣтъ“ осуществиться отдѣленіе Сибири, „не основанное ни на историческихъ, ни на этнографическихъ данныхъ“. *Авт.*

нiи въ общество, съ цѣлью произвести внезапный переворотъ. Эти три понятія—коммунизмъ, сибирскій сепаратизмъ и революціонныя стремленія, положительно, по мнѣнію защиты, не совмѣстны одновременно въ одномъ и томъ же лицѣ *). А отсюда, по мнѣнію защиты, одно заключеніе, что это не болѣе, какъ ребячество. Положимъ, продолжалъ г. Спасовичъ, мы видимъ человѣка взрослаго, который бьетъ отца или мать; такой поступокъ возбуждаетъ негодованіе. Но невозможно относиться съ тѣмъ же негодованіемъ къ ребенку, который, лежа у груди матери, царапаетъ ее по лицу. Этотъ примѣръ представляетъ, по словамъ защитника, разумѣется, двѣ крайности, но средина между такими крайностями болѣе всего подходитъ къ настоящимъ подсудимымъ: они, конечно, не могутъ быть сравнены съ грудными ребятами, но нельзя назвать ихъ и взрослыми людьми.

Изъ всѣхъ подсудимыхъ для насъ здѣсь важнѣе всего Долгушинъ. Его защитникъ, присяжный повѣренный Ольхинъ **) между прочимъ замѣтилъ:

> Обвинительный актъ полагаетъ, что цѣль этого общества (сибиряковъ) изложена въ уставѣ, написанномъ Долгушинымъ, и формулирована такимъ образомъ: „Цѣли нашей будущей дѣятельности мы не можемъ опредѣлить, потому что неизвѣстно, каково будетъ положеніе Сибири по мѣрѣ улучшенія матеріальнаго ея благосостоянія; нужно ли тогда будетъ отдѣлить Сибирь или нѣтъ“. Одной этой ссылки, сдѣланной не защитою, а обвиненіемъ, уже достаточно для признанія подсудимыхъ невиновными. Если цѣль была неизвѣстна самимъ подсудимымъ, въ нихъ не могло быть и преступнаго намѣренія стремиться къ этой еще неизвѣстной имъ цѣли. Къ тому же, говоря, что они не знаютъ, нужно ли будетъ отдѣлить Сибирь впослѣдствіи, они тѣмъ самымъ для настоящаго времени рѣшили этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ. Изъ всего судебнаго слѣдствія видно только одно, что лица эти, связанныя союзомъ общаго происхожденія, сходились между собою также и въ томъ, что они всѣ имѣли намѣреніе со временемъ возвратиться въ Сибирь, съ тѣмъ чтобы служить ей; для того же, чтобы явиться не простыми диллетантами, они должны были изучить страну, въ которую намѣревались ѣхать; при изученіи же страны, они естественно (?) должны были встрѣтиться съ во-

*) Обвинительный актъ пошелъ, стало быть, дальше даже того древне-русскаго книжника, который, желая особенно посрамить татарскаго хана Мамая, замѣтилъ, что тотъ былъ „идоложрецъ и иконоборецъ“. *Авт.*

**) Позднѣе, черезъ 8 лѣтъ, въ 1879 г., обвинялся по дѣлу Мирскаго, покусившагося на жизнь шефа жандармовъ, какой-то 40-лѣтній присяжный повѣренный А. А. Ольхинъ, но былъ оправданъ. *Авт.*

просомъ о томъ, какъ должна существовать Сибирь, соединенно ли съ Россіею или отдѣльно отъ нея. Они разрѣшили вопросъ въ томъ смыслѣ, что признали невозможнымъ отдѣлять Сибирь отъ Россіи въ настоящее время.

Что до обвиненія Долгушина въ согласіи принять участіе въ Нечаевскомъ обществѣ, защита полагала, что прокуратура откажется отъ этого обвиненія, какъ ни на чемъ не основаннаго.

Но такъ какъ обвинитель продолжаетъ поддерживать его, то защитѣ остается только указать на то, что ни одинъ свидѣтель, ни Кузнецовъ, ни Топорковъ, не упоминали о Долгушинѣ. Единственная связь между Кузнецовымъ и Долгушинымъ состояла въ томъ, что Кузнецовъ былъ знакомъ съ Топорковымъ, а Топорковъ былъ знакомъ съ Долгушинымъ; но ни Долгушинъ не зналъ Кузнецова, ни Кузнецовъ не зналъ Долгушина.

Насколько правъ былъ защитникъ, такъ ужъ вполнѣ обѣляя Долгушина, увидимъ, когда дойдемъ до 1874 года, до дѣла Долгушина съ товарищами, обвиняемаго „въ составленіи, напечатаніи и распространеніи прокламацій преступнаго содержанія“; настоящій же очеркъ закончимъ приговоромъ судебной палаты.

Вотъ эта резолюція:

Судебная палата, разсмотрѣвъ дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи, по отношенію къ пятой категоріи подсудимыхъ, состоящей изъ П. Топоркова, Кошкина, Долгушина, Дудоладова и А. Топоркова, и признавая изъ нихъ Кошкина виновнымъ въ произнесеніи заочно дерзкихъ и оскорбительныхъ словъ противъ Государя Императора, безъ преднамѣреннаго на то умысла, а остальныхъ во взведенныхъ на нихъ преступленіяхъ не виновными, на основаніи *имярекъ* стт. Ул. о нак. и Уст. угол. судопр. опредѣляетъ: Кошкина подвергнуть заключенію въ смирительномъ домѣ на два мѣсяца; но, принимая во вниманіе долговременное содержаніе его подъ стражей и его молодость, ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о совершенномъ его помилованіи; Топорковыхъ, Долгушина и Дудоладова признать по суду оправданными.

Такова была Нечаевщина, надѣлавшая столько шума, вспѣненная излишнимъ рвеніемъ дознанія и предварительнаго слѣдствія. „Правда и милость“ суда не усмотрѣли тутъ „заговора“. Судъ нашелъ здѣсь чистую уголовщину: убійство Иванова и невыгодную сдѣлку для Калачевскаго, да соціалистическій элементъ, выразившійся въ составленіи тайнаго общества и распространеніи прокламацій преступнаго содержанія. Но историкъ увидитъ здѣсь среду, расположенную къ

зараженію, почву, такъ легко доступную тлѣнію. Каракозовецъ кн. Черкезовъ съ товарищами передалъ 1869 году преданія 1866 года. Искра Каракозовщины раздута была Нечаевымъ, и отъ движенія 1869—1871 года пошли сильные побѣги, въ лицѣ Вѣры Засуличъ, Халтурина, Чубарова, Долгушина, Ткачева, Волховскаго и другихъ. Достаточно обстрѣленные въ первомъ дѣлѣ, они стали опытными кадрами будущихъ крамольныхъ колоннъ новобранцевъ.

Слѣдя за этимъ обзоромъ добросовѣстнѣйшаго стенографическаго отчета, помѣщеннаго въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, читатели, позабывшіе 1869 годъ, вѣроятно, недоумѣваютъ, какая же тайная рука двигала всѣми этими безсмысленными маріонетками, не исключая и самого Нечаева, ближайшаго руководителя и своихъ сообщниковъ, и обманутыхъ имъ студентовъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Руководящую въ этомъ дѣлѣ роль Бакунина мы уже указывали. Но кто же стоялъ за Бакунинымъ?

Здѣсь прежде всего бросается въ глаза отсутствіе польскаго элемента между 87 подсудимыми; не замѣчается также никакихъ и явно-польскихъ стремленій. Это тѣмъ страннѣе, что прикосновенность, чтобы не сказать больше, вожаковъ польской крамолы къ 4 апрѣлю 1866 г. очевидна. Между тѣмъ и связь Каракозовщины съ Нечаевщиною, ближайшая, личная, тоже несомнѣнна: трое каракозовцевъ: кн. Черкезовъ, Воскресенскій и Сергіевскій, перешли и въ Нечаевщину. Почему же въ Нечаевщинѣ совсѣмъ не замѣтно поляковъ агитаторовъ? Совершенное отсутствіе поляковъ въ числѣ стольких подсудимыхъ подозрительно: это указываетъ какъ бы на систему. Но все таки основываться на этомъ слишкомъ недостаточно.

Ключъ къ разгадкѣ находимъ, просматривая современныя газеты, откуда возьмемъ только немногіе факты. Въ 1869 году, какъ разъ во время школьныхъ исторій въ Петербургѣ, предшествовавшихъ Нечаевщинѣ и произведенныхъ юными Нечаевымъ и Ткачевымъ, да старымъ лиходѣемъ земли русской Бакунинымъ, газеты, особенно *Виленскій Вѣстникъ*, жаловались на обливаніе сѣрною кислотою женскихъ платьевъ въ Вильнѣ и другихъ мѣстахъ Литвы и Польши. Пріемъ не новый, ходячій. Когда патріотками въ Польшѣ надѣвается

тенденціозный трауръ, русскія дамы обыкновенно тамъ побуждаются сѣрною кислотою къ подражанію имъ. Сѣрная кислота, пускаемая въ оборотъ мальчишками на улицахъ, это вѣрная примѣта особеннаго напряженія мечтаній на западной окраинѣ и предвѣстница грядущихъ безпорядковъ внутри. И такъ, сѣрная кислота въ Вильнѣ и другихъ мѣстахъ, рядомъ съ безобразною исторіею дома въ 1869 г., придаютъ нѣсколько иное освѣщеніе Нечаевщинѣ.

Но еще ранѣе этого, въ 1868 году, свирѣпствуютъ у насъ пожары. Найдены и поджигатели, мальчишки конечно уличные. А между тѣмъ разсылались угрозы со стороны поджигателей, отъ какого-то „общества ожесточенія". Это дѣло осталось не разслѣдованнымъ, какъ и поджоги ранѣе 1868 г. и поджоги 1879 года. Замѣчательно при этомъ, что пожары свирѣпствовали особенно въ мѣстахъ, населенныхъ ссыльными поляками.

Рядомъ съ этимъ обращаетъ на себя вниманіе и тогдашнее поведеніе покойной газеты *Вѣсть*, представительницы крупнаго землевладѣнія, или, что то же, польской партіи. Въ 1869 году является въ Петербургѣ воровская прокламація, облыжно пущенная отъ имени студентовъ. О существованіи этого поддѣльнаго воззванія публика узнаетъ одновременно изъ двухъ источниковъ: изъ объявленія петербургскаго оберъ-полицеймейстера отъ 22 марта и изъ нумера *Вѣсти* отъ того же 22 марта. Мало этого: объявленіе сочло нужнымъ только упомянуть о появленіи подпольнаго листка и лишь въ общихъ чертахъ намѣтить его содержаніе, а *Вѣсть* поспѣшила воспроизвести воровской документъ съ дипломатическою точностью, во главѣ нумера. Добавимъ еще, что кромѣ *Вѣсти*, ни одна тогда петербургская газета не сочла нужнымъ обнародовать этотъ листокъ.

Еще тогда, въ 1869 г., съ самаго начала школьныхъ исторій того времени, *Современныя Извѣстія* въ подстрекательствѣ студентовъ заподозрѣли сферы, органомъ которыхъ была покойная *Вѣсть*.

Вѣсть получила листокъ очень скоро, такъ же скоро напечатала. Получила она, очевидно, отъ своихъ единомышленниковъ по крестьянскому ли, по польскому ли вопросу, все равно. Здѣсь оба эти оттѣнка сходятся. Одному противно *русское* просвѣщеніе, другому вообще *просвѣщеніе*. И такъ, несомнѣнно, либо польская рука, либо рука тѣхъ, кто желаетъ

на-вѣки оставить русскій народъ подъ унизительною опекою, вотъ кто водилъ перомъ, сочинившимъ подметный листокъ, – нужды нѣтъ, можетъ быть, незавѣдомо даже писавшему. Цѣль также не двусмысленна: заподозрить молодыхъ людей предъ правительствомъ, обвинить русское просвѣщеніе въ хроническомъ безпокойствѣ, предъявить неспособность университетовъ оцѣнить вспомоществованіе, дарованное одному изъ нихъ недавно, въ день юбилея. Все это такъ выгодно для того и другаго оттѣнка, величающаго себя консервативнымъ.

Каракозовщина выросла на почвѣ мятежа 1863 года; Нечаевщина была прямою ея наслѣдницею, призвана была къ жизни и одушевлена польскимъ дыханіемъ. Этого не замѣтило ни предварительное, ни судебное слѣдствіе, ни прокуратура; или, скорѣе, это не было ихъ задачами. Но мы знаемъ, что между 1866 и 1869 годомъ раздался въ 1867 году преступный выстрѣлъ поляка Березовскаго, съ достаточнымъ числомъ его сообщниковъ, отпущенныхъ французскими властями на волю; что, помимо всего, поляки же явились, съ револьверами въ рукахъ, и защитниками Нечаева, и мстителями за него.

Мы начали съ 1866 и даже съ 1862 г. Что было раньше, изъ какого озера или болота взялъ начало узкій революціонный ручеекъ, не касаемся. Здѣсь оставляютъ насъ документы, да раньше, повидимому, еще и не было *одного* тайнаго общества съ опредѣленною программою. Во всякомъ случаѣ это другой вопросъ—о корнѣ, на которомъ выросло дерево, насъ же занимаетъ теперь самое дерево.

Въ революціонномъ обществѣ 1862—1863 г. „Земля и Воля“ принимали участіе между прочимъ Ишутинъ и Худяковъ. Оба они потомъ, именно въ 1866 году, осуждены были по дѣлу Каракозова; Худяковъ же во время слѣдствія признанъ былъ главнѣйшимъ послѣ Каракозова виновникомъ, что впрочемъ по суду не подтвердилось. Но между каракозовцами судился нынѣ эмигрантъ, князь Черкезовъ, а тогда прикащикъ книжнаго магазина Черкесова, товарищъ нечаевцевъ Успенскаго, прикащика того же магазина, и Волховскаго. И вотъ въ 1869 г. привлекаются къ суду по дѣлу Нечаева и Черкезовъ, и Успенскій, и Волховской. Личная связь съ предыдущимъ дѣломъ очевидна. Но отсюда и дальнѣйшія вѣтви. Въ процессѣ Нечаева встрѣчаемъ и Халтурина, извѣстнаго потомъ по взрыву въ Зимнемъ дворцѣ, убійцу прокурора Стрѣльникова,

но пока еще только работника въ мастерской нечаевцевъ братьевъ Топорковыхъ, и Вѣру Ивановну Засуличъ, правда, еще въ качествѣ только знакомой съ Нечаевымъ и подсудимою Томилиной. Волховской, привлекавшійся по Нечаевскому дѣлу, но еще ранѣе замѣшанный въ „Лопатинскую исторію", служитъ передаточнымъ звеномъ къ дѣлу 193, гдѣ онъ опять обвиняемый. Чубаровъ, тоже изъ нечаевцевъ, пока лишь студентъ, знакомый Дементьевой, закащикъ нецензурнаго обращенія студентовъ къ обществу, а черезъ десять лѣтъ заслуживаетъ смертную казнь вмѣстѣ съ Лизогубомъ. Нечаевецъ Кадьянъ судится по дѣлу 193. Другой нечаевецъ Долгушинъ создаетъ особое дѣло Долгушинское, гдѣ обвиняется онъ и Ободовская, пріятельница Натансона, основавшаго особое раннее сообщество, а равно и Софьи Перовской. Затѣмъ идетъ группа „полунинцевъ", привлеченныхъ къ Нечаевщинѣ: Пирамидовъ, Смирновъ, Эльстницъ. Это теперь эмигранты, какъ и сотоварищи ихъ Ткачевъ, Засуличъ и кн. Черкезовъ. Пензенскій кружокъ поставилъ троихъ въ дѣло 4 апрѣля 1866 г.: Каракозова, Юрасова и Загибалова; общество „Земля и Воля" дало сюда Худякова и Ишутина. Замѣчательно, что названныя лица признаны и судомъ наиболѣе виновными изъ прочихъ каракозовцевъ. Въ пензенскомъ же кружкѣ (говоримъ по преданію на этотъ разъ) былъ и Войнаральскій, просидѣвшій въ ссылкѣ время Нечаевщины и вынырнувшій только черезъ нѣсколько лѣтъ едва ли не самымъ выдающимся дѣятелемъ изъ всѣхъ 193. Но отъ 4 апрѣля 1866 г. остался кн. Черкезовъ, наказанный тогда 8-ми мѣсячнымъ заключеніемъ въ крѣпости. Онъ и себя и преданія Каракозовщины перенесъ въ дѣло Нечаева, эмигрировавъ потомъ. Такимъ образомъ Черкезовъ, Войнаральскій, Волховской, Халтуринъ, Засуличъ, Чубаровъ, Ткачевъ и т. д. лично связываютъ 1861 годъ съ 1869, а 1869 съ 1874—76 и послѣдующими годами. Были конечно и другія лица, сплотившія 15 лѣтъ крамолы; но мы ихъ не знаемъ, и во всякомъ случаѣ они не нарушатъ этой связи.

Пензенцы и каракозовцы были впрочемъ только прелюдіею; настоящій фундаментъ для послѣдующей агитаціи выложенъ нечаевцами. Особеннымъ революціоннымъ закаломъ отличались тогда только Нечаевъ, Успенскій да Ткачевъ; большин-

ство прочихъ лишь играло въ революцію и на судѣ признало себя одураченными Нечаевымъ. Но прикосновенность къ политическому процессу, но сидѣніе въ одиночномъ заключеніи закалили слабыхъ еще тогда духомъ нечаевцевъ, и этотъ закалъ прежде всего передался ближайшей къ нимъ средѣ. Добавимъ, что не только въ Нечаевщину, но и въ послѣдующія эпохи слѣдствіе плохо отличало главныхъ виновниковъ отъ второстепенныхъ: *сила* преступленія чуть ли не измѣрялась *количествомъ* запрещенныхъ книгъ, найденныхъ при обыскѣ.

Все это однако было бы не такъ страшно: сообщество, такъ тѣсно переплетенное своими вѣтвями, тѣмъ легче могло быть извлечено. Опасность была не въ трудности извлеченія рака этого,—не въ ветеранахъ революціи: они всѣ на перечетъ; но въ постоянно нараждавшемся поколѣніи учениковъ, въ постоянномъ зараженіи здоровыхъ мѣстъ. Еще въ Каракозовскомъ процессѣ мы видѣли 19-лѣтнихъ юношей, но и въ наши дни выступали съ метательными снарядами несовершеннолѣтніе и едва достигшіе совершеннолѣтія Рысаковы и Михайловы. Точно то же цѣлыя 20 лѣтъ. Тутъ, стало быть, недостаточно было хватать только сѣятелей; надо было уничтожать сѣмена, личинки, заложенныя въ почву. Нужно было очищеніе самой почвы.

Преступная пропаганда шла не зря, а по строго опредѣленной программѣ. Средою, наиболѣе доступною для искушенія, признавались во весь пятнадцатилѣтній періодъ учебныя заведенія, высшія и среднія, при чемъ не брезгалось ни военными училищами, ни духовными семинаріями. Между высшими учебными заведеніями особенно насиженными мѣстами были нѣкогда земледѣльческая и медицинская академіи, равно технологическій институтъ: политическими дѣлами занимались, стало быть, учебныя заведенія, курсъ наукъ которыхъ наиболѣе чуждъ политики,—черта, не свидѣтельствующая объ особенной жизненности крамолы, еще менѣе выводящая ее съ каѳедръ. Въ 1869—1871 годахъ преобладающій процентъ привлеченныхъ къ судебной отвѣтственности по „дѣлу о заговорѣ“ составляли такъ называемые „бывшіе слушатели Петровской академіи“. Этихъ „бывшихъ слушателей“ оказалось 18 человѣкъ изъ 33, въ одной только 2-й группѣ подсудимыхъ по этому дѣлу. Значительный процентъ петров-

цевъ увидимъ и въ дѣлѣ 193. Не говоримъ уже о достаточномъ числѣ между каракозовцами только что появившихся тогда на свѣтъ петровцевъ. Словомъ, Петровская академія нѣкогда представляла такую питательную пищу, которая значительно входила въ плоть и кровь крамолы. Охотниковъ возразить намъ отсылаемъ къ іюльскимъ выпускамъ *Правительственнаго Вѣстника* за 1871 годъ. Въ дѣлѣ 193 почти такимъ же питательнымъ для крамолы продуктомъ стали технологи и медики-академисты. Такимъ образомъ, на первое время этими тремя путями и шло преимущественно питаніе крамолы.

Заложивъ свои личинки въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, крамола обратилась къ хожденію въ народъ. Періодомъ процвѣтанія „народничества“ было время пропаганды Долгушина съ полякомъ Дмоховскимъ и потомъ 193. Личинки тутъ окрылились саранчею. Прузи эти опустились на крестьянскія поля, но пропаганда соціалистическихъ идей не могла прививаться неграмотнымъ пахарямъ: произведенія подпольной печати крестьяне „изводили на цыгарки“, а очень назойливыхъ народниковъ представляли по начальству, какъ людей безпокойныхъ, а потомъ и прямо какъ опасныхъ, когда раскусили, чѣмъ пахнутъ эти „цыгарки“. Русскій черноземъ оказался непригоднымъ къ заложенію ячеекъ соціалистическаго кузьки.

Разочаровавшись въ „народѣ“, пропаганда направилась на фабрики и заводы. Здѣсь, повидимому, она можетъ имѣть большій успѣхъ: уже одно то благопріятнѣе, что среди рабочихъ, собравшихся отовсюду, легче проживать переряженному пропагандисту и сѣять свои плевелы, чѣмъ проникнуть въ замкнутую земледѣльческую общину, завязывая знакомства по дорогамъ да въ сельскихъ трактирахъ или умышленно забывая свои книжки на ночлегахъ въ деревняхъ. Шапочное знакомство съ крестьяниномъ не то, что совмѣстное съ рабочимъ житье на фабрикѣ или заводѣ, гдѣ трудъ и отдыхъ за одно съ нимъ. Да и самый бытъ рабочаго, имѣющаго постоянно подъ глазами гнетъ труда капиталомъ, среда, несравненно благодарнѣе, чѣмъ общинное владѣніе землею, вдали отъ города съ его капиталами.

Вниманіе правительства достаточно обращено на учебныя

заведенія. Земледѣльческая среда каменистое мѣсто для крамольныхъ плевелъ. Иное дѣло бытъ фабричнаго, съ его дѣйствительно беззащитнымъ положеніемъ предъ капиталомъ. Земледѣльческій классъ дурной проводникъ не только преступныхъ, но и какихъ бы то ни было идей. Несравненно подвижнѣе элементъ фабричный. Крамолою это ясно сознано, и туда въ послѣднее время устремлялись алчные ея взоры. Послѣ учебныхъ заведеній, туда въ эту фабричную духоту, пропитанную ядовитыми испареніями и въ буквальномъ, и въ переносномъ смыслѣ, туда, въ эти спальни рабочихъ, къ этимъ ткацкимъ станкамъ, къ этимъ фабричнымъ лавочкамъ, къ женщинамъ, изнуряемымъ непосильнымъ трудомъ, къ дѣтямъ наконецъ, растущимъ при машинахъ, безъ знанія и вѣры, въ эту незащищенную сиротскую среду, должно направить свой попечительный взоръ и правительство, не ограничиваясь и не успокоиваясь однимъ вылавливаніемъ оттуда крамольниковъ да либеральничаньемъ самихъ фабрикантовъ.

Защитникъ Ткачева г. Спасовичъ нарисовалъ картину тогдашняго политическаго сезона.

> Вамъ случалось, гг. судьи, говорилъ защитникъ, живать въ деревнѣ въ маѣ и въ іюнѣ, когда являются комары безчисленными толпами. Они непріятны; но что бы вы сказали тому, кто задумалъ бы ихъ истреблять цѣлыми массами въ извѣстной мѣстности: истребишь одного, являются тысячи другихъ. Но вѣдь всякому также извѣстно, что придетъ іюль, и всѣ комары пропадутъ сами собою, потому что измѣнятся климатическія условія. И вотъ я думаю, что по политическому календарю Россіи былъ май въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, что въ настоящее время мы переживаемъ іюнь, и что, дастъ Богъ, мы доживемъ и до іюля.

До іюля мы даже и теперь все еще не дожили, къ несчастію, но нечаевцы, пожалуй, дѣйствительно были только надоѣдливыми комарами. Послѣдовавшій моментъ пропаганды на фабрикахъ и заводахъ мы сравнили бы съ гнѣздами клоповыми, гдѣ вылавливаніе отдѣльныхъ экземпляровъ не выведетъ сѣмянъ. Нужна дезинфекція стѣнъ; нужна общая мѣра, каковою можетъ быть только строгое фабричное законодательство: регулируя отношенія хозяина и работниковъ, устраняя самую почву недовольства, законодательство могло бы ввести круговую отвѣтственность фабричныхъ артелей такъ, чтобы въ этотъ пчелиный улей не могъ бы проникнуть ни одинъ оводъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Нечаевщина.

(Окончаніе).

Мѣры противъ кружковъ. — Постановленіе делегатовъ интернаціоналки. — Законъ 7 іюня 1872 года. — Корреспонденція *Patrie de Genève*. — Поляки. — Прибытіе Нечаева въ Петербургъ. — Наружность Нечаева. — Польскіе отзывы австрійскихъ газетъ. — *Wiener Abendpost*. — Полемика газетъ. - Женевскій корреспондентъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*. — Взглядъ цюрихскаго правительства на дѣло Нечаева. — Шуйскій мѣщанинъ Нечаевъ предъ присяжными окружнаго суда. — Впечатлѣніе, произведенное убійцею. — Прекаліе подсудимаго съ предсѣдателемъ. — Судъ съ присяжными — Выходки подсудимаго. - Обращеніе предсѣдателя къ присяжнымъ. — Послѣднее слово подсудимаго. — Резюме предсѣдателя. — Приговоръ окружнаго суда. — Земскій соборъ и „сербскій законъ.“ — Былъ ли Герценъ причастенъ Нечаевщинѣ? — Откровенія корреспондента *Московскихъ Вѣдомостей*. - Сандвичевы острова. — Письмо г-жи Натальи Герценъ. — Цюрихская эмиграція. — Сообщеніе *Правительственнаго Вѣстника*.

Еще ни разу безумецъ не дозволилъ себѣ на судѣ высказывать то, что высказывалъ этотъ человѣкъ.

Рѣчь Дейера, предсѣдателя московскаго окружнаго суда.

I.

Въ 1872 году, въ № 75, *Московскія Вѣдомости* помѣстили сообщеніе изъ Петербурга, что имѣетъ составиться или уже составился особый комитетъ изъ министровъ, имѣющихъ въ своемъ вѣдѣніи учебныя заведенія, для обсужденія мѣръ, вызываемыхъ открывающимися повсюду между нашею учащеюся молодежью *кружками*, большею частью *тайными*. „Хотя бы кружки эти и не имѣли преступныхъ политическихъ цѣлей, однако самое возникновеніе ихъ, по мнѣнію корреспондента названной газеты, есть явленіе совершенно ненормальное, и весьма естественно, что правительство обратило на него вниманіе“. Дальнѣйшихъ извѣстій объ этихъ мѣрахъ не имѣ-

емъ; вѣроятнѣе всего, дѣло ограничилось однимъ добрымъ желаніемъ. А слѣдовало бы посерьезнѣе взглянуть на эти тайныя общества школьниковъ, тѣмъ болѣе, что за полгода еще до слуховъ объ этихъ предполагаемыхъ мѣрахъ уже было извѣстно, что делегаты интернаціоналки, собиравшіеся въ Лондонѣ, постановили сосредоточить свои дѣйствія въ Россіи на учащейся молодежи.

Обѣщаніе это потихоньку стало приводиться въ исполненіе, а мы по прежнему дремали...

Мѣры противъ соціалистической агитаціи ограничились лишь изданіемъ Высочайше утвержденной 7 іюня 1872 года «Новой редакціи раздѣла втораго книги третьей Устава уголовнаго судопроизводства, статей 1,030—1,061, о судопроизводствѣ по государственнымъ преступленіямъ".

Мы не юристы, а потому не беремся сличать новую редакцію со старою. Отмѣтимъ нѣкоторыя только статьи, наиболѣе важныя, которыя понадобятся намъ при дальнѣйшихъ нашихъ странствованіяхъ въ пещерахъ и дебряхъ 15-лѣтней крамолы.

По новому закону (ст. 2), дѣла о государственныхъ преступленіяхъ вѣдаются:

> или 1-е—судебными палатами, когда преступленіе не влечетъ за собою по закону наказанія, соединеннаго съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія;
>
> или 2-е—особымъ присутствіемъ Правительствующаго Сената, съ участіемъ сословныхъ представителей, когда за преступленіе опредѣлено въ законѣ наказаніе, сопряженное съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія;
>
> или 3-е—Верховнымъ уголовнымъ судомъ, когда по случаю обнаруженнаго въ разныхъ краяхъ государства общаго заговора противъ Верховной власти, или противъ установленнаго законами образа правленія, или порядка наслѣдія престола, послѣдуетъ Высочайшій указъ о разсмотрѣніи дѣла въ семъ судѣ. *)

*) Съ 1878 года, съ покушенія Вѣры Засуличъ на жизнь петербургскаго градоначальника, практикуются почти исключительно военно-окружные суды. Только по преступленію 2 апрѣля 1879 г. да по злодѣянію 1 марта 1881 г. назначенъ былъ Верховный уголовный судъ. Военные суды, обезпечивая скорость правосудія, едва ли, позволимъ замѣтить мимоходомъ, обладаютъ тою компетенціей, какъ судебныя палаты или присутствіе сената. Наказаніе преступленія само по себѣ; но въ видахъ основательнаго изученія дѣла, что только и могло вести къ искорененію крамолы, должно конечно отдать предпочтеніе судопроизводству по закону 7 іюня 1872 года. *Авт.*

Статья 6 неестественно соединяетъ дѣйствія прокуратуры и корпуса жандармовъ. Это сліяніе величинъ несоизмѣримыхъ едва ли побуждало ихъ къ согласному дѣйствованію. По крайней мѣрѣ, отъ юристовъ слышались сѣтованія на невольное ихъ содружество съ „тайною полиціею". Статья эта гласитъ:

О всякомъ злоумышленіи, заключающемъ въ себѣ признаки государственнаго преступленія, сообщается прокурору судебной палаты, когда злоумышленіе обнаружилось въ мѣстѣ его пребыванія, а въ противномъ случаѣ—мѣстному прокурору окружнаго суда, или его товарищу, или же полиціи, для донесенія о томъ немедленно прокурору судебной палаты и извѣщенія въ то же время, на основаніи ст. 23 Высочайше утвержденныхъ 19 мая 1871 года правилъ о порядкѣ дѣйствій чиновъ корпуса жандармовъ, начальника губернскаго жандармскаго управленія.

Статья 7 ближе опредѣляетъ отношеніе судебной власти и III отдѣленія:

До прибытія прокурора судебной палаты или его товарища, наблюденіе за производимымъ чинами корпуса жандармовъ дознаніемъ или за принятіемъ полиціею не терпящихъ отлагательства мѣръ (ст. 4) принадлежитъ мѣстному прокурору окружнаго суда или его товарищу.

Такимъ образомъ, неуязвимый жандармскій офицеръ подчинялся наблюденію товарища прокурора, весьма конечно уязвимаго со стороны подчиненнаго ему жандарма.

Статья 8-я постановляетъ:

Обязанность производства предварительныхъ слѣдствій по государственнымъ преступленіямъ возлагается ежегодно Высочайшею властью, по представленію министра юстиціи, на одного изъ членовъ С.-Петербургской и одного изъ членовъ Московской судебныхъ палатъ.

И такъ, *ежегоднымъ* назначеніемъ слѣдователей законъ 7 іюня предположилъ длящуюся смѣну одного политическаго преступленія другимъ, точно обыкновенной уголовщины, съ неизбѣжностью которой давно уже помирилась статистика. Законъ, къ сожалѣнію, не ошибся.

Связывая товарища прокурора съ жандармскимъ оберъ-офицеромъ, законъ 7 іюня ту же связь провелъ и выше, до сената и главнаго начальника III отдѣленія, такъ что онъ явился какъ бы компиляціею уставовъ 20 ноября Александра II и устарѣлой практики временъ императрицъ. Статья 17 говоритъ:

Для разсмотрѣнія представленій о прекращеніи дѣлъ, возникшихъ по обвиненіямъ въ государственныхъ преступленіяхъ, первый департаментъ Правительствующаго Сената приглашаетъ въ свое засѣданіе главнаго начальника III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи и, сверхъ

того, или министра внутреннихъ дѣлъ, когда обвиненіе относится къ преступленію противъ Верховной власти въ Россіи, или министра иностранныхъ дѣлъ, когда обвиненіе относится къ государственной измѣнѣ или преступленію противъ народнаго права *и т. д.*

Стало быть, при легкости возникновенія политическихъ дѣлъ, по доносу, напримѣръ, жандармскаго унтеръ-офицера, для прекращенія ихъ назначались самыя тяжелыя орудія государства—сенаторы, министры, шефъ жандармовъ. Заваленныя массою пустыхъ дѣлъ, власти эти едва ли могли имѣть достаточно времени для болѣе важныхъ вопросовъ, вообще условливавшихъ существованіе крамолы. Отсюда по необходимости подрѣзывались только вѣтки, сучки, а стволъ крамолы оставался въ покоѣ.

Лучшая статья въ новомъ законѣ 23-я, по участію представителей общества на судѣ. Законъ не рѣшился предоставить такія дѣла совѣсти присяжныхъ засѣдателей, хотя несомнѣнно большинство вердиктовъ разумною строгостью едва ли уступило бы строгости военныхъ судовъ, а главное, эти обвинительные приговоры присяжныхъ, служа несомнѣннымъ приговоромъ земли, ясно показывали бы, что не волю народа творятъ непризванные имъ благодѣтели. Возможны были бы, конечно, и оправданія, какъ въ дѣлѣ Вѣры Засуличъ, но развѣ только петербургскими чиновниками. Русская земля была тутъ не при чемъ. Съ устраненіемъ общества отъ участія въ судѣ, борьба съ крамолою получила характеръ односторонній, какъ бы какого-то единоборства: стѣнка стала на стѣнку, общество же оставалось только зрителемъ. Ограниченно допущенное въ принципѣ участіе „сословныхъ представителей“ едва ли на практикѣ не обратилось въ простую формальность. Вотъ эта 23 статья:

Для суда по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ къ особому присутствію Правительствующаго Сената присоединяются:

1. одинъ изъ губернскихъ предводителей дворянства,
2. одинъ изъ уѣздныхъ предводителей дворянства,
3. одинъ изъ городскихъ головъ губернскихъ городовъ Европейской Россіи, и
4. одинъ изъ волостныхъ старшинъ С.-Петербургской губерніи.

Присутствіе судебной палаты съ сословными представителями видѣли мы еще ранѣе изданія закона 1872 г., именно въ 1871 году, въ дѣлѣ нечаевцевъ. Самое судебное слѣдствіе производилось тогда тоже сенаторомъ съ помощью жандар-

мовъ. Такимъ образомъ, новый законъ почти только закрѣпилъ предшествовавшую ему практику, лишь поднявъ политическія дѣла изъ судебной палаты до сената и верховнаго уголовнаго суда, чѣмъ пожалуй могъ только способствовать къ возвышенію крамолы въ собственныхъ ея глазахъ.

Впрочемъ, и при всемъ своемъ несовершенствѣ, законъ 7 іюня, хотя и одною ногою, но все же стоялъ на юридической почвѣ, и конечно не законъ этотъ виною, что крамола продолжала еще усиленнѣе раскрывать свою зіяющую пасть.

Но скрывавшійся въ Швейцаріи Нечаевъ, котораго какъ бы поджидалъ новый законъ, все таки избѣжалъ его дѣйствія, подпавъ суду даже не судебной палаты, а окружнаго суда съ присяжными, которые и произнесли приговоръ, вполнѣ согласный съ высказанными нами ожиданіями отъ присяжныхъ. Теперь нѣкоторыми принято корить судъ присяжныхъ оправданіемъ Вѣры Засуличъ; а вердиктъ по дѣлу Нечаева такъ таки совсѣмъ и позабытъ.

Нечаевъ выданъ былъ русскому правительству съ условіемъ, что онъ будетъ судимъ не какъ государственный, а какъ простой уголовный преступникъ, убійца.

Переговоры съ швейцарскимъ правительствомъ о выдачѣ этого преступника оставались для русскаго общества совсѣмъ не извѣстными. Едва ли не впервые узнало оно объ этомъ изъ цюрихской корреспонденціи въ *Patrie de Genève* отъ 9 октября 1872 года.

Въ Цюрихѣ, по словамъ корреспондента, нѣсколько времени тому назадъ образовалось тайное демократическое общество, или нѣчто въ этомъ родѣ *). До сихъ поръ не обращали на него вниманія; но когда оно осмѣлилось присвоить себѣ право обращаться съ прокламаціями противъ нашего федеративнаго правительства и позволило себѣ распространять ихъ тайнымъ образомъ, то департаментъ нашей полиціи посмотрѣлъ на это инымъ образомъ.

Въ субботу утромъ объявленія краснаго цвѣта, средней величины, но за то во множествѣ прибитыя къ угламъ домовъ, привлекли вниманіе населенія и полиціи. Въ 6 часовъ сдѣлано было полиціей распоряженіе, чтобы всѣ они до одного были сняты, что немедленно и было исполнено. Кто оказались виновными, догадаться не трудно.

Прокламація заключала въ себѣ рѣзкія выходки противъ нашего федеративнаго правительства и, кромѣ того, воззваніе къ гражданамъ Цюрих-

*) Не подбавили ли пару старой эмиграціи новые эмигранты изъ нечаевцевъ—Ткачевъ и другіе? *Авт.*

ского кантона о невыдачѣ Нечаева. „Если выдавать, такъ выдавайте же и всѣхъ насъ, говоритъ прокламація, потому что всѣ мы одинаково готовы отправлять на тотъ свѣтъ русскихъ шпіоновъ, если только это уже не было нами сдѣлано".

Вотъ, по истинѣ, совершенно новый способъ внушать къ себѣ довѣріе!

Выдача Нечаева однако послѣдовала, не смотря на комическую выходку эмиграціи, и въ № 261 *Московскихъ Вѣдомостей* 1872 г. явилась телеграмма:

Цюрихъ, 28 (16) октября. Сегодня послѣдовала выдача Нечаева. На станціи желѣзной дороги одинъ полякъ, который и былъ арестованъ, сдѣлалъ попытку освободить преступника.

Позднѣе, въ № 32 уже 1873 г., *Московскія Вѣдомости* напечатали другую телеграмму:

Бернъ, 17 (5) февраля. По Стемповскому, предполагаемому виновнику выдачи Нечаева, выстрѣлилъ полякъ Скрынскій три раза изъ револьвера. Стемповскій легко раненъ. Убійца скрылся.

И такъ, опять *поляки*. Нечаевъ, стало быть, нуженъ былъ польскому дѣлу, когда только полякъ и нашелся его вооруженнымъ защитникомъ, когда полякъ же оказался и вооруженнымъ мстителемъ за него. Дальнѣйшая участь этихъ поляковъ осталась для насъ въ темнотѣ.

Наконецъ *Journal de St.-Pétersbourg* возвѣстилъ, что убійца студента Иванова Нечаевъ привезенъ въ Петербургъ въ четвергъ, 19 октября, въ 8 ч. утра. Его прямо изъ вагона отправили въ крытомъ экипажѣ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ въ настоящее время и содержится.

Корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* сообщилъ подробности о наружности рѣдкаго звѣря и новую ложь Нечаева:

Наружность Нечаева крайне неприглядная: онъ худощавъ, съ рѣдкими волосами, не великъ ростомъ и смотритъ постоянно изъ подлобья. Говорятъ, что когда его передали въ распоряженіе агентовъ русскаго правительства, то онъ сильно упалъ духомъ: началъ рыдать, прося о пощадѣ и увѣряя, что на него наклеветали, что онъ ни въ чемъ не повиненъ, что онъ и бѣжать изъ Россіи вовсе не желалъ, а принудили его къ этому всѣ участвовавшіе въ убійствѣ Иванова.

По поводу выдачи Нечаева властями Цюрихскаго кантона, австрійскія газеты напечатали нѣсколько статей польскаго происхожденія, по обыкновенію отличавшихся самымъ восторженнымъ задоромъ, при невѣжественномъ знаніи дѣла. Вѣнскія газеты приводили даже число голосовъ, оказавшихся въ союзномъ совѣтѣ за и противъ выдачи. По всегдашнему обычаю польскихъ публицистовъ, было беззастѣнчиво вы-

думано то, что казалось нужнымъ: перетянулъ дѣло всего де только одинъ голосъ.

На эти толки польскихъ публицистовъ газета *Wiener Abendpost* отъ 12 ноября отвѣтила слѣдующими дѣльными соображеніями:

> Если союзный совѣтъ заключилъ съ иностраннымъ государствомъ трактатъ о выдачѣ преступниковъ и если этотъ трактатъ, утвержденный союзнымъ собраніемъ, вступилъ въ силу; то союзному совѣту надлежитъ наблюдать за исполненіемъ условій трактата и опредѣлять по каждому спеціальному случаю, должно или нѣтъ отвѣчать согласіемъ на требованія о выдачѣ. Но если не существуетъ трактата съ государствомъ, требующимъ выдачи, то исключительно правительству кантона, гдѣ проживаетъ лице, о выдачѣ коего предъявлено требованіе, принадлежитъ право рѣшить, должно или нѣтъ удовлетворить этому требованію. Между Россіей и Швейцаріей не существуетъ трактата о выдачѣ, и вслѣдствіе этого союзный совѣтъ не могъ сдѣлать ничего иного по дѣлу о выдачѣ Нечаева, какъ передать адресованное ему дипломатическимъ путемъ требованіе правительству Цюрихскаго кантона, которое одно имѣло право рѣшить этотъ вопросъ.

Не смотря на это заявленіе оффиціозной *Wiener Abendpost*, *Neue Freie Presse* съ ожесточеніемъ напала на швейцарское правительство за тѣ соображенія, на основаніи коихъ послѣдовала означенная выдача.

Бернская *Bund* энергически возражала противъ обвиненій этой польско-еврейской газеты:

> *Neue Freie Presse* можетъ находить, если ей угодно, образъ дѣйствія швейцарскаго правительства „узкимъ и недостойнымъ“, замѣчаетъ *Bund*; но едва ли кто-нибудь позавидуетъ воззрѣнію вѣнской газеты, которое заключается въ томъ, чтобы жертвовать всякимъ божественнымъ и человѣческимъ правомъ въ пользу безумныхъ козней недозрѣлыхъ заговорщиковъ.

Далѣе, уличая вѣнскую газету въ ложномъ показаніи, будто бы союзный совѣтъ рѣшилъ выдачу Нечаева большинствомъ 4-хъ голосовъ противъ 3-хъ, чего никогда и быть не могло, потому что союзный совѣтъ даже не разсматривалъ этого дѣла, *Bund* замѣчаетъ:

> Если участь, ожидающая Нечаева, исторгаетъ слезы состраданія у *Neue Freie Presse*, то газета эта должна бы припомнить, какъ мало заслуживаетъ сожалѣнія Нечаевъ, гнусно завлекшій Иванова въ западню и измѣннически его умертвившій.

Опровергая всѣ злонамѣренные намеки на поводы, которыми руководилось цюрихское правительство, швейцарская газета утверждаетъ, что выдачей обыкновеннаго преступ-

ника и убійцы оно отнюдь не нарушило права убѣжища, предоставляемаго Швейцаріей политическимъ выходцамъ и состоящаго въ томъ, чтобы покровительствовать свободѣ мнѣній, а не въ томъ, чтобы укрывать гнусныхъ злодѣевъ отъ преслѣдованія уголовныхъ законовъ ихъ страны.

Bund заключаетъ свое возраженіе слѣдующими словами:

> Да успокоится *Neue Freie Presse*. Мы, швейцарцы, такъ давно владѣемъ правомъ убѣжища, что достаточно знаемъ, какъ должно толковать и охранять его; что же касается примѣненія къ дѣлу политики истинно республиканской, то мы имѣемъ по крайней мѣрѣ въ ней столько же опытности, какъ мятежная русская партія и даже кичливая вѣнская печать, которая воображаетъ, что ей принадлежитъ монополія либерализма и республиканизма, между тѣмъ какъ своими деспотическими поступками, въ случаѣ разногласія во взглядахъ, она именно выказываетъ, какъ она еще далека отъ истиннаго чувства свободы.

Къ этому швейцарская газета могла бы прибавить, что весь шумъ, поднятый австрійскою печатью вообще и газетой *Neue Freie Presse* въ особенности, по поводу выдачи преступника Нечаева, произошелъ главнымъ образомъ отъ того, что дѣло касалось Россіи.

Женевскій корреспондентъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, повидимому хорошо извѣщенный о всей процедурѣ выдачи Нечаева, сообщаетъ слѣдующія подробности этого дѣла. Въ виду недавняго вопроса о выдачѣ Гартмана, по крайней мѣрѣ какъ уголовнаго преступника, покусившагося на крушеніе цѣлаго желѣзнодорожнаго поѣзда, эти соображенія не лишены нѣкотораго интереса.

Прежде чѣмъ рѣшиться выдать Нечаева русскому правительству, пишетъ корреспондентъ названной газеты, цюрихское правительство внимательно удостовѣрилось въ личности обвиняемаго, послѣ чего лице это созналось, что его зовутъ Сергѣемъ Нечаевымъ, что вмѣстѣ съ совокупностью обстоятельствъ дѣла подтвердилось и шрамомъ на рукѣ обвиняемаго (отъ укушенія Ивановымъ).

> Изъ слѣдственныхъ документовъ видно, что убитый Ивановъ самъ принадлежалъ къ числу заговорщиковъ, во главѣ которыхъ стоялъ Нечаевъ. Что же побудило убить его?... Хотя Нечаевъ и настаивалъ на томъ, будто Ивановъ былъ измѣнникомъ и что тайному обществу ничего не оставалось болѣе, какъ избавиться отъ него, лишивъ его жизни; но такое показаніе, по мнѣнію цюрихскаго правительства, не подтверждается многочисленными подлинными документами и показаніями соучастниковъ убійства, обстоятельно разслѣдованными цюрихскимъ правительствомъ.

Ивановъ, судя по документамъ, никогда не былъ измѣнникомъ, какъ полагаетъ цюрихское правительство, но только нѣсколько „вялымъ, нерѣшительнымъ заговорщикомъ“, который вооружилъ противъ себя Нечаева, въ особенности своею независимостью. Нечаевъ имѣлъ притязаніе на безграничный авторитетъ, требовалъ пассивнаго повиновенія и не терпѣлъ никакого противорѣчія. Такого авторитета Ивановъ не желалъ терпѣть надъ собою, и, по мнѣнію цюрихскаго правительства, въ этомъ только и состояла единственная причина гнѣва Нечаева и рѣшимости послѣдняго на убійство.

Рѣшая вопросъ, подлежитъ ли Нечаевъ выдачѣ или нѣтъ, цюрихское правительство пожелало прежде всего обсудить, насколько оно было обязано выдать Нечаева такому государству, съ которымъ у него существуетъ трактатъ о выдачѣ не политическихъ преступниковъ, такъ какъ подобнаго трактата между Россіею и Цюрихскимъ кантономъ не существовало.

Всѣ трактаты, разсуждало цюрихское правительство, постановляютъ, что политическіе преступники не выдаются и что лице, выданное по обвиненію въ уголовномъ преступленіи, не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ преслѣдуемо за политическое преступленіе, предшествовавшее тому уголовному проступку, который повлекъ за собою выдачу Швейцаріей обвиняемаго. Трактаты эти проводятъ различіе между политическими преступленіями и уголовными преступленіями, лишь соприкасающимися съ политическимъ преступленіемъ, и не допускаютъ выдачи обвиняемаго даже для послѣдней категоріи преступныхъ дѣяній. Эта классификація доказываетъ, что вообще принято, что есть дѣянія, по самой сущности свой политическія, и что другія дѣянія получаютъ политическій оттѣнокъ, предоставляющій право убѣжища обвиняемому, только по связи ихъ съ политическимъ преступленіемъ. Уголовное преступленіе, говоря вообще, не имѣетъ политической цѣли; но въ частностяхъ оно можетъ служить средствомъ для осуществленія политическихъ замысловъ, и въ послѣднемъ случаѣ, согласно трактатамъ, преступника не выдаютъ. Но и съ этой точки зрѣнія, разсуждаетъ цюрихское правительство, не всякое преступное дѣяніе, соприкасающееся съ политическимъ и ведущее къ главной цѣли, получаетъ политическій оттѣнокъ; признать этотъ оттѣнокъ возможно только за тѣми дѣйствіями, которыя входятъ въ планъ достиженія извѣстной политической цѣли. Всякое дѣяніе, которое чуждо этой главнѣйшей цѣли или которое не принадлежитъ къ числу необходимыхъ звеньевъ въ цѣломъ рядѣ средствъ, направленныхъ къ извѣстной цѣли, не носитъ на себѣ характера политическаго преступленія и должно быть признаваемо, въ случаѣ уголовнаго правонарушенія, обыкновеннымъ уголовнымъ преступленіемъ. Цюрихское правительство считаетъ преступленіе, въ которомъ обвиняется Сергѣй Нечаевъ, не политическимъ преступленіемъ. „Смерть Иванова“, по мнѣнію его, „не была необходимостью для осуществленія замысловъ, задуманныхъ убійцами

его, такъ какъ Ивановъ не измѣнилъ, и его можно было упрекать лишь въ томъ, что онъ не повиновался Нечаеву. Убійство Иванова не было вызвано измѣной или угрозой измѣнить; это просто дѣло частной расправы, расправы варварской, которая, не прибѣгая къ самымъ обыкновеннымъ пріемамъ, ведущимъ къ раскрытію истины, приступила во тьмѣ къ осужденію и казни своей жертвы". „Слѣдовательно", продолжаетъ объясненіе цюрихскаго правительства, „здѣсь нѣтъ рѣчи о дѣяніи, необходимомъ для осуществленія плана, задуманнаго заговорщиками, и дѣяніе это не можетъ быть прикрыто политическимъ характеромъ ихъ замысловъ. Справедливо, что самое дѣяніе совершено политическими заговорщиками; но нѣтъ необходимой связи между этимъ дѣйствіемъ и тѣми цѣлями, къ которымъ они стремились". „Старинное ученіе гласитъ", говоритъ цюрихское правительство, „что выдача преступниковъ производится только въ случаѣ трактатовъ, которыми она обусловлена. Но это ученіе встрѣчаетъ многихъ противниковъ въ настоящее время и не примѣняется на практикѣ, такъ какъ, при непрестанно возрастающихъ сношеніяхъ между народами, вслѣдствіе улучшающихся путей сообщенія, государства сознаютъ необходимость, въ интересѣ правосудія, выдавать другъ другу обвиняемыхъ; трактаты не создаютъ этой необходимости: они только даютъ ей санкцію. Швейцарія руководствуется этою послѣднею точкою зрѣнія и требуетъ выдачи преступниковъ даже отъ государствъ, не обязанныхъ къ тому трактатами. Нѣтъ никакого основанія оспаривать это право у Россіи: въ этомъ государствѣ примѣняется писанный уголовный законъ; обвиняемый въ Россіи пользуется тѣми же правами и средствами защиты, какъ и въ Швейцаріи, и вообще уголовный процессъ въ Россіи вполнѣ правильно организованъ. Къ тому же русское правительство формально заявляетъ, что оно будетъ судить Нечаева только за убійство, совершенное имъ надъ Ивановымъ, а не за политическія преступленія его; наконецъ, это правительство письменно обязалось ко взаимности по отношенію къ Швейцаріи въ подобныхъ случаяхъ".

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, цюрихское правительство и выдало Нечаева русскому, подъ условіемъ примѣненія къ нему, въ случаѣ обвиненія, п. 3-го ст. 1453 Улож. о наказ., изд. 1866 г.

II.

8 января 1873 года въ московскомъ окружномъ судѣ разсматривалось дѣло „о мѣщанинѣ города Шуи, носящемъ званіе приходскаго учителя, Сергѣѣ Геннадіевѣ Нечаевѣ, обвиняемомъ въ убійствѣ". Предсѣдатель былъ Н. А. Дейеръ. Но прежде чѣмъ познакомить читателя съ отчетомъ по этому процессу, перенесемся въ залу окружнаго суда вмѣстѣ съ репортеромъ *Московскихъ Вѣдомостей*.

Дѣлу Нечаева предшествовало разбирательство по обвиненію сына дьячка Василія Боголѣпова въ покушеніи на кражу со взломомъ. Дѣло это окон-

чилось очень скоро оправдательнымъ приговоромъ. Затѣмъ наступила минута напряженнаго ожиданія. Между приказаніемъ предсѣдателя о вводѣ подсудимаго Нечаева и появленіемъ его прошло минутъ около 10, и это еще болѣе напрягло нервы публики. Наконецъ, въ сопутствіи двухъ жандармовъ съ обнаженными саблями, появился подсудимый. Вошелъ онъ, задравши голову и какой-то неестественной, автоматической походкой, точно плохой мелодраматическій актеръ. Блѣденъ онъ былъ какъ трупъ и безобразничалъ нестерпимо. Онъ видимо былъ страшно взволнованъ. Войдя, немедленно, точно торопился, сѣлъ онъ на скамью и съ вызывающимъ видомъ, покручивая усы, подбоченясь, сталъ взирать на публику.

Обвиняемому 25 лѣтъ; роста онъ небольшаго. Фигурка его передъ двумя рослыми и здоровыми жандармами кажется совсѣмъ тщедушною. Одѣтъ онъ въ люстриновый черный пиджакъ и брюки цвѣтомъ свѣтлѣе; подъ пиджакомъ свѣжее бѣлье, но подъ бѣльемъ грубая фуфайка. Наружность его не представляетъ ничего замѣчательнаго; такія лица попадаются довольно часто среди франтоватыхъ мѣщанъ: довольно густые, но не длинные, каштановые волосы зачесаны назадъ, узенькіе, глубоко провалившіеся глаза съ бѣгающими зрачками, тоненькіе усики съ просвѣтомъ подъ носомъ и подкрученными концами, жиденькая бородка, расходящаяся по щекамъ еще болѣе жиденькими баками; и усики, и бородка свѣтлѣе волосъ на головѣ; профиль довольно правильный, но en face широкій лобъ и скуластость дѣлаютъ обликъ лица квадратнымъ и даютъ ему вульгарный видъ.

Не успѣлъ, по словамъ репортера, предсѣдатель обратиться къ обвиняемому съ обычными первыми вопросами суда, какъ онъ, неестественно поднявъ голосъ и какъ-то странно жестикулируя лѣвою рукою, точно отбивая темпъ, объявилъ, перебивая предсѣдателя, что онъ не признаетъ за русскимъ судомъ права судить его. Это заявленіе онъ повторялъ потомъ не разъ, сопровождая его разными неумѣстными выходками, до того надоѣвшими публикѣ, что ее наконецъ взорвало, и послышались крики: „вонъ! вонъ его!“. Публика была остановлена строгимъ замѣчаніемъ предсѣдателя. Это былъ единственный разъ, что предсѣдатель позволилъ себѣ возвысить голосъ и выйти изъ тона полнаго спокойствія. Но онъ нѣсколько разъ былъ принужденъ приказывать, чтобы подсудимаго вывели. Во время судебнаго слѣдствія и чтенія показаній неявившихся свидѣтелей, подсудимый сидѣлъ молча, аффектируя пренебреженіе къ суду, повернувшись къ нему спиной и *пронзительно* вглядываясь въ публику. Когда говорилъ прокуроръ, онъ оттѣнялъ особенно не нравившіяся ему мѣста рѣчи, то злобною усмѣшкою, то закусываніемъ губъ, то какъ-то странно раскачиваясь и вертясь на скамьѣ. Впрочемъ, по большей части, онъ только покручивалъ усики и бородку, свертывая ее въ косичку, поправлялъ волосы или безшумно барабанилъ пальцами по рѣшеткѣ; другою рукою, лѣвою, онъ подпиралъ закинутую назадъ голову, обращенную въ сторону публики. Когда прокуроръ кончилъ свою рѣчь, Нечаевъ сказалъ съ величайшимъ эмфазомъ: „русское правительство можетъ лишить меня жизни, но честь останется при мнѣ“, и онъ ударилъ себя въ грудь. Въ публикѣ послышался смѣхъ и шиканье, умолкшіе при звонкѣ предсѣдателя.

Общее впечатлѣніе отъ Нечаева было очень жалкое и болѣзненное. На скамьѣ подсудимыхъ онъ сидѣлъ, какъ озлобленный шутъ, лишенный малѣйшихъ признаковъ ума и такта. Впередъ впечатлѣніе получалось тѣмъ болѣе странное, что въ то же время въ показаніяхъ свидѣтелей читалось „о желѣзномъ характерѣ“, „несокрушимой энергіи“, „волѣ, не знающей предѣловъ“, и проч.

Публика, присутствующая въ засѣданіи, была поражена тою степенью ума, какая оказалась въ Нечаевѣ. Можно было ожидать, что человѣкъ, производившій хоть на кого-нибудь обаятельное дѣйствіе, будетъ умнѣе.

Непорядочность и отсутствіе всякаго достоинства въ поведеніи Нечаева особенно оттѣнялись тѣмъ невозмутимо ровнымъ и спокойнымъ тономъ будничной простоты, съ какимъ велъ предсѣдатель суда г. Дейеръ засѣданіе, и мягкою, лишенною всякихъ ненужныхъ эффектовъ рѣчью прокурора г. Жукова. Это была встрѣча полнаго безсилія съ дѣйствительною силою правосудія.

Самаго процесса Нечаева мы разсматривать, конечно, не станемъ: въ той уголовщинѣ, въ которой обвинялся пресловутый агитаторъ, ничего не найдется для насъ новаго: всѣ даже мельчайшія подробности убійства Иванова извѣстны уже намъ. И такъ, укажемъ только на поведеніе подсудимаго, на его пререканія съ судомъ, въ качествѣ революціоннаго дѣятеля, не признававшаго себя подсуднымъ русскому суду, пусть и съ присяжными засѣдателями.

Но сперва оговорка. Выдача Нечаева съ условіемъ судить его по обвиненію въ простой уголовщинѣ, слѣдовательно съ присяжными, въ будничной обстановкѣ окружнаго суда, окончательно должна была развѣнчать этого самозваннаго дѣятеля отъ того ореола, въ какомъ представлялся онъ по крайней мѣрѣ своимъ послѣдователямъ.

Никогда еще, во всѣ пятнадцать лѣтъ, ни разу не наносился крамолѣ такой тяжкій ударъ, какъ этимъ обвинительнымъ приговоромъ *присяжныхъ* надъ героемъ Петровскаго-Разумовскаго.

Отмѣтимъ же наиболѣе комическіе эпизоды засѣданія въ московскомъ окружномъ судѣ 8 января 1873 года.

Предсѣдатель. Подсудимый, васъ зовутъ Сергѣй Геннадіевъ Нечаевъ?

Подсудимый. Прежде чѣмъ отвѣчать на вашъ вопросъ, я прошу...

Предсѣдатель (останавливая подсудимаго). Вы Сергѣй Геннадіевъ Нечаевъ?

Подсудимый. Прежде чѣмъ отвѣчать на вашъ вопросъ, я имѣю честь заявить, что права суда надо мною за русскимъ судомъ не признаю, подсудимымъ себя не считаю. Если суду угодно знать причины, почему не считаю, то я сочту своимъ долгомъ объяснить эти причины.

Предсѣдатель. Подождите объяснять. Вы преданы Московскою судебною палатою суду Московскаго окружнаго суда. Окружный судъ, на основаніи 549 ст. Уст. угол. судопроизводства, не имѣетъ права входить въ разсмотрѣніе вопроса о подсудности этого дѣла и обязанъ исполнить указъ Московской судебной палаты. Если же вы считаете распоряженіе судебной палаты о преданіи васъ суду окружнаго суда неправильнымъ, то можете обжаловать это распоряженіе въ кассаціонной жалобѣ Сенату. Затѣмъ и считаю этотъ вопросъ рѣшеннымъ и предлагаю вамъ къ нему не возвращаться.

Подсудимый (сильно возвышая голосъ). Господинъ предсѣдатель! Я эмигрантъ, подданнымъ Русскаго Императора быть пересталъ; формальности вашего судопроизводства не имѣютъ никакого значенія. *(Подсудимаго, по приказанію предсѣдателя, выводятъ. Въ это время онъ еще громче продолжаетъ).* Я призналъ бы позорнымъ для себя допустить судить мое поведеніе... *(На этомъ словѣ дверь за подсудимымъ была затворена. Въ публикѣ происходитъ сильное волненіе и общій крикъ: „вонъ его! вонъ! вонъ!“).*

Предсѣдатель (звонитъ). Никакихъ заявленій на судѣ не допускается, ни за, ни противъ подсудимаго. Не у публики спрашиваютъ суда. Если повторится подобное заявленіе, то я принужденъ буду удалить публику. *(Въ публикѣ быстро волненіе утихаетъ).*

Получивъ заключеніе прокурора, что онъ не сомнѣвается въ личности Сергѣя Нечаева, судъ призналъ возможнымъ продолжать дѣло.

По распоряженію предсѣдателя, вводятъ подсудимаго.

Предсѣдатель (обращаясь къ подсудимому). Желаете ли вы воспользоваться правомъ отвода присяжныхъ засѣдателей? *)

Подсудимый. Позвольте объявить, г. предсѣдатель...

Предсѣдатель. Желаете ли вы воспользоваться правомъ отвода?

Подсудимый (возвышеннымъ голосомъ). Всѣ формальности русскаго судопроизводства не имѣютъ для меня никакого значенія... *(Подсудимаго выводятъ; въ дверяхъ онъ кричитъ: „Рабомъ вашего деспота я быть пересталъ! Да здравствуетъ земскій соборъ!“).*

Прокуроръ проситъ занести въ протоколъ послѣднія слова подсудимаго.

Въ составъ присяжныхъ засѣдателей вошли 5 купцовъ, 2 чиновника, 2 мѣщанина, 1 цеховой, 1 почетный гражданинъ и 1 крестьянинъ.

По приводѣ присяжныхъ засѣдателей къ присягѣ, предсѣдатель обратился къ нимъ съ слѣдующими прекрасными словами:

---

*) Подсудимый не пожелалъ имѣть защитника *Авт.*

Гг. присяжные засѣдатели! Вы вѣроятно еще находитесь подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ того, что, къ счастію, въ первый разъ случилось на судѣ. Еще ни разу безумецъ не дозволилъ себѣ на судѣ высказывать то, что высказывалъ этотъ человѣкъ. Но, гг. присяжные засѣдатели, для соблюденія достоинства суда, нужно, чтобы судъ былъ спокоенъ. Нельзя произносить приговора о виновности человѣка подъ впечатлѣніями, подобными настоящему. Поэтому, такъ какъ вамъ предстоитъ постановить сознательный приговоръ, то я приглашаю васъ выслушать со всѣмъ вниманіемъ все то, что будетъ происходить на судѣ, и тогда только вы въ состояніи будете сказать, что произнесли приговоръ справедливый. Отрѣшитесь, на сколько возможно, отъ этого тяжелаго впечатлѣнія; будьте совершенно спокойны и на выходки подсудимаго, которыя могутъ быть еще въ послѣдствіи, отвѣчайте совершеннымъ презрѣніемъ, какъ будто бы ихъ и не было. Такъ какъ вамъ приходится постановить сознательный приговоръ, то я приглашаю васъ выслушать со всѣмъ вниманіемъ все то, что будетъ происходить на судѣ, чтобы даже этотъ человѣкъ не могъ сказать, что въ Россіи существуетъ судъ, который судитъ не по обстоятельствамъ дѣла, а по впечатлѣнію, на него произведенному, *и т. д.*

Рѣчь была, повторяемъ, тактична, умна. Но за то и время Н. А. Дейера было лучшимъ періодомъ въ исторіи московскаго окружнаго суда.

По прочтеніи обвинительнаго акта съ обстоятельствами дѣла, намъ уже достаточно извѣстными, подсудимый вновь былъ введенъ въ залу засѣданія.

Предсѣдатель (обращаясь къ подсудимому). Васъ обвиняютъ въ томъ, что вы 21 ноября 1869 г., по предварительному уговору съ другими четырьмя лицами, сосланными уже за это въ каторжныя работы, *) изъ личной ненависти убили въ гротѣ Петровской академіи слушателя этой академіи Иванова. Признаете ли вы себя виновнымъ?

Подсудимый (тѣмъ же возвышеннымъ голосомъ, какъ и прежде). Убіеніе Иванова есть фактъ чисто политическаго характера: оно составляетъ часть дѣла о заговорѣ, которое разбиралось въ Петербургѣ... (*Подсудимаго, по распоряженію предсѣдателя, уводятъ*).

Началось судебное слѣдствіе.

Предсѣдатель (обращаясь къ подсудимому). Студентъ Петровской академіи Мухортовъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля по настоящему дѣлу. Допускаете ли вы его къ присягѣ?

Подсудимый (болѣе спокойно, чѣмъ прежде). Я имѣлъ честь объявить, что за русскимъ судомъ права судить меня не признаю.

Предсѣдатель. Садитесь.

(*Подсудимый садится, обернувшись лицемъ къ публикѣ*).

---

*) То есть, съ Успенскимъ, Прыжовымъ, Кузнецовымъ и Николаевымъ. *Авт.*

То же повторялось и при послѣдующихъ обращеніяхъ предсѣдателя къ подсудимому. На предложеніе послѣдняго слова, убійца отвѣчалъ:

— Я считаю унизительнымъ для своего имени защищаться отъ клеветы, очевидной для всѣхъ. Вся Россія знаетъ, что я преступникъ политическій. Повторю то, что сказалъ графу Левашеву: правительство можетъ отнять у меня жизнь, но честь останется при мнѣ.

Прекрасной рѣчи прокурора Жукова касаться не будемъ: она обошла политическую сторону вопроса. Но предсѣдатель началъ свое резюме съ разбора возраженій, представленныхъ подсудимымъ.

Первое изъ его возраженій заключается въ томъ, что онъ не обязанъ отвѣчать въ настоящемъ засѣданіи по обвиненію, на немъ тяготѣющему, потому что это есть преступленіе политическое. Второе возраженіе его состояло въ томъ, что онъ, какъ не признающій себя русскимъ подданнымъ, не подлежитъ суду русскихъ судебныхъ мѣстъ. Первое изъ этихъ возраженій не заслуживаетъ уваженія потому, что если онъ считаетъ себя преступникомъ политическимъ, то ничто не мѣшало ему въ то время, когда совершилось это событіе, остаться въ Россіи и такимъ образомъ судиться въ томъ, въ чемъ онъ, по его мнѣнію, долженъ былъ быть судимъ. Но въ настоящее время онъ лишилъ себя возможности быть судимымъ въ качествѣ политическаго преступника, потому что, не возвратившись добровольно, онъ выданъ русскому правительству швейцарскимъ правительствомъ съ тѣмъ, чтобы онъ подлежалъ суду только за то тяжкое преступленіе, въ которомъ теперь его обвиняютъ. Помимо этого, предварительное слѣдствіе объ убійствѣ Иванова произведено совершенно отдѣльно отъ предварительнаго слѣдствія по другимъ пунктамъ обвиненія, тяготѣвшимъ на Нечаевѣ и его единомышленникахъ... Второе возраженіе Нечаева не имѣетъ уже ровно никакого основанія. Мы не будемъ разбирать, русскій ли онъ подданный или нѣтъ; но всякое самостоятельное государство судитъ лицъ, совершившихъ въ немъ извѣстное преступленіе, если бы они даже были иностранцы. Предположимъ, что настоящее убійство совершено не пятью русскими, а пятью иностранцами; всѣ эти пять иностранцевъ судились бы въ Россіи русскимъ судомъ, по русскимъ законамъ.

Остальная часть рѣчи касалась криминальной стороны дѣла. Когда предсѣдатель напомнилъ присяжнымъ слова „Уставовъ 20 ноября 1864 года“—„да царствуетъ милость въ судахъ“, подсудимый перебилъ его:

— А меня билъ жандармскій офицеръ!

На что предсѣдателемъ не было обращено ни малѣйшаго вниманія.

Когда присяжные, послѣ 20 минутъ совѣщанія, вынесли отвѣтъ: *да*, *виновенъ*, и прокуроръ далъ заключеніе, что под-

судимаго слѣдуетъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ на 20 лѣтъ, Нечаевъ замѣтилъ:

— Это Шемякинъ судъ!

Въ то же засѣданіе былъ объявленъ приговоръ въ окончательной формѣ, въ которомъ между прочимъ значилось:

> Рѣшеніемъ гг. присяжныхъ засѣдателей подсудимый Нечаевъ признанъ виновнымъ въ томъ, что, возъимѣвъ изъ личной ненависти намѣреніе лишить жизни слушателя Петровской академіи Иванова, подговорилъ другихъ четырехъ лицъ, сосланныхъ уже за это преступленіе въ каторжныя работы, совершить это убійство и затѣмъ 21 ноября 1869 года привелъ задуманное намѣреніе въ исполненіе, заманивъ Иванова въ пустынное по времени года мѣсто, гротъ Петровской академіи, и положивъ его тамъ на мѣстѣ собственноручнымъ выстрѣломъ изъ револьвера.

Признавъ въ Нечаевѣ зачинщика преступленія, а въ преступленіи „обстоятельства, увеличивающія вину", судъ опредѣлилъ:

> Носящаго званіе учителя городскаго приходскаго училища Сергѣя Геннадіева Нечаева, 25 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ на двадцать лѣтъ, а затѣмъ, на основаніи 25 ст. Улож. о наказ., поселить въ Сибири навсегда.

По объявленіи приговора, при выходѣ изъ залы, осужденный закричалъ:

— Да здравствуетъ земскій соборъ! Долой деспотизмъ!

Если вѣрить фельетонисту *Московскихъ Вѣдомостей*, въ публикѣ при этомъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

> — Что онъ такое сказалъ? спрашивалъ по-французски какой-то почтенный по лѣтамъ господинъ у другаго помоложе. — Да здравствуетъ сербскій законъ? мнѣ такъ послышалось.
>
> — Нѣтъ-съ, ваше пр — ство, онъ сказалъ: да здравствуетъ земскій соборъ.
>
> — Земскій соборъ? Что это такое? Это не все равно, что земское собраніе?
>
> — Нѣтъ-съ, ваше пр—ство, не совсѣмъ... Я вамъ потомъ-съ это объясню.

Тотъ же земскій соборъ, провозглашенный, среди такихъ же кривляній и ломаній, съ позорной колесницы и эшафота, по словамъ того же наблюдателя, вызвалъ будто бы другіе толки:

> — Чего это онъ все о вселенскомъ соборѣ оретъ? недоумѣвали одни.
>
> — Ишь ты, сердечный, все на соборы молится, замѣчали старухи.

Въ заключеніе позорной исторіи этой, окрещенной нами именемъ Нечаевщины, два слова о талантливѣйшемъ пред-

ставителѣ русской эмиграціи Герценѣ, сошедшемъ около этого времени въ могилу. Былъ ли причастенъ онъ этому отвратительному дѣлу? Для рѣшенія такого вопроса, мы имѣемъ два противорѣчащихъ свидѣтельства.

Наши русскія газеты, говоритъ корреспондентъ *Московскихъ Вѣдомостей* *), вообще весьма часто сообщаютъ ошибочныя свѣдѣнія о томъ, что происходитъ въ средѣ русской эмиграціи. Такъ, я читалъ въ одной московской газетѣ защиту Герцена отъ всякаго нареканія по участію въ Нечаевскомъ дѣлѣ. Защита эта появилась на столбцахъ помянутой газеты, какъ à propos къ протесту главнаго совѣта интернаціоналки противъ того же Нечаевскаго заговора. Что до этого протеста, то онъ былъ дѣломъ Утина, которому во что бы то ни стало захотѣлось вытѣснить Нечаева изъ интернаціоналки. Утинъ пріятель Карла Маркса, и они то главнымъ образомъ подстрекнули главный совѣтъ публиковать декларацію противъ Нечаева.

Что же до участія Герцена въ Нечаевскомъ дѣлѣ, то онъ, по увѣренію корреспондента, не только былъ главнымъ его зачинщикомъ, но „это дѣло не могло бы даже имѣть начала, если бы денежныя средства на него не вышли изъ рукъ Герцена“, что корреспонденту „извѣстно самымъ положительнымъ образомъ“. Корреспондентъ даже разсказываетъ объ источникѣ этихъ денежныхъ средствъ.

Около 1860 года за границей жилъ нѣкто Б., котораго иные политическіе агитаторы принимали за необыкновеннаго человѣка и который на самомъ дѣлѣ былъ только человѣкъ полупомѣшанный. Таково между прочимъ было мнѣніе и самого Герцена, ближе другихъ всмотрѣвшагося въ Б. Онъ обѣщалъ Герцену дать двадцать тысячъ рублей на *общій фондъ*, т. е. на революціонную пропаганду и на вспоможеніе ссыльнымъ и эмигрантамъ. Дѣйствительно, въ одно прекрасное утро Б. явился къ Герцену съ какими-то мѣшками; едва поздоровавшись, онъ бросилъ эти мѣшки на столъ и потомъ, сказавъ только: „вотъ вамъ двадцать тысячъ рублей! прощайте: я ѣду на Сандвичевы острова,“ торопливо скрылся. Въ мѣшкахъ оказалось двадцать тысячъ *серебряныхъ рублей*. Какимъ образомъ ухитрился Б. собрать за границей двадцать тысячъ русскихъ серебряныхъ рублей и почему ему вздумалось сдѣлать свое пожертвованіе именно серебромъ, это извѣстно только ему одному **). Онъ дѣйствительно уѣхалъ на Сандвичевы острова, и съ тѣхъ поръ о немъ не было ни слуху, ни духу. Вотъ изъ этихъ-то двадцати тысячъ рублей Герценъ и выдалъ Нечаеву *изъ рукъ въ руки восемнадцать тысячъ франковъ*. Когда Нечаевъ передъ началомъ своего заговора пріѣхалъ за границу, Герценъ

*) № 14 *Моск. Вѣд.* 1873 г.

**) Еще удивительнѣе, какъ онъ могъ внести мѣшки, вѣсомъ тяжелѣе 20 пудовъ! *Авт.*

принялъ его съ распростертыми объятіями. Въ это время Герценъ перессорился со всѣми молодыми эмигрантами и находился чуть не въ изолированномъ положеніи. Онъ обрадовался Нечаеву, какъ орудію, посредствомъ котораго онъ думалъ возвратить себѣ потерянное вліяніе на русскую молодежь. Вотъ это-то самолюбіе разслабленнаго мозга и было главною причиной гнуснаго Нечаевскаго дѣла.

Вся эта невѣроятная исторія съ какимъ-то „дядею изъ Америки", уѣзжающимъ на Сандвичевы острова, отзывается сказкою. Но еще года за полтора до этого удивительнаго откровенія корреспондента, брюссельская газета *Indépendance Belge* напечатала слѣдующее письмо дочери А. И. Герцена, Натальи Герценъ, изъ Женевы, отъ 13 іюля 1871 г.

Въ показаніяхъ подсудимаго Успенскаго вкрались важныя ошибки относительно Герцена. Г. Успенскій сказалъ: „Второй фактъ тотъ, что Нечаевъ разсказывалъ о существованіи у Герцена книги съ автографами разныхъ лицъ, посѣщавшихъ Герцена. Книга эта была разсматриваема какъ Нечаевымъ, такъ и Бакунинымъ, при чемъ Герценъ показывалъ ее, какъ доказательство того множества лицъ въ Россіи, которыя сочувствуютъ Нечаеву, и Нечаевъ съ своей стороны представлялъ мнѣ это, какъ доказательство широкаго развитія дѣла".

Семья Герцена считаетъ своею обязанностью опровергнуть слова Нечаева. Герценъ никогда не велъ книги съ именами приверженцевъ ни своихъ, ни Нечаева. Онъ нѣсколько разъ видѣлъ этого агитатора, но между ними не было никакого сближенія, такъ какъ Герценъ не раздѣлялъ практическихъ взглядовъ Нечаева на пропаганду и революцію.

По смерти Герцена, Нечаевъ, державшійся весьма противоположныхъ Герцену убѣжденій, прислалъ намъ письмо, исполненное угрозъ (отъ такъ называемой *Народной расправы*), съ тою цѣлью, чтобы мы не обнародовали въ *Сборникѣ „Писемъ къ другу"*.

Кому же вѣрить?.. Мы, по крайней мѣрѣ, не рѣшимся бросить камнемъ въ могилу талантливаго русскаго писателя, не переставшаго и въ изгнаніи, презирая „русскихъ соціалистовъ" позднѣйшей формаціи, горячо любить свою родину, покинутую имъ еще въ дореформенный періодъ, ради свободнаго слова, а не для безопаснаго руководительства гнуснѣйшими убійствами.

Но участіе и даже командованіе эмиграціи, въ лицѣ Бакунина, внѣ сомнѣнія. Нечаевщина и вышла изъ эмиграціи, и отстой свой отдала туда же, въ Швейцарію. Поэтому то конечно правительство тогда же, въ 1873 году, и обратило вниманіе на молодежь, особенно женскую, учащуюся въ Цюрихѣ, какъ гласило „Сообщеніе" въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*. Документъ этотъ воспроизводимъ цѣликомъ.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ нѣсколько русскихъ дѣвушекъ отправились за границу для слушанія лекцій въ цюрихскомъ университетѣ.

Первоначально число ихъ оставалось крайне ограниченнымъ, но въ послѣдніе два года начало быстро возрастать, и въ настоящее время въ цюрихскомъ университетѣ и тамошней политехнической школѣ считается болѣе ста русскихъ женщинъ. Между тѣмъ до правительства начали доходить все болѣе и болѣе неблагопріятныя о нихъ свѣдѣнія. Одновременно съ возрастаніемъ числа русскихъ студентокъ, коноводы русской эмиграціи избрали этотъ городъ центромъ революціонной пропаганды и обратили всѣ усилія на привлеченіе въ свои ряды учащейся молодежи. Подъ ихъ вліяніемъ научныя занятія бросались для безплодной политической агитаціи. Въ средѣ русской молодежи обоего пола образовались различныя политическія партіи самыхъ крайнихъ оттѣнковъ. Славянское соціало демократическое общество, центральный революціонный славянскій комитетъ, славянская и русская секціи интернаціональнаго общества открылись въ Цюрихѣ и считаютъ въ числѣ своихъ членовъ не мало русскихъ молодыхъ людей и женщинъ. Въ русской библіотекѣ, въ которую нѣкоторые наши издатели доставляютъ безплатно свои журналы и газеты, читаются лекціи, имѣющія исключительно революціонный характеръ: „Пугачевскій бунтъ“, „Французская революція 1870 года“,— вотъ обычныя темы лекторовъ. Посѣщеніе сходокъ рабочихъ сдѣлалось обычнымъ занятіемъ дѣвушекъ, даже такихъ, которыя не понимаютъ по-нѣмецки и довольствуются изустными переводами своихъ подругъ. Политическая агитація увлекаетъ молодыя неопытныя головы и даетъ имъ фальшивое направленіе. Сходки, борьба партій довершаютъ дѣло и сбиваютъ съ толку дѣвушекъ, которыя искусственное, безплодное волненіе принимаютъ за дѣйствительную жизнь. Вовлеченныя въ политику, дѣвушки подпадаютъ подъ вліяніе вожаковъ эмиграціи и становятся въ ихъ рукахъ послушными орудіями. Иныя по два, по три раза въ годъ ѣздятъ изъ Цюриха въ Россію и обратно, перевозятъ письма, порученія, прокламаціи и принимаютъ живое участіе въ преступной пропагандѣ. Другія увлекаются коммунистическими теоріями свободной любви и подъ покровомъ фиктивнаго брака доводятъ забвеніе основныхъ началъ нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ. Недостойное поведеніе русскихъ женщинъ возбудило противъ нихъ негодованіе мѣстныхъ жителей, и даже квартирныя хозяйки не охотно принимаютъ ихъ къ себѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ пали до того, что спеціально изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая во всѣхъ странахъ подвергается и карѣ уголовныхъ законовъ, и презрѣнію честныхъ людей.

Такое нравственное паденіе не можетъ не обратить на себя серьезнаго вниманія правительства. Нельзя забывать, что эти женщины возвратятся когда-нибудь въ Россію и будутъ женами, матерями и воспитательницами. Нельзя не остановиться на страшномъ вопросѣ: какое поколѣніе могутъ возрастить такія женщины?

Правительство не можетъ и не должно оставаться равнодушнымъ зрителемъ нравственнаго растлѣнія, подтачивающаго часть хотя и не значительную русской молодежи. Оно сознаетъ свою непреложную обязанность

бороться съ возникающимъ зломъ и рѣшилось употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, впрочемъ преимущественно предупредительныя.

Правительство постоянно съ сочувствіемъ относилось къ потребности высшаго образованія для женщинъ, являющейся въ болѣе даровитыхъ и любознательныхъ личностяхъ. При нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ IV отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, учреждены особые педагогическіе курсы, если и не имѣющіе характера высшихъ учебныхъ заведеній, то тѣмъ не менѣе, значительно превышающіе общій уровень женскаго образованія. Кромѣ того, министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило въ Петербургѣ и Москвѣ особые курсы, читаемые профессорами университетовъ въ объемѣ университетскаго образованія. Наконецъ, при Императорской медико-хирургической академіи учрежденъ, въ видѣ опыта на четыре года, особый курсъ для приготовленія ученыхъ акушерокъ, и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составляются соображенія объ учрежденіи подобныхъ курсовъ при всѣхъ университетахъ, имѣющихъ медицинскіе факультеты. Независимо отъ сего, въ настоящее время Высочайше повелѣно представить проектъ учрежденія высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, съ строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, первоначально въ Петербургѣ и въ Москвѣ, а затѣмъ, по мѣрѣ изысканія средствъ, и въ другихъ университетскихъ городахъ Такимъ образомъ, создавая и поддерживая учрежденія, удовлетворяющія существующей среди женщинъ потребности въ высшемъ образованіи, правительство даетъ желающимъ полную возможность пріобрѣсти научныя знанія въ предѣлахъ отечества. Но нѣтъ сомнѣнія, что не одна жажда знанія привлекаетъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ. Если западно-европейскія государства, значительно опередившія насъ въ образованіи, между тѣмъ точно также не допускающія женщинъ въ высшія учебныя заведенія, доставляютъ цюрихскому университету самый ничтожный контингентъ слушательницъ, составляющій въ совокупности менѣе 20 процентовъ числа однихъ русскихъ студентокъ; то трудно не придти къ заключенію, что большинство нашихъ юныхъ соотечественницъ поступаетъ въ цюрихскій университетъ подъ вліяніями, не имѣющими ничего общаго съ стремленіемъ къ образованію. Легкомысленная пропаганда нѣкоторой части нашей журналистики, ложное пониманіе назначенія женщины въ семьѣ и обществѣ, увлеченіе модными идеями,—всѣ эти причины болѣе или менѣе вліяютъ на громадный сравнительно наплывъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ *). Коноводы нашей эмиграціи ловко пользуются всѣми обстоятельствами и, увлекая молодыхъ, неопытныхъ дѣвушекъ въ вихрь политической агитаціи, губятъ ихъ безвозвратно. Правительство не можетъ допустить мысли, чтобы два, три докторскіе диплома могли искупить зло, происходящее отъ нравственнаго растлѣнія молодаго поколѣнія, и потому признаетъ необходимымъ положить конецъ этому ненормальному движенію.

*) Число студентокъ изъ Россіи доходитъ до 108, изъ прочихъ же государствъ Европы не составляетъ и 20. Прим. „Правит. Вѣстника“.

Вслѣдствіе сего правительство заблаговременно предупреждаетъ всѣхъ русскихъ женщинъ, посѣщающихъ цюрихскіе университетъ и политехникумъ, что тѣ изъ нихъ, которыя послѣ 1 января будущаго 1874 года будутъ продолжать слушаніе лекцій въ этихъ заведеніяхъ, по возвращеніи въ Россію, не будутъ допускаемы ни къ какимъ занятіямъ, разрѣшеніе или дозволеніе которыхъ зависитъ отъ правительства, а также къ какимъ бы то ни было экзаменамъ или въ какое-либо русское учебное заведеніе.

Правительство надѣется, что такое заблаговременное заявленіе избавитъ его отъ печальной необходимости подвергать кого-либо означеннымъ ограниченіямъ.

Но этотъ откровенный, скажемъ, отеческій призывъ правительства, къ прискорбію, не былъ во время услышанъ иными. Прошли годы, и не мало цюрихскихъ студентокъ, съпзношенными душею и тѣломъ, пошло въ каторжныя работы, предварительно доведя иныхъ молодыхъ людей до участи горчайшей.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Мѣры правительства и безпорядки.

Амнистія.— Отмѣна конфискаціи въ западныхъ губерніяхъ.—Искры польскаго пожара.—Конвенція 5 (17) ноября 1873 года.—Законъ 4 іюня 1874 года „О наказаніяхъ за составленіе противозаконныхъ сообществъ и участіе въ оныхъ".— Николаевскіе законы противъ тайныхъ обществъ.—Уложеніе о наказаніяхъ. изд. 1845, 1857 и 1866 годовъ. — Статьи о „противозаконныхъ сообществахъ" изданія 1867 года.—*Московскія Вѣдомости* о законѣ 1874 года. — Молчаніе печати. — Въ чемъ состояли безпорядки? Положеніе дѣла *Петербургскою Газетою*.— Разсказъ *Московскихъ Вѣдомостей*. — Объясненіе г. Ціона. — Коммиссія подъ предсѣдательствомъ г. Валуева.—Профессорская полемика.—Дѣло техниковъ.— Приговоръ мироваго суда.—Нулевой исходъ дѣла.—Судьба медико-хирургической академіи.—Бомбардированіе академіи *Московскими Вѣдомостями*.— Петиціи студентовъ.

I.

1874 годъ ознаменовался рядомъ правительственныхъ мѣръ, намѣченныхъ для борьбы съ крамолою. Тѣмъ не менѣе въ этомъ же году всплыло передъ судомъ довольно значительное дѣло оправданнаго въ 1871 году Долгушина и поляка Дмоховскаго, съ ихъ товарищами; а въ концѣ года затѣялась въ петербургскомъ технологическомъ институтѣ „исторія" съ профессоромъ Ціономъ, ясно теперь намъ показывающая, что глухая подземная работа не прекращалась, а еще усиленнѣе двигалась къ цѣли, намѣченной 4 апрѣля 1866 года выстрѣломъ у Лѣтняго сада. Эта саперная работа скоро обратила на себя особенное вниманіе правительства и повела къ „Жихаревскому дѣлу", этому началу скорбей.

Важнѣйшія правительственныя мѣры 1874 года состояли въ нѣкоторой амнистіи по дѣламъ политическимъ, въ заключеніи конвенціи со Швейцаріей по выдачѣ уголовныхъ преступниковъ и въ изданіи новыхъ статей „Уложенія" по политическимъ преступленіямъ.

Амнистія коснулась какъ русскихъ политическихъ преступниковъ, такъ и поляковъ, замѣшанныхъ въ мятежѣ 1863 года.

Для русскихъ государственныхъ преступниковъ это не было забвеніемъ прошлаго, а только нѣкоторымъ облегченіемъ участи, распространеннымъ далеко не на всѣхъ. Самый указъ носилъ длинное названіе: „О дарованіи нѣкоторыхъ облегченій лицамъ, подвергшимся по 1 января 1871 года обвиненіямъ въ государственныхъ преступленіяхъ, если они не совершили послѣ того какихъ-либо новыхъ преступленій и не были замѣчены ни въ чемъ предосудительномъ". Это „облегченіе" даровано было „въ ознаменованіе бракосочетанія Е. И. В. Великой княжны Маріи Александровны". Эта удоборастяжимая, судя даже по одному названію („не были замѣчены ни въ чемъ предосудительномъ"), амнистія заключалась въ слѣдующемъ:

1. Состоящимъ нынѣ въ разрядѣ сосланныхъ на житье, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, и находящимся какъ въ Европейской Россіи, такъ и въ Сибири, даровать прежнія личныя права состоянія, распространивъ оныя и на законныхъ дѣтей ихъ, прижитыхъ послѣ осужденія родителей ихъ.

2. Тѣмъ изъ таковыхъ лицъ, кои находятся въ Сибири, дозволить, если пожелаютъ, переселиться въ одну изъ внутреннихъ губерній, по назначенію правительства.

3. Тѣхъ же, которые находятся въ Европейской Россіи, освободить отъ надзора полиціи на основаніяхъ, какія установлены 3-мъ пунктомъ Всемилостивѣйшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія 13 мая 1871 года объ облегченіи участи нѣкоторыхъ преступниковъ.

4. Освобожденнымъ по настоящее время отъ надзора полиціи, на основаніи означеннаго пункта Высочайшаго повелѣнія 13-го мая 1871 года, предоставить право поступленія на государственную службу въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имъ дозволено свободное проживаніе,—и

5. Подобнымъ же освобожденнымъ отъ надзора лицамъ, которыя были удалены съ мѣста жительства безъ лишенія правъ, дозволить возвратиться на родину.

Эта робкая амнистія, насколько располагаемъ мы матеріаломъ, думается намъ, едва ли могла существенно измѣнить въ ту или другую сторону ходъ вещей. Не говоря уже о ея эластичности, при чемъ примѣненіе ея зависѣло отъ рекомендаціи исправника, аттестующаго „поднадзорныхъ", кого коснулась она? Сюда не вошли осужденные на каторжныя работы даже въ началѣ 60 годовъ. Далѣе: сюда не могли быть включены нечаевцы, осужденные уже послѣ 1 января

1871 года. Поставленный предѣлъ „1 января“ какъ будто именно и имѣлъ въ виду нечаевцевъ. Пунктъ 2 — дозволеніе переселиться въ „одну изъ внутреннихъ губерній“ ограничивался назначеніемъ правительства. Въ послѣдующихъ статьяхъ обращаетъ на себя вниманіе „надзоръ полиціи“, какъ видъ наказанія. Надзоръ полиціи, по смыслу самаго слова, есть мѣра предохранительная и предупредительная. Разумѣется, при теперешнемъ порядкѣ, она крайне стѣснительна для „поднадзорнаго“ и черезъ то есть видъ наказанія. Это смѣшеніе понятій „наказанія“ и „предупрежденія“ въ „надзорѣ полиціи“ было одною изъ наименѣе удачныхъ мѣръ, если не прямо вредною. А главное, амнистія совсѣмъ упразднялась оговоркою: „если не были замѣчены ни въ чемъ предосудительномъ“. Полезнѣе этого „облегченія“ былъ бы пересмотръ правилъ объ административной высылкѣ, если только существовали эти правила, и вообще основаній для привлеченія къ отвѣтственности по дѣламъ политическимъ, что впрочемъ потомъ и сдѣлано изданіемъ новыхъ статей „Уложенія о наказаніяхъ“.

Подобною же мѣрою, болѣе впрочемъ рѣшительною, было положеніе комитета министровъ, Высочайше утвержденное 3 февраля 1874 года, носившее такое же длинное названіе: „О разъясненіи и дополненіи Высочайше утвержденнаго 11 мая 1873 года положенія комитета министровъ о прекращеніи по западнымъ губерніямъ всѣхъ производящихся еще дѣлъ о конфискаціи имѣній по мятежу 1863 года и о невчинаніи новыхъ конфискаціонныхъ по сему мятежу дѣлъ“. Подъ этимъ черезъ чуръ уже канцелярскимъ заглавіемъ заключались слѣдующія статьи:

1. Признаются освобожденными по западнымъ губерніямъ отъ конфискаціи по мятежу 1863 года всѣ имѣнія, подлежавшія обращенію въ казну, какъ въ полномъ ихъ составѣ, такъ и въ доляхъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда производившіяся о нихъ дѣла не были окончены производствомъ до 11 мая 1873 года, при чемъ самыя имѣнія или части ихъ до дня Высочайшаго утвержденія настоящаго положенія комитета министровъ не были окончательно приняты въ казну, или окончательно проданы... или не получили по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ опредѣленнаго назначенія.

2. Тѣ изъ подлежащихъ освобожденію отъ конфискаціи имѣній и долей ихъ, кои состоятъ въ завѣдываніи управленій государственными

имуществами, передаются лицамъ, коимъ имѣнія сіи или доли ихъ будутъ слѣдовать. *)

3. Дѣла о всякаго рода долгахъ и претензіяхъ, кои, на основаніи Высочайше 26 января 1868 года утвержденныхъ правилъ для ликвидаціи долговъ и разсмотрѣнія разныхъ претензій предъявлены къ имѣніямъ, не подлежащимъ въ силу пункта 1 настоящаго положенія освобожденію отъ конфискаціи, доканчиваются производствомъ на основаніи означенныхъ правилъ 26 января 1868 года... Разрѣшеніе каждаго отдѣльнаго по таковому примѣненію частнаго случая предоставляется подлежащей палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда, которая, при могущихъ встрѣтиться затрудненіяхъ, входитъ съ представленіемъ въ Правительствующій Сенатъ.

4. Отмѣна конфискаціи не должна ни въ какомъ случаѣ служить поводомъ къ нарушенію правъ третьихъ лицъ по условіямъ, заключеннымъ или до сего на арендное содержаніе имѣній или частей ихъ, или оброчныхъ статей, или на иныя хозяйственныя въ тѣхъ имѣніяхъ операціи, при чемъ, если имѣнія или части имѣній сданы въ аренду не на опредѣленный срокъ, а впредь до продажи или до особаго распоряженія, то имѣнія сіи или арендныя статьи оставляются въ пользованіи съемщиковъ, впредь до начала слѣдующаго, за изъятіемъ изъ казеннаго управленія, экономическаго года.

5) За отмѣною... конфискаціи... устраняются всякіе разсчеты по доходамъ, вырученнымъ съ тѣхъ имѣній или частей ихъ совладѣльцами или казеннымъ управленіемъ, и не допускаются никакія претензіи частныхъ лицъ къ казнѣ за убытки, вслѣдствіе изъятія имѣній или частей оныхъ изъ непосредственнаго распоряженія сихъ лицъ, до передачи этихъ имѣній или частей тѣмъ, кому они будутъ слѣдовать. Равнымъ образомъ не подлежатъ возврату изъ казны никакія суммы, въ видѣ дохода съ тѣхъ имѣній или частей оныхъ, *и т. д.*

Тѣмъ не менѣе, и въ 1874 году, 10 лѣтъ спустя послѣ мятежа 1863 года, все еще приходилось тушить искры польскаго пожара. Такъ 7—10 января 1874 года происходило засѣданіе временнаго отдѣленія военнаго суда въ городѣ Бѣльскѣ Гродненской губерніи; разбиралось „дѣло о Соколовскомъ и другихъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ во время польскаго мятежа". Мы откроемъ слегка эту кровавую страницу исторіи возстанія 1863 года: поучительно противопоставленіе этихъ польскихъ головорѣзовъ пока еще только „испорченнымъ дѣтямъ" русскимъ.

Въ ночь съ 5 на 6 апрѣля 1863 года былъ повѣшенъ мятежниками близъ мѣстечка Цѣхановецъ оберъ-объѣздчикъ

*) Съ наложеніемъ запрещенія на 2 года для обезпеченія правъ третьихъ лицъ. *Авт.*

корчемной стражи, отставной маіоръ Хлусъ. Черезъ четыре дня мятежниками же была утоплена его служанка. Все это, благодаря покровительству мѣстныхъ властей, осталось безъ преслѣдованія. Ссора двухъ шляхтичей изъ за кабана вывела на свѣтъ это преступленіе. Оказалось, что Хлусъ былъ повѣшенъ бывшимъ жандармомъ-вѣшателемъ Олтаржевскимъ *), Піетровскимъ, Вильчинскимъ-Саковичемъ и другими мятежниками. По разсказамъ свидѣтелей, вооруженные повстанцы, въ числѣ 10—15 человѣкъ, и между ними Піетровскій, Саковичъ, Бортниковскій и Олтаржевскій, тащили Хлуса изъ квартиры, зажавъ ему ротъ, повалили на повозку, укоряя его въ измѣнѣ, и насѣвъ на него, отвезли за городъ, гдѣ и повѣсили на вербѣ. Когда отъѣзжали повозки, слышны были крики и плачъ дѣтей маіора и хозяйки дома.

Судъ, приговоривъ подсудимыхъ къ тяжкимъ наказаніямъ, постановилъ, въ виду давности преступленія и наказанія уже нѣкоторыхъ виновныхъ, несовершеннолѣтія Соколовскаго (ему во время мятежа было 17 лѣтъ) и чистосердечнаго раскаянія Саковича:

> Ходатайствовать предъ командующимъ войсками виленскаго военнаго округа о томъ, чтобы подсудимыхъ подвергнуть по мѣрѣ ихъ вины слѣдующимъ наказаніямъ: Соколовскаго сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ, Якубовскаго—на 8 лѣтъ, Косинскаго въ каторжныя работы на заводахъ на 6 лѣтъ, а Вильчинскаго-Саковича—на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

Такъ серьезны были послѣдніе вздохи польскаго возстанія, и ничтожнымъ представлялось безпочвенное соціалистическое броженіе внутри; но это слабое растеніе, колючее и ядовитое, годъ отъ году крѣпло, черпая соки изъ швейцарской эмиграціи. Тамъ было настоящее горнило выработки революціонныхъ дѣятелей, предрасполагаемыхъ дома молчаніемъ печати и заражаемыхъ ея недомолвками и намеками.

Правительствомъ было обращено особое вниманіе на заразу эмиграціи. Въ 1873 году изданъ былъ приказъ цюрихскимъ студенткамъ возвратиться въ отечество къ 1 января 1874 г. Въ февралѣ 1874 года былъ обнародованъ текстъ конвенціи.

---

*) Олтаржевскій за участіе въ мятежѣ сосланъ въ каторжныя работы на 12 лѣтъ. *Авт.*

заключенной 5 (17) ноября 1873 года между Россіею и Швейцаріею „о взаимной выдачѣ преступниковъ". Конвенція заключена была, очевидно, подъ ближайшимъ впечатлѣніемъ возни съ Нечаевымъ.

Конвенція эта едва ли могла имѣть особенно важное практическое значеніе. Она взаимно обязывала къ выдачѣ *уголовныхъ только* преступниковъ, настойчиво подтверждая невыдачу преступниковъ политическихъ. Выдача же по преступленіямъ уголовнымъ уже имѣла фактическій прецедентъ въ дѣлѣ Нечаева.

Конвенція прежде всего (ст. 1) исключаетъ „своихъ подданныхъ и гражданъ". Такимъ образомъ принятіе швейцарскаго гражданства русскимъ избавляло его отъ русскаго суда.

По 2-й статьѣ, обязательство выдачи ни въ какомъ случаѣ не распространяется на собственныхъ подданныхъ или гражданъ того государства, отъ котораго требуется выдача; однако договаривающіяся стороны обязуются преслѣдовать, согласно своимъ законамъ, всѣ преступленія и проступки, совершенные ихъ подданными или гражданами противъ законовъ противной стороны, какъ скоро предъявлено будетъ о томъ требованіе и если притомъ эти преступленія или проступки могутъ быть включены въ одну изъ категорій, исчисленныхъ въ статьѣ 3-ей. А 3-я статья конвенціи выдачу условливала совершеніемъ преступленія или проступка „внѣ владѣній того государства", отъ котораго требуется выдача. Самыя преступленія и проступки должны быть таковы, „за которые виновный въ нихъ, по законамъ обоихъ государствъ, подлежитъ наказанію тюремнымъ заключеніемъ свыше одного года". Но уголовныя преступленія и проступки указаны, повидимому, тѣ, которые скорѣе всего могутъ состоять въ связи съ революціонною дѣятельностью, какъ понимается она современными русскими агитаторами. Вотъ эти преступленія и проступки:

1) Отцеубійство, дѣтоубійство, убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, отравленіе, убійство съ умысломъ.

2) Умышленное нанесеніе побоевъ или ранъ, когда оно совершено съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, или когда отъ того послѣдовала постоянная болѣзнь, совершенная неспособность къ личному труду, потеря или невозможность употребленія какого-либо члена, глаза или всякаго другаго органа, а также смерть, безъ умысла учинить оную.

3) Многобрачіе, похищеніе несовершеннолѣтнихъ лицъ, изнасилованіе, изгнаніе плода, посягательство на цѣломудріе, соединенное съ насиліемъ, посягательство на цѣломудріе, совершенное хотя безъ насилія, но надъ малолѣтнимъ того или другаго пола, имѣющимъ отъ роду менѣе 14 лѣтъ, или же посредствомъ такого лица; посягательство на общественную нравственность посредствомъ постояннаго, въ видѣ занятія, возбужденія распутства или разврата малолѣтнихъ обоего пола, или же способствованія и благопріятствованія таковому съ цѣлію удовлетворенія страстей постороннихъ лицъ.

4) Похищеніе младенца, сокрытіе его, утайка его съ цѣлію сокрытія его происхожденія, подмѣнъ одного младенца другимъ, присвоеніе ребенка женщинѣ, его не родившей, подкидываніе или оставленіе младенца безъ призрѣнія.

5) Поджогъ.

6) Разрушеніе сооруженій, паровыхъ машинъ или телеграфныхъ снарядовъ.

7) Составленіе злонамѣренныхъ шаекъ, воровство.

8) Угрозы, направленныя противъ личности или частной собственности и влекущія за собою уголовныя наказанія.

9) Покушенія на личную свободу и на неприкосновенность жилища, учиненныя частными лицами.

10) Поддѣлка монеты или измѣненіе ея достоинства; выпускъ въ обращеніе фальшивой или измѣненной въ достоинствѣ монеты; поддѣлка или измѣненіе достоинства государственныхъ бумагъ или банковыхъ билетовъ, публичныхъ или частныхъ цѣнныхъ бумагъ, выпускъ въ обращеніе и сбытъ этихъ поддѣльныхъ или подложныхъ бумагъ или билетовъ; подлогъ въ актѣ, документахъ и всякаго рода оффиціальныхъ бумагахъ или телеграфическихъ депешахъ и употребленіе этихъ поддѣльныхъ или подложныхъ депешъ, бумагъ, билетовъ или документовъ; поддѣлки или измѣненіе печатей, клеймъ, штемпелей и знаковъ, за исключеніемъ принадлежащихъ частнымъ лицамъ или купцамъ; употребленіе такихъ печатей, клеймъ, штемпелей и знаковъ, а также злонамѣренное употребленіе подлинныхъ печатей, клеймъ, штемпелей и знаковъ.

11) Лжесвидѣтельство и ложныя показанія экспертовъ или переводчиковъ и подстрекательство къ сему преступленію.

13) Взяточничество, присвоеніе и утайка ввѣреннаго по службѣ имущества, подкупъ должностныхъ лицъ.

15) Мошенничество, злоупотребленіе довѣріемъ и обманъ.

16) Укрывательство вещей, полученныхъ посредствомъ одного изъ преступленій или проступковъ, предусмотрѣнныхъ настоящею конвенціею.

Если даже такіе пустяки, какъ выдача Нечаева-убійцы, повели къ долгимъ дипломатическимъ переговорамъ, заключеніе конвенціи съ такимъ подробнымъ и точнымъ перечисленіемъ проступковъ и преступленій было не безполезно.

Но за то конвенція особенно рѣзко выдѣляетъ политическія преступленія.

Такъ статья 6 гласитъ:

> Преступленія и проступки политическіе исключаются изъ настоящей конвенціи.
>
> Положительно опредѣляется, что выданный иностранецъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть преслѣдуемъ или подвергаемъ наказанію за какое-либо политическое преступленіе, совершенное имъ до выдачи, ни за какое-либо дѣяніе, имѣющее связь съ такимъ преступленіемъ.

Конечно, гораздо большее значеніе, чѣмъ эта конвенція, долженъ былъ имѣть изданный 4 іюня 1874 года новый законъ „О наказаніяхъ за составленіе противозаконныхъ сообществъ и участіе въ оныхъ". Законъ этотъ явился чуть не за мѣсяцъ до разбирательства по Долгушинскому дѣлу (9 іюля того же года). Онъ какъ будто прямо мѣтилъ въ это „противозаконное сообщество". Но, независимо отъ этого ближайшаго своего приложенія, новый законъ ясно показываетъ намъ, что именно правительство разумѣло въ 1874 году подъ крамольнымъ движеніемъ. Разумѣется, законъ этотъ, какъ и всякій уголовный законъ, не могъ быть руководителемъ жизни; онъ шелъ по ея пятамъ, карая лицъ, проступившихся предъ нимъ, едва ли особенно предупреждая преступленія.

Такъ какъ отнынѣ политическія преступленія будутъ подводиться подъ эти новыя статьи закона, не мѣшаетъ намъ вполнѣ познакомиться съ ними.

Новый законъ замѣняетъ и дополняетъ ст. 250 Улож. о нак., изд. 1866 года, а также замѣняетъ ст. 318 того же Уложенія по прод. 1868 года.

Вотъ текстъ закона въ замѣну и дополненіе ст. 250:

> Когда означенное въ ст. 249 злоумышленіе открыто правительствомъ заблаговременно, такъ что ни покушеній, ни смятеній, ни иныхъ вредныхъ послѣдствій не произошло, однако виновные обнаружили умыселъ дѣйствовать для достиженія своей преступной цѣли насильственно; то они, вмѣсто смертной казни, приговариваются, смотря по большей или меньшей важности преступнаго ихъ умысла, по степени ихъ участія въ заговорѣ и другимъ обстоятельствамъ дѣла:
>
> къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ рудники на время отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ, или же въ крѣпостяхъ на время отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ.
>
> Если же виновные не обнаружили умысла дѣйствовать насильственно, но составили сообщество, направленное къ достиженію, хотя бы въ болѣе

или менѣе отдаленномъ будущемъ *), цѣлей, указанныхъ въ 249 ст., или вступили въ подобное сообщество; то они... подвергаются:

или лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ на время отъ четырехъ до шести лѣтъ, или лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе;

или лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь, или отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по одной изъ степеней ст. 31 сего Уложенія;

или же лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ крѣпости на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до четырехъ лѣтъ.

Статья 318 замѣняется слѣдующими новыми, явно имѣющими въ виду соціалистическій характеръ движенія:

1. Виновные въ принадлежности къ сообществу, имѣющему цѣлью противодѣйствіе распоряженіямъ правительства, или возбужденіе неповиновенія установленнымъ отъ онаго властямъ (разд. IV гл. 1 сего Улож.), или разрушеніе основъ общественной жизни: религіи, семейнаго союза и собственности, или возбужденіе вражды между сословіями и вообще между отдѣльными частями или классами населенія, или же между хозяевами и рабочими, а равно возбужденіе къ устройству стачекъ, если при этомъ не было совершено преступленій, влекущихъ за собой болѣе строгое наказаніе, подвергаются...

или лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь, или заключенію въ исправительныя арестантскія отдѣленія по одной изъ степеней ст. 31 сего Уложенія;

или потерѣ нѣкоторыхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ крѣпости на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до четырехъ лѣтъ;

или же заключенію въ крѣпости на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ.

Слѣдующіе пункты суть прямо обобщеніе послѣдняго политическаго дѣла предъ изданіемъ новаго закона, именно дѣла нечаевцевъ:

2. Если указанное въ предшедшемъ пунктѣ сообщество приняло особыя мѣры къ сокрытію отъ правительства своего существованія или къ тайному расширенію круга своихъ дѣйствій, какъ то: если оно раздѣлено на отдѣленія или кружки, подъ однимъ общимъ управленіемъ, или если члены онаго обязались безусловнымъ повиновеніемъ какому-либо, хотя и выбранному ими, руководителю, или если имена руководителей хранятся въ тайнѣ отъ другихъ членовъ; то, по усмотрѣнію суда, наказаніе можетъ быть увеличено

на одну или на двѣ степени.

*) Эта растяжимая, ничего не говорящая фраза: „въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ“, едва ли умѣстна въ томъ точномъ изложеніи, какимъ долженъ отличаться законъ. *Авт.*

Но въ случаѣ, когда сообщества, предусмотрѣнныя въ 1 пунктѣ, или соучастники въ оныхъ возбуждали къ насильственнымъ дѣйствіямъ, или насильственными мѣрами побуждали другихъ содѣйствовать цѣлямъ сообщества, виновные въ принадлежности къ такимъ сообществамъ, если притомъ не было совершено преступленій, влекущихъ за собой болѣе строгое наказаніе... подвергаются:

или лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на время отъ четырехъ до шести лѣтъ;

или лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

3. Виновные въ принадлежности къ такого рода сообществамъ, которыя хотя и не имѣютъ ни одной изъ цѣлей, предусмотрѣнныхъ въ 1 п., но по особому, объявленному въ установленномъ порядкѣ, распоряженію правительства воспрещены, подвергаются...

или заключенію въ крѣпости отъ четырехъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ;

или аресту отъ семи дней до трехъ недѣль.

Дальнѣйшіе пункты предусматриваютъ даже шифръ, явившійся въ Нечаевщинѣ:

4. Виновные въ принадлежности къ сообществу, которое употребляетъ какія-либо средства для сокрытія отъ правительства своего существованія, устройства или цѣли, или для сохраненія въ тайнѣ своихъ собраній, предметовъ совѣщаній или сношеній между членами, или для тайнаго распространенія какихъ-либо ученій, если не будетъ доказано, что сообщество направлено было къ одной изъ противозаконныхъ цѣлей, указанныхъ въ п. 1, и притомъ не было совершено преступленій, влекущихъ за собою болѣе строгое наказаніе, подвергаются...

заключенію въ крѣпости на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ, или заключенію въ тюрьмѣ на время отъ одного до четырехъ мѣсяцевъ, или аресту отъ семи дней до трехъ недѣль.

5. Всѣмъ тѣмъ, кои до обнаруженія ихъ преступленія или противозаконныхъ дѣйствій того общества, къ которому они принадлежатъ, раскаясь въ своихъ заблужденіяхъ, донесутъ о томъ правительству съ полною искренностью, прежде чѣмъ общество будетъ открыто, наказаніе можетъ быть смягчено одною или нѣсколькими степенями, на основаніи ст. 135 сего Уложенія, или, смотря по обстоятельствамъ, они могутъ быть даже и вовсе освобождены отъ всякаго взысканія, съ оставленіемъ однако жъ подъ надзоромъ полиціи въ продолженіе одного года.

6. Освобожденные на основаніи предшедшаго пункта отъ взысканія, въ случаѣ образованія ими вторично новаго или прежняго противозаконнаго сообщества, а также вступленія въ таковое или содѣйствія оному, подвергаются:

наказаніямъ, выше сего въ пунктахъ 1—4 опредѣленнымъ, но съ соблюденіемъ притомъ правила, въ ст. 131 Уложенія постановленнаго.

7. Лица, виновныя въ покушеніи на образованіе противозаконныхъ сообществъ, предусмотрѣнныхъ въ 1 пунктѣ сей статьи, подвергаются за сіе:

въ первый разъ—заключенію въ крѣпости отъ четырехъ недѣль до восьми мѣсяцевъ, или въ тюрьмѣ отъ двухъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ; во второй разъ—лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь или отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по одной изъ степеней 31 статьи сего Уложенія.

8. Всѣ тѣ, кои, зная о существованіи противозаконныхъ сообществъ, предусмотрѣнныхъ въ пунктѣ 1 сей статьи, не донесутъ о томъ правительству, подвергаются за сіе:

заключенію въ тюрьмѣ отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ, или аресту отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію отъ ста до пятисотъ рублей.

9. Тѣ, которые въ жилищахъ своихъ или же въ домахъ и другихъ мѣстахъ, имъ принадлежащихъ или состоящихъ въ ихъ управленіи, будутъ допускать собраніе сообществъ, завѣдомо имъ противозаконныхъ, подвергаются, какъ необходимые пособники:

наказаніямъ, въ предшедшихъ пунктахъ за принадлежность къ симъ сообществамъ опредѣленнымъ.

Но довольно. Прочіе пункты новаго закона важны скорѣе для судейской практики, чѣмъ для насъ, лѣтописцевъ печальной эпохи. Мы однако сочли нужнымъ подробно напомнить статьи новаго закона, помимо всего, еще и потому, что иные изъ смущаемыхъ молодыхъ людей, быть можетъ, недостаточно знаютъ, насколько строго преслѣдуются закономъ „кружки“, даже невинные съ точки зрѣнія ихъ составителей и участниковъ.

Въ законѣ этомъ *Московскія Вѣдомости* усмотрѣли „смягчительное свойство“; *Голосъ* же наоборотъ нашелъ, что одною изъ цѣлей закона „было, повидимому, возвысить въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣру наказаній за подобныя преступленія“. Какъ бы то ни было, но съ точки зрѣнія чисто юридической, законъ этотъ былъ шагомъ впередъ, ибо въ немъ признаки преступныхъ дѣяній опредѣлены точнѣе и дробнѣе, чѣмъ прежде, и установлена подробная лѣстница преступности и соотвѣтствующихъ наказаній; помимо этого, и суду предоставленъ большій просторъ въ назначеніи наказаній.

По поводу новаго закона, *Московскія Вѣдомости* коснулись исторіи нашего уголовнаго законодательства по дѣламъ политическимъ.

По мнѣнію газеты, въ проектѣ составителей Уложенія о наказаніяхъ изд. 1845 года имѣлось въ виду „придать строгую уголовную санкцію запрещенію какихъ бы то ни было тай-

ныхъ обществъ". Запрещеніе это основывалось главнымъ образомъ на законѣ 1 августа 1822 года, направленномъ противъ существовавшихъ тогда у насъ „Союза Благоденствія", „Библейскаго общества" и масонскихъ ложъ. 14 декабря 1825 года дало поводъ къ подтвержденію и добавленію этого закона новыми указами 21 апрѣля 1826 года, 3 марта 1829 года и 3 іюня 1837 года. Составители проекта 1845 года говорятъ:

> Имѣя въ виду, что въ семъ случаѣ (то есть, за учрежденіе тайныхъ обществъ) строгость наказанія должна быть соразмѣряема съ родомъ и важностью вреда, который могъ быть причиненъ государству учрежденіемъ тайнаго общества, мы въ своемъ проектѣ полагаемъ раздѣлить учредителей и членовъ такихъ обществъ на слѣдующія категоріи: 1) учрежденіе общества и участіе въ ономъ, съ цѣлью, противною спокойствію или цѣлости государства, или образу и порядку правленія; 2) учрежденіе общества и участіе въ ономъ, съ цѣлью произвести какія-либо перемѣны въ существующемъ порядкѣ посредствомъ дѣйствій, неуказанныхъ и недозволенныхъ закономъ; 3) учрежденіе общества, хотя не имѣющаго никакой вредной цѣли, но вопреки особому распоряженію правительства.

Сообразно съ этимъ, основатели, начальники и члены обществъ, указанныхъ въ первой категоріи, подлежали наказанію, какъ государственные преступники, то есть, смертной казни или каторжной работѣ въ рудникахъ отъ 12 до 15 л. (ст. 347 Улож. изд. 1845 г.).

Тайныя общества второй категоріи Уложеніемъ 1845 года опредѣляются какъ такія,

> Которыя, хотя и не имѣютъ преступнаго направленія противъ спокойствія или цѣлости государства, но стараются посредствомъ какихъ-либо неуказанныхъ и недозволенныхъ закономъ дѣйствій или вліяній произвести перемѣну въ общихъ государственныхъ или губернскихъ и другихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, или же въ постановленіяхъ, коими опредѣляются дарованныя или утвержденныя Высочайшею властью права и преимущества, или вообще права существующихъ въ государствѣ состояній или сословій, или же достигнуть иной политической, безъ вѣдома правительства, цѣли.

Основатели и начальники такихъ тайныхъ обществъ подлежали лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири.

Наконецъ, за учрежденіе тайныхъ обществъ, не имѣющихъ „явно вредной цѣли", но по особымъ распоряженіямъ правительства воспрещенныхъ, виновные подвергались заключенію въ крѣпости на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года.

Эти законы 1845 года перешли безъ всякаго измѣненія въ дальнѣйшія изданія Уложенія о наказ. 1857 и 1866 годовъ. Послѣ Каракозовщины, въ 1867 году, законы эти подверглись коренному измѣненію. 27 марта 1867 года былъ изданъ новый законъ о противозаконныхъ сообществахъ въ замѣну ст. 318—324 Улож. о нак. (изд. 1866 года).

Въ этомъ законѣ, по основательному замѣчанію *Московскихъ Вѣдомостей*, „въ первый разъ сказалось стремленіе законодателя уловить и подвести подъ уголовный законъ соціалистскую пропаганду, отдѣливъ оную отъ революціоннаго заговора въ собственномъ смыслѣ“.

Законъ 1867 года предусмотрѣлъ три категоріи противозаконныхъ сообществъ (терминъ „тайное общество“ отброшенъ вовсе). Къ первой категоріи отнесены сообщества, если

> Дѣйствія ихъ или распространяемыя ими ученія направлены къ ниспроверженію или измѣненію какими бы то ни было средствами порядка государственнаго устройства.

Высшій размѣръ наказанія для главныхъ виновниковъ каторжная работа въ рудникахъ отъ 12 до 15 лѣтъ, а низшій—для соучастниковъ заключеніе въ тюрьмѣ отъ 8 до 16 мѣсяцевъ.

Ко второй категоріи отнесены

> Сообщники, дѣйствующіе въ направленіи, противномъ истинамъ и правиламъ христіанской вѣры, или нарушающемъ общественную нравственность, или же преподающемъ ученія, противныя благочестію или нравственности.

Основатели такихъ сообществъ подлежали ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ, а соучастники—заключенію въ тюрьмѣ отъ 2 до 8 мѣсяцевъ.

Новый законъ 1874 года мѣтко характеризовали *Московскія Вѣдомости*. Признавъ, что онъ „изложенъ въ юридическомъ отношеніи несравненно опредѣленнѣе“ прежнихъ, газета замѣчаетъ:

> Тѣмъ не менѣе, и въ немъ обнаруживается общій недостатокъ нашего уголовнаго кодекса,—чрезмѣрная дробность и казуистичность, при отсутствіи общихъ нормъ и опредѣленій родовыхъ признаковъ преступленій.

А это, добавимъ, давало поводъ и не умѣлымъ, и слишкомъ ретивымъ улавливать рядомъ съ виновными и невинныхъ, чрезъ что вносилась новая смута.

Мы понимаемъ, что правительство, напримѣръ, во время щекотливыхъ дипломатическихъ переговоровъ можетъ находить удобнымъ минутное прекращеніе шумнаго говора печати въ какомъ бы то ни было смыслѣ; но едва ли можетъ быть въ интересахъ правительства оставлять въ невѣдѣніи публику объ истинномъ значеніи и характерѣ факта, который совершается у всѣхъ предъ глазами и подаетъ поводъ къ разнообразнымъ толкамъ.

Руководящая статья въ № 294 „Московскихъ Вѣдомостей“ 1874 г.

II.

Такъ жаловались *Московскія Вѣдомости* по поводу постановленія, коимъ министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено было въ случаяхъ особенной важности приглашать печать воздерживаться на время отъ сообщенія извѣстій или сужденій о какомъ-либо событіи или вопросѣ. Жаловалась газета, очевидно, по поводу воспрещенія говорить что-либо объ „исторіяхъ“ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга въ концѣ 1874 года, и жаловалась вполнѣ основательно:

> Дурныя вліянія, дѣйствовавшія чрезъ печать, сдѣлали свое, но изъ изъ того, что они сдѣлали, всего хуже то, что печать, благодаря имъ, вынуждена къ молчанію о фактѣ, который былъ предметомъ ихъ злоупотребленій. Они свое сдѣлали, а задержано то, что должно было оказать противодѣйствіе имъ и изобличило бы ихъ. Дурныя вліянія были вредны только въ началѣ, и они высказались, а при дальнѣйшемъ разъясненіи дѣла, они потеряли бы почву.

Вотъ вслѣдствіе этого то запрещенія періодическая печать 1874 года не даетъ намъ почти никакихъ свѣдѣній о безпокойномъ настроеніи школьной молодежи, выразившемся въ исторіи съ профессоромъ Ціономъ. А все это было бы очень важно взвѣсить: Долгушинская исторія, о которой скажемъ ниже, вновь показала признаки дурнаго духа между нѣкоторыми изъ современной молодежи. Судебное разбирательство достаточно разъяснило характеръ этого мѣстнаго нарыва; законъ строго покаралъ виновныхъ. Но мы все таки остались въ темнотѣ по вопросу о зараженіи крови учащагося организма. Эти умалчиванія, по крайней мѣрѣ благонамѣренной части печати, кому сослужили службу, пусть рѣшитъ самъ читатель; но предъ нами на лицо одинъ громко вопіющій фактъ: то худшее изъ худшаго, то проклятое дѣло, къ предотвращенію чего направлены были всѣ силы, противъ чего 15 лѣтъ почти исключительно напрягался весь государственный организмъ, все таки совершилось...

Черезъ нѣсколько дней послѣ своей жалобы *Московскія Вѣдомости* глухо передали суть „волненій“ учащейся молодежи. По ихъ словамъ, недоучки, принятые въ медико-хирургическую академію въ противность правиламъ объ испытаніяхъ зрѣлости, перейдя во второй курсъ, сочли себя въ правѣ протестовать дерзкими выходками противъ преподавателя науки, о которой они не могли имѣть никакого понятія,—и вотъ въ то же время студенты другихъ учебныхъ заведеній начали въ свою очередь предъявлять разныя требованія.

Другія газеты заговорили болѣе опредѣленно, хотя и съ своеобразными разсужденіями. *Петербурьская Газета* передала, напримѣръ, это дѣло такъ:

> Университетскіе безпорядки, не выходившіе за предѣлы стѣнъ университета, еще убѣдительнѣе доказали, что спокойное отношеніе начальства къ школьнымъ увлеченіямъ и благоразумная воздержанность отъ всякихъ мѣръ раздраженія вѣрнѣе всѣхъ другихъ средствъ останавливаютъ молодежь отъ безпорядковъ. Студенты на сходкахъ поговорили объ удаленіи г. Ціона съ университетской каѳедры, а также объ удаленіи помощника инспектора, г. Пальмина, не симпатичнаго для учащихся, и когда увидѣли, что г. Пальминъ тотчасъ же получилъ отставку, а г. Ціонъ ни разу не появлялся на лекціи, то совсѣмъ успокоились, въ чемъ нельзя не отдать полной похвалы благоразумнымъ распоряженіямъ ректора университета г. Рѣдкина.

„Что могло бы быть позорнѣе этого факта, если бы онъ оказался справедливымъ!“ воскликнули въ отвѣтъ на это *Московскія Вѣдомости*. Повидимому, болѣе извѣщенная объ этой петербургской исторіи, московская газета передаетъ дѣло такъ:

> Посторонніе агитаторы *) и студенты медико-хирургической академіи старались возволновать университетскую молодежь и подѣйствовали на менѣе зрѣлую часть ея. Толпы собрались и толковали объ удаленіи гг. Ціона и Пальмина. Тутъ были люди, не только не принадлежавшіе къ числу слушателей профессора Ціона, но никогда не видавшіе его, и эти были, конечно, самыми горячими ораторами. Но агитаторы встрѣтили сильный отпоръ въ лучшей части университетской молодежи, со стороны самихъ слушателей г. Ціона. Злоумышленники смутились, встрѣтивъ отпоръ въ средѣ самой университетской молодежи. Напрасно прибѣгали они къ ругательствамъ и угрозамъ, напрасно кричали: „къ позорному столбу спеціалистовъ“, умные молодые люди устояли.

---

*) Точно такихъ агитаторовъ въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній мы можемъ припомнить по процессу нечаевцевъ. *Авт.*

Чѣмъ же однако заслужилъ гнѣвъ молодежи профессоръ Ціонъ, нынѣ, какъ слышно, подобно г. Цитовичу экспатрировавшійся? Исторія медико-хирургической академіи, откуда былъ поданъ сигналъ къ безпорядкамъ, есть лѣтопись непрерывнаго броженія. Столкновеніе съ г. Ціономъ, по мнѣнію *Московскихъ Вѣдомостей*, было однимъ только изъ подобныхъ эпизодовъ. Въ началѣ 1871 года профессоръ Петербургскаго университета г. Ціонъ явился кандидатомъ на вакантную каѳедру физіологіи въ академіи. Образовавшись въ школѣ знаменитѣйшихъ физіологовъ Европы, г. Ціонъ „самостоятельными трудами занялъ почетное мѣсто въ ряду европейскихъ ученыхъ". Парижскою академіей наукъ была присуждена ему (въ 1867 году) Монтіоновская премія за трудъ по экспериментальной физіологіи, а потомъ (въ 1870 г.) медаль за сочиненіе его по электро-терапіи. Тѣмъ не менѣе г. Ціонъ былъ забаллотированъ въ академической конференціи „вслѣдствіе явно пристрастнаго доклада коммиссіи академіи". Тогда начальство академіи, заручившись самыми лестными отзывами о трудахъ г. Ціона со стороны такихъ иностранныхъ авторитетовъ по физіологіи, каковы Гельмгольцъ, Клодъ Бернаръ, Людвигъ, назначило г. Ціона профессоромъ академіи. Походъ противъ г. Ціона изъ стѣнъ академіи перешелъ въ петербургскую журналистику. Брань на г. Ціона, по словамъ *Московскихъ Вѣдомостей*, сдѣлалась одною изъ ея любимѣйшихъ темъ, и имя его волочили изъ фельетона *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* чрезъ фельетонъ *Биржевыхъ Вѣдомостей* и критику *Знанія* въ *Отечественныя Записки*, гдѣ „самымъ нахальнымъ клеветамъ на него посвящено нѣсколько листовъ печати". Г. Ціонъ издаетъ самостоятельный курсъ, — курсъ разруганъ; произноситъ интересную рѣчь, — она возбуждаетъ цѣлую бурю.

Самъ г. Ціонъ причину ожесточенныхъ нападокъ на него объясняетъ такъ:

> Изложенные въ рѣчи взгляды, діаметрально противоположные тѣмъ, которыми пропитаны всѣ наши недоучки, предпочитающіе легкое нахватываніе пустыхъ фразъ у Бюхнеровъ и Молешотовъ и имъ подобныхъ писателей — честному, но безконечно болѣе трудному пути, ведущему къ истинному знанію. Слова моей рѣчи, добавляетъ г. Ціонъ, направленныя противъ полузнанія, противъ жадности и неразборчивости, съ какими поглощаются у насъ популярныя книжки, льстящія иногда однимъ грубымъ инстинктамъ, — слова эти попали въ цѣль.

Дѣйствительно, замѣчаютъ по поводу этого заявленія г. Ціона *Московскія Вѣдомости*, вотъ гдѣ главная причина гоненія на г. Ціона; „вотъ за что позорили его и волочили его имя по грязнымъ фельетонамъ петербургскихъ газетъ! вотъ за что хотѣли взбѣсить противъ него учащуюся молодежь!"

Г. Ціонъ—ученый въ серьезномъ смыслѣ этого слова; онъ не хочетъ употреблять во зло науку для того, чтобъ обманывать и развращать незрѣлые умы; онъ не поклонникъ матеріализма и презрительно отзывается о Молешотахъ и Бюхнерахъ; наконецъ онъ физіологъ, хорошо знающій предметъ своей науки,—и вотъ противъ него организуется цѣлый заговоръ, чтобы сжить его съ лица земли; наши quasi-ученые вступаютъ въ союзъ съ трущобными дѣятелями, и люди самыхъ разнородныхъ мнѣній въ обществѣ и даже въ высшихъ административныхъ сферахъ безсмысленно повторяютъ клеветы и нареканія, распространяемыя и печатью, и молвою.

Такъ горячо заступились *Московскія Вѣдомости* за г. Ціона. Но теперь можно взглянуть на эту исторію болѣе спокойно. Не безпричинна была здѣсь и настойчивость г. Ціона служить въ академіи помимо желаній своихъ товарищей, пусть профессора академіи и были къ нему не безпристрастны; а увольненіе теперь г. Ціона изъ русскаго подданства не особенно свидѣтельствуетъ и о его патріотизмѣ. Но случай съ г. Ціономъ не единичный; бывала агитація и противъ другихъ, помимо желанія совѣтовъ и конференцій, назначаемыхъ администраціею профессоровъ. Источникъ подобныхъ смутъ лежитъ между прочимъ въ той двойственности, по которой можно войти на каѳедру или по избранію, или по назначенію.

Какъ бы то ни было, но безпорядки въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга подали поводъ къ учрежденію въ 1874 году особой коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Валуева. Въ составъ коммиссіи вошли министры: юстиціи, военный, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, путей сообщенія, главноуправляющій II отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, государственный контролеръ и шефъ жандармовъ.

Московскія Вѣдомости сообщаютъ подробности объ этой коммиссіи:

Совѣщаніе признало, что источникъ безпорядочныхъ движеній, повторяющихся по временамъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, заключается въ общихъ недостаткахъ внутренняго быта этихъ заведеній и въ посторонникъ вліяніяхъ, коими значеніе сихъ недостатковъ усиливается. Та-

ковы: ослабленіе нравственной связи между учащимися и учащими; преобладаніе коллегіальнаго начала въ формахъ управленія учебными заведеніями; частные недостатки нѣкоторыхъ нынѣшнихъ профессорскихъ коллегій (внутренніе раздоры, слабость традицій, отсутствіе личной отвѣтственности, недостатокъ такта и т. д.); неправильное примѣненіе различныхъ льготъ, какъ при пріемѣ въ высшія учебныя заведенія (слабость пріемныхъ испытаній), такъ и во время прохожденія курсовъ ученія (освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій, пособія, стипендіи); затрудненія, проистекающія отъ значительнаго увеличенія числа учащихся, весьма мало занимающихся науками; утилитарныя цѣли, привлекающія большинство молодыхъ людей въ высшія учебныя заведенія въ надеждѣ именно на несерьезность выпускныхъ экзаменовъ; наконецъ, отсутствіе семейныхъ и гражданскихъ нравовъ, которые могли бы оказать содѣйствіе начальству заведеній при охраненіи надлежащаго порядка.

Словомъ, грѣшнымъ воломъ Крыловской басни оказался университетскій уставъ, и такіе недостатки, какъ „слабость традицій", предполагалось излѣчить новою ломкою университетскаго устава. Пререканія по вопросу объ университетскомъ уставѣ длились до послѣднихъ дней. Слѣдить за этимъ не станемъ, ибо они и кончились ничѣмъ: университетскій уставъ пока остался въ цѣлости. Тѣмъ не менѣе занесемъ въ нашу лѣтопись основные пункты предположенной реформы. Коммиссія единогласно указала слѣдующіе пункты:

1) Пересмотръ нынѣ дѣйствующихъ уставовъ высшихъ учебныхъ заведеній.

2) Уменьшеніе состава профессорскихъ коллегій, съ изъятіемъ изъ ихъ вѣдѣнія нѣкоторыхъ дѣлъ административно-полицейскаго свойства и съ установленіемъ другаго порядка назначенія какъ профессоровъ, такъ и лицъ, занимающихъ въ учебныхъ заведеніяхъ административныя или полицейскія должности. Признано, что оцѣнка ученыхъ заслугъ кандидатовъ на профессорскія каѳедры спеціалистами можетъ быть вполнѣ успѣшно производима при дѣятельномъ участіи въ дѣлѣ правительственной власти. При этомъ найдено однако возможнымъ, согласно съ мнѣніемъ министра народнаго просвѣщенія, сохранить выборный порядокъ назначенія ректоровъ и декановъ въ университетахъ.

3) Правительственный контроль за направленіемъ преподаванія по ближайшему усмотрѣнію подлежащихъ вѣдомствъ и въ тѣхъ размѣрахъ и формахъ, въ какихъ это будетъ признано удобнымъ. Относительно университетовъ министръ народнаго просвѣщенія полагалъ возможнымъ, не стѣсняя свободы преподаванія, отдѣлить отъ него выпускные экзамены, которые поручить особымъ экзаменаціоннымъ коммиссіямъ по назначенію министра, съ приглашеніемъ къ участію въ нихъ депутатовъ отъ другихъ вѣдомствъ. Такой порядокъ экзаменовъ чрезъ смѣшанныя коммиссіи послужилъ бы лицамъ, предназначающимъ себя для государственной службы, замѣною не существующаго у насъ пока экзамена на право веду-

пленія на эту службу (Staatsexamen). При этомъ испытанія на ученую университетскую службу предположено оставить за университетами.

4) Введеніе равномѣрной во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ правильности пріемныхъ испытаній, при чемъ признано, что мѣры, принятыя по гимназіямъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, уже весьма полезно отозвались на новыхъ контингентахъ студентовъ, поступившихъ изъ гимназій въ Московскій и другіе университеты.

5) Исправленіе нынѣ дѣйствующей системы льготъ и пособій, дабы впредь оказывать тѣ и другія съ систематическою точностію. Возвышеніе вообще учебной платы было, согласно съ мнѣніемъ министра народнаго просвѣщенія, совѣщаніемъ отклонено, но порядокъ освобожденія отъ нея признанъ требующимъ внимательнаго пересмотра. Особенная же важность придана тому, чтобы стипендіи, самый правильный изъ всѣхъ видовъ оказываемыхъ учащимся пособій, содѣйствовали успѣленію научныхъ занятій студентовъ и выдавались тѣмъ молодымъ людямъ, которые, при недостаткѣ матеріальныхъ средствъ, соединяютъ въ себѣ надлежащія способности, надлежащую подготовку и необходимое для дальнѣйшаго развитія прилежаніе.

6) Улучшеніе правилъ внутренняго училищнаго суда по дѣламъ, возникающимъ въ стѣнахъ заведеній, и изъятіе изъ юрисдикціи общихъ судовъ такихъ проступковъ студентовъ, которые, хотя и совершены внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній, но направлены противъ ихъ начальства.

Проектъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе, но онъ съ 1875 по 1880 годъ дразнилъ общественное мнѣніе „профессорскихъ комнатъ“, что конечно не способствовало успокоенію интеллигенціи.

Исторія съ профессоромъ Ціономъ, поведшая къ постановкѣ вопроса объ уставахъ высшихъ учебныхъ заведеній, окончилась на литературномъ полѣ битвы помѣщеніемъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* письма профессора Бекетова и отвѣта на него профессора Ціона въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, по поводу предложенія г. Ціону каѳедры въ Эдинбургскомъ университетѣ. Профессоръ Бекетовъ свидѣтельствовалъ, на основаніи письма декана Эдинбургскаго университета Дж. Бальфура, что г. Ціону каѳедры въ томъ университетѣ не предлагалось; профессоръ же Ціонъ утверждалъ противное, ссылаясь на особые порядки Эдинбургскаго университета, гдѣ профессоры ни деканомъ, ни факультетомъ не приглашаются, а назначаются по особаго рода конкурсу.

Такъ окончилась „ссора пановъ“, но у „хлопцевъ“ продолжали „чубы летѣть“. Дѣло техниковъ, судившихся у мироваго судьи за безпорядки, бывшіе отголоскомъ исторіи съ

г. Ціономъ въ медико-хирургической академіи, перешло въ мировой съѣздъ, гдѣ и разбиралось 13 декабря 1874 года.

Отчетъ объ этомъ дѣлѣ былъ напечатанъ въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ*, откуда и заимствуемъ слѣдующія свѣдѣнія:

Приставъ 4 участка Московской части препроводилъ мировому судьѣ 16 участка составленный имъ 1 ноября протоколъ, въ которомъ изложилъ, что въ этотъ день, во 2 часу по полудни, толпа слушателей технологическаго института, не смотря на объявленіе о прекращеніи лекцій и другихъ занятій, выставленное у главнаго входа въ зданіе института, а также объявленіе полицейскихъ чиновъ о воспрещеніи входа въ институтъ черезъ ворота по большому Царскосельскому проспекту, явясь къ этимъ воротамъ, насильственно вошла во дворъ и произвела безпорядокъ, выразившійся въ шумѣ и крикѣ. Мировой судья нашелъ,

> 1) что показаніемъ всѣхъ спрошенныхъ свидѣтелей вполнѣ удостовѣрено, что 1 ноября толпа слушателей технологическаго института насильственно ворвалась во дворъ зданія онаго, гдѣ и произвела безпорядокъ, при чемъ толпа эта по первому требованію полиціи не разошлась, продолжая кричать и шумѣть; 2) что показаніями свидѣтелей... а также собственнымъ сознаніемъ обвиняемыхъ подтверждено, что Лапусскій, Мачинскій, Маркевичъ, Невинскій, Нагурскій, Паренаго, Рождественскій, Фессенко и Варынскій принадлежали къ означенной толпѣ.

Поэтому мировой судья постановилъ: Лапусскаго, Мачинскаго, Маркевича, Невинскаго, Нагурскаго, Паренаго, Рождественскаго, Фессенко и Варынскаго подвергнуть аресту при тюрьмѣ, каждаго на 2 недѣли.

Другимъ такимъ же приговоромъ признаны виновными въ нарушеніи общественнаго порядка и приговорены къ аресту при полиціи слушатели Дмоховской и Бердниковъ на 2 недѣли, Квятковскій и Игнатовъ — на 3 недѣли, а Остряковъ, признанный кромѣ того виновнымъ въ оскорбленіи дѣйствіемъ городоваго, по совокупности, къ аресту на одинъ мѣсяцъ. Вотъ на эти-то приговоры всѣ обвиненные и подали жалобу въ съѣздъ. Намъ ни сколько не любопытно рѣшеніе съѣзда; гораздо замѣчательнѣе совпаденіе нѣкоторыхъ изъ фамилій только что названныхъ нами обвиненныхъ съ фамиліями нѣкоторыхъ впослѣдствіи политическихъ преступниковъ. Мы не имѣемъ данныхъ, чтобы утверждать несомнѣнную тождественность тѣхъ и другихъ лицъ; можетъ быть, это только

родственники, можетъ быть, даже однофамильцы; но намъ припоминается, что о какомъ-то Фессенко много толковалось послѣ 1 марта 1881 года; Дмоховской, повидимому, родня Дмоховскому, осужденному по Долгушинскому дѣлу; студентъ Бердниковъ оказывается въ дѣлѣ 193, а Квятковскихъ мы знаемъ двоихъ: казненнаго въ Петербургѣ въ 1880 году и другаго Квятковскаго, сосланнаго въ каторжныя работы. Согласитесь, что фамиліи Фессенко, Дмоховской, Бердниковъ, Квятковскій не изъ числа особенно часто встрѣчающихся.

Но и ничтожнымъ наказаніемъ, наложеннымъ мировымъ съѣздомъ, дѣло не окончилось. Нужно было совсѣмъ обѣлить техниковъ, ломившихся съ улицы въ технологическій институтъ, и рѣшеніе мироваго съѣзда было кассировано уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ правительствующаго сената.

Такимъ образомъ, исторія безпорядковъ 1874 года въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, о чемъ печать должна была молчать, о чемъ только отрывочныя свѣдѣнія могли мы собрать въ современныхъ періодическихъ изданіяхъ, пришла къ троякому нулевому рѣшенію: 1) профессора поссорились и окончили печатнымъ обвиненіемъ другъ друга во лжи, не имѣющимъ никакого отношенія къ наукѣ; 2) наказаніе буяновъ-студентовъ отмѣнено, а буде потомъ и послѣдовало, то уже тогда, когда дѣло потеряло весь свой вкусъ, такъ что новаго приговора съѣзда мировыхъ судей мы уже и не нашли въ газетахъ, и 3) Валуевская коммисія, нѣсколько лѣтъ потомивъ общественное мнѣніе, тоже окончилась ничѣмъ.

Впрочемъ Ціоновская исторія отозвалась отчасти на судьбѣ медико-хирургической академіи. 20 мая 1875 года въ комитетѣ министровъ разсматривалось дѣло о передачѣ этой академіи изъ военнаго вѣдомства въ вѣдомство народнаго просвѣщенія, что однако и до настоящаго времени не послѣдовало, хотя и вышло „Временное положеніе объ Императорской Военно-Медицинской Академіи“.

Въ 1872—1873 годахъ начальство академіи сочло возможнымъ открыть пріемъ въ нее для молодыхъ людей, не окончившихъ полнаго гимназическаго курса, пробывшихъ лишь одинъ годъ въ VII классѣ гимназій и не подвергавшихся испытаніямъ зрѣлости. 5 сентября 1873 г. покойному Государю

благоугодно было начертать на докладѣ по этому предмету статсъ-секретаря Делянова слѣдующія слова:

> Вполнѣ раздѣляю мнѣніе статсъ-секретаря Делянова. Льготу, дарованную въ прошломъ году и продолжаемую на настоящій, прекратить непремѣнно съ будущаго года; не докончившимъ же полный гимназическій курсъ студентамъ медико-хирургической академіи воспретить нынѣ же переходъ въ университеты.

Но военное министерство настаивало на томъ, чтобы доступъ въ академію былъ открытъ на иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ медицинскіе факультеты университетовъ, и долго еще академія оставалась на прежнихъ основаніяхъ, бомбардируемая *Московскими Вѣдомостями*.

> Идетъ ли рѣчь, гремитъ, напримѣръ, эта газета въ 133 № 1875 года, о возможно лучшемъ устройствѣ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, со стороны медико-хирургической академіи вызываются заявленія о недостаточности будто бы гимназій для подготовки молодыхъ людей по части математики и физики, для слушанія лекцій медико-хирургической академіи, и о необходимости будто бы для этой цѣли особыхъ реальныхъ училищъ съ такимъ же продолжительнымъ курсомъ, какъ гимназіи, и съ особенно высокимъ развитіемъ курсовъ математики и естественныхъ наукъ. Возбуждается ли вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи, при чемъ естественно министерство народнаго просвѣщенія призывается къ его рѣшенію совмѣстно съ другими вѣдомствами, военное министерство съ помощью медико-хирургической академіи фактически предрѣшаетъ этотъ вопросъ и на этотъ разъ находитъ, что для слушанія медицинскихъ курсовъ достаточно и той подготовки по математикѣ и физикѣ, какую могутъ давать женскія гимназіи и институты. Выходитъ новый законъ о гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, устанавливающій восьмилѣтній курсъ ученія въ этихъ заведеніяхъ, и тутъ медико-хирургическая академія оказывается пригодною для колебанія какъ этого закона въ самой существенной его части, такъ и изданныхъ въ его развитіе правилъ объ испытаніяхъ зрѣлости: на этотъ разъ оказывается, что для слушанія лекцій въ медико-хирургической академіи пригодны и тѣ молодые люди, которые даже не окончили полнаго курса ученія въ гимназіяхъ...
>
> Роль медико-хирургической академіи, пока она остается въ военномъ вѣдомствѣ, кажется, уже достаточно опредѣлилась: она служитъ орудіемъ борьбы противъ всѣхъ начинаній и предположеній министерства народнаго просвѣщенія...
>
> Какъ примѣняются и нынѣшніе университетскіе порядки въ академіи и какимъ соблазномъ бываетъ академія для всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, особенно же Петербурга, это, кажется, достаточно выяснилось изъ роли, которую она играла въ волненіяхъ обучающихся въ этихъ заведеніяхъ молодыхъ людей въ мартѣ 1869 и въ октябрѣ и ноябрѣ 1874 года. Можно ли въ будущемъ разсчитывать на что-либо лучшее? Это болѣе

чѣмъ сомнительно, въ виду всего прошедшаго и въ виду совершенно подорваннаго въ глазахъ студентовъ нравственнаго авторитета профессоровъ и конференціи медико-хирургической академіи.

Все это, конечно, было вѣрно: въ дѣлѣ просвѣщенія академія играла роль удѣла, своими частными начинаніями и стремленіями противорѣчащаго задачамъ и цѣлямъ министерства просвѣщенія. Но и послѣднее было ли безупречно во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ? Во всякомъ же случаѣ медико-хирургическая академія не скупилась ни на „исторіи", ни на постановку кандидатовъ въ политическіе преступники.

Касаясь школьныхъ исторій, мы почти не трогали такъ называемыхъ „петицій" студентовъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Идолопоклоняемая нѣкоторыми „учащаяся молодежь" считается чѣмъ-то настолько священнымъ, что передъ нею, какъ предъ библейскою купиною, надлежитъ разувать ноги. Но дѣлать нечего: чуждые какого-либо фетишизма, рѣшаемся на этотъ разъ высказаться не обинуясь.

„Петиціи" подаются студентами, лицеистами, технологами и т. д., кромѣ воспитанниковъ духовныхъ академій. Слыхали мы въ 1880 году о петиціяхъ даже семинаристовъ. Обратятся пожалуй съ петиціями и гимназисты и реалисты. Зачѣмъ отставать отъ старшихъ товарищей и ученикамъ уѣздныхъ училищъ и тѣхъ начальныхъ школъ, откуда могутъ исходить лишь только устныя просьбы? Точно не дѣйствительность; точно какой-то нелѣпый лихорадочный сонъ. Понимаемъ ходатайства университета, а также любаго учебнаго заведенія о расширеніи правъ. Но вы, господа, представители кого? Самихъ себя? Но завтра вы оканчиваете курсъ; на ваше мѣсто явятся другіе курсы. Выставляете вы нужды настоящихъ или же и не вступившихъ еще въ университетъ курсовъ? Но вы уполномочены теперешними гимназистами и поступающими по экзамену въ вашъ университетъ изъ разныхъ уголковъ Россіи? Но вы знаете, въ чемъ футурусы будутъ нуждаться? Студенчество, по вашему, сословіе замкнутое, изъ котораго нѣтъ выхода, навсегда остающееся съ своими нуждами, а не переходное состояніе, не учебная повинность, не вода текущая, прибывающая и убывающая періодически ежегодно? Очень нужны ваши пе-

тиціи для студентовъ, четвертаго, напримѣръ, курса, имѣющихъ однако особенное право на вниманіе къ ихъ нуждамъ? Не шумите ли больше всѣхъ вы, первокурсники, еще почти не вкусившіе студенческой жизни, только что освобожденные отъ гимназическаго билета и необходимости отвѣшивать поклоны надзирателямъ? Въ этомъ-то главнымъ образомъ и состоитъ внутреннее противорѣчіе настоящей нелѣпой постановки вопроса. Эти общія мѣста: кассы, читальни, стипендіи, кухмистерскія такъ-таки лицамъ, власть имѣющимъ, новость? Никто, кромѣ васъ, не былъ студентомъ? Десять—двадцать лѣтъ тому назадъ, когда нужно было играть въ руку реакціи, не выставлялись студентами эти же общія мѣста? И о чемъ просите? Всѣ петиціи составлены по одному лекалу: всѣ твердятъ о стипендіяхъ, читальняхъ, кассахъ, кухмистерскихъ и — правѣ жениться! Неужели вы думаете, что въ этомъ однообразіи, доходящемъ до тождественности, возможно усмотрѣть выраженіе истинныхъ потребностей „учащейся молодежи“, а не повѣтріе, эпидемію, стадное чувство, если только не комедію маріонетокъ? Оставимъ „насущную потребность“ въ читальняхъ, хотя дѣльному студенту не до чтенія газетъ и журналовъ, только однако и проектируемыхъ въ читальняхъ. Оставимъ „уравненіе правъ лицъ, прошедшихъ курсъ 1-го общаго класса училища, съ правами лицъ, окончившихъ курсъ семиклассныхъ реальныхъ училищъ“, о чемъ просили, напримѣръ, недавно здѣшніе техники: заявленіе, откровенно свидѣтельствующее, что права, а не любовь къ наукѣ, путеводная звѣзда гг. техниковъ. Оставимъ всѣ пункты петицій, ибо о главномъ-то, о поднятіи уровня науки, ни одно ходатайство и не упоминало. Но верхъ прелести—это просьбы „учащейся молодежи“ высшихъ учебныхъ заведеній о правѣ жениться! Прежде, бывало, для воспитанника учебнаго заведенія самымъ обиднымъ словомъ было „женихъ“. Теперь сама молодежь, не обинуясь, заявляетъ свой аттестатъ зрѣлости—физической! Что жъ? Такъ у всѣхъ студентовъ, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и въ Кіевѣ, и въ Одессѣ, и въ Харьковѣ, и въ Ярославлѣ, одна мысль, одно желаніе — жениться! И жениться сейчасъ, не откладывая даже на годъ. Хорошій аттестатъ прежнимъ научнымъ занятіямъ. Не посчастливится же и наукѣ отъ ва-

шего счастія. Лекціи и дѣтскія пеленки, какъ это ладится! И почему однако петиціи идутъ не отъ студенческихъ невѣстъ? Знаете ли, господа, слышите ли, какими взрывами смѣха сопровождается этотъ несчастный пунктъ вашихъ петицій? Вѣдь это достойно стать рядомъ съ знаменитымъ изреченіемъ фонвизинскаго Митрофана Терентьевича: „Часъ воли моей пришелъ: не хочу учиться, хочу жениться. Ты жъ меня взманила, пеняй на себя". Кто же однако „взманилъ" васъ? модистки, бѣлошвейки? искательницы приключеній? какія-нибудь перезрѣлыя дѣвицы изъ „благородныхъ"? И чудно: всѣ петиціи твердятъ о бѣдности студентовъ, о необходимости болѣе правильнаго распредѣленія несчастныхъ 8—9 рублевыхъ стипендій, о потребности въ дешевыхъ, чуть не даровыхъ кухмистерскихъ. И рядомъ съ этою-то заявляемою бѣдностью непокрытою, когда самимъ, по вашимъ же словамъ, буквально ѣсть нечего,—тутъ же неотложная необходимость жениться! Одно изъ трехъ, стало быть: или вы предполагаете кидать дѣтей въ воспитательные дома, а если оставлять при себѣ, то распложать нищихъ; или намѣрены искать богатыхъ невѣстъ и жить на иждивеніи женъ; или всѣ эти вопли о бѣдности житья и о необходимости жениться одинъ стадный голосъ, что конечно и есть на самомъ дѣлѣ. Кстати: знаютъ ли голоусые женихи, что для оберъ-офицеровъ извѣстныхъ лѣтъ, людей вполнѣ гражданскн самостоятельныхъ и полноправныхъ, ограничена свобода располагать своею рукою? Требуется отъ нихъ въ полковую кассу взносъ обезпеченія противъ разведенія нищихъ, по смерти недостаточнаго родителя кидаемыхъ обыкновенно на руки ни въ чемъ неповинныхъ родныхъ или друзей. Вотъ истинно гуманная мѣра.

Стипендіи, кассы, кухмистерскія и вообще обезпеченіе матеріальнаго быта студентовъ въ тѣхъ формахъ, которыя, можетъ быть, и на умъ не приходили „петиціямъ", дѣло полезное. Но да сохранятъ лица, власть. имущія, нашу учащуюся молодежь отъ легкомысленнаго взгляда на нерасторгаемыя по смерть брачныя узы. Запрещеніемъ браковъ власть окажетъ учащимся молодымъ людямъ гораздо большее благодѣяніе, чѣмъ разрѣшеніемъ всевозможныхъ кассъ, клубовъ, читаленъ, кухмистерскихъ и т. п.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Пропаганда.

Школьное преданіе. — Политическое дѣло. — Старые знакомые. — А. В. Долгушинъ.—Печатаніе прокламацій.—Политическое суевѣріе.—Дмоховской.—Папинъ.—Плотниковъ.—Первые шаги „въ народъ".—Крестьянинъ Ананій.—Мѣщанка Сахарова. — Гамовъ. — Чиковъ. — Циммерманъ. — Сидорацкій.—Ободовская.—Авессаломовъ.—Формулированіе обвиненія.—Судебное слѣдствіе.—„Распропагандированный".—Жена Долгушина.—Пріемы сыщиковъ.—Прокламаціи и сельскія власти.—Типографская и литературная экспертизы.—Послѣднее слово Плотникова.—Приговоръ. —Сидорацкая.—Рекруты крамолы. — Дѣло Гамова.—Эмиграціонная печать. — Журналъ *Впередъ*. — Мѣры противъ эмиграціонной печати.—Первое извѣстіе о пропагандѣ въ 37 губерніяхъ.—Новое политическое дѣло.—Обвиняемые.—Ученіе Дьякова и Сирякова.—Доносъ.—Въ Московскомъ полку.—Герасимовъ.—Чтеніе „о правахъ".—Любимыя историческія темы.—Діомидъ Александровъ.—Формулированіе обвиненія. - Отношеніе подсудимыхъ къ суду.—Идея цареубійства.—Литература пропаганды.—Солдатскія показанія.—Денежныя средства.—Случайные виновники.—Приговоръ.

Во имя самыхъ дорогихъ для насъ интересовъ, ничего мы такъ не считали бы полезнымъ, какъ полную независимость въ выраженіи всякаго мнѣнія. Мнѣнія дѣйствуютъ вредно не потому, что они свободно высказываются Вредныя мнѣнія часто и создаются тѣмъ самымъ запретомъ, который налагается на ихъ выраженіе. Дайте свободный ходъ тѣмъ мнѣніямъ, которыя кажутся вамъ разрушительными, и они быстро измѣнятъ свой характеръ: либо изъ нихъ выработается что-либо полезное, либо они обратятся въ пошлость и сами убьютъ себя своею нелѣпостью. Тѣ доктрины, которыми смущаются у насъ умы школьныхъ подростковъ, только тѣмъ и держатся, что онѣ подъ запретомъ; только въ этомъ и заключается ихъ обаятельная сила. Стоитъ запретить самую безобидную пошлость, и она завтра же сдѣлается злою силой. Она получитъ фальшивую жизненность и власть надъ умами, и этимъ будетъ она обязана единственно нашему вмѣшательству. Чѣмъ болѣе въ общественной средѣ запрещенныхъ идей, тѣмъ болѣе въ ней поживы для всякаго обмана.

Руководящая статья въ № 14 „Московскихъ Вѣдомостей" 1870 г.

1.

А „испорченныя дѣти" продолжали „играть въ революцію, губя себя ни за что, ни про что". Ни растяжимая амнистія, ни конвенція съ Швейцаріею, ни новыя статьи Уложенія о наказаніяхъ, не произвели ожидаемаго дѣйствія. Рядомъ съ затягиваніемъ вожжей въ школѣ учащаются случаи само-

убійствъ среди школьной молодежи; рядомъ съ самоубійствами являются чудовищные, небывалые, невѣроятные факты: студентъ Даниловъ убиваетъ и грабитъ ростовщика; гимназистъ Горскій избиваетъ цѣлую семью, не щадя ни пола, ни возраста; гимназистъ Скачковъ пулею кладетъ на смерть директора екатеринбургской гимназіи Предтеченскаго. Въ воздухѣ крайне тяжело, и тяжесть эта прежде всего чувствуется „испорченными дѣтьми", не привыкшими еще по молодости примиряться съ жизнью. Для очищенія воздуха нужны дѣйствительныя, а не бумажныя мѣры, государственныя, а не полицейскія только. Школьный вопросъ изъятъ изъ обсужденій печатью; гробовое молчаніе о крамольномъ движеніи. И вотъ оно все развивается, какъ тайная болѣзнь, которую изъ ложнаго стыда больной не рѣшается открыть врачу.

Въ историческомъ очеркѣ крамолы мы не касаемся вопроса существенной важности—о школьной реформѣ, въ которой одни видѣли чуть не источникъ крамолы, другіе—единственное противъ нея средство. Эта все таки побочная задача завела бы насъ слишкомъ далеко и могла бы составить предметъ особой монографіи. Вѣрно одно: классицизмъ и не породилъ, и не искоренилъ крамолы. Но какъ и совсѣмъ миновать вопросъ о школѣ въ очеркѣ крамолы, на половину представляемой школьниками.

Повинна ли наша школа въ нигилизмѣ, и если *да*, то какимъ путемъ происходило совращеніе? Рѣшаемся утверждать, что школа не безъ грѣха, но зараженіе шло совсѣмъ не такъ, какъ обыкновенно это подозрѣвается.

Вопросъ этотъ очень не новый; въ значительной мѣрѣ входилъ онъ въ пренія о классическомъ и реальномъ образованіи, предшествовавшія введенію новаго гимназическаго устава. Даже сама современная система гимназическаго образованія явилась въ значительной степени, какъ противодіе повторенію 4 апрѣля 1866 года и вообще нигилистической пропагандѣ. Надежды, неосновательно возложенныя на классическую систему, конечно не оправдались. Крамольное движеніе зрѣло рядомъ съ тѣмъ, какъ вводился новый гимназическій уставъ, и достигло высшей дерзости какъ разъ въ томъ поколѣніи, которое надѣлялось аттестатами зрѣлости,

безъ какихъ бы то ни было уже уступокъ старой программѣ; и вотъ даже „золотые медальеры" преобразованныхъ гимназій стали наконецъ появляться въ военно-окружныхъ судахъ. И такъ, классицизмъ, при всемъ нашемъ уваженіи къ этой единственной системѣ образованія, какъ противоядіе нигилизму, остался не при чемъ. Но какъ не складно было искать охраны противъ современныхъ идей безгосударственности—въ мірѣ древнихъ республиканскихъ писателей; такъ было бы еще болѣе ошибочно предположить, что новый серьезный уставъ гимназій могъ способствовать преступному движенію. Правда, исключенные гимназисты и студенты охотнѣе учащихся шли въ крамолу; но тутъ причиною были конечно не древніе языки, а безтактность и излишняя жестокость учебныхъ начальствъ. Помимо этого, увлеченіе пропагандою не всегда начиналось съ исключенія студента или гимназиста, а самый уже выходъ изъ школы бывалъ послѣдствіемъ зараженія. Думать, что классицизмъ поддалъ пару къ рамолѣ, было бы также неосновательно, какъ нѣкогда обвинить въ томъ же реализмъ. Нигилизмъ, зародившійся при реальныхъ гимназіяхъ и окрѣпшій при классическихъ, развивался самъ по себѣ, а классицизмъ и реализмъ шли тоже сами по себѣ.

И такъ, система была тутъ не при чемъ. Остается педагогическій составъ и учебники. Если въ концѣ 50-хъ и даже въ 60-хъ годахъ и велась агитація отчасти преподавателями, когда, напримѣръ, даже Нечаевъ ухитрился быть учителемъ Закона Божія въ Петербургѣ, въ уѣздномъ училищѣ; теперь отъ всей этой пропаганды съ каѳедръ остается только одно—усиленное, но вполнѣ неосновательное заподозрѣваніе педагоговъ въ политической неблагонадежности. Говоримъ это и по личнымъ наблюденіямъ не малочисленнымъ, и по тѣмъ соображеніямъ, что теперь выборъ учителей и начальствующихъ въ школахъ достаточно строгъ, да и анархическія идеи по теперешнему спросу на нихъ упали гораздо ниже уровня развитія учителей гимназіи. У дирекціи и всякаго начальства училищъ даже черезъ чуръ уже болѣзненно теперь настроено воображеніе на заподозрѣваемыхъ учителей-нигилистовъ, такъ что предположить столь же легкое появленіе сейчасъ агитаторовъ подъ вицъ-мундиромъ министерства на-

роднаго просвѣщенія, какъ бывало это лѣтъ 15—20 тому назадъ, крайне нелѣпо. Большинство педагогическихъ начальствъ скорѣе можно упрекнуть въ томъ, что всѣ силы ихъ расходуются на исканіе мнимыхъ нигилистовъ. Не только о какомъ-нибудь нигилизмѣ, но и ни о чемъ постороннемъ не имѣетъ теперь ни времени, ни желанія говорить въ классѣ учитель, обремененный тяжелою программой.

Еще менѣе повинны здѣсь учебныя руководства и пособія. Проходя чрезъ цензуру и общую, и ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, они представляютъ дистиллированное содержаніе. Учебникъ, разъ одобренный комитетомъ, не имѣетъ права быть учебною книгой при послѣдующихъ, хотя бы безъ измѣненій, изданіяхъ, если онъ опять не пройдетъ сквозь то же министерское горнило.

Но пропаганда живетъ въ школахъ. Гдѣ же именно? Между учащимися, переходя по преданію отъ старшихъ къ младшимъ. Просимъ читателей, учившихся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ послѣ 1858 года, припомнить, какъ это происходило и происходитъ. Рукописныя, а то и печатныя нецензурныя и даже прямо возмутительныя статьи и стихотворенія свободно и быстро, бывало, циркулировали по рукамъ школьниковъ, начиная съ среднихъ классовъ. Подъ воздѣйствіемъ такого чтенія начинались разговоры въ свободныя минуты въ классахъ, а по домамъ всякія сборища. При чемъ тутъ были учителя, директора, профессора? Въ 4-мъ, положимъ, классѣ гимназіи ни о какихъ еще „идеяхъ“ не слышно, но гимназистъ 5-го класса считаетъ уже обязанностью своего класса либеральничать. Какъ могло это случиться? 5-й классъ по обычаю уже долженъ толковать объ „идеяхъ“. Оставшіеся на 2-й годъ пятиклассники получаютъ тетрадки потаенной литературы отъ перешедшихъ въ 6 классъ бывшихъ своихъ товарищей и т. д. Революціонная литература идетъ отъ старшихъ школьниковъ къ младшимъ, подобно тому, какъ и нецензурная же эротическая поэзія и проза. Такъ извѣстная школа изъ года въ годъ и окрашиваетъ въ извѣстный цвѣтъ своихъ питомцевъ. Такъ, именно такимъ преданіемъ, объясняется извѣстная окраска иныхъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Не станемъ никого упрекать; но, несомнѣнно, иная репутація у Петровской академіи, ме-

дико-хирургической академіи, технологическаго института и т. д. и иная репутація у духовныхъ академій, пажескаго корпуса, училища правовѣдѣнія и т. д. Положимъ, духовныя академіи сильны своимъ философскимъ образованіемъ, и потому тамъ нѣтъ запроса на подпольную философію; но пажескій корпусъ, но училище правовѣдѣнія, не могутъ похвалиться сноснымъ уровнемъ образованія, а между тѣмъ политическая репутація ихъ также безупречна, какъ и духовныхъ академій. Вся сила, стало быть, въ преданіи той или другой школы; и вся бѣда въ томъ, что нигилизмъ ищутъ въ школѣ не тамъ, гдѣ онъ кроется: ищутъ въ системахъ, въ учебникахъ, въ директорахъ, въ учителяхъ, забывая о *школьномъ преданіи*. И идетъ ученье само собою, а нигилистическое самовоспитаніе само собою. Пропасть между учениками и учителями; пропасть между студентами и профессорами. Но пусть только попробуетъ учитель сблизаться съ учениками,—это-то именно какъ разъ и сочтутъ за нигилизмъ, такъ тщательно и тщетно разыскиваемый слѣпыми глазами. А между тѣмъ только въ этомъ нравственномъ вліяніи учащихъ и все лѣкарство для школы, зараженной дурнымъ преданіемъ.

Но перейдемъ къ нашей печальной повѣсти.

9 іюля 1874 года открылось засѣданіе особаго присутствія правительствующаго сената по дѣлу о подсудимыхъ: Долгушинѣ (25 л.), Дмоховскомъ (23 л.), Папинѣ (25 л.), Плотниковѣ (23 л.), Гамовѣ (26 л.), Чиковѣ (24 л.), Сидорацкомъ (20 л.), Авессаломовѣ (29 л.), Циммерманѣ (24 л.), Ободовской (26 л.), Сахаровой (26 л.) и Васильевѣ (18 л.), обвиняемыхъ въ составленіи, напечатаніи и распространеніи прокламацій преступнаго содержанія.

Средній возрастъ подсудимыхъ 24 года и 1 мѣсяцъ. Во 2-й группѣ нечаевцевъ мы видѣли средній возрастъ $23^{9}/_{11}$ года. Разница возраста подсудимыхъ ничтожная, а между тѣмъ съ процесса нечаевцевъ (1871 года) протекло уже три года. На эти 3 года долженъ бы, повидимому, подняться и средній возрастъ подсудимыхъ 1874 года. Жаль, что не всѣ судебные отчеты указываютъ лѣта подсудимыхъ. Это повело бы къ очень важнымъ заключеніемъ. Судя же по всѣмъ даннымъ, *не поколѣніе, а возрастъ охватывается крамолою*. Не разъ на столб-

цахъ *Современныхъ Извѣстій* настаивали мы на необходимости указывать въ судебныхъ отчетахъ народность, вѣроисповѣданіе и прошлое подсудимыхъ. Это тоже не менѣе важно. Мы замѣчали, напримѣръ, отсутствіе остзейскихъ нѣмцевъ, равно и русскихъ изъ того же края *): политическая борьба тѣхъ и другихъ, очевидно, не даетъ мѣста увлеченіямъ соціализмомъ. За то международный элементъ, іудейство, день ото дня занимаетъ все болѣе и болѣе преобладающее мѣсто.

Впрочемъ здѣсь важнѣйшею для насъ чертою оказывается участіе двухъ лицъ: Долгушина, въ настоящемъ дѣлѣ главнаго виновника, оправданнаго по Нечаевщинѣ, и Ободовской, прикосновенной, вмѣстѣ съ Перовскою, къ кружку Натансона; съ обѣими ими еще встрѣтимся въ послѣдующемъ процессѣ 193.

На судѣ предсѣдалъ сенаторъ Чемадуровъ, извѣстный уже намъ слѣдователь по Нечаевскому дѣлу. Присутствіе составляли сенаторы и сословные представители. Обвинялъ товарищъ оберъ-прокурора Стадольскій. Защищали присяжные повѣренные Утинъ, Спасовичъ, Слонимскій, Герке, Гаевскій, Соколовскій, Брутъ, Буймистровъ, Куперникъ, Матросовъ и Полетаевъ. Защита выставила силы, почти равныя защитѣ 1871 года. Интересъ къ политическимъ дѣламъ еще не умалялся въ обществѣ, и сами подсудимые еще считали нужнымъ защищаться, хотя и грубымъ отрицаніемъ фактовъ. Въ послѣдніе годы, когда борьба приняла особенно острый характеръ, у большинства подсудимыхъ явился какъ бы уговоръ отказываться отъ защитника и самимъ не принимать никакого участія въ судѣ. Примѣръ того и другаго представилъ еще Нечаевъ; но люди 1-го марта почему-то не отказались отъ защиты и рѣшились быть разговорчивыми. Конечно ихъ манила, хотя и печальная, но все же историческая роль— Герострата.

Осенью 1872 года, черезъ годъ послѣ суда надъ нечаевцами, за годъ до осужденія Нечаева, проживалъ въ Петербургѣ, на Петербургской сторонѣ, въ домѣ Меркъ, дворянинъ Александръ Васильевичъ Долгушинъ, завѣдывавшій мастерской жестяныхъ издѣлій г. Верещагина.

*) Исключеніе представляетъ, повидимому, одинъ лишь ревельскій гражданинъ Циммерманъ, привлеченный къ настоящему дѣлу, но и то фамилія его болѣе, чѣмъ нѣмецкая. *Авт.*

У Долгушина не рѣдко собирались по вечерамъ знакомые, въ томъ числѣ дворяне И. И. Папинъ, Н. А. Плотниковъ и технологъ 1 разряда Л. А. Дмоховской. На этихъ собраніяхъ общество занималось разрѣшеніемъ разныхъ вопросовъ: на первомъ планѣ былъ вопросъ „о нормальномъ человѣкѣ", и вообще разговоры шли о пропагандѣ въ народѣ „здравыхъ" экономическихъ воззрѣній.

— Не худо бы завести для этого и свою типографію, замѣтилъ какъ-то полякъ Дмоховской.

Въ апрѣлѣ 1873 года посѣтители вечеровъ Долгушина переѣзжаютъ въ Москву. Долгушинъ чрезъ посредство одного изъ бывшихъ работниковъ мастерской Верещагина пріобрѣтаетъ въ деревнѣ Сереево Звенигородскаго уѣзда 5 десятинъ земли и выстраиваетъ тамъ для себя дачу. На этой дачѣ между этими петербуржцами заходятъ въ іюнѣ 1873 года разговоры о печатаніи прокламацій и необходимости распространенія ихъ въ народѣ. Разговоры эти скоро перешли въ дѣло, и началось печатаніе воззваній, въ чемъ приняли непосредственное участіе Долгушинъ, Дмоховской, Папинъ и Плотниковъ. Работѣ этой что-то помѣшало на дачѣ Долгушина, и она продолжалась въ Москвѣ, на квартирѣ Дмоховскаго, въ домѣ Степанова. Отпечатано было три сорта прокламацій, а именно: 1) *Русскому народу*, 2) *Какъ должно жить по закону природы и правды* и 3) *Къ интеллигентнымъ людямъ*. Сочинителемъ первой и третьей былъ Долгушинъ; имя автора второй погибло для исторіи революціонной литературы.

Печатаніе прокламацій окончено; пошли разсужденія о томъ, чтобы „идти въ народъ". Всѣ согласны принять участіе въ разноскѣ прокламацій, чтеніи и разъясненіи ихъ простому люду. Систематически впрочемъ привели это въ исполненіе въ первой половинѣ сентября 1873 года только крестьянинъ Ананій Васильевъ, да дворяне Папинъ и Плотниковъ; но и они не успѣли цѣликомъ выполнить условленную программу: распространеніе прокламацій ограничилось только нѣкоторыми мѣстностями губерній Московской, Калужской и Смоленской. Такимъ образомъ, главными дѣятелями оказались Долгушинъ, Дмоховской, Папинъ, Плотниковъ и Васильевъ.

Побочнымъ образомъ стали причастны этому дѣлу дворяне Д. И. Гамовъ, А. С. Чиковъ, В. П. Сидорацкій, ревельскій

гражданинъ Э. Э. Циммерманъ, сынъ священника И. Ф. Авессаломовъ и дочь купца 2 гильдіи А. Я. Ободовская.

Обвинительный актъ считаетъ Долгушина центромъ, около котораго группируются другія прикосновенныя къ дѣлу лица; но мы имѣемъ основаніе думать, по свѣдѣніямъ лицъ, ближе насъ знакомыхъ съ дѣломъ, что заводчикомъ всего былъ полякъ Дмоховской.

И такъ, опять полякъ. Читатели помнятъ и поляковъ въ Каракозовщинѣ, и выстрѣлъ Березовскаго, и закулисныя махинаціи въ Нечаевщинѣ ополячившагося Бакунина, и выстрѣлы поляковъ при арестѣ Нечаева. Польская струя пока не прерывается.

Взглянемъ теперь на дачную квартиру Долгушина осенью 1873 г. Вотъ крестъ съ надписью: „во имя Христа" и „свобода, равенство, братство"; вотъ полусгнившій первый листъ прокламаціи *Русскому народу*, столбикъ набора, картонная рама въ восемь отдѣленій, измятые клочки невышедшаго вполнѣ оттиска прокламаціи *Русскому народу* и два стола со слѣдами черной краски. На дверяхъ и стѣнахъ во многихъ мѣстахъ также остались слѣды типографской краски. На стѣнахъ надписи на латинскомъ, итальянскомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ тенденціознаго содержанія. Въ народѣ ходятъ слухи о таинственныхъ занятіяхъ на этой дачѣ. Крестьянинъ Курдаевъ повторяетъ эти слухи; Долгушинъ грозитъ ему за это револьверомъ.

Что же въ этихъ прокламаціяхъ, охраняемыхъ револьверомъ? Вотъ какъ отзывается о нихъ обвинительный актъ, напечатанный въ *Правительственномъ Вѣстникѣ:*

> Прокламація *Къ интеллигентнымъ людямъ*, порицая существующее правительство, приглашаетъ людей, понявшихъ „крайнюю ненормальность современнаго порядка вещей, идти въ народъ, чтобы возбудить его къ протесту во имя лучшаго общественнаго устройства", и кончается воззваніемъ къ оружію на погибель „враговъ народа", къ числу коихъ отнесены „царь, бояре и князья".

Жаль, что дословный текстъ не былъ на этотъ разъ, какъ въ Нечаевщину, обнародованъ, но и по извлеченію можно судить о крайней литературной незрѣлости автора. Особенно наивно эти „бояре и князья". Авторъ живетъ еще въ понятіяхъ крѣпостнаго права, или лучше: фраза переходитъ по наслѣдству, не замѣчая историческихъ событій, давно

опорожнившихъ всякій ея смыслъ. И добро бы объ этихъ „боярахъ и князьяхъ" толковалось простому народу: это было бы неудачною поддѣлкою эпоса. Но воззваніе обращается еще „къ интеллигентнымъ людямъ"!

Два остальныхъ воззванія обвинительный актъ, по тексту *Правительственнаго Вѣстника*, описываетъ такъ:

> Прокламація *Какъ должно жить по закону природы и правды*, имѣя главнѣйшею цѣлью указать на равенство людей между собою по рожденію и равноправность ихъ на землю, исключающую всякое понятіе о „собственности личной", содержитъ также явныя порицанія существующаго въ Россіи порядка вещей, объясняя его тѣмъ, что цари у насъ находятся во власти беззаконныхъ вельможъ, кои держатъ ихъ или устраняютъ, смотря потому, на сколько они образомъ дѣйствій своихъ для нихъ удобны. Въ то же время вельможи, по словамъ прокламаціи, чрезъ подкупленное духовенство проповѣдуютъ народу въ церквахъ, что „царь, посаженный ихъ злодѣйствомъ, поощритель ихъ беззаконія, есть отъ Бога царь посаженный". Все это въ прокламаціи какъ бы подкрѣпляется примѣрами отечественной исторіи.
>
> Наконецъ, прокламація *Русскому народу*, представляя настоящее положеніе крестьянъ въ Россіи въ самомъ безотрадномъ видѣ, направлена преимущественно къ возбужденію въ народѣ враждебнаго настроенія противъ существующихъ законоположеній относительно поземельной собственности и порядка, принятаго при распредѣленіи между сословіями податей и повинностей.
>
> Указывая на угнетеніе крестьянъ, допускаемое правительствомъ со стороны помѣщиковъ и чиновниковъ, и на намѣренное держаніе народа необразованнымъ, прокламація даже и освобожденію его изъ крѣпостной зависимости придаетъ значеніе лишь коммерческаго оборота правительства, боявшагося будто бы послѣ Севастопольской кампаніи финансоваго банкротства. При этомъ объясняется, что, благодаря проискамъ барства, крестьяне въ этомъ случаѣ кругомъ обижены и малыми, плохими надѣлами, и большими оброками.
>
> Чтобы выйти изъ такого положенія, прокламація приглашаетъ народъ къ дружному, согласному возстанію, внушая требовать всеобщаго передѣла земли, управленія, составленнаго изъ выборныхъ отъ народа, отмѣны помѣщичьихъ оброковъ, и т. д.
>
> Прокламація написана языкомъ простонароднымъ, доступнымъ пониманію большинства крестьянъ, и испещрена текстами св. Евангелія, коими какъ бы подкрѣпляются приводимыя въ прокламаціи положенія, въ томъ числѣ и возбужденіе къ возстанію.

Можно было бы, разумѣется, уложить въ лоскъ всѣ эти нелѣпыя воззванія, если бы былъ обнародованъ полный ихъ текстъ. Мы увидѣли бы, конечно, и искаженіе, и ложь въ „примѣрахъ отечественной исторіи"; указали бы подлинное зна-

ченіе по контексту и изреченій Евангелія, которыми подкрѣпляется возбужденіе къ возстанію. Но пусть будущій историкъ, чуждый суевѣрія нашихъ дней, найдетъ гдѣ-нибудь въ архивахъ эти и предыдущія и послѣдующія „воровскія", „подметныя" „письма", какъ назывались въ старину подобныя литературныя произведенія. Во всѣхъ нихъ отыщетъ онъ только износившіяся фразы плохаго риторическаго построенія, какъ святыня, наслѣдственно переходившія отъ одного кружка неуковъ къ другому, и цѣлую бездну безсовѣстной лжи. Посмѣется будущій бытописатель надъ этимъ идолопоклонствомъ предъ фразою со стороны „испорченныхъ дѣтей", но укоритъ и насъ, взрослыхъ, за слѣпую боязнь той же истасканной, пустопорожней фразы. Такъ, невѣжественные язычники въ прорицающей статуѣ слышали голосъ божества; но и христіанскіе проповѣдники, въ дѣтской простотѣ, тоже вѣрили въ одушевленность каменосѣченнаго или древорѣзнаго истукана, съ тою лишь разницею, что въ голосѣ прорицателя слышали голосъ не божества, а демона. Вѣра однихъ, не раздѣляемая другими, часто переходитъ у послѣднихъ въ суевѣріе, и заблуждавшіеся языческіе поклонники въ храмѣ Діаны или Аполлона, и негодовавшіе христіанскіе проповѣдники стояли на одной и той же почвѣ—слѣпой вѣры въ идола. Будущій историкъ будетъ чуждъ этого *политическаго суевѣрія* предъ болванами нигилизма.

Дмоховской познакомился съ Долгушинымъ въ концѣ 1872 года. Въ половинѣ марта слѣдующаго года Дмоховской отправился за границу,—за чѣмъ, неизвѣстно, но думается намъ, за наитіемъ отъ эмиграціи, польской конечно. Вернувшись оттуда, этотъ технологъ 1-го разряда, по уговору съ заводчикомъ клееваренія Платоновымъ, поступилъ за 100 руб. въ мѣсяцъ на его московскій заводъ. Занимался онъ здѣсь, по отзыву Платонова, настолько нерадиво, что заводчикъ вынужденъ былъ измѣнить заключенное первоначально съ нимъ условіе. Въ половинѣ іюля Дмоховской выѣхалъ съ завода и поселился въ домѣ Степанова, при чемъ посѣщалъ заводъ лишь въ послѣобѣденное время: молодой технологъ занятъ былъ не клееваренiемъ, а печатаніемъ прокламацій. Когда работа въ домѣ Степанова была окончена, деревянный станокъ былъ Дмоховскимъ сожженъ, всѣ

же прочія принадлежности печатанія отвезены имъ къ крестьянину Соломатину, въ домъ Шепелевыхъ. Въ августѣ Дмоховской переѣхалъ на дачу къ Долгушину. Условившись съ Долгушинымъ, Папинымъ и Плотниковымъ касательно распространенія прокламацій, Дмоховской однако, подобно Долгушину, самъ не пошелъ „въ народъ", но въ началѣ сентября, вернувшись въ Москву, нанялъ себѣ квартиру въ домѣ Гурина, куда и переѣхалъ на жительство съ Сахаровою. Квартира была записана на имя Сахаровой. Здѣсь также, какъ и въ домѣ Степанова, всѣ окна были завѣшаны; дверь въ комнату, гдѣ находились вещи для печатанія, была постоянно на замкѣ; дворника впускали съ чернаго крыльца, двери котораго всегда отворялись послѣ нѣкотораго промежутка времени,—предосторожность необходимая, ибо, тотчасъ же по переѣздѣ на эту квартиру, Дмоховской уже заказываетъ столяру новый деревянный станокъ для тисненія и беретъ назадъ отданныя на сохраненіе принадлежности печатанія.

— Здѣсь я только занимался приготовленіями къ печатанію; я еще самъ не рѣшилъ, что именно буду печатать, замѣтилъ Дмоховской слѣдователю; но если бы я сталъ что-нибудь печатать, то главнымъ образомъ сочиненія, направленныя противъ собственности.

Папинъ на слѣдствіи заперся во всемъ.

— Но вѣдь у васъ найдено Евангеліе, въ которомъ были отмѣчены карандашемъ мѣста, вошедшія въ прокламацію *Русскому народу?* у васъ оказались стихи *Пусть какъ единый человѣкъ*, которые частію вошли въ ту же прокламацію? возразили Папину на слѣдствіи.

— Отмѣтки въ Евангеліи сдѣланы мною, послѣ полученія отъ неизвѣстнаго прокламацій, въ видахъ ихъ провѣрки, а найденные стихи случайность, отвѣчалъ Папинъ.

10 сентября 1873 года шли изъ Москвы на родину въ Вяземскій уѣздъ, Смоленской губерніи, безсрочно-отпускной Филиппъ Ѳедоровъ и крестьянинъ Михаилъ Щербаковъ. Отошли они верстъ 30 отъ Москвы и нагоняютъ какого-то молодаго человѣка въ казакинѣ тонкаго сукна, плисовыхъ шароварахъ и кожаной шапкѣ.

Молодой человѣкъ завязываетъ съ ними разговоръ; пере-

даетъ имъ между прочимъ, что крестьяне одного изъ землевладѣльцевъ три года не подписывали уставную грамоту.

— Скоро будутъ всѣ равны на землѣ; не будутъ кориться другъ другу. Скоро будетъ на землѣ рай безъ Бога, замѣчаетъ казакинъ.

Не доходя верстъ 5 до Можайска, молодой человѣкъ даетъ Щербакову книжку, совѣтуя читать это „поученіе міру". Его спутники замѣчаютъ у него револьверъ и Евангеліе. Молодой человѣкъ, смотря на записку, называетъ имъ сосѣднія села и деревни. На этой бумагѣ „написаны всѣ деревни, и даже дорога нарисована". Разставшись въ Можайскѣ съ неизвѣстнымъ, Ѳедоровъ и Щербаковъ пришли на ночлегъ въ Гжатскій уѣздъ, въ деревню Дуркину, и остановились на постояломъ дворѣ. Путники заснули. Хозяинъ постоялаго двора крестьянинъ Митаевъ видитъ на окнѣ книжку *Русскому народу*, подаренную отъ неизвѣстнаго нашимъ путникамъ; онъ начинаетъ читать прокламацію, вмѣстѣ съ учителемъ своихъ дѣтей, бывшимъ межевщикомъ Жарковымъ. Замѣтивъ тотчасъ, что книжка „содержанія возмутительнаго", они порѣшили, что „она идетъ изъ Польши" *), и уговорились принять мѣры противъ нашихъ путешественниковъ. Арестъ Ѳедорова и Щербакова не состоялся, благодаря только „бездѣятельности мѣстныхъ старостъ и сотскаго".

Неизвѣстный молодой человѣкъ былъ Папинъ.

Въ началѣ сентября того же года точно также отправляются на родину изъ Егорьевска, Рязанской губерніи, крестьяне Калужской губерніи Тихановъ и Соловьевъ. Близъ желѣзно-дорожной станціи Люберцы они встрѣчаютъ молодаго человѣка въ поддѣвкѣ. Разговорившись съ ними, новый знакомый предлагаетъ имъ книжку. Тѣ отказываются по незнанію грамоты.

— Ну, такъ я самъ вамъ почитаю, говоритъ поддѣвка. Книжка эта „изъ духовной консисторіи".

Въ книжкѣ „изъ духовной консисторіи" разсказывалось, „какъ господа жали крестьянъ въ бараній рогъ, и что ненужно платить податей". Такъ, по крайней, мѣрѣ, поняли слушатели.

---

*) Крестьянинъ Митаевъ и межевщикъ Жарковъ оказались такимъ образомъ прозорливѣе многихъ изъ насъ. *Авт.*

— Книжку эту давайте народу читать, „чтобы въ голову забиралъ, памятовалъ“, совѣтуетъ имъ неизвѣстный, вручая все-таки книжку неграмотнымъ крестьянамъ.

Это былъ Плотниковъ.

Таковы были первые опыты „хожденія въ народъ“.

Но каково было подлинное отношеніе къ народу у этихъ благодѣтелей народа, всего лучше видно изъ исторіи съ крестьяниномъ Ананіемъ Васильевымъ.

Ананій познакомился съ Долгушинымъ впервые въ то время, когда послѣдній завѣдывалъ мастерской Верещагина въ Петербургѣ. Долгушинъ обратилъ на него вниманіе и пригласилъ его приходить къ нему учиться, чѣмъ Ананій и воспользовался. Тогда же у Долгушина съ Ананіемъ Васильевымъ зашла рѣчь о томъ, чтобы *идти въ народъ*. Ананію предложено было разносить книжки въ народѣ съ тѣмъ, чтобы выручку онъ обращалъ въ свою пользу. Такое дѣло Ананій призналъ для себя „невыгоднымъ“, и сдѣлка не состоялась. По переѣздѣ Долгушина въ Москву, Ананій поступилъ къ нему въ услуженіе, но въ половинѣ іюня отошелъ, „потому что Долгушинъ не платилъ слѣдуемаго ему по уговору жалованья“: вмѣсто 70 рублей, Ананій получилъ только 6.

— Дачу купили не для того, чтобы помѣщичать, а чтобы дѣло дѣлать, замѣтилъ ему при этомъ Дмоховской.

А Долгушинъ на дорогѣ изъ Сереева въ Москву „далъ въ шею“ Ананію.

Въ концѣ августа Ананій вернулся въ Москву и снова отправился на дачу Долгушина. Печатаніе прокламацій было уже окончено; но Ананій не видалъ, какъ это дѣлается. При немъ пошли уже окончательныя совѣщанія о распространеніи воззваній. На этотъ разъ Васильевъ, вмѣстѣ съ прочими, изъявилъ согласіе „идти въ народъ“. Въ Москвѣ, на квартирѣ крестьянина Курдаева, прокламаціи были раздѣлены между сообщниками. Ананій, получивъ „штукъ 30“ *Русскому народу* и столько же *Какъ должно жить по закону природы и правды*, пустился въ дорогу „впередъ всѣхъ“. Онъ раздавалъ прокламаціи вездѣ: и путникамъ, которымъ нравились его рѣчи, и на ночлегѣ, и рабочимъ, работавшимъ на дорогахъ. Какъ ему было говорено, что „Христосъ этимъ же занимался“, такъ и онъ говорилъ это всѣмъ. Вернулся

Ананій въ Москву, когда у него осталось на рукахъ только двѣ „штуки" прокламацій. Получивъ отъ ревельскаго гражданина Циммермана 10 руб. на дорогу, онъ отправился на родину въ Тверскую губернію, гдѣ и былъ арестованъ.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на хожденіи 18-лѣтняго крестьянскаго парня Ананія „въ народѣ". Все это любопытныя черты.

Такъ съ 12 на 13 сентября 1873 года въ Клинскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Токсино, къ крестьянину Давиду Иванову попросился ночевать „паренекъ", остриженный по русски, въ черной суконной поддѣвкѣ и въ сапогахъ съ подковками. За ночлегъ онъ далъ Давиду Иванову книжку, изъ которой другой крестьянинъ Илья Григорьевъ прочиталъ при другихъ крестьянахъ страницы 3 или 4. Крестьяне ничего не поняли: „книжка была ни божественная, ни сказка", и они порѣшили, что она „годна только на папироски". Это была прокламація *Русскому народу*.

Но еще раньше этого, 10 сентября, тотъ же „паренекъ" зашелъ ночевать къ крестьянину Клинскаго уѣзда, деревни Воловниковой, Смирнову. Въ разговорѣ съ прохожимъ хозяинъ коснулся вопроса о женитьбѣ.

— Я еще молодъ, да притомъ, можетъ быть, меня завтра свяжутъ, отвѣчалъ прохожій.

Затѣмъ „паренекъ" сталъ ему читать книжку, которая „начиналась съ Евангелія", а потомъ въ ней говорилось, что „не слѣдуетъ брать съ крестьянъ оброковъ и что царь обдѣлилъ ихъ землею". Въ благодарность за ужинъ прохожій оставилъ хозяину двѣ книжки: *Русскому народу* и *Какъ должно жить по закону природы и правды*.

Около Воздвиженья (14 сентября) того же года крестьянинъ Клинскаго уѣзда, деревни Высокаго, Морковниковъ, подъѣзжая къ деревнѣ Воловниково, нагналъ того же паренька, и тотъ безъ предварительныхъ разговоровъ далъ ему двѣ книжки. Морковниковъ ихъ взялъ, прочиталъ и ничего изъ нихъ не понялъ. Это были тѣ же прокламаціи.

14 сентября крестьянинъ Волоколамскаго уѣзда Волковъ, возвратившись домой съ работы, засталъ у себя неизвѣстнаго, который назвался разнощикомъ книгъ и просилъ ночлега. Изъ разговоровъ съ неизвѣстнымъ крестьянинъ понялъ,

„что книжки, кои онъ разносилъ, надо передавать изъ селенія въ селеніе, изъ волости въ волость". Ночлежникъ читалъ ему эти книжки. Хозяинъ понялъ, что онѣ „развратныя", что въ нихъ говорится, что надобно „возмутить Россію".

— Съ такими книжками можно пропасть, замѣтилъ онъ неизвѣстному парню.

— Все равно пропадать, — не всѣмъ же пропадать! отвѣчалъ тотъ.

Но еще раньше, 12 сентября, тотъ же неизвѣстный передалъ книжку другому крестьянину, который читалъ ее, но „не понявъ, иввелъ на папиросы".

И много такихъ исторій было все въ однихъ числахъ и въ одномъ и томъ же мѣстѣ съ этимъ „паренькомъ" Ананіемъ Васильевымъ.

Мѣщанка Т. П. Сахарова, возлюбленная Дмоховскаго, не играла самостоятельной роли въ дѣлѣ и чистосердечно, какъ и Ананій, созналась во всемъ. Будучи близка къ Дмоховскому еще съ того времени, когда жила въ Петербургѣ въ услуженіи у его родителей, и сошедшись съ нимъ вновь въ Москвѣ въ іюнѣ 1873 года, Сахарова была свидѣтельницею всѣхъ разговоровъ на дачѣ Долгушина, подготовительныхъ къ пропагандѣ; видѣла прокламаціи еще въ рукописи; смотрѣла, какъ ихъ печатали на дачѣ и въ Москвѣ, въ домѣ Степанова; знала, что собираются ихъ распространять въ народѣ. Но она не приняла никакихъ мѣръ противъ этого, хотя имѣла и время и возможность и понимала преступность того, что вокругъ нея изо дня въ день творилось: ей пришлось бы выдать своего возлюбленнаго.

Дворянинъ Д. И. Гамовъ былъ первоначально сельскимъ учителемъ въ деревнѣ Меглицахъ, Новгородской губерніи; потомъ онъ поступилъ въ учителя на Реутовскую мануфактуру. Здѣсь, по отзыву директора, Гамовъ не полюбился ему съ первыхъ же дней, потому что „распустилъ школу и сталъ писать требованія въ дерзкомъ тонѣ". Эти „дерзкія требованія" состояли въ слѣдующей запискѣ учителя въ контору мануфактуры:

> Покорнѣйше прошу контору прислать плотника или столяра, чтобы задѣлать щели въ полу, такъ какъ изъ этихъ щелей изъ кухни шелъ угаръ. Въ противномъ случаѣ я принужденъ буду прекратить на время занятія.

3 декабря 1873 года бухгалтеръ Тереневъ принесъ директору прокламацію *Какъ должно жить по закону природы и правды*, которая взята была первоначально у рабочаго Елпидифора Мартынова и, пройдя черезъ нѣсколько рукъ, дошла до Теренева. Директоръ, тотчасъ же заподозрѣвъ Гамова, прокламацію сжегъ и заявилъ обо всемъ случившемся въ московское жандармское управленіе. Самъ Гамовъ показалъ, что рабочими Мартыновымъ и Егоровымъ онъ заинтересовался исключительно въ виду особаго ихъ рвенія учиться. Онъ далъ имъ перечитать все, что было въ библіотекѣ, и наконецъ передалъ двѣ брошюры *Русскому народу* и *Какъ должно жить*, будто бы самъ не зная о ихъ содержаніи.

На самомъ же дѣлѣ Гамовъ говорилъ рабочимъ:

— Давайте ихъ читать какъ можно болѣе, а дойдетъ до конторы, заявите, что купили ихъ въ Москвѣ на толкучкѣ.

Гамовъ „хвалилъ“ прокламаціи рабочимъ, называлъ ихъ „хорошими“, прибавляя:

— Въ случаѣ допроса меня, когда я буду выпущенъ, еще дамъ такихъ же книгъ.

Въ августѣ 1873 года студентъ технологическаго института Поповъ встрѣчаетъ въ Петербургѣ на Обуховской площади бывшаго своего товарища по гимназіи Чикова. Узнавъ, что Поповъ собирается на родину въ Область Войска Донскаго, Чиковъ проситъ его отвезти туда письмо и посылку какому то Грачевскому. Поповъ согласился; Чиковъ отнесъ ему на домъ то и другое. Впослѣдствіи оказалось, что въ посылкѣ, кромѣ книгъ, находились двѣ прокламаціи: *Къ интеллигентнымъ людямъ* и *Какъ должно жить*.

— Въ іюнѣ 1873 г. я былъ на родинѣ, показывалъ Чиковъ при дознаніи. Воспользовавшись удобнымъ случаемъ, я посѣтилъ село Гуляевку: уже давно меня интересовала крестьянская жизнь. Проѣздомъ случайно познакомился я на станціи Чертково съ служащимъ на ней Грачевскимъ, которому и послалъ черезъ Попова прокламаціи, „въ видахъ того, чтобы познакомить его съ тѣмъ направленіемъ, которымъ онѣ проникнуты, и пріобщить его, такъ сказать, къ тому образу мыслей и къ той дѣятельности, которымъ я сочувствовалъ, т. е. дѣятельности, имѣющей цѣлью народное образованіе и освобожденіе его изъ-подъ тѣхъ невыгодныхъ

условій, въ которыхъ онъ находился. Брошюрамъ этимъ я особеннаго значенія не придавалъ, хотя и раздѣлялъ высказанныя въ нихъ убѣжденія".

Прокламаціею *Къ интеллигентнымъ людямъ* Чиковъ предполагалъ внушить Грачевскому главную идею—„идти въ народъ"; другая же брошюра была имъ послана для того, „чтобы онъ (Грачевскій), въ случаѣ, если усвоитъ себѣ упомянутый образъ мыслей, принялъ бы мѣры къ распространенію идей, изложенныхъ въ брошюрѣ, въ простомъ народѣ, для котораго она назначалась".

Изъ дѣла не видно, чтобы Грачевскій далъ такъ дешево уловить себя. Но онъ или не былъ уличенъ, или совратился потомъ уже, ибо въ процессѣ 193-хъ встрѣчаемъ сына заштатнаго дьячка Михаила Ѳедорова Грачевскаго, который „призналъ себя виновнымъ въ распространеніи книгъ революціоннаго содержанія", но въ спискѣ подсудимыхъ не значится. Вѣроятно, онъ „скрылся" *). Сколько однако молодежи совращалось именно такимъ же самымъ путемъ, какою-либо дикою прокламаціею! Предъ потаеннымъ преслѣдуемымъ листкомъ иногда пасовало все предъидущее образованіе студента, засвидѣтельствованное даже аттестатомъ зрѣлости. Непонятный успѣхъ безграмотнаго листка (добро бы цѣлыхъ книгъ, цѣлой библіотеки) объясняется, конечно, пуще всего потаенностью: эта контагіозная литература, эти окаменѣлыя, какъ сектантская молитва, какъ языческое заклинаніе, фразы потому главнымъ образомъ и прилипчивы, что недоступны освѣжающей силѣ чистаго воздуха.

Крестьянинъ Ананій Васильевъ, возвратившись изъ своего путешествія, былъ у ревельскаго гражданина Э. Э. Циммермана и сообщилъ ему объ арестѣ двухъ изъ привлеченныхъ къ дѣлу лицъ. Ананій просилъ у Циммермана выдать ему бѣлье его и платье, а также снабдить прокламаціями для раздачи на своей родинѣ. Циммерманъ, по словамъ Васильева, въ свою очередь сообщилъ ему, что Дмоховской и Долгушинъ еще на свободѣ.

— Прокламацій у меня теперь нѣтъ; приходи завтра, отвѣчалъ Циммерманъ.

*) Въ послѣднее время опять была рѣчь о какомъ-то Грачевскомъ, какъ видномъ дѣятелѣ партіи. *Авт.*

На другой день Ананій явился къ нему и получилъ отъ него 10 р.

Дворянинъ В. П. Сидорацкій обвинялся только въ томъ, что передалъ портупей-юнкеру Циммербергу прокламацію *Къ интеллигентнымъ людямъ*, яко бы полученную имъ отъ неизвѣстнаго человѣка въ публичной библіотекѣ. Дворянинъ Сидорацкій впослѣдствіи женился на купеческой дочери А. Я. Ободовской, съ которою встрѣтимся еще въ дѣлѣ 193.

Но эта дочь купца 2 гильдіи А. Я. Ободовская является уже и здѣсь. У нея найдена была прокламація *Русскому народу*, начиная съ 17 стр. „Ободовская при слѣдствіи объяснила, что какимъ образомъ попалъ къ ней неполный экземпляръ названной прокламаціи, она не знаетъ, но думаетъ, что случайно, въ какой-нибудь книгѣ".

— Я этой прокламаціи не только не читала, но и не видала ея, прибавила она.

Точно также найдена была прокламація *Русскому народу* у сына священника П. Ф. Авессаломова. Въ августѣ 1873 года пришелъ къ нему его знакомый Соловьевъ, прочиталъ ему эту брошюру и оставилъ у него.

Кто этотъ Соловьевъ? Привлеченные къ дѣлу часто ссылаются на лицъ умершихъ или не существующихъ. Повидимому, ни того, ни другаго нельзя сказать объ этомъ Соловьевѣ, „относительно коего, впредь до разысканія его, слѣдствіе Правительствующимъ Сенатомъ пріостановлено", какъ выражается обвинительный актъ. Этотъ Соловьевъ не былъ ли человѣкъ 2 апрѣля 1879 года? Впрочемъ, кромѣ тождества фамиліи, притомъ такъ распространенной, мы не имѣемъ другихъ данныхъ.

Обвиненіе противъ всѣхъ названныхъ лицъ было формулировано слѣдующимъ образомъ:

Обвиняются:

дворянинъ Александръ Васильевъ Долгушинъ—въ томъ, что, составивъ самъ двѣ прокламаціи: *Русскому народу* и *Къ интеллигентнымъ людямъ*, направленныя къ возбужденію открытаго неповиновенія Верховной власти, въ сообществѣ съ другими лицами, не только напечаталъ какъ эти прокламаціи, такъ равно и прокламацію *Какъ должно жить по закону природы и правды*, такого же направленія, какъ и двѣ первыя, но и распространялъ ихъ, съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное въ ст. 251 Улож. о нак. изд. 1866 года;

дворяне Левъ Адольфовъ Дмоховской, Иванъ Ивановъ Панинъ и *Николай Александровъ Плотниковъ*—въ томъ, что, напечатавъ, при взаимномъ участіи и при участіи Долгушина, прокламаціи упомянутыхъ выше названій и содержанія, распространяли таковыя съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту, что предусмотрѣно ст. 251 Улож. о нак.;

крестьянинъ Ананій Васильевъ и *дворяне Дмитрій Ивановъ Гамовъ* и *Александръ Сергѣевъ Чиковъ*—въ томъ, что, не участвуя ни въ составленіи, ни въ напечатаніи указанныхъ выше прокламацій, распространяли таковыя, съ цѣлью возбужденія къ возстанію противъ Верховной власти, что предусмотрѣно въ той же 251 ст. Улож. о наказ.;

мѣщанка Татьяна Порфирьева Сахарова—въ томъ, что, зная о совершаемыхъ обвиняемыми Долгушинымъ, Дмоховскимъ, Панинымъ, Плотниковымъ и Ананіемъ Васильевымъ преступленіяхъ и имѣя возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, не исполнила этой своей обязанности, что составляетъ дѣяніе, наказуемое по статьямъ 125 и 251 Улож. о наказ.;

ревельскій гражданинъ Эмилій Эмиліевъ Циммерманъ—въ томъ, что, узнавъ, что крестьянинъ Ананій Васильевъ распространялъ прокламаціи преступнаго содержанія, изъ коихъ двѣ еще у него находились на рукахъ, не донесъ о томъ надлежащей власти, что предусмотрѣно ст. 126 Улож. о наказ., и наконецъ,

дворянинъ Василій Петровъ Сидорацкій, сынъ священника Иванъ Флегонтовъ Авессаломовъ и дочь купца 2-й гильдіи Александра Яковлева Ободовская—въ томъ, что имѣли у себя прокламаціи преступнаго содержанія безъ разрѣшенія высшаго начальства, что составляетъ дѣяніе, предусмотрѣнное въ 3-й части ст. 251 Улож. о наказ. изд. 1866 г.

II.

Началось судебное слѣдствіе. Къ вопросу о виновности подсудимые отнеслись различно: Долгушинъ призналъ себя виновнымъ только въ сочиненіи и напечатаніи прокламацій: Дмоховской виновнымъ себя не призналъ, равно какъ и Панинъ и Плотниковъ. Послѣдній впрочемъ призналъ фактъ, отрицая его „криминальный смыслъ“. Чиковъ призналъ себя виновнымъ въ „посылкѣ прокламаціи“, и на вопросъ предсѣдателя, отъ кого онъ получилъ воззваніе, далъ пожалуй не лишенный вѣроятности отвѣтъ:

— Не могу сказать, такъ какъ подобныя вещи въ той средѣ, гдѣ я жилъ, весьма легко переходятъ изъ рукъ въ руки; поэтому я не могъ замѣтить ни времени, ни того случая, который былъ при этомъ, чтобы запомнить личность, которая мнѣ передала прокламацію.

Этою „средою“ оказались изъ дальнѣйшихъ разспросовъ, „по преимуществу молодежь, студенты“.

— Кто былъ студентомъ, тотъ знаетъ, какія отношенія между студентами, закончилъ свой отвѣтъ Чиковъ.

Не призналъ себя виновнымъ и подсудимый Гамовъ.

Но особенно любопытны разговоры предсѣдателя съ подсудимымъ Ананіемъ Васильевымъ, признавшимъ себя „виновнымъ“. Этотъ революціонеръ, 19-лѣтній (во время суда) крестьянскій парень, получавшій „въ шею“ отъ Долгушина, оказался крайне безтолковымъ. Послѣ долгаго допроса со стороны предсѣдателя, съ Ананіемъ вступилъ въ бесѣду сенаторъ Евреиновъ.

Сенаторъ Евреиновъ. Когда вы жили въ Петербургѣ у Долгушина, кто его посѣщалъ?

Подсудимый. Къ нему ѣздило много.

— Кто былъ? не припомните ли личностей?

— Я помню... Да какъ сказать... очень много было... Что же это, какъ?

— Изъ тѣхъ лицъ, которыя теперь здѣсь, бывали у него?

— Вотъ что: я видѣлъ Дмоховскаго, Плотникова, Папина... Еще изъ этихъ лицъ были... ну, да, больше ничего...

— Еще кто собирался къ нему изъ молодыхъ людей?

— Ну, другіе молодые люди пріѣзжали.

— Часто собранія эти бывали?

— Какъ сказать... нерѣдко.

— Напримѣръ, сколько человѣкъ бывало?

— Какъ тутъ... какъ сказать... не сразу, потому что какъ вамъ сказать... потому что приходили больше и меньше...

— Сколько числомъ?

— Числомъ?

— Да.

— Вообще, его знакомые, что ли?

— Ну, да, знакомые.

— Не знаю... много пріѣзжало.

— Изъ крестьянскаго сословія были?

— Все больше эти самые учащіеся студенты, господа.

И такой-то пропагандистъ стоялъ въ особомъ присутствіи правительствующаго сената!

Чего впрочемъ было и ждать отъ образованія, полученнаго Ананіемъ.

— Давали вамъ читать что-нибудь? спрашиваетъ подсудимаго предсѣдатель.

— Давали, отвѣчаетъ Ананій.

— Что же вы читали?

— Книжку *Эмма* и еще *Стеньку Разина*.

— Вы хорошо читаете?

— Нѣтъ, плохо.
— Кто васъ училъ?
— Въ деревнѣ, крестьяне.

Сахарова не признала себя виновною и все указывала на свои „близкія отношенія“ къ Дмоховскому. Также не признали себя виновными и прочіе подсудимые.

Мало обращалось вниманія на судьбу лицъ, близкихъ политическимъ преступникамъ. Семья, родственники-однофамильцы особенно выдающагося государственнаго преступника обращаютъ на себя всеобщее вниманіе. Многимъ приходится даже платиться за грѣхъ родственника. Семья Каракозова принуждена была перемѣнить свою фамилію. Родственники Серно-Соловьевича рѣшились отбросить первую половину своей фамиліи, и только развѣ родственники преступника 2 апрѣля 1879 года могутъ среди безчисленныхъ *Соловьевыхъ* земли русской жить спокойно, не мѣняя своей фамиліи. Но первая ближайшая непріятность для лицъ, близкихъ политическимъ преступникамъ по родству, это самимъ быть привлеченнымъ къ слѣдствію, въ качествѣ обвиняемыхъ. Это именно и должна была испытать Аграфена Дмитріевна Долгушина, жена главнаго дѣйствующаго лица въ настоящемъ дѣлѣ. Невинно привлеченная къ слѣдствію, въ качествѣ обвиняемой, она только уже на судѣ явилась свидѣтельницею. Ея показанія на предварительномъ слѣдствіи объясняютъ намъ горькое положеніе семьи государственнаго преступника, даже помимо всякихъ судебныхъ или административныхъ преслѣдованій. Мы изложимъ вкратцѣ печальную исторію этой женщины съ ея словъ.

А. Д. Долгушина, въ дѣвицахъ Скорнякова, 28 лѣтъ, родилась въ Тобольской губерніи, въ городѣ Березовѣ. Она окончила курсъ акушерства въ Петербургѣ, въ Маріинской акушерской школѣ. Всѣ родственники ея остаются въ Сибири. Осенью 1872 года она жила въ Петербургѣ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, на Петербургской сторонѣ, въ домѣ Меркъ. Около этого времени въ Кронверкскомъ проспектѣ въ домѣ № 7 проживали ихъ знакомые: Левъ Топорковъ, осужденный въ 1871 году въ группѣ „сибиряковъ“, Папины и другіе. Съ Топорковымъ и Папиными ея мужъ знакомъ былъ еще въ Сибири, съ остальными же они познакомились уже въ Петербургѣ. А. Д. Долгушина передаетъ уже извѣстныя

намъ подробности о вечерахъ у нихъ съ разсужденіями о „нормальномъ человѣкѣ“, о покупкѣ дачи, и т. д.

— Въ началѣ іюня мы, говоритъ свидѣтельница, переѣхали во вновь отстроенную дачу. Здѣсь Дмоховской продолжалъ насъ посѣщать, но всегда урывками и больше ночью. Къ концу іюня къ намъ переѣхали на дачу Иванъ Папинъ и Плотниковъ. Въ то же время переѣхалъ къ намъ Дмоховской съ Сахаровою. Вотъ здѣсь какъ-то разъ вечеромъ кто-то изъ нихъ, кажется Дмоховской, сказалъ, что здѣсь нужно заняться печатаніемъ. Услыхавъ это, я заявила, что въ такомъ случаѣ я не желаю оставаться съ ребенкомъ на дачѣ. Вслѣдствіе этого мужъ мой и въ особенности Дмоховской назначили мнѣ дать 15 руб. съ тѣмъ, чтобы я ѣхала въ село Иваново Владимірской губерніи и занялась тамъ акушерствомъ. Но я ѣхать на 15 руб. въ назначенное мѣсто и притомъ съ ребенкомъ не рѣшилась; а, переговоривъ съ Татьяною Порфирьевною Сахаровою, мы рѣшились съ нею уѣхать въ Москву, гдѣ я сняла съ нею квартиру на Шаболовкѣ. Когда я жила на дачѣ, то мнѣ запрещено было въ послѣднее время входить въ маленькую комнату и смотрѣть лежавшія тамъ на столѣ покрытыя простынею вещи. Какъ попали эти вещи на дачу, кѣмъ привезены, я не знаю. Помню только, что, понимая рискъ этого дѣла, не принимая лично ни малѣйшаго въ немъ участія и сознавая, что затѣмъ я остаюсь одна для моего ребенка, я даже изъ простаго любопытства не желала видѣть этихъ вещей. Мнѣ тяжело было видѣть суматоху, съ которою трудился мой мужъ съ товарищами, и это все заставило меня, не смотря на скудныя средства, переѣхать съ Сахаровою въ Москву, на Шаболовку. На этой квартирѣ я съ Сахаровою прожила двѣ недѣли. Въ то время къ намъ пріѣзжалъ иногда мой мужъ, Дмоховской, Папинъ и Плотниковъ. Послѣдніе двое были, кажется, одинъ разъ. Прибѣгали они всегда не надолго, спѣша и суетливо, такъ что сынъ мой, рѣдко видя отца, сталъ называть его Александромъ Васильевичемъ.

И много горя терпѣла эта бѣдная женщина, мыкаясь съ квартиры на квартиру, ночуя иногда у знакомыхъ, иногда въ нумерахъ, пока наконецъ не была арестована.

Отчетъ о Долгушинскомъ дѣлѣ печатался въ ежедневныхъ изданіяхъ съ 13 по 27 іюля. Изъ этого читатель можетъ составить понятіе объ обширности отчета. Предварительное слѣдствіе по этому дѣлу, при участіи товарища прокурора судебной палаты А. И. Постельникова, было образцевое предъ всѣми прочими. Въ криминальномъ смыслѣ судебное слѣдствіе ничего не прибавило къ даннымъ предварительнаго слѣдствія и ничего не опровергло. Образцево была произведена и экспертиза. Но и въ бытовомъ смыслѣ судебное слѣдствіе не лишено нѣкоторыхъ любопытныхъ чертъ, на которыхъ и остановимся, а затѣмъ уже перейдемъ къ точнымъ выводамъ экспертизы.

Печатаніе прокламацій и вообще революціонная дѣятельность сближается въ глазахъ простаго народа съ фабрикаціею фальшивой монеты. Такою наивною простотою дышетъ показаніе свидѣтеля Максима Курдаева, караульщика дачи Долгушина.

Курдаева допрашиваетъ товарищъ оберъ-прокурора.

— Не ходили ли какіе-нибудь слухи объ этихъ господахъ, которые жили на дачѣ?

— Молва распространялась, будто бы деньги дѣлаютъ.

— Какъ вы эту молву объясняете, почему она явилась?

— Такъ, что завѣшаны окна были и съ мужиками ходили въ трактирное заведеніе. Бывало, уже 9 часовъ, а окна все завѣшаны; нужно вставать, а они спятъ. Дѣловъ никакихъ не имѣютъ. Чѣмъ же живутъ?

— Не спрашивалъ ли у васъ чего-нибудь Долгушинъ по поводу этихъ слуховъ?

— Нѣтъ, ничего этого не было.

— Не говорилъ ли онъ вамъ, чтобы вы не смѣли повторить этихъ слуховъ?

— Нѣтъ. Когда опустѣлъ домъ, молва распространилась, что вотъ деньги дѣлали; за дворомъ былъ найденъ станокъ. Болѣе я ничего не видѣлъ.

— По поводу этихъ слуховъ вы ничего не говорили съ Долгушинымъ?

— Послѣ этого я распространялъ: по деревенски товарищамъ сказалъ, что вѣроятно деньги дѣлаютъ: станокъ нашелъ такой же, какъ у моего брата, котораго арестовали за фальшивыя деньги. Когда Долгушинъ пріѣхалъ, прислалъ за мной Васильева. Васильевъ сказалъ, чтобы я явился вечеромъ. Я пришелъ: онъ наставилъ на меня „револверъ“ прямо и говоритъ: „болтаешь; не смѣй больше пустяковъ говорить“!

— Еще ничего не говорилъ?

— Только и сказалъ, чтобъ не болтать.

— А если будете болтать?

— „Вотъ тебѣ, говоритъ, жизнь кончу“!

До сихъ поръ мы ни разу не встрѣчались съ дѣятельностью сыщиковъ по политическимъ дѣламъ, или „сотрудниковъ“, какъ ихъ теперь вѣжливо называютъ. Въ разбираемомъ дѣлѣ представляется примѣръ пріемовъ этихъ лицъ. Разсказываетъ свидѣтель Соловьевъ, дворникъ дома Гурина, гдѣ жилъ Дмоховской, котораго въ простомъ народѣ называли „потайнымъ лицемъ“, за то, что окна у него все были завѣшаны.

— Я легъ часовъ въ 11 на спокой, потому что у насъ ночью сторожъ есть. Потомъ слышу,—колокольчикъ звонитъ. Я выбѣгаю босикомъ. Вижу: стоитъ человѣкъ. Это сыщикъ былъ. „Что ты, говоритъ, выскочилъ босой? простудишься; поди, одѣнься, потому что мы съ тобой долгое время будемъ“. Тогда я одѣлся и вышелъ. Онъ спрашиваетъ: „ты водку пьешь?“

—Нѣтъ, говорю, поздно теперь.—„А чай, говоритъ, пойдешь пить“?—Зачѣмъ, говорю, я пойду? я васъ отъ роду въ первый разъ вижу.—„Пойдемъ, говоритъ, не бойся“! Я говорю: не пойду. Вдругъ онъ вынимаетъ и даетъ мнѣ 50 коп. Я говорю: зачѣмъ я возьму и по какому случаю ты мнѣ даешь? Онъ говоритъ: „бери, когда даютъ, и бѣги, когда бьютъ“; потомъ спрашиваетъ: „ну что, говоритъ, у тебя живетъ Татьяна Порфирьева“? Я говорю: живетъ.—„Не ходитъ ли къ ней, говоритъ, какой-нибудь мужчина, молодой, съ черной бородой, не высокаго роста, — его зовутъ Александръ Васильевичъ Долгушинъ“? Я сказалъ, что такого никогда не видалъ. Потомъ онъ говоритъ: „поди къ Порфирьевой и спроси: дѣйствительно ли она знаетъ его мѣстожительство? да скажи, говоритъ, что пріѣзжала госпожа въ пролеткѣ и велѣла тебѣ сказать, что если Порфирьевой некогда сегодня, то она завтра заѣдетъ. Я не пошелъ тогда, потому что было поздно. На другой день говорю Порфирьевой, что была госпожа и обѣщалась пріѣхать. Она мнѣ сказала: „если она пріѣдетъ, то скажи, чтобъ она сама пришла сюда; но если не пойдетъ, то я къ ней не выйду....“

Жаль, что первоприсутствующій и товарищъ оберъ-прокурора своими дѣловыми вопросами помѣшали этому простодушному разсказу.

Такъ дѣйствовали „сотрудники“ жандармовъ. Любопытно отношеніе и сельскихъ властей къ прокламаціямъ.

Отставной рядовой Ѳедоровъ и крестьянинъ Щербаковъ получаютъ отъ Папина „книжку“. Объ этомъ узнаетъ содержатель постоялаго двора и кабака Митаевъ.

— Я васъ не отпущу, говоритъ онъ, потому что книжка опасная; препровожу къ мировому судьѣ.

Тѣ не возражаютъ. Повели ихъ къ десятскому, „а тотъ говоритъ: мнѣ некогда; по дѣламъ отправляюсь“. Пошли къ сотскому, и тотъ тоже. Спросилъ у нихъ „свидѣтельства“ (т. е. конечно, паспорты) и пустилъ домой. По словамъ Митаева, видѣвшаго въ этой книжкѣ, „не иначе, какъ сочиненіе изъ Царства Польскаго“, сотскій отказался потому, что онъ „шелъ съ повѣстками“, а староста замѣтилъ: „это не мое дѣло; это дѣло сотскаго“, и бросилъ книжку на окно. Митаевъ отвезъ книжку мировому судьѣ, „но и тамъ ее не приняли“.

Да, трудно создать изъ русскаго человѣка „сотрудника“: „докащику первый кнутъ“, говоритъ онъ.

Но при этой пассивности русскій человѣкъ все-таки не жалуетъ непризванныхъ благодѣтелей. На судѣ идетъ препирательство между подсудимымъ Плотниковымъ и однимъ изъ свидѣтелей-простолюдиновъ:

Подсуд. Плотниковъ. Вы говорите, что я говорилъ вамъ, будто бы книжка божественная. Можетъ быть, я говорилъ такъ, что ученіе, которое въ ней заключается, подтверждается словами Евангелія, напр. отъ Матѳеи?

Свид. Онъ назвалъ божественной.

В. Можетъ быть, я сказалъ такъ, что то, что говорится въ книжкѣ, подкрѣпляется библейскими словами, или просто назвалъ божественною?

Свид. (обращаясь къ подсудимому). Если бы я зналъ хорошо грамотѣ, навѣрное я посмотрѣлъ бы, и тебѣ тотъ же разъ не уйти бы съ вокзала. Тебя тогда же взяли бы жандармы.

Вопросъ о тайныхъ типографіяхъ весьма важенъ. Сколько открывали ихъ, а появленіе подпольныхъ листковъ не прекращается. Какъ происходитъ печатаніе? откуда берется шрифтъ? откуда станки и прочія принадлежности печатанія? Эти вопросы не рѣшаются и въ послѣдующихъ процессахъ. Явныя типографіи стѣснены строгостями, а тайное печатаніе процвѣтаетъ. Вотъ почему и важны показанія экспертовъ-типографщиковъ въ настоящемъ такъ прекрасно обслѣдованномъ дѣлѣ.

Такъ, напримѣръ, эксперты, обративъ вниманіе на заклеенныя отверзтія рашкета (рамы для печатанія), не подходящія къ формату другихъ прокламацій, а между тѣмъ носящія слѣды давленія и пятенъ отъ бабашекъ, пришли къ заключенію, что рама эта должна была быть въ употребленіи для печатанія еще чего-либо другаго, неизвѣстнаго. Затѣмъ эксперты, находя, что въ прокламаціи *Русскому народу* весьма часто встрѣчаются между строчными капительныя*) буквы *б* и *п*, а въ прокламаціи *Къ интеллигентнымъ людямъ* таковыя же буквы *у* и *с*, которыхъ въ прокламаціи *Какъ должно жить* почти нѣтъ, признали, что наборъ всѣхъ этихъ прокламацій сдѣланъ былъ полный, и что онѣ печатались не постепенно одна за другою, съ разборкою формъ, а въ одно время, или, другими словами, весь наборъ всѣхъ трехъ прокламацій стоялъ въ готовности, чтобы имѣть возможность оттиснуть каждую изъ нихъ по мѣрѣ надобности.

Какимъ шрифтомъ печатались прокламаціи? Шрифтъ, употребленный для печатанія всѣхъ трехъ прокламацій, по объясненію эксперта Риса, былъ шрифтъ словолитни Флинчъ во Франкфуртѣ, Брюсселѣ и С.-Петербургѣ, отлитый на кегель

*) *Капитель*—шрифтъ, отлитый по рисунку прописныхъ буквъ. *Авт.*

12 и значащійся по образцамъ его коммиссіонера въ Петербургѣ Франца Марка подъ № 68.

Чтобы показать, до какой тонкости дошла экспертиза, продолжимъ показаніе г. Риса.

Хотя по сличеніи литеръ, отобранныхъ у Долгушина, съ нѣсколькими образцами литеръ Франца Марка, оказалось, что литеры эти имѣютъ между собою нѣкоторое отличіе въ формѣ отливки, тѣмъ не менѣе экспертъ Рисъ положительно утверждалъ, что шрифтъ этотъ долженъ былъ быть пріобрѣтенъ въ Петербургѣ отъ Франца Марка и даже его отливки.

Въ отливкѣ одного Франца Марка, по показанію г. Риса, буква на литерѣ становится не въ срединѣ кегеля, а нѣсколько выше, тогда какъ во всѣхъ московскихъ и другихъ петербургскихъ словолитняхъ буква эта ставится по срединѣ, такъ что если при наборѣ буква по ошибкѣ будетъ поставлена вверхъ ногами, то она при печатаніи не выйдетъ изъ прямой линіи, между тѣмъ въ прокламаціяхъ *Русскому народу* стр. 21, строка 20, въ словѣ „единый“, *Какъ должно жить* стр. 2, строка 39, въ словѣ „добродѣтельными“ и во множествѣ другихъ словъ, буквы *и*, *о*, поставленныя въ наборѣ вверхъ ногами, вышли изъ прямой линіи, что ясно показываетъ, что шрифтъ для этихъ прокламацій былъ употребленъ петербургскій, отливки Франца Марка.... Въ прокламаціяхъ весьма часто встрѣчаются математическіе знаки, напримѣръ, знакъ (=), употребляемый вмѣсто тире (—), и ударенія на буквахъ, каковыя принадлежности отпускаются при шрифтахъ покупателямъ только однимъ Францемъ Маркомъ, тогда какъ московскими словолитнями знаки равенства и буквы съ удареніемъ отпускаются только по особому требованію и за особую плату и къ шрифту русскому не прикладываются.

Изъ дальнѣйшихъ удостовѣреній экспертизы оказалось, что для напечатанія всѣхъ этихъ прокламацій требовалось отъ 5 до 6 пудовъ чистаго шрифта и до 2 пудовъ прибора. Что наборъ сдѣланъ людьми неопытными въ наборномъ дѣлѣ, это доказывается

Во первыхъ, не одинаковою разбивкою словъ; во вторыхъ, неравномѣрными абзацами или отступами; въ третьихъ, употребленіемъ во многихъ мѣстахъ вмѣсто *тире дефисовъ**) или знаковъ равенства, и въ четвертыхъ наконецъ, переносами, сдѣланными либо совершенно безъ дефисовъ, либо съ дефисомъ, но не на своемъ мѣстѣ. Подобныхъ уклоненій отъ наборныхъ правилъ не допуститъ въ своемъ наборѣ, по мнѣнію экспертизы, не только хорошій наборщикъ, но и ученикъ, нѣсколько времени пробывшій въ типографіи; наконецъ, перепутанность шрифтовъ въ кассахъ, гдѣ со строчнымъ шрифтомъ былъ перемѣшанъ капитель, также свидѣтельствуетъ о неопытности распоряжавшихся.

*) *Дефисомъ* на типографскомъ языкѣ называется знакъ переноса. *Авт.*

Хотя подсудимые и не безъ самодовольства относились къ своимъ литературнымъ трудамъ, оказалось однако, что они были просто компиляторами заграничныхъ книжекъ. По крайней мѣрѣ, прокламація *Какъ должно жить по закону природы и правды* есть ничто иное, какъ выдержки изъ заграничнаго изданія *О мученикѣ Николаѣ*, перепечатанныя, за исключеніемъ нижеслѣдующаго, съ соблюденіемъ пунктуаціи. А вотъ и исключенія:

Въ заглавіе прокламаціи не вошли слова *О мученикѣ Николаѣ* и затѣмъ слѣдующія (*Какъ долженъ жить человѣкъ по закону правды и природы*) построены въ формѣ безличнаго предложенія (*Какъ должно жить по закону природы и правды*). 2) Начало прокламаціи соотвѣтствуетъ 7 строкѣ на 1 страницѣ брошюры. Слова: „Разскажите народу“ и т. д. до „по закону природы“ въ прокламаціи передѣланы такъ: „идите въ народъ и говорите ему всю правду до послѣдняго слова, и какъ человѣкъ долженъ жить по закону природы“. Наиболѣе существенное отступленіе отъ пунктуаціи, соблюдаемой въ брошюрѣ, представляютъ: а) употребленіе въ прокламаціи многоточія тамъ, гдѣ въ брошюрѣ употреблены точки; б) своеобразное употребленіе въ прокламаціи ариѳметическаго знака равенства (=); в) употребленіе въ прокламаціи ариѳметическаго знака равенства тамъ, гдѣ въ брошюрѣ стоитъ тире; г) употребленіе въ прокламаціи ариѳметическаго знака равенства въ тѣхъ мѣстахъ текста, въ которыхъ въ брошюрѣ начинается красная строка, и т. д.

Словомъ, это была только безграмотная компиляція изъ брошюры, изданной за границей.

Таковы были факты, подлежавшіе суду. Нѣкоторые подсудимые, предполагая, что общіе вопросы могутъ имѣть какое-либо значеніе на судѣ, что судъ компетентенъ въ рѣшеніи политическихъ и историческихъ задачъ, пытались дать общее толкованіе своимъ дѣяніямъ, но были останавливаемы предсѣдавшимъ. Такъ, когда было предложено подсудимымъ послѣднее слово, между Плотниковымъ и первоприсутствующимъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

Подсудимый. Говорятъ, что я давалъ такое показаніе, что хотѣлъ идти на пропаганду революціонныхъ идей. Но дѣло въ томъ, что когда старое міросозерцаніе сталкивается съ новымъ міросозерцаніемъ, когда старыя идеи сталкиваются съ новыми идеями, то старыя идеи уступаютъ натиску новыхъ.

Первоприсутствующій. Намъ этого не нужно; намъ нужны лишь факты.

— Я только хотѣлъ сказать, что въ этомъ смыслѣ новыя идеи считаются революціонными...

— Я опять повторяю, что намъ нужны только факты, а не эти объясненія.

— Я объясняю это только для того, чтобы не дать поводъ къ слишкомъ рѣзкому объясненію со стороны нѣкоторыхъ изъ судей. Такимъ образомъ, я разумѣлъ революціонныя идеи въ сферѣ...

— Намъ вовсе не нужно знать того, какъ вы понимаете революціонныя идеи; вы укажите только на факты.

— Если нужны только факты, то мое объясненіе можетъ сократиться.

Судебныхъ преній касаться не будемъ: они не любопытны ни въ бытовомъ, ни въ историческомъ отношеніи. Перейдемъ прямо къ приговору.

Особое присутствіе сената опредѣлило:

1) Дворянина А. Долгушина, 25 л., и Л. Дмоховскаго, 23 л., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ; 2) дворянина И. Папина, 25 л., и Н. Плотникова, 23 лѣтъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на заводахъ на 5 лѣтъ; 3) дворянина Д. Гамова, 26 л.; лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 8 л.; 4) крестьянина А. Васильева, 19 л., признать подлежащимъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ на 2 года и 8 мѣсяцевъ; но, въ виду представляющихся по дѣлу особыхъ уваженій къ облегченію участи его, всеподданнѣйше ходатайствовать передъ Его Императорскимъ Величествомъ, черезъ г. министра юстиціи, о замѣнѣ этого наказанія для него, Васильева, 2-лѣтнимъ заключеніемъ въ рабочемъ домѣ, безъ лишенія правъ; 5) мѣщанку Т. Сахарову, 26 лѣтъ, и ревельскаго гражданина Циммермана, 24 л., подвергнуть аресту: первую на 1 мѣсяцъ, а послѣдняго на 2 недѣли; 6) дворянина А. Чикова, 24 л., В. Сидорацкаго, 20 л., купеческую дочь Ободовскую, 26 л., и священническаго сына И. Авессаломова, 23 л., подвергнуть аресту: Чикова на 2 мѣсяца, Сидорацкаго на 3 дня, Ободовскую на 7 дней; изъ нихъ Чикова отдать подъ надзоръ полиціи на 2 года.

Главные виновники, изъ которыхъ Долгушинъ оправданъ былъ еще по Нечаевскому дѣлу, понесли тяжкое наказаніе. Но наименѣе здѣсь виновные, какъ В. Сидорацкій и Ободовская, снова встрѣтятся намъ потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, въ болѣе уже выдающихся роляхъ процесса 193, а какой-то Григорій Сидорацкій покончитъ съ собою выстрѣломъ изъ револьвера во время демонстраціи, сопровождавшей оправданную судомъ Вѣру Засуличъ. Свидѣтель Грачевскій станетъ обвиняемымъ. И такъ Долгушинское дѣло оказывается мостикомъ между дѣломъ Нечаева и 193.

Второстепенную, какъ по крайней мѣрѣ видно изъ дѣла, роль играла здѣсь дочь купца 2 гильдіи Александра Яковлева Ободовская, 26 лѣтъ. Судя по ея годамъ, едва ли она была виновна только въ томъ, что у нея оказался не полный

экземпляръ возмутительной „книжки“, безъ „дозволенія начальства“. Вѣрнѣе, она съумѣла схоронить всѣ концы, хотя впрочемъ наказаніе, наложенное на нее, арестъ на 7 дней, это осужденіе по политическому дѣлу, пусть и съ ничтожнымъ взысканіемъ, должно было, при настоящемъ взглядѣ общества, навсегда испортить все будущее Ободовской и изъ политической, можетъ быть, шалуньи создать уже закоренѣлую преступницу, созрѣвшую въ предварительномъ заключеніи. У Ободовской найдена была прокламація *Къ русскому народу*, начиная съ 17 страницы. Обвиняемая объяснила, что она не знаетъ, какимъ образомъ попалъ къ ней не полный экземпляръ прокламаціи, но думаетъ, что случайно, въ какой-нибудь книгѣ. По ея удостовѣренію, она до обыска не только не читала, но и не видала этой прокламаціи. Ободовская между тѣмъ была знакома съ Чиковымъ, который самъ сознался въ распространеніи прокламацій.

Ободовская заперлась на судебномъ слѣдствіи, но вотъ какъ не безъ основанія доказывалъ ея виновность товарищъ оберъ-прокурора:

> Подсудимая Ободовская была знакома съ Чиковымъ. По собственнымъ ея словамъ, Чиковъ являлся къ ней вслѣдствіе того, что крайне интересовался педагогическимъ дѣломъ, которымъ занималась и Ободовская. Мнѣ кажется страннымъ, что Ободовская, отецъ которой владѣетъ собственнымъ домомъ здѣсь, въ Петербургѣ, слѣдовательно человѣкъ, имѣющій средства, идетъ на скудное содержаніе учительницы, которое она получала, по ея словамъ, въ Новгородской губерніи. Далѣе, по словамъ Ободовской, Чиковъ, поговоривъ съ нею объ общемъ дѣлѣ, т. е. о дѣлѣ грамотности народа, ушелъ, упросивъ однако, чтобы она разрѣшила ему писать ей. Ободовская на это согласилась, но съ тѣмъ, чтобы онъ адресовалъ письма не на ея имя, а на имя Свентицкой, которая носитъ титулъ превосходительства. Г-жа Ободовская объясняетъ это предположеніемъ, что письма на ея имя будутъ распечатаны. Я полагаю, что всѣ эти объясненія Ободовской достаточно указываютъ на то, что она очень хорошо понимала, что за личность Чиковъ и какого рода народнымъ образованіемъ онъ интересуется, потому что считала необходимымъ просить его адресовать письма на другое лицо, чтобы они не попали въ чужія руки, если бы были адресованы на ея имя. Съ своей стороны и Чиковъ понималъ Ободовскую, потому что придти впервые и просить вести корреспонденцію немыслимо.

Обвиненіе оканчивается указаніемъ на храненіе Ободовскою одной прокламаціи, каковыя „никому не попадаются случайно“.

Отсидѣвъ свой недѣльный арестъ, купчиха Александра Яковлевна Ободовская въ 1874—1876 гг., въ дѣлѣ 193, вновь является, и уже дворянкою, по выходѣ замужъ за дворянина Сидорацкаго. Не ошибемся повидимому, предположивъ, что мужемъ 26 лѣтней дѣвы Ободовской сталъ никто иной, какъ 20-лѣтній дворянинъ Сидорацкій, приговоренный къ аресту на 3 дня по тому же Долгушинскому дѣлу.

Обвинительный актъ по процессу 193 оглядывается назадъ и находитъ А. Я. Ободовскую (Сидорацкую) въ числѣ первыхъ членовъ кружка „чайковцевъ“ еще въ началѣ 1873 г., т. е. за полтора года ранѣе разбирательства по Долгушинскому дѣлу (9—15 іюля 1874 г.).

Ниже мы познакомимся съ кружкомъ чайковцевъ, входившихъ въ число 193-хъ. Ободовская служила передаточнымъ звеномъ между дѣломъ Долгушина и Натансона, 193 и преступниками 1 марта. Въ дѣлѣ 193 она одно изъ центральныхъ лицъ.

Въ Москвѣ Ободовская входитъ въ сношенія со студентомъ Саблинымъ (застрѣлившимся въ Телѣжной улицѣ). Она же ведетъ переписку съ сосланнымъ въ Архангельскую губернію Натансономъ и передаетъ его поклоны Перовской, страшной преступницѣ 1-го марта.

Изъ многихъ похожденій Ободовской въ дѣлѣ 193 укажемъ только на нѣкоторыя. Пропагандистъ Ярцевъ знакомится съ Ободовскою, прибывшею въ Торжокъ на учительскій съѣздъ, на который однако она не была допущена. Ободовская поселяется въ одномъ съ нимъ домѣ; между ними яко бы завязывается знакомство. Ярцевъ послѣ того разыскиваетъ ее въ Петербургѣ и узнаетъ отъ нея адресъ агитатора Попова. Далѣе, у мѣщанина Зубова найдено письмо Ободовской къ агитатору Румянцеву, въ которомъ та между прочимъ сообщала ему о своемъ намѣреніи „вести пропаганду среди раскольниковъ“. Наконецъ, во время производства обысковъ въ квартирѣ Корниловыхъ, гдѣ жила и Перовская, прибыла къ Корниловымъ между другими и Ободовская. Ободовская, даже по собственному признанію, была знакома съ Флеровскимъ (Берви), Натансономъ, Левашевымъ, Корниловою, Перовскою, Кувшинскою, Синегубомъ, Кравчинскимъ, Ярцевымъ, Румянцевымъ, Сердюковымъ и Саблинымъ.

Вообще Ободовская несомнѣнно была знакома почти со всѣми членами петербургскихъ кружковъ, а также имѣла сношенія съ провинціальными агитаторами. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила она за ходомъ революціонной пропаганды, сама желая принять въ этомъ участіе: основатель сыроваренныхъ артелей въ Тверской губерніи даже пріискалъ ей мѣсто „среди раскольниковъ". Агитаторша эта непосредственно вліяла на образованіе кружка „артиллеристовъ", гдѣ между прочимъ числился и ея супругъ Сидорацкій, и явилась даже представительницею этого кружка на собраніяхъ депутатовъ всѣхъ почти петербургскихъ кружковъ (въ 1874 г.), при чемъ представляла собою и кружекъ „чайковцевъ". При двукратномъ обыскѣ, у Ободовской была найдена обширная переписка, при чемъ Ободовская выбросила за окно записку Н. А. Саблина:

> Былъ у васъ, не засталъ дома. Если увидите Д., скажите ему, что онъ найдетъ меня въ редакціи *Знанія*, Лит. д. 65, кв. 12. Пусть спроситъ прямо Н. А. С—а.

Ободовская была близка и съ основателемъ кружка, Лермонтовымъ, даже на *ты*. По словамъ Лермонтова, оба они, интересуясь народнымъ образованіемъ, должны были „сойтись, объединиться въ самомъ существѣ вопроса". Это „существо" педагогическаго „вопроса" заключалось между прочимъ въ томъ, что Лермонтовъ извѣщалъ Ободовскую, что онъ въ Петербургѣ „вѣроятно будетъ бочаромъ или пузнецомъ".

Ободовская сверхъ всего находилась нѣкоторое время въ числѣ лицъ, коимъ было поручено завѣдываніе кассою одного изъ кружковъ.

Но довольно объ Ободовской. Связь Долгушинской пропаганды съ послѣдующими событіями дѣла 193 доказывается между прочимъ и тѣмъ, что Долгушинскія прокламаціи, какъ-то: *Къ интеллигенціи*, *Какъ жить по закону природы и правды*, разносились по Руси и 193. А личная связь отъ Долгушинской исторіи и по сіе время доказывается и тѣмъ, что Гамовъ, напримѣръ, приговоренный по дѣлу Долгушина къ 8-лѣтней каторгѣ, былъ въ 1872 году учителемъ въ школѣ, открытой для пропаганды Софьею Лѣшернъ фонъ-Герцфельдъ, извѣстною по кіевской коммунѣ въ дѣлѣ 193 и осужденною на каторгу кіевскимъ военно-окружнымъ судомъ.

И такъ, здѣсь однѣ и тѣ же цѣли, одни и тѣ же пріемы, какъ и раньше, какъ и позднѣе; то же „хожденіе въ народъ“, тѣ же книжки; тѣ же наконецъ лица, разлученныя временемъ и мѣстомъ, но связанныя дружбою, знакомствомъ, общимъ дѣломъ. Мало по малу обнажается передъ нами кровавое ложе революціоннаго потока. Для изученія крамолы и надо подниматься по этому руслу, не развлекая вниманія своего побочными притоками.

III.

Такъ называемые „безпорядки“ въ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (медико-хирургической и Петровской академіяхъ, технологическомъ и ветеринарномъ институтахъ и т. д.) и университетахъ всегда у насъ бывали признакомъ, что гдѣ-то, за университетскими, академическими и институтскими стѣнами, особенно обостряется крамольное движеніе. Нѣсколько агитаторовъ изъ студентовъ, а иногда и посторонникъ лицъ, увлекаютъ къ безпорядкамъ часть молодежи, едва ли даже помышляющую объ истинномъ смыслѣ „исторіи“. Учащаяся молодежь становится, помощью лжи, игрушкою въ рукахъ немногихъ, оставившихъ науку ради „дѣла“. Нѣкоторые агитаторы-студенты попадаются и подвергаются тяжкой отвѣтственности; но рядомъ съ истинными виновниками безпорядковъ наказываются и обманутые, особенно шумѣвшіе студенты, но не причастные подпольному движенію. Ихъ судьба разрушена. И вотъ они, лишенные права поступленія въ учебное заведеніе, въ концѣ концовъ уже сознательно пріобщаются къ крамолѣ, и ряды ея плотнѣютъ. Такъ было въ 1861—1862 гг.; такъ было въ 1869 г.; такъ было въ концѣ 1874 г. и потомъ повторялось не разъ.

Не знаемъ, какой процентъ виновныхъ попадаетъ въ руки правосудія, ибо не знаемъ, какъ сильно вербуются рекруты революціи. Но несомнѣнно одно, что крамольное движеніе, по крайней мѣрѣ пока, не уменьшалось и что только незначительную часть виновныхъ удавалось „накрыть“. Идя путемъ обнародованныхъ документовъ, мы видимъ далеко не все движеніе, а только часть его, въ лицѣ дѣятелей или неумѣлыхъ, или слишкомъ уже отчаянныхъ. Не все было открыто, а обнародовано и еще меньше.

1875 годъ съ его дѣлами, пустѣйшимъ К. Гамова и болѣе важнымъ Дьякова, показываетъ, что школьные безпорядки конца 1874 года имѣли подкладкою то же самое движеніе. Судъ, приподнявъ край завѣсы, скрывавшей это движеніе, показалъ намъ, что подъ наружными безпорядками конца 1874 года кипѣла по прежнему та же подземная работа, за которую понесли наказаніе въ половинѣ 1874 года Долгушинъ, Дмоховской, Д. Гамовъ и другіе.

Дѣло Константина Гамова было, очевидно, отпрыскомъ Долгушинскаго дѣла: преступные „листки", которые имѣлъ этотъ Гамовъ, были, повидимому, переданы ему роднымъ его братомъ, уже осужденнымъ въ 1874 году: оба эти Гамовы носили и одно отчество—Ивановы.

По дѣлу Гамова 2-го, Константина Иванова, съ излишнею стыдливостью обнародованъ былъ только очень коротенькій судебный отчетъ. Гамовъ судился 30 мая 1875 года въ московской судебной палатѣ по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 245 ст. Улож. о нак. Судебное слѣдствіе и пренія происходили при закрытыхъ дверяхъ. При постановкѣ вопросовъ, двери суда были открыты.

Вотъ текстъ вопросовъ и резолюціи палаты:

Виновенъ ли бывшій юнкеръ Военнаго Александровскаго училища, дворянинъ Константинъ Ивановъ Гамовъ, 19 лѣтъ, въ томъ, что имѣлъ у себя листки изъ печатнаго сочиненія, составленнаго съ цѣлью возбудить неуваженіе къ Верховной Власти, озаглавленное „Прибавленіе А" и начинающееся словами: „Для предупрежденія недоразумѣній считаемъ однако необходимымъ замѣтить, что то, что мы называемъ идеаломъ народа, ничего не имѣетъ подобнаго съ тѣми политически соціальными схемами и *проч.*?

Если виновенъ, то какому подлежитъ за это наказанію?"

Палата постановила:

Дворянина Гамова, признаннаго виновнымъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 4 отд. 245 ст. Улож. о наказ., на основаніи 57, 134, 140 и 4 отд. 245 ст. Улож. о наказ., подвергнуть аресту на военной гауптвахтѣ на двѣ недѣли; о вещественныхъ же доказательствахъ постановить особое опредѣленіе въ распорядительномъ засѣданіи.

Вотъ и все. Судя по компетентности палаты въ рѣшеніи подобныхъ дѣлъ (бо́льшей конечно, чѣмъ у особаго присутствія сената, не говоря уже о военныхъ судахъ), полагаемъ, что это дѣло не стоило выѣденнаго яйца: „преступленіе" состояло въ храненіи какого-то, неизвѣстно къ чему, примѣчанія, начинавшагося союзомъ *однако*. Говоря по просту,

младшій братъ получилъ отъ старшаго какой-то потаенный листокъ, который даже не распространялъ *).

Ничтожное дѣло Гамова происходило въ то время, когда въ 37 губерніяхъ кишѣла революціонная пропаганда, о чемъ никто не догадывался, какъ увидимъ ниже; а за границею разцвѣтала новая эмиграціонная литература и журналистика.

Дѣло Гамова не даетъ намъ никакихъ свѣдѣній о современныхъ задачахъ подпольной литературы, но мы имѣемъ любопытную статью въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* г. Н. Щербаня (№ 137) о самомъ родникѣ подпольнаго движенія, о современной эмиграціонной печати.

Послѣ смерти Герцена, послѣ неудачнаго набѣга Бакунина, на Францію послѣ разгрома парижской коммуны, работа русской эмиграціи позатихла. Только въ Женевѣ издавалась убогая газета, подъ заглавіемъ *Рабочій* или *Работникъ*. Но въ 1875 году въ книжныхъ магазинахъ Берлина можно было встрѣтить цѣлыя груды революціонныхъ сочиненій. Между ними г. Щербань нашелъ по каталогу длинный рядъ *новыхъ* демагогическихъ выпусковъ, цѣлую *современную* революціонную литературу.

> Тутъ и книги, и брошюры, и пѣсенники, и газеты, и сборники, и *Русскимъ юрискимъ студенткамъ*, и *Русской соціальной революціонной молодежи*, и *По поводу Самарскаго голода*, и *Въ память столѣтія Пугачевщины*, и *Общественная служба въ будущемъ обществѣ*,—всего не перечтешь, и все изготовлено и пущено уже въ самое ближайшее время, когда русская заграничная революціонная суетливость, казалось, присѣла: во время, до того близкое, что вотъ и новая лондонская газета, затѣянная не далѣе, какъ съ 1 января этого года, и уже бросившая въ оборотъ десять нумеровъ: *Впередъ! двухнедѣльное обозрѣніе*...

Г. Щербань знакомитъ насъ съ направленіемъ новаго революціоннаго изданія, этой настольной книги всѣхъ политическихъ преступниковъ послѣдующихъ лѣтъ. Вотъ какъ резюмируетъ онъ содержаніе этого журнала:

---

*) Исторія эта была крайне ничтожна: палата совершенно вѣрно оцѣнила ее. Мы заносимъ ее въ свою лѣтопись только потому, что она показываетъ, какъ иногда дѣйствовали съ плеча: уважаемый всею Москвою, гуманный и образованный начальникъ училища, гдѣ учился Гамовъ, принужденъ былъ, въ связи съ этою глупою исторіею, выйдти въ отставку, хотя и образцово велъ учебное заведеніе съ самаго его основанія; за прекраснымъ начальникомъ покинули это учебное заведеніе и лучшія университетскія педагогическія силы. Такимъ образомъ, даже такое ничтожное дѣло въ концѣ концовъ ухитрились разыграть не въ руку правительства. *Авт.*

Идеалы прежнихъ республиканцевъ для нихъ „старая, старая сказка“ (№ 2, стр. 36). Гарибальди и Феликсъ Піа для нихъ — „отсталые дѣятели“ (№ 4, стр. 74). Къ парижской коммунѣ они выражаютъ нѣсколько болѣе уваженія и одобренія, признавая день ея провозглашенія „великимъ днемъ“ и называя ея поджигательства и пожары „лучемъ свѣта“ для будущаго (№ 5, стр. 129). Но и парижская коммуна, по ихъ сужденію, „не удовлетворительна“, потому что она не сдѣлала ни одного рѣшительнаго шага“ къ концу стараго міра и, „поставивъ программу соціальной революціи, не рѣшилась выполнить этой программы“ (№ 5, стр. 133). Люди, командующіе *Впередъ*, обѣщаютъ работать цѣлесообразнѣе и не ограничатся какими-нибудь тамъ полумѣрами, чѣмъ довольствовалась коммуна, сантиментально разстрѣливавшая заложниковъ не болѣе, какъ десятками. Они „не остановятся ни предъ какими препятствіями, ни предъ какою суровостью“ (№ 8, стр. 229). Имъ нужна безпощадная „война противъ общества, война въ одиночку, *война воровствомъ, поджогомъ, грабежемъ, убійствомъ*“ (№ 1, стр. 21), которая все охватила бы и низвергла бы, которая въ дребезги разбила бы весь теперешній строй: того „требуетъ“, говорятъ они, „живая современная наука“ (№ 8, стр. 229), и во имя этой *живой науки* они призываютъ къ умерщвленію чуть ли не всего существующаго. „Лишь соціальная, лишь народная революція можетъ спасти народъ русскій“, рекомендуютъ они; „лишь она можетъ спасти и человѣчество. *Подготовляйте же народную революцію. Подготовляйте ее въ народѣ*, который одинъ можетъ совершить ее. *Организуйтесь для крѣпкаго единаго дѣйствія. Организуйтесь помощью пропаганды. Организуйтесь среди народа, съ народомъ вмѣстѣ.* Не жертвуйте даромъ ни однимъ человѣкомъ, ни одною силой; когда же придетъ минута настоящей борьбы, идите съ народомъ противъ стараго міра, не оглядываясь назадъ. Пусть рушится гнилое старье“.

Таково направленіе самой редакціи новой газеты. Ея петербургскіе корреспонденты, по словамъ г. Щербаня, „прикидываются овечками невинными, не понимающими, какіе такіе умыслы и замыслы могутъ быть на свѣтѣ. И въ ту самую минуту, какъ революціонному русскому воинству предписывается „подготовлять соціальную революцію“, „подготовлять ее въ народѣ“, „организоваться среди народа для дѣйствія и пропаганды“, они подсмѣиваются надъ „горячешною фантазіею“ высшихъ русскихъ правительственныхъ сферъ, которой „мерещится“, будто есть у насъ господа, „намѣревающіеся пропагандировать, бунтовать рабочихъ и пр.“ (№ 1, стр. 5). Впрочемъ даже и петербургскіе корреспонденты проговариваются.

„Въ борьбѣ за нравственную правду наша молодежь воспитывается для другой, болѣе широкой борьбы“, пишетъ одинъ (№ 30, стр. 79); „для борьбы съ народными врагами, для революціонной дѣятельности“, поясняетъ редакція (ibid.). „Русское правительство имѣетъ право бояться:

пощады ему не будетъ", громогласно объявляетъ другой (№ 1, стр. 6). „Мы уже передумали и рѣшились", вставляетъ третій (№ 4, стр. 107). Четвертый даже распространяется на эту тему: „Не смотря на всѣ невзгоды, мы не падаемъ духомъ и стремимся впередъ къ своей желанной цѣли. Жизнь кипитъ у насъ. Уже не мало молодежи наконецъ поняло причину зла и стремится бороться съ нимъ. Всѣ лучшіе люди (sic!) бросаютъ теперь студенческія скамьи, чтобы указать другимъ эту причину всего зла. У насъ чуть не каждый день бываютъ собранія, гдѣ молодежь не витаетъ въ однихъ теоретическихъ вопросахъ, а толкуетъ ужъ объ организаціи *), чтобы сплотить свои силы на борьбу съ врагами. Теперь намъ нужно направлять всѣ свои старанія на соединеніе между собою и на образованіе крѣпкаго дѣлаго" (№ 5, стр. 146).

Обыкновенно заграничныя революціонныя изданія довольно неисправны въ типографскомъ отношеніи, притомъ дороги. *Впередъ*, напротивъ, по увѣренію г. Щербаня, внѣшности безукоризненной, набора и шрифта превосходнаго, бумаги отличной, объемомъ значительнѣе покойнаго *Колокола* (каждый нумеръ заключаетъ въ себѣ 16 страницъ по 2 широкихъ столбца) и стоитъ всего 60 сантимовъ.

Обыкновенно заграничныя революціонныя газеты чрезвычайно скудны содержаніемъ: онѣ наполняются собственными измышленіями редакцій, подстреканіемъ всевозможныхъ родовъ, очевидно сочиняемыми однимъ и тѣмъ же перомъ, составляющимъ всю наличную силу изданія; сообщеній извнѣ почти никакихъ. *Впередъ*, напротивъ, по словамъ г. Щербаня, богатъ матеріаломъ: въ каждомъ № руководящія статьи, обзоръ рабочаго движенія за прошлое время, лѣтопись теперешнихъ рабочихъ волненій, замѣтки по текущимъ вопросамъ и цѣлая масса корреспонденцій изъ Россіи, отъ Петербурга и Москвы до Иркутска, Самары, Гжатска, села Павлова. Кромѣ того, при изданіи ещѣ и особый сборникъ, подъ тѣмъ же заглавіемъ, котораго вышли уже четыре толстые тома.

Обыкновенно заграничные революціонеры плачутся на тяжелыя времена, на холодность къ нимъ „безмозглой" публики. *Впередъ*, напротивъ, не можетъ нахвалиться успѣхомъ пропаганды своего кружка. Вотъ какъ передаетъ объ этомъ сотрудникъ *Московскихъ Вѣдомостей*:

„Соціальныя заграничныя изданія", извѣщаютъ *Впередъ*, „цѣлыми транспортами проникаютъ въ предѣлы имперіи, циркулируютъ въ ней, доходятъ въ самые дальніе углы" (№ 2, стр. 41). „Слово истины (sic!) про-

*) Организація и открылась потомъ, въ дѣлѣ 193. *Авт.*

никаетъ всюду", пишутъ ему изъ Петербурга. „даже въ ту среду, гдѣ нельзя было ожидать плодовъ, которые теперь получились, въ буржуазную, мѣщанскую среду, гдѣ тоже начинаютъ являться протестующія личности. Люди съ положеніемъ стараются помочь намъ своими силами. „Разложеніе начинается повсюду" (№ 5, стр. 145). „Работа идетъ", сообщаютъ ему также и изъ провинціи: „тяжело положеніе дѣлъ; но въ такихъ размѣрахъ, какъ въ этомъ году, движеніе въ народъ еще никогда не практиковалось, и не смотря на многія неудачи, число охотниковъ и теперь еще очень велико" (№ 2, стр. 57). „Агитаціонная литература", радуется другой корреспондентъ, „не смотря на массу захваченныхъ, отобранныхъ, сожженныхъ книгъ, циркулируетъ быстро. Она есть во всѣхъ губернскихъ городахъ; ее можно встрѣтить въ центральныхъ губерніяхъ даже между сельскими учителями" (№ 9, стр. 263). Третій увѣряетъ, будто революціонныя изданія читаются народомъ „на расхватъ", будто они „шибко идутъ между мастеровыми и извощиками" и будто распространяющія ихъ личности постоянно жалуются на недостаточное число этихъ книгъ, которыхъ наличный запасъ не удовлетворяетъ требованію" (№ 8, стр. 269). *Впередъ* прибавляетъ отъ себя, что „имѣетъ свѣдѣнія о распространеніи агитаціонной литературы между солдатами *), но не считаетъ возможнымъ напечатать ихъ" (№ 8 стр. 263). „Бросайте же сѣмя, восхищается онъ, продолжайте бороться: брошенное сѣмя зрѣетъ... Проповѣдь соціальной революціи прошла во всѣ углы Россіи: она дошла до дальнихъ городовъ ея; она проникаетъ въ народъ".

Впрочемъ всѣ эти ликованія нѣсколько преувеличены; это скорѣе реклама, по мнѣнію г. Щербаня:

Самъ же *Впередъ* и отъ себя, и отъ лица своихъ корреспондентовъ, жалуется „на большинство русскаго студенчества", упрекаетъ его въ „равнодушіи" и строго увѣщеваетъ его (№ 1, стр. 41, 114; № 3, стр. 79, 80); жалуется на „русскую либеральную партію", которая не имѣетъ никакой энергіи для борьбы и никогда не рѣшится на рискъ (№ 2, стр. 2); жалуется и на самый русскій народъ, который „ненавидитъ пропагандистовъ за то, что они подводятъ его подъ исторію", и выдаетъ ихъ головою" (№ 3, стр. 68; № 4, стр. 107).

Приведя эти любопытныя свѣдѣнія, г. Щербань спрашиваетъ: „неужели махнуть на подобныя явленія рукой? неужели не противодѣйствовать имъ, хотя бы для того, чтобы уменьшить число молодежи, которое гибнетъ отъ этихъ безсмысленныхъ подстреканій"? Считая недостаточными однѣ полицейскія и судебныя мѣры, сотрудникъ *Московскихъ Вѣдомостей*, котораго никакъ, конечно, нельзя заподозрѣть въ сочувствіи пропагандѣ, предлагаетъ средство, подъ которымъ можно подписаться обѣими руками.

*) О пропагандѣ между солдатами, именно Московскаго полка, увидимъ ниже, въ дѣлѣ Дьякова. *Авт.*

Отчего бы не перепечатывать въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* наиболѣе характеристическихъ заявленій, ну хоть новаго органа *Впередъ*? То, что въ запрещенномъ изданіи, обращается лишь „посреди вѣрныхъ", проходитъ незамѣченнымъ для большинства публики, это самое, выставляемое на показъ, производило бы такой взрывъ общаго негодованія, предъ которымъ бы все больше и больше пасовали бы пропагандисты. Отчего бы съ тою же цѣлью не разрѣшить всѣмъ газетамъ полученіе революціонныхъ выпусковъ прямо чрезъ газетную экспедицію? Злоупотребленій въ этомъ отношеніи опасаться нечего. Какъ не велики увлеченія нѣкоторой части нашей печати, между ею и лондонскими агитаторами все таки лежитъ пропасть. „Либеральничающіе болтуны, толкующіе на своихъ мизерныхъ листкахъ о своихъ заботахъ и трепещущіе риска изъ-за страданій народа", такъ величаетъ *Впередъ* нашихъ прогрессистовъ. „Между русскими соціалистами-революціонерами и этою позорною прессой нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. Соціалисты-революціонеры могутъ только клеймить презрѣніемъ жалкихъ лилипутовъ либеральной прессы, наравнѣ съ органами жалкаго правительства и воровскаго капитализма, которымъ сознательно или безсознательно служатъ всѣ эти арлекины русскаго слова".

Теперь, когда крамола взяла большее засилье, мы готовы желать даже еще меньшаго, чѣмъ просили въ 1875 году *Московскія Вѣдомости*: пусть, если не всѣмъ, по крайней мѣрѣ патріотической, испытанно благонамѣренной части печати разрѣшена была бы полемика съ подпольными и заграничными изданіями, съ правомъ, разумѣется, полученія для того послѣднихъ чрезъ почтамтъ. Какъ не расширилось это зло теперь, все еще можно надѣяться, что эмиграціонной проповѣди былъ бы нанесенъ тяжелый ударъ дружнымъ натискомъ легальной патріотической печати. Вѣдь истина слишкомъ простая: противъ словеснаго оружія одно только и есть успѣшное оружіе—слово же, противъ печати—печать же. Мы, напримѣръ, тщательно пересматривая всѣ обнародованные въ легальныхъ изданіяхъ документы, при всемъ искреннемъ желаніи раскрыть истину, застрахованы ли отъ того, чтобы кто-нибудь не сказалъ, что дѣло было совсѣмъ не такъ, какъ передаемъ мы со словъ оффиціальной и вообще легальной печати? Располагая *всею* наличностью фактовъ, сколько лжи могли бы мы указали въ нелегальныхъ корресподенціяхъ, отчетахъ, брошюрахъ и т. д.; а теперь приходится не безъ нѣкоторой застѣнчивости утверждать: дѣло было такъ, но—*по обнародованнымъ документамъ!*

Перейдемъ однако въ нашей лѣтописи „по обнародованнымъ документамъ".

Въ іюньской книгѣ 1875 года *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* былъ напечатанъ въ высшей степени важный циркуляръ министра народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ.

Въ декабрѣ 1874 года г. министръ, по словамъ циркуляра, препроводилъ къ каждому изъ попечителей учебныхъ округовъ списокъ книгъ и брошюръ революціоннаго содержанія, съ цѣлью поставить о нихъ въ извѣстность директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, при обозрѣніи ими школъ. Министръ юстиціи доставилъ передъ тѣмъ министру народнаго просвѣщенія печатную записку о преступной пропагандѣ, обнаруженной въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи. Посылая попечителямъ округовъ по экземпляру этой записки, министръ просвѣщенія просилъ попечителей, при личныхъ объясненіяхъ съ начальниками учебныхъ заведеній, сообщить имъ о содержащихся въ ней достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ.

Мы не видали: этой записки министра юстиціи едва ли она была обнародована. Что необходимо было знать попечителямъ округовъ, начальникамъ учебныхъ заведеній и даже учителямъ, то считалось излишнимъ сообщить намъ, обществу. Тѣмъ поэтому непонятнѣе представляется жалоба циркуляра на то же самое общество, отъ котораго въ то же время такъ тщательно скрывали „достовѣрныя свѣдѣнія".

Изъ циркуляра оказывается, что революціонеры избрали орудіемъ своей пропаганды юношество и школу. Но, къ сожалѣнію, говоритъ циркуляръ,

> Эти дѣти и юноши, вмѣсто того, чтобы найти въ окружающей ихъ средѣ и въ своихъ семействахъ отпоръ преступнымъ увлеченіямъ и политическимъ фантазіямъ, встрѣчаютъ иногда, напротивъ того, ободреніе и поддержку: только этимъ и можно объяснить распространеніе соціалистическихъ теорій, давно осужденныхъ здравою наукою, въ 37 губерніяхъ: какъ обнаружило судебное изслѣдованіе, нѣкоторые отцы и матери подбивали къ нимъ своихъ дѣтей.

Читаешь и не вѣришь своимъ глазамъ. Какъ?! „Распространеніе соціалистическихъ теорій въ 37 губерніяхъ" впервые объявляется русскому обществу мимоходомъ, въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія попечителямъ округовъ, напечатанномъ въ совсѣмъ не распространенномъ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. „Судебное изслѣдованіе" циркуляра — это извѣстное „Жихаревское дѣло", или потомъ

процессъ 193,—и объ немъ то только мимоходомъ роняется слово!

Циркуляръ министра просвѣщенія приводитъ выдержку изъ записки министра юстиціи:

> Быстрые успѣхи пропаганды должны быть приписаны какъ тому, что дѣятельность агитаторовъ не встрѣчала достаточно сильнаго и громкаго порицанія со стороны общества, которое, не отдавая себѣ вполнѣ яснаго отчета въ значеніи и цѣли этихъ преступныхъ стремленій, до сихъ поръ относилось къ нимъ съ апатіей, равнодушіемъ, а иногда даже сочувствіемъ, такъ въ особенности и тому, что молодежь, составляющая главный контингентъ лицъ, занимающихся пропагандой, не находитъ отпора пагубнымъ и разрушительнымъ ученіямъ въ той средѣ, гдѣ она растетъ и развивается.

Этотъ упрекъ обращенъ къ обществу, которое впервые слышитъ о пропагандѣ въ 37 губерніяхъ. Циркуляръ министра просвѣщенія требуетъ, чтобы наставники на сей разъ замѣнили родителей:

> Пусть при случаѣ и когда, по ихъ мнѣнію, встрѣтится надобность, они разскажутъ болѣе взрослымъ и понятливымъ ученикамъ, что несчастные политическіе фанатики, не доученные юноши, затѣваютъ провести въ народъ свои несбыточныя фантазіи, не гнушаясь при этомъ, какъ тоже обнаружено слѣдствіемъ, ни воровствомъ, ни грабежемъ, ни даже убійствомъ, и что именно ихъ-то вознамѣрились они избрать своимъ орудіемъ. Этого будетъ достаточно для честной молодежи, все болѣе и болѣе нынѣ трудящейся для того, чтобы со временемъ сдѣлаться полезными гражданами. Истина не боится свѣта; потому я не только не нахожу основанія скрывать это печальное явленіе въ нашей общественной жизни отъ наставниковъ юношества, но, напротивъ того, поручаю вашему превосходительству передать отъ меня начальникамъ учебныхъ заведеній, что я ихъ уполномочиваю разсказать о немъ преподавателямъ и наставникамъ.

Циркуляръ этотъ въ свое время, конечно, не могъ вызвать обсужденій; но да будетъ позволительно теперь замѣтить: опасны подобные документы, пытающіеся усыплять общество призракомъ бдительности. Какова на самомъ дѣлѣ могла быть сила подобной мѣры? Прочли циркуляръ попечители, равно и записку (намъ неизвѣстную) министра юстиціи, передали объ этомъ директорамъ учебныхъ заведеній, а тѣ—наставникамъ. И вотъ учителя должны были воодушевиться разсказомъ изъ третьихъ рукъ о невѣдомой имъ преступной дѣятельности какихъ-то „несчастныхъ политическихъ фанатиковъ“, съ завязанными глазами устремиться на врага и молчаніемъ отвѣчать воспитанникамъ на неизбѣжные съ ихъ стороны разспросы о неизвѣстныхъ учителямъ подробностяхъ дѣла. Въ

свое время мы довольно слышали разсказовъ, какъ сошло на нѣтъ это министерское распоряженіе, что впрочемъ иначе и быть не могло.

Кромѣ этого циркуляра, въ современной періодической печати *ни слова* не находимъ объ этой пропагандѣ. Только *Московскія Вѣдомости* рѣшились напечатать одинъ анекдотъ о какой-то пропагандисткѣ. Но циркуляра министра просвѣщенія и анекдота *Московскихъ Вѣдомостей* едва ли было достаточно въ эту минуту. Вотъ однако этотъ анекдотъ, не лишенный пикантности; обнародованіе его вызвано было именно указаннымъ циркуляромъ министра просвѣщенія.

Это случилось лѣтомъ 187.... года. Одна изъ такихъ проповѣдницъ явилась въ село и съ цѣлью сблизиться съ крестьянами помогала имъ въ полевыхъ работахъ, и не стѣсняясь предразсудками, спала въ повалку съ мужиками и бабами. Какъ искусный педагогъ, она не вдругъ открыла имъ тайны своихъ политическихъ и философскихъ теорій, но подготовляла понемногу невѣжественные умы къ принятію истины. Крестьяне находили, что барыня „больно мудрено“ говоритъ, но выслушивали молча непонятную для нихъ болтовню и не перечили даровой работницѣ. Наконецъ она рѣшила, что настало время изложить яснѣе свою мысль, и приступила къ дѣлу. Разъ, идя съ бабами на жатву, она пустилась въ проповѣдь. „Вся бѣда въ томъ“, говорила она, „что васъ постоянно обманывали: васъ научили молиться какому-то Богу, а вы того и не знаете, что Бога совсѣмъ нѣтъ“. Публика остановилась въ недоумѣніи. „Нѣтъ Бога“, продолжала она, „и я могу это доказать: пускай которая-нибудь изъ васъ дастъ мнѣ крестъ съ шеи“. Когда одна изъ бабъ подала ей свой крестъ, „взгляните“, воскликнула передовая женщина, вдохновляясь своею блестящею ролью: „этотъ крестъ надо мной не властенъ; я же съ нимъ сдѣлаю все, что хочу.“ Съ этими словами она плюнула на него. Но ея разсчетъ оказался не вѣрнымъ: кара послѣдовала немедленно. Женщины освирѣпѣли, при видѣ грубаго кощунства, и бросились съ поднятыми кулаками на дѣвицу-оратора. Не смотря на желаніе пострадать за правду, она пустилась бѣжать, но бабы ее догнали и повалили... На ея бѣду около дороги росли березы, и, увы!... эти невѣжественныя существа, не пожелавшія вкусить отъ плода науки, такъ усердно высѣкли пропагандистку, что она долго о нихъ будетъ вомнить.

Такъ въ тишинѣ, при гробовомъ молчаніи печати, при полномъ невѣдѣніи убаюкиваемаго общества, ковались ковы противъ этого общества и его формы—государства. Подземный гулъ пока еще не достигалъ поверхности земли...

IV.

Впрочемъ заявленіе министерскаго циркуляра, что пропаганда обращена на учащуюся молодежь, не было новостью

въ 1874, не было бы новостью даже въ 1866 году. Болѣе новымъ фактомъ кажется намъ разочарованіе крамольныхъ дѣятелей въ „народѣ", т. е. земледѣльческомъ крестьянствѣ, и обращеніе съ пропагандою на фабрики, заводы и въ казармы.

Іюль мѣсяцъ счастливъ политическими дѣлами: въ іюлѣ 1871 года разбиралось Нечаевское дѣло въ іюлѣ 1874 года Долгушинское дѣло, и наконецъ 16 іюля 1875 года начинается въ особомъ присутствіи правительствующаго сената „дѣло о Дьяковѣ, Сиряковѣ, Герасимовѣ, Александровѣ, Зайцевѣ, Янсонѣ, Ельцовѣ и Вечеславовѣ, обвиняемыхъ въ политическомъ преступленіи". Въ составѣ суда первоприсутствующій сенаторъ А. Г. Евреиновъ, изъ сословныхъ представителей одесскій городской голова Новосельскій и волостной старшина Парголовской волости Зоринъ. Обвинителемъ товарищъ оберъ-прокурора Шрейберъ. Защитники — это уже не тѣ свѣтила адвокатуры, какъ въ Нечаевскомъ и Долгушинскомъ дѣлѣ, а уже менѣе извѣстные присяжные повѣренные: Бардовскій, Боровиковскій, Ольхинъ *), Михайловъ, Богаевскій: политическіе процессы стали пріѣдаться, утративъ прежнюю свою терпкость. Дьяковъ и Сиряковъ защищаются сами.

Самое дѣло заключалось въ слѣдующемъ:

Въ началѣ апрѣля 1875 г. рабочій фабрики Чешера крестьянинъ Самойловъ и безсрочно отпускной бомбардиръ Антонъ Андреевъ подаютъ въ жандармское управленіе заявленіе. Самойловъ доноситъ, что на дворѣ фабрики Чешера въ квартиру рабочихъ приходилъ молодой человѣкъ, который, послѣ ихъ занятій, читалъ имъ о старинѣ, а потомъ о самарскомъ голодѣ **). По переѣздѣ этихъ рабочихъ на новую квартиру, чтеніе продолжалось и тамъ. Самойловъ, бывая у нихъ, слышалъ, какъ читали *Хитрую механику* ***). А бомбардиръ Андреевъ заявилъ, что въ концѣ марта 1875 года

*) Ольхинъ—защитникъ по Долгушинскому дѣлу и онъ же, кажется, обвиняемый, но оправданный, по дѣлу Мирскаго. *Авт.*

**) Статью изъ новаго журнала *Впередъ*. *Авт.*

***) Эта *Хитрая механика*, равно какъ упоминаемыя ниже *Сказка о четырехъ братьяхъ*, *Сборникъ новыхъ стиховъ и пѣсенъ*, *Емелька Пугачевъ*, *Исторія французскаго крестьянина*, *Чтой-то, братцы*, являются здѣсь впервые. Но потомъ пропагандисты изъ числа 193 обвинялись между прочимъ въ распространеніи именно этихъ сочиненій. *Авт.*

братъ его Яковъ, тоже безсрочно отпускной рядовой, работавшій на той же фабрикѣ Чешера, принесъ ему *Исторію одного французскаго крестьянина* *), объяснивъ, что подобныя книги въ квартиру рабочихъ носятъ студенты. Замѣтивъ, что въ названной книгѣ „не хорошо говорится", Антонъ Андреевъ ходилъ къ брату по воскресеньямъ и заставалъ тамъ читавшаго студента и нѣсколькихъ рабочихъ. Студентъ говорилъ, что нужно уничтожить купцовъ, дворянъ и царя. При этомъ Антонъ Андреевъ представилъ и книги: *Емельку Пугачева*, *Сказку о четырехъ братьяхъ*, *Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ*, *Хитрую механику*.

Впослѣдствіи оказалось, что студентъ С.-Петербургскаго университета Вячеславъ Михайловъ Дьяковъ, подъ именемъ „Василія Михайлова", познакомившись въ концѣ 1874 года съ нѣкоторыми рабочими фабрики Чешера, распространялъ сначала между ними, а потомъ между солдатами лейбъ-гвардіи Московскаго полка и другими лицами, какъ непосредственно, такъ и чрезъ посредство другихъ, сочиненія, „имѣющія цѣлью возбудить къ бунту". Въ этой дѣятельности Дьякова принимали участіе студентъ С.-Петербургскаго университета Алексѣй Ивановъ Сиряковъ, подъ именемъ „Алексѣя Иванова", и рабочіе фабрики Чешера, петербургскіе мѣщане Василій Герасимовъ и Діомидъ Александровъ. Сверхъ того, оказалось, что музыкантъ того же Московскаго полка Трофимъ Зайцевъ и фельдшерскій ученикъ того же полка Юрій Янсонъ, находясь въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ этихъ лицъ, получали отъ нихъ преступныя сочиненія и знали о ихъ преступной дѣятельности. Наконецъ открылось еще, что студенты медико-хирургической академіи Владиміръ Ельцовъ и Всеволодъ Вечеславовъ имѣли тѣ же преступныя сочиненія.

Здѣсь, среди обвиняемыхъ, кажется, впервые встрѣчаемъ ту сословную разнокалиберность, которая стала отличительною чертою послѣдующихъ политическихъ процессовъ. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ и студенты университета и академіи, и мѣщане, и гвардейскій музыкантъ, и фельдшерскій ученикъ; а вѣдь и всѣхъ то обвиняемыхъ только 8 человѣкъ. Ничего сословнаго, а наоборотъ, случайный сбродъ какихъ-то больныхъ еди-

*) Это передѣлка романа Шатріана. Авт.

ницъ, оторванныхъ отъ своего цѣлаго, — это особенность послѣдующихъ государственныхъ преступленій.

Въ первый же вечеръ своего знакомства съ рабочими Дьяковъ начинаетъ толковать имъ, что „много расходовъ государственныхъ, что одного процента платимъ 90 милліоновъ и что когда бы не было бы государства, не было бы и такихъ расходовъ". Черезъ нѣсколько времени Дьяковъ уговариваетъ Тарасова и Кондратьева, двухъ рабочихъ, переѣхать въ новую квартиру, на наемъ которой даетъ 10 рублей, и вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ, чтобы „какъ можно больше народа опредѣлили на квартиру и приглашали къ себѣ рабочихъ слушать, какъ онъ будетъ читать". На эту квартиру Дьяковъ ходилъ раза по три, по четыре въ недѣлю, по буднямъ вечеромъ, а въ праздники поутру; приносилъ книги, читалъ ихъ фабричнымъ, въ томъ числѣ *Хитрую механику*, и просилъ Кондратьева передавать рабочимъ книги. Далъ онъ имъ всего около 60 книжекъ.

Читалъ также рукопись *Мужицкую копѣйку*, какъ мужикъ зарабатываетъ копѣйку и какъ эта копѣйка опять идетъ къ купцу, и *О соціяціяхъ*, и дѣлалъ толкованіе, что вотъ, говоритъ, живутъ тамъ въ Англіи рабочіе въ довольствіи и никакого разсору нѣтъ; можно, говорилъ, намъ отобрать отъ фабрикантовъ всѣ фабрики, уничтожить правительство, побить всѣхъ господъ, отобрать ихъ землю и подѣлить между крестьянами. Говорилъ, что настоящее положеніе полтора или два года больше не протянется; только нужно вырвать корень, а если посшибешь одни сучья, то пойдутъ отростки, и опять будетъ то же, что теперь. Толковалъ, что и въ войскахъ тоже не дремлютъ: офицеры многіе за нихъ и не будутъ командовать, чтобы мужиковъ бить. *)

Черезъ нѣсколько времени Дьяковъ приводитъ Сирякова къ рабочимъ, говоря, что ему самому некогда ходить къ нимъ.

— „Мѣстовъ, куда надо ходить распространять, много, а насъ народу мало", замѣчаетъ онъ.

Новый учитель фабричныхъ студентъ Сиряковъ, при первомъ же посѣщеніи рабочихъ, началъ имъ толковать „о географіи; говорилъ о мѣстахъ, гдѣ народъ живетъ безъ правительства и гдѣ есть правительство, и что тѣмъ, которые живутъ безъ правительства, лучше". Во второй разъ Сиряковъ приноситъ *Пугачева*, прочелъ не всю, но толковалъ, что

Пугачевъ дѣлалъ ошибки, потому что началъ жить по царски, а о простонародьи забылъ; поэтому, если случится бунтъ, имъ не нужно давать одному человѣку такое порученіе, какое имѣлъ Пугачевъ.

*) Показаніе рабочаго Тарасова на предварительномъ слѣдствіи. *Авт.*

Въ третій разъ являются вмѣстѣ Дьяковъ и Сиряковъ и толкуютъ, что надо разъѣхаться по сторонамъ и „распространять о томъ, какъ правительство притѣсняетъ, и раздавать книжки". *)

Не безполезно изучать эти пріемы пропаганды, а потому, въ дополненіе къ сообщенному, воспользуемся показаніемъ фабричнаго Кондратьева, другаго свидѣтеля.

Дьяковъ, по словамъ этого свидѣтеля, читалъ на фабричной квартирѣ рукопись *О Самарскомъ голодѣ*, *Календарь*, *Четыре брата*, *Хитрую механику*, *Пугачева*, *Пьесенникъ*, листокъ *Чтой-то*, *братцы*, *плохо живется*. При чтеніи онъ говорилъ, что „правительства не нужно, а также капиталистовъ; чтобы фабрики и заводы достались въ общественную пользу, земли всѣ подѣлить поровну, чтобы всѣ были равны; говорилъ, что эти книги нужно раздавать народу, чтобы пріучить народъ дѣлать возстаніе, при которомъ уничтожить правительство и господъ, что это и въ другихъ державахъ такъ будетъ".

Свидѣтель Кондратьевъ полученныя отъ студентовъ книжки передалъ чиновнику полиціи Назорову, котораго зналъ съ 1874 года „по другому дѣлу о студентахъ, раздававшихъ книжки: **) Тарасовъ и Кондратьевъ боялись, чтобы „и самимъ не попасть въ отвѣтъ".

По показанію крестьянина Самойлова, третьяго свидѣтеля, Дьяковъ между прочимъ читалъ рабочимъ *У перевоза*, гдѣ говорилось, что „одинъ подалъ отъ міра прошеніе императору и пропалъ изъ-за этого".

Новый свидѣтель Александровъ между прочимъ показалъ, что Дьяковъ говорилъ: „если будетъ бунтъ и наша возьметъ, то выборныхъ поставятъ, царя и купцовъ не будетъ. Нужно дружнѣе быть. Солдатъ не надо бить. Солдаты пойдутъ на царя. Солдатъ надо тоже учить, давать имъ книжки, чтобы они на насъ не пошли".

Объ этой пропагандѣ въ войскѣ тотъ же свидѣтель разсказываетъ:

Свидѣтель былъ однажды въ казармахъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка съ Василіемъ Михайловымъ ***) и Василіемъ Герасимовымъ ****).

*) То же показаніе. *Авт.*

**) Вѣроятно, по Долгушинскому дѣлу. *Авт.*

***) Такъ называлъ себя Дьяковъ. *Авт.*

****) Рабочій изъ числа подсудимыхъ, жившій на дачѣ Бобонина, гдѣ шла пропаганда между фабричными. *Авт.*

Изъ нихъ Герасимовъ читалъ солдатамъ *Чтой-то, братцы, плохо живется*, а потомъ Михайловъ читалъ про *Четырехъ братьевъ*. Сперва они были въ 9 ротѣ, а послѣ пошли къ музыкантамъ; у послѣднихъ Герасимовъ и Михайловъ читали тѣ же книжки. Въ 9 ротѣ во время чтенія было много солдатъ, но свидѣтель можетъ назвать одного Яна Сандера. Точно также и въ музыкантской во время чтенія были солдаты, но свидѣтель знаетъ только Зайцева *). Въ этотъ разъ Герасимовъ оставилъ въ 9 ротѣ Яну Сандеру сколько-то книжекъ, но сколько, не замѣтилъ. Янъ Сандеръ сперва не хотѣлъ ихъ брать, а потомъ взялъ ли, не знаетъ. Также, по окончаніи чтенія въ музыкантской, Герасимовъ оставилъ Зайцеву три книжки; сверху свидѣтель видѣлъ *Пугачева*.

Послѣ того свидѣтель еще разъ былъ въ казармахъ съ однимъ уже Герасимовымъ, гдѣ послѣдній опять читалъ и раздавалъ тѣ же книжки.

За нѣсколько недѣль до Пасхи, Тарасовъ,

У котораго свидѣтель (на фабрикѣ Чешера) работалъ, какъ у подмастерья въ комплектѣ, предложилъ ему идти къ полицейскому чиновнику Назорову, говоря, что долженъ заявить ему обо всемъ и такимъ образомъ будетъ безопасенъ. Сперва свидѣтель не довѣрялъ Тарасову, но потомъ, будучи выпивши, согласился. Свидѣтель былъ разъ шесть или больше у Назорова и все разсказывалъ. Ходить было далеко; приходилось прогуливать время, и Назоровъ давалъ ему на извощика, когда 1 руб., когда 50 коп. Назоровъ говорилъ, что когда ему дадутъ книжки, чтобъ ихъ приносилъ ему. Свидѣтель и просилъ Алексѣя Иванова **) дать книжекъ; послѣдній принесъ, когда свидѣтеля дома не было, шесть книгъ: *Пугачева*, *О четырехъ братьяхъ* и два листка: *Чтой-то, братцы;* еще какія, не знаетъ; книги эти и 5 руб. Алексѣй Ивановъ отдалъ для врученія свидѣтелю Якову Андрееву ***). Три книги свидѣтель отдалъ Назорову, а остальныя сжегъ.

Герасимовъ на предварительномъ слѣдствіи подробно разсказалъ о пріемахъ Дьякова. Онъ сообщилъ и любопытную программу бунтарей ****). Программа, изложенная Дьяковымъ, не осталась безъ попытокъ къ осуществленію въ недавнее прошлое.

Герасимовъ познакомился съ Василіемъ Михайловымъ *****) въ квартирѣ рабочихъ. Посѣщая фабричныхъ, Василій Ми-

---

*) Этотъ Зайцевъ тоже подсудимый по настоящему дѣлу. *Авт.*

**) Подъ этимъ именемъ извѣстенъ былъ студентъ Спиряковъ. *Авт.*

***) Яковъ Андреевъ Крампе временно отпускной рядовой, фабричный, жившій на дачѣ Бобошина. *Авт.*

****) „Бунтари“, „террористы“, „партія *Народной Воли*“—это одна и та же фракція, въ противоположность „пропагандистамъ“, „народникамъ“, „чернопередѣльцамъ“. *Авт.*

*****) Революціонный псевдонимъ Дьякова. *Авт.*

хайловъ приносилъ съ собою, читалъ и оставлялъ для распространенія книги: *Исторію французскаго крестьянина*, *Сказку о четырехъ братьяхъ*, *Емельку Пугачева*, *Хитрую механику*, *Пьсенникъ* и *Чтой-то, братцы*. Чтеніе сопровождалось объясненіями. Василій Михайловъ постоянно толковалъ о бѣдности и притѣсненіяхъ простаго народа; указывалъ, что „эти притѣсненія идутъ отъ царя, дворянъ и чиновниковъ, и что для избавленія отъ этихъ притѣсненій, нужно соединяться и бунтовать". „Бунты, по его словамъ, *должны начаться въ разныхъ мѣстахъ*, такъ чтобы войско ничего не могло сдѣлать съ бунтующими, и когда бунты удадутся, то нужно *просить царя, чтобы сдѣлать легче народу*".

Пропагандисты умѣютъ пользоваться не только „реакціею", но даже только слухами о ней. По словамъ того же Герасимова, Алексѣй Ивановъ (т. е. Сиряковъ) былъ въ ихъ квартирѣ три раза, читалъ *о Стенькѣ Разинѣ*, а „другой разъ о правахъ, говоря, что права эти, по согласію государя, утверждены; что *не будетъ теперь ни судовъ, ни мировыхъ, а только губернаторы и волостные головы*, отчего крестьянамъ будетъ такъ худо, что и жить нельзя" *).

Стенька Разинъ и Емелька Пугачевъ любимыя темы нѣкоторыхъ нашихъ историко-романистовъ и всѣхъ вообще пропагандистовъ. Другихъ извѣстныхъ разбойниковъ, хотя бы смутнаго времени, послѣдніе не знаютъ: и невѣжество стало быть подъ часъ полезно. Но Стеньку и Емельку всячески эксплуатируютъ пропагандисты. **) Бѣдные разбойники, сложившіе свои буйныя головы на московскихъ лобнихъ лощадяхъ! Вы, конечно, и не мечтали, что 19 вѣкъ посвятитъ васъ въ носители идей. Но насъ рѣшительно оскорбляетъ забвеніе памяти хотя бы Могута, Хлопки Косолапа и т. д. Чѣмъ же они хуже тѣхъ?!

О Пугачевѣ толковалъ и обвиняемый Діомидъ Александровъ. Выпивъ „сорокоушку" въ казармахъ съ Зайцевымъ, Александровъ въ присутствіи военныхъ музыкантовъ

Сталъ разсказывать о Пугачевѣ, что Пугачевъ собиралъ народъ, грабилъ помѣщиковъ, вѣшалъ и сажалъ ихъ на колъ, что войска переходили

*) Это чтеніе „о правахъ" было чтеніе проекта коммиссіи о *всесословной волости*, какъ объяснилъ потомъ Сиряковъ. *Авт.*

**) У студента медико-хирургической академіи Владиміра Ельцова найдена была между другими революціонными изданіями книга *Въ память столѣтія Пугачевщины*. *Авт.*

къ нему; потомъ разсказывалъ, что во Франціи была революція, сдѣлали бунтъ, повѣсили (sic!) короля; что такая революція будетъ у насъ, что двѣ части Россіи уже подговорено, а одну часть подговорить не трудно; что мужиковъ больше, чѣмъ солдатъ: солдатъ 800,000, а мужиковъ 82.000,000, да солдаты и не пойдутъ противъ отцевъ и матерей, а перейдутъ на ихъ сторону; что ежели бы не было государя императора и господъ, то было бы лучше, потому что мы, говоритъ, теперь работаемъ на господъ и на казну платимъ подати, а какъ бы перебить ихъ всѣхъ, то что мы бы сработали, то раздѣлили бы поровну, не было бы ни бѣдныхъ, ни богатыхъ... Говорилъ еще, что такихъ, какъ онъ, толкователей, которые подговариваютъ народъ, 1,500, а сыщиковъ только 500.

Сочиненія, распространяемыя на фабрикѣ и въ казармахъ Дьяковымъ и Сиряковымъ, обвинительный актъ характеризуетъ такъ:

При различіи предметовъ, составляющихъ частное содержаніе каждаго изъ названныхъ сочиненій, всѣ они имѣютъ своимъ общимъ предметомъ возбужденіе населенія къ повсемѣстному насильственному возстанію скопомъ и заговоромъ противъ государя и государства, въ видахъ ниспроверженія правительства во всемъ государствѣ, перемѣны образа правленія и сокрушенія всего существующаго государственнаго строя и порядка.

Этою литературною оцѣнкою—изъ обвинительнаго акта и должны довольствоваться мы, не имѣя другаго источника для ознакомленія съ этою литературою, которою однако воспитывались столь многіе изъ учащагося поколѣнія 70 годовъ!

Самое обвиненіе всѣхъ этихъ подсудимыхъ было формулировано такъ:

Обвиняются:

I. Студентъ С.-Петербургскаго университета, сынъ діакона, Вячеславъ Дьяковъ, 21 года, въ томъ:

А) что въ теченіе времени, отъ начала настоящаго года до 12 минувшаго апрѣля, съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту, распространялъ между рабочими фабрики Чешера, нижними чинами лейбъ-гвардіи Московскаго полка и другими лицами, непосредственно и черезъ посредство соглашенныхъ имъ на то сообщниковъ, сочиненія, по содержанію своему направленныя къ означенной выше цѣли, какъ то: *1) Хитрую механику, 2) Исторію французскаго крестьянина, 3) Сказку о четырехъ братьяхъ, 4) Емельку Пугачева, 5) Сборникъ новыхъ стиховъ и пѣсенъ, 6)* листокъ *Чтой-то, братцы, 7)* статью изъ журнала *Впередъ* о *Самарскомъ голодѣ* и другія, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное *имя рекъ* ст. Улож. о нак.

и Б) что 11 апрѣля сего года далъ мѣщанину Василію Герасимову завѣдомо подложный паспортъ, съ приложенною къ оному фальшивою печатью, на имя крестьянина Василія Трофимова, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное *имя рекъ* ст. Улож. о нак.

II. Студентъ С.-Петербургскаго университета Алексѣй Сиряковъ, сынъ священника, 20 лѣтъ, въ томъ, что, принявъ по предварительному со-

глашенію съ обвиняемымъ Дьяковымъ, участіе въ его преступленіи. распространялъ, съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту, между рабочими фабрики Чешера сочиненія, направленныя къ означенной выше цѣли, какъ то: 1) *Емельку Пугачева, 2) Сказку о четырехъ братьяхъ, 3)* листокъ *Чтой-то, братцы*, и другія, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное *имя рекъ* ст. Улож. о нак.

III. С.-Петербургскій мѣщанинъ Василій Герасимовъ, 22 лѣтъ, въ томъ, что, принявъ, по предварительному съ обвиняемымъ Дьяковымъ соглашенію, участіе въ его преступленіи, распространялъ, съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту, между разными лицами и нижними чинами лейбъ-гвардіи Московскаго полка сочиненія, по содержанію своему направленныя къ означенной выше цѣли, какъ то: *1) Емельку Пугачева, 2) Исторію французскаго крестьянина, 3) Сказку о четырехъ братьяхъ* и другія, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное *имя рекъ* ст. Улож. о нак.

IV. С.-Петербургскій мѣщанинъ Діомидъ Александровъ, 25 лѣтъ, въ томъ, что, принявъ, по предварительному съ обвиняемымъ Дьяковымъ соглашенію, участіе въ его преступленіи, распространялъ, съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту, между разными лицами и нижними чинами лейбъ-гвардіи Московскаго полка сочиненія, по содержанію своему направленныя къ означенной выше цѣли, какъ то: *Исторію французскаго крестьянина* и другія посредствомъ передачи оныхъ не обнаруженнымъ слѣдствіемъ лицамъ, чтенія вслухъ въ присутствіи другихъ лицъ второй половины *Исторіи французскаго крестьянина* и изъясненія содержанія сочиненій, возбуждающихъ къ бунту, нѣкоторымъ нижнимъ чинамъ Московскаго полка, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное *имя рекъ* ст. Улож. о нак.

V и VI. Музыкантъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка Трофимъ Зайцевъ, 29 лѣтъ, и рядовой 7-й парковой артиллерійской бригады, прикомандированный къ фельдшерской командѣ лейбъ-гвардіи Московскаго полка Юрій Янсонъ, 24 лѣтъ. въ томъ, что, зная о злоумышленномъ распространеніи нѣкоторыми изъ обвиняемыхъ по сему дѣлу сочиненій, направленныхъ по своему содержанію къ возбужденію бунта, какъ то: *1) Емельки Пугачева, 2) Хитрой механики, 3) Сказки о четырехъ братьяхъ*, и, имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, не исполнили сей обязанности. что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное *имя рекъ* ст. Воинскаго устава о наказаніяхъ, изд. 1869 года.

VII и VIII. Студенты Императорской медико-хирургической академіи Владиміръ Ельцовъ, 22 лѣтъ, и Всеволодъ Вечеславовъ, 20 лѣтъ, въ томъ, что имѣли, безъ дозволенія подлежащаго начальства. сочиненія, направленныя къ возбужденію населенія къ бунту, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное *имя рекъ* ст., а относительно Вечеславова и *имя рекъ* ст. Улож. о нак.

Судебное слѣдствіе и пренія сторонъ по дѣлу этихъ студентовъ Петербургскаго университета изъ вологодскихъ семинаристовъ, Дьякова и Сирякова, заняли 4 №№ большой

газеты. Вѣрные разъ установленной точкѣ зрѣнія, мы не станемъ ни обвинять виновныхъ, ни оправдывать невинныхъ, ниже разбирать судебный приговоръ; мы даже нарочно опускаемъ наименованіе стт. Улож. о нак.; юридическая оцѣнка не наше дѣло. Мы стремимся лишь къ уясненію историческаго и бытоваго характера каждаго процесса. А съ этой стороны настоящее дѣло представляетъ не много данныхъ.

Важнѣйшая здѣсь черта—какая-то окаменѣлость духа у главныхъ подсудимыхъ: послѣ Нечаева, Дьяковъ и Сиряковъ первые рѣшились не принимать участія въ судѣ, что потомъ стало общимъ пріемомъ главныхъ виновниковъ. Правда Дьяковъ и Сиряковъ заявили, что будутъ сами защищаться; но, по прочтеніи обвинительнаго акта, на предложеные имъ вопросы о ихъ виновности, оба они отказались отвѣчать, а когда предоставлено было имъ послѣднее слово, Дьяковъ заявилъ:

— Говорить что-нибудь въ свою защиту послѣ того, какъ въ числѣ свидѣтелей выступили три агента сыскной полиціи, я не нахожу умѣстнымъ *).

А Сиряковъ замѣтилъ:

— Я считаю защиту невозможною въ виду тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ заявилъ Дьяковъ.

Другая выдающаяся черта настоящаго процесса—это особенно рѣзко выдвинувшаяся идея цареубійства. Только въ Каракозовскомъ процессѣ выступила она такъ нагло; потомъ она маскировалась до настоящаго дѣла и послѣ него, судя по „обнародованнымъ документамъ“. Но кажется несомнѣннымъ, что она составляла цѣль во весь этотъ пятнадцатилѣтній періодъ крамолы.

Дьяковъ прямо проповѣдовалъ рабочимъ, что нужно „перебить правительство, фабрикантовъ и купцовъ; если будетъ царь, то опять будетъ правительство“ **).

Подсудимые Дьяковъ, Сиряковъ и ихъ „союзники“ Герасимовъ и Александровъ толковали солдатамъ Московскаго полка, что „не будетъ ни царя, ни господъ, ни купцовъ, а будутъ только одни крестьяне“ ***).

*) Никакихъ сыщиковъ тутъ не было. Рабочіе сами донесли полиціи. Такъ, напримѣръ, крестьянинъ Андреевъ показываетъ: Я съ ними, т. е. съ подсудимыми, много ходилъ и много своихъ денегъ истратилъ, чтобы познакомиться; и и сталъ съ ними находиться, пока всѣхъ ихъ не переловили. *Авт.*

**) Показаніе свидѣтеля Тарасова. *Авт.*

***) Показаніе свидѣтеля крестьянина Антона Андреева. *Авт.*

Герасимовъ говорилъ въ трактирѣ солдатамъ: „чѣмъ за царя стоять, лучше за своего брата“; потомъ говорили, „чтобы не было царя и господъ, а лучше отъ себя поставимъ управляющихъ или кого тамъ“ *).

Обвиняемые говорили „скоро царя должно не быть“ **).

Подсудимый Александровъ при музыкантѣ Моргунѣ говорилъ подсудимому Зайцеву, что „во Франціи революція была; король Наполеонъ хотѣлъ убѣжать; на границѣ его поймали, привезли въ Парижъ, прочитали ему указъ и повѣсили“ ***).

Таковы были устныя „воровскія рѣчи“. Что заключалось въ книжкахъ, не знаемъ, къ сожалѣнію. Но, кромѣ общихъ выраженій обвинительнаго акта, нѣкоторые намеки находимъ въ обвинительной и защитительной рѣчахъ. Книжки, разумѣется, были популярно-изложенныя: книжка *О Пугачевѣ* была даже съ картинками, почему и призналъ ее на судебномъ слѣдствіи неграмотный и плохо понимавшій по-русски нарвскій мѣщанинъ Классонъ. Въ *Исторіи французскаго крестьянина*, по свидѣтельству товарища оберъ-прокурора, говорится о французской революціи. Въ книжкѣ *Емелька Пугачевъ* „разсказывается о бунтѣ, произведенномъ государственнымъ преступникомъ Пугачевымъ“, при чемъ внушается, что „Пугачевымъ были пролиты рѣки крови, а что въ настоящее время прольются моря крови“. Въ *Хитрой механикѣ*, по словамъ защитника, указывается, что копѣйка, заработанная мужикомъ, идетъ не на тотъ предметъ, на который слѣдуетъ; въ сказкѣ же *О четырехъ братьяхъ* говорится, что „они были возмущены неравномѣрнымъ распредѣленіемъ богатствъ“. Между такими книжками распространялись пропагандистами и въ этомъ дѣлѣ, и въ послѣдующихъ, книги, одобренныя цензурою, каковы, напримѣръ: *Стенька Разинъ*, какого автора, не знаемъ, и *Безоброчный* г. Нефедова.

Въ настоящемъ очеркѣ важнѣе всего вопросъ, насколько прививалась эта устная и книжная пропаганда къ солдатамъ, къ которымъ впервые на этотъ разъ была она обращена. Въ этомъ въ высшей степени важномъ вопросѣ не позволимъ

*) Показаніе свидѣтеля Павла Александрова. *Авт.*

**) Тоже показаніе. *Авт.*

***) Не знаемъ, эта своеобразная передача исторіи Людовика XVI принадлежитъ ли Александрову, или свидѣтелю музыканту Моргуну. *Авт.*

себѣ какихъ-либо толкованій и ограничимся только приведеніемъ нѣсколько странныхъ по своему однообразію солдатскихъ показаній: никто изъ нихъ ничего не успѣлъ прочесть: всѣмъ мѣшала служба; а если кто что и прочелъ, то ничего не понялъ. Не такъ отвѣчали крестьяне въ предъидущихъ процессахъ или фабричные въ настоящемъ.

Свидѣтель *Ларичевъ* (рядовой) показалъ, что унтеръ-офицеръ Елесинъ читалъ книжку; его потребовали по службѣ, и онъ оставилъ книжку на столѣ или далъ свидѣтелю—послѣдній не припомнитъ, но онъ взялъ эту книжку, немного прочелъ, но тутъ „погнали на ужинъ“. Книжку онъ положилъ въ столикъ, а послѣ уложилъ ее въ сундучекъ. Затѣмъ послѣдовалъ приказъ, чтобъ осмотрѣть всѣ вещи солдатъ. На этомъ осмотрѣ и нашли у свидѣтеля книжечку. Это была *Хитрая механика*. Изъ той странички, которую свидѣтель прочелъ, онъ ничего не понялъ.

Свидѣтель *Елесинъ* (унтеръ-офицеръ) показалъ, что въ мартѣ мѣсяцѣ онъ былъ дежурнымъ по ротѣ. Ему далъ книжку дежурный въ лазаретѣ Кирѣевъ, сказавъ: „не угодно ли почитать?“ Онъ прочелъ страницу, но тутъ его потребовали къ фельдфебелю; онъ бросилъ книжку и больше ея не видалъ. Книжка была озаглавлена *Хитрая механика*. Изъ того, что прочелъ, ничего не понялъ.

Свидѣтель *Кирѣевъ* (ефрейторъ) показалъ, что 26 марта онъ былъ дежурнымъ по лазарету и сидѣлъ съ Ежевымъ, дневальнымъ. Мимо ихъ прошелъ больной рядовой Янсонъ въ кухню; возвращаясь оттуда, онъ бросилъ имъ книжку и сказалъ: „на-те, читайте“. Свидѣтель взялъ книжку и только успѣлъ прочитать заголовокъ *Хитрая механика*, какъ его потребовали въ канцелярію. Онъ побѣжалъ, оставилъ книжку у Ежева. Получивъ приказъ въ канцеляріи, онъ зашелъ въ свою роту, гдѣ дежурнымъ былъ Елесинъ, которому онъ и разсказалъ о книжкѣ. Елесинъ попросилъ дать ему эту книжку. Свидѣтель взялъ ее у Ежева и отдалъ Елесину.

Свидѣтель *Ежевъ* (рядовой) показалъ, что онъ сидѣлъ съ Кирѣевымъ въ госпиталѣ; мимо ихъ проходилъ больной Янсонъ и бросилъ книжку. Кирѣевъ сталъ было ее читать, но его потребовали, и онъ отдалъ книжку свидѣтелю. Въ четыре часа свидѣтель смѣнился и пришелъ въ роту. Книжка была у него за обшлагомъ. Затѣмъ Кирѣевъ и спросилъ книжку, которую онъ ему и отдалъ, *и т. д.*

Энергіи у всѣхъ подсудимыхъ было много, но средствъ, кажется, очень мало. Герасимовъ, склоненный Дьяковымъ, поступаетъ на сахарный заводъ Кенига для пропаганды между рабочими; Дьяковъ, „для облегченія Герасимова въ исполненіи порученій“, даетъ ему одинъ разъ 5 рублей и въ другой разъ столько же. Но еще раньше того, уговаривая рабочихъ снять особую, болѣе удобную для пропа-

танды квартиру и узнавъ, что на первый разъ для этого нужно 10 руб., Дьяковъ даетъ Фабричнымъ только 9 руб. 50 коп., и уже послѣ доплачиваетъ 50 к. Припомнимъ кстати и тѣ ограниченныя суммы, которыми снабжалъ Долгушинъ Ананія Васильева. Въ этотъ періодъ крамола располагала еще очень незначительными денежными средствами.

Даже и людей было не много, если вѣрить показаніямъ подсудимыхъ; а говорить здѣсь неправду не было для нихъ разсчета. Приведши Сирякова къ Фабричнымъ, Дьяковъ замѣчаетъ: „этотъ человѣкъ такой же, какъ и я; мѣста у насъ много, а людей мало, и потому мнѣ нѣтъ времени". По показаніямъ свидѣтелей, пропагандисты увѣряли, будто бы ихъ, „толкователей", 1,500 человѣкъ, а сыщиковъ только 500. Первая цифра, конечно, была преувеличена, а вторая едва ли не умалена: число охотниковъ, вѣроятно, равнялось числу дичи, если не превышала его. Но число пропагандистовъ росло и именно между прочимъ отъ неумѣлаго и недобросовѣстнаго захлестыванія въ политическіе процессы лицъ, *случайно* къ нимъ прикосновенныхъ. Не станемъ распространяться объ этомъ; позволимъ только привести выдержку изъ защитительной рѣчи присяжнаго повѣреннаго Богаевскаго, защитника Ельцова и Вечеславова.

Ельцовъ человѣкъ бѣдный, воспитывавшійся на свой счетъ и добывавшій для этого деньги работой; онъ жилъ вмѣстѣ съ товарищами на квартирѣ, гдѣ прежде жилъ Вечеславовъ. Если Ельцовъ и зналъ Дьякова, то зналъ черезъ товарища Четвертухина, который воспитывался вмѣстѣ съ Дьяковымъ въ семинаріи. Свидѣтель Аѳанасьевъ показалъ, что у нихъ былъ коммодъ о четырехъ ящикахъ, которые запирались однимъ ключемъ; случалось не рѣдко, что ящики оставались не запертыми. Разъ, въ отсутствіе Ельцова, пришелъ Дьяковъ и просилъ Вечеславова положить свертокъ. Хотя Вечеславовъ и подозрѣвалъ, что въ свертокъ были книги, но не считалъ себя въ правѣ допрашивать Дьякова, что это за книги, и положилъ свертокъ въ первый открытый ящикъ коммода. По несчастію для Ельцова, ящикъ былъ его. Не подлежитъ сомнѣнію, что Ельцовъ не участвовалъ въ принятіи отъ Дьякова книгъ, и онъ даже не зналъ, что книги положены въ его ящикъ. Дня за четыре до обыска онъ случайно увидѣлъ *Хитрую механику*. Что ему было дѣлать: идти и доносить—но это очевидно было для него невозможно, и притомъ на кого же доносить, потому что онъ не зналъ, что книги принадлежали Дьякову. Книги были принесены не Вечеславову или Ельцову, а просто въ квартиру четырехъ студентовъ, и если попали въ ящикъ Ельцова, то совершенно случайно.

Перейдя къ защитѣ Вечеславова, г. Богаевскій продолжалъ:

Вечеславовъ обвиняется только потому, что у него нашли выписку изъ запрещенной книги. При дѣлѣ находится большая тетрадь, въ которую вшиты всѣ бумаги, отобранныя у Вечеславова; тамъ есть письма его и другія бумаги, изъ которыхъ видно, что онъ весьма любящій и почтительнѣйшій сынъ, братъ, что онъ строго относится къ своимъ обязанностямъ, учится прилежно и вообще человѣкъ серьезный. Въ числѣ этихъ бумагъ найденъ одинъ клочекъ, на которомъ находится счетомъ 50 словъ, выписанныхъ изъ *Хитрой механики*, записанныя въ формѣ вопросовъ, какъ напримѣръ: *почему косвенные налоги тяжелые прямыхъ?* и т. п. Дѣло въ томъ, что у Вечеславова была привычка, при чтеніи каждой книги, дѣлать себѣ подобные вопросы. Въ тѣхъ же бумагахъ есть другая выписка изъ политической экономіи, въ формѣ такихъ же вопросовъ. *Хитрая механика*, очевидно, принадлежала не ему, потому что въ противномъ случаѣ ему не зачѣмъ было бы дѣлать изъ нея выписки.

Защита Ельцова и Вечеславова окончилась прекраснымъ словомъ:

Я ходатайствую предъ вами, гг. судьи, объ оправданіи обвиняемыхъ. Не увеличивайте и безъ того огромное количество недоучившейся нашей молодежи. Неизвѣстно, какой профессоръ можетъ уничтожить въ головѣ ученика преступную мысль, но извѣстно, что доучившіеся люди не идутъ туда, куда идутъ недоучившіеся.

Судъ отнесся крайне мягко къ этимъ двумъ несчастнымъ, приговоривъ ихъ къ нѣсколькимъ днямъ ареста, но все же они были обвинены по „политическому дѣлу“. Страшно это слово—„политическое дѣло“! Дальнѣйшей судьбы Ельцова и Вечеславова мы не знаемъ.

Вотъ приговоръ по этому дѣлу, какъ напечатанъ онъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*:

Выслушавъ дѣло и пренія сторонъ, признавая: 1) подсудимыхъ Вячеслава Дьякова, 21 года, Алексѣя Сирякова, 20 лѣтъ, Василія Герасимова, 22 лѣтъ, и Діомида Александрова, 25 лѣтъ, виновными въ преступленіи, предусмотрѣнномъ *имя рекъ* стт. *Улож. о нак.*; 2) рядовыхъ Трофима Зайцева, 29 лѣтъ, и Юрія Янсона, 24 лѣтъ, виновными въ преступленіи, предусмотрѣнномъ *имя рекъ* ст. *Улож. о нак.* и 3) подсудимыхъ Владиміра Ельцова, 22 лѣтъ, и Всеволода Вечеславова, 20 лѣтъ, виновными въ преступленіи, предусмотрѣнномъ *имя рекъ* ст. *Улож. о нак.*, и обращая вниманіе на особенно важное значеніе настоящаго дѣла въ томъ отношеніи, что преступныя дѣйствія первыхъ четырехъ подсудимыхъ направлены были не только къ возбужденію бунта между фабричными рабочими, но и къ колебанію въ нижнихъ воинскихъ чинахъ одного изъ гвардейскихъ полковъ преданности ихъ престолу и отечеству и долга повиновенія установленному законами начальству,—на основаніи ст. *имя рекъ* опредѣляетъ: 1) Вячеслава Дьякова, Алексѣя Сирякова, Василія

Герасимова и Діомида Александрова лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпость: Дьякова на десять лѣтъ, Герасимова и Александрова на девять и Сирякова на шесть лѣтъ; 2) Трофима Зайцева и Юрія Янсона лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію имъ присвоенныхъ или службою пріобрѣтенныхъ, и отдать въ военно-исправительныя роты на одинъ годъ и девять мѣсяцевъ; 3) Владиміра Ельцова и Всеволода Вечеславова подвергнуть аресту: перваго изъ нихъ на десять дней, а втораго на шесть дней.

Дѣло это имѣло особенно „важное значеніе", какъ вѣрно опредѣлено было особымъ присутствіемъ сената: процессомъ этимъ обнаруженъ былъ соціалистическій походъ на фабрики и въ казармы. Но какое же значеніе настоящаго дѣла въ ряду предъидущихъ и послѣдующихъ? Личной связи его съ предъидущими не видимъ: тутъ нѣтъ ни одного имени изъ прежнихъ процессовъ; оно стоитъ какъ бы особнякомъ. Но тѣмъ то и хуже: связь этого дѣла съ предъидущими откроется лишь въ дѣлахъ послѣдующихъ: всѣ тѣ преступныя книжки, распространеніемъ которыхъ занимались Дьяковъ, Сиряковъ и прочіе, разнашивались потомъ и 193 пропагандистами; а въ числѣ 193 видимъ многихъ изъ раннихъ процессовъ Нечаевскаго и Долгушинскаго. Такимъ образомъ цѣпь замыкается, и Дьяковъ, Сиряковъ и прочіе подсудимые 1875 года вступаютъ въ тѣснѣйшую связь съ предъидущими и послѣдующими дѣятелями. Осужденные 1875 года попались случайно, по доносу слушателей своихъ. Они не составляли кадровъ крамолы: это были изъ молодыхъ, да ранніе. За ними стояли другіе, болѣе зрѣлые, болѣе опытные. Ничего этого слѣдствіемъ не открыто. Обвиняемымъ не потрудились даже задать простаго, но очень важнаго вопроса, откуда получали они всѣ эти революціонныя книжки, впервые являющіяся въ этомъ процессѣ; а книжки эти между тѣмъ въ то же время широко разнашивались въ 37 губерніяхъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Затишье.

Рѣчь покойнаго Императора къ прибалтійскимъ предводителямъ дворянства.—Кремлевская рѣчь 29 октября.—Конвенція съ Австріею.—Тризна по парижской коммунѣ.—Выстрѣлъ Добровольской.—Появленіе *Набата*.—Чего *они* хотятъ?—Значеніе г Ткачева.—*Впередъ* о вербовкѣ новобранцевъ.—Гуртовщикии бараны.—Политическій барометръ.—*Современныя Извѣстія* о новой исторіи петровцевъ.—Выстрѣлъ студента Рутковскаго.—Барометръ къ „дождю".—Старый каракозовецъ.—Кистень и сѣрная кислота.—Отзывъ *Московскихъ Вѣдомостей*.—*Народная расправа*.—Программа террора.—На Казанской площади.—Годъ войны.—Подлинное имя крамолы.—Манифестъ 12 апрѣля.—Рѣчи Государя 23 апрѣля въ Москвѣ и 26 апрѣля въ Петербургѣ.—Воззваніе къ болгарамъ.—Конвенція съ Испаніею.—Стѣсненіе русской революціонной печати въ Германіи.—„Благая вѣсть" въ черномъ платьѣ.—Подложныя телеграммы.—Поддѣлка документовъ польскими эмигрантами.

Я знаю, что вся Россія вмѣстѣ со мною принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братій по вѣрѣ и по происхожденію; но для меня истинные интересы Россіи дороже всего, и я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь.

Кремлевская рѣчь Царя-Освободителя 29 октября 1876 года.

I.

Въ 1876 году мы вступаемъ въ періодъ затишья, который даже можетъ показаться бездѣятельностью крамолы. А между тѣмъ это была пора наиболѣе напряженныхъ ея усилій; только наши глаза прикованы были тогда не къ подземной борьбѣ, а къ открытой, тамъ, за Дунаемъ. Но на этомъ свѣтломъ фонѣ еще темнѣе рисуются тѣни крамолы.

Въ обзорѣ этого года коснемся дѣятельности во 1-хъ, правительства, во 2-хъ, эмиграціонной агитаціи и въ 3-хъ, подпольныхъ работниковъ.

Въ 1876 году правительство, занятое затрудненіями на востокѣ, ничего особеннаго не предпринимало для борьбы съ внутреннимъ врагомъ. Двѣ рѣчи, произнесенныя въ этомъ году

покойнымъ Государемъ, прямо касались иныхъ вопросовъ: балтійскаго и восточнаго. Мы позволимъ себѣ привести эти прекрасныя рѣчи не потому только, что желали бы видѣть собранными и изданными всѣ рѣчи покойнаго Императора, не потому только, что главное дѣйствующее лице страшной 15-лѣтней трагедіи былъ покойный Монархъ, но и потому, что рѣчи эти свидѣтельствуютъ, какъ любящее сердце Царя-Освободителя пеклось о благѣ Россіи и Славянства, какъ чуждо было оно темныхъ подозрѣній даже тогда, когда крамола подъ ногами его ковала противъ него оружіе.

Рѣчь 4 февраля 1876 года къ прибалтійскимъ предводителямъ дворянства важна сверхъ того еще по высказанному въ ней взгляду покойнаго Императора на значеніе генералъ-губернаторствъ, на ту мѣру, къ которой однако наконецъ рѣшился и онъ прибѣгнуть для борьбы съ тою же усиливавшеюся крамолою.

Вотъ эта рѣчь:

> Я призвалъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы вы услышали лично отъ меня объ основаніяхъ, въ силу коихъ я призналъ полезнымъ упразднить должность генералъ-губернатора въ вашихъ губерніяхъ. Мѣра эта, какъ мнѣ извѣстно, послужила поводомъ ко многимъ ошибочнымъ предположеніямъ, которыя считаю нужнымъ разсѣять. Вотъ что и побуждаетъ меня выяснить вамъ, что въ этой мѣрѣ вы должны видѣть не что иное, какъ новый знакъ моего довѣрія. *Въ настоящее время должность генералъ-губернатора умѣстна только въ такихъ большихъ центрахъ, какъ напримѣръ Москва, въ мѣстностяхъ, особенно удаленныхъ отъ центральнаго управленія, или же въ тѣхъ частяхъ Россіи, которыя по особымъ политическимъ причинамъ находятся еще въ положеніи не нормальномъ.* Ни одного изъ этихъ основаній не имѣется въ виду по отношенію къ прибалтійскимъ губерніямъ. Ихъ преданность, ихъ любовь къ порядку мнѣ извѣстны, а объединеніе съ остальными частями имперіи устраняетъ всякую необходимость исключительнаго въ нихъ порядка управленія. Я имѣлъ, господа, уже неоднократно случай высказывать этимъ губерніямъ мое благоволеніе. Чувства мои не измѣнились, и я сохраняю наилучшія воспоминанія о моихъ посѣщеніяхъ этого края.

Выслушавъ благодарность предводителей и отпуская ихъ, Государь Императоръ присовокупилъ:

> Опасенія ваши напрасны, такъ какъ ваше благо столь же близко моему сердцу, какъ и благо всѣхъ моихъ подданныхъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, здѣсь присутствующій, будетъ доводить до моего свѣдѣнія установленнымъ для всей имперіи порядкомъ о всемъ, что можетъ быть полезно вашимъ губерніямъ и способствовать ихъ благоустройству и преуспѣянію. Я уполномочиваю васъ, господа, повторить всѣмъ тѣмъ,

коихъ вы служите представителями, все, вами отъ меня слышанное. Вы скажете имъ также, что они дороги также моему сердцу и по тѣмъ рыцарскимъ чувствамъ, которыя унаслѣдованы ими отъ предковъ и которыя они свято сохранили до настоящихъ дней *).

Настала эпоха разгрома Сербіи при Дюнишѣ. Черная гора тоже висѣла на волоскѣ. Москва, а съ нею и вся Россія, съ замираніемъ сердца—всѣ помнятъ эту минуту—ждала державнаго освободительнаго слова, и наконецъ оно раздалось съ высотъ Кремля 29 октября:

Благодарю васъ, господа, за чувства, которыя вы желали мнѣ выразить по случаю настоящихъ политическихъ обстоятельствъ. Они теперь болѣе разъяснились, и потому я готовъ принять вашъ адресъ съ удовольствіемъ. Вамъ уже извѣстно, что Турція покорилась моимъ требованіямъ о немедленномъ заключеніи перемирія, чтобы положить конецъ безполезной рѣзнѣ въ Сербіи и Черногоріи. Черногорцы показали себя въ этой неравной борьбѣ, какъ и всегда, истинными героями. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о сербахъ, не смотря на присутствіе въ ихъ рядахъ нашихъ добровольцевъ, изъ коихъ многіе поплатились кровью за святое дѣло.

Я знаю, что вся Россія вмѣстѣ со мною принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братій по вѣрѣ и по происхожденію; но для меня истинные интересы Россіи дороже всего, и я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь.

Вотъ почему я старался и продолжаю стараться достигнуть мирнымъ путемъ дѣйствительнаго улучшенія быта всѣхъ христіанъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ.

На дняхъ должны начаться совѣщанія въ Константинополѣ между представителями шести великихъ державъ для опредѣленія мирныхъ условій.

Желаю весьма, чтобы мы могли придти къ общему соглашенію. Если же оно не состоится и я увижу, что мы не добьемся такихъ гарантій, которыя обезпечивали бы исполненіе того, что мы въ правѣ требовать отъ Порты; то я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно и увѣренъ, что въ такомъ случаѣ вся Россія отзовется на мой призывъ, когда я сочту это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ.

Я увѣренъ также, что Москва, какъ всегда, подастъ въ томъ примѣръ. Да поможетъ намъ Богъ исполнить наше святое призваніе.

Да. Онъ и въ „святомъ дѣлѣ“ освобожденія желалъ „до крайности щадить дорогую русскую кровь“, а *они* 15 лѣтъ только и добивались его крови—зачѣмъ?!.. Но приведенныя великодушныя слова имѣютъ и другое для насъ значеніе: отвѣтомъ на нихъ съ „того берега“ была дикая „Казанская демонстрація“, о чемъ будетъ ниже.

*) *Моск. Вѣд.* 1876 г. № 36.

Во весь 1876 годъ не видимъ ни одной обнародованной правительственной мѣры противъ крамолы. Правительство, какъ и общество, повидимому, было обмануто мнимымъ затишьемъ, нарушеннымъ только 6 декабря на Казанской площади. Правда, негласные розыски и преслѣдованія, какъ и прежде, продолжались; но мы не видимъ какихъ-либо особенныхъ мѣръ, которыми такъ богато стало послѣдующее пятилѣтіе.

Только одну за это время правительственную мѣру можно пожалуй отнести въ счетъ средствъ для борьбы съ крамолою. Это—конвенція о взаимной выдачѣ преступниковъ, заключенная между Россіей и Австріей 3 (15) октября 1874 года, но обнародованная только въ январѣ 1876 года. Заключена она была, повидимому, подъ вліяніемъ исторіи о выдачѣ Нечаева, а обнародована едва ли не въ связи съ процессомъ политическаго преступника Шевелева, скитавшагося за границею и отягощеннаго многими чисто уголовными преступленіями, о чемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. По содержанію перечисленныхъ уголовныхъ преступленій, конвенція эта едва ли особенно отличается отъ извѣстной уже читателямъ конвенціи, заключенной съ Швейцаріею послѣ выдачи Нечаева.

Безъ сомнѣнія, полезнѣе была бы конвенція о выдачѣ преступниковъ политическихъ; но вопросъ этотъ не обострился еще тогда у насъ, не говоря уже о Европѣ. Между тѣмъ необходима была бы какая-либо узда хотя бы противъ сатурналій швейцарской эмиграціи, выводящей изъ терпѣнія даже самихъ швейцарцевъ.

Политическими выходцами, проживающими въ Швейцаріи, ежегодно празднуется годовщина парижской коммуны. Праздновалась она и въ 1876 году. И вотъ какъ корреспондентъ *Голоса* изъ Берна разсказываетъ объ участіи русскихъ соціалистовъ въ этомъ торжествѣ:

> На бѣду учредителей празднества, между которыми *не послѣднюю роль играли наши соотечественники и соотечественницы*, задуманное торжество было омрачено самымъ неожиданнымъ образомъ. Бернцы приписываютъ всѣ подобныя явленія, и не безъ основанія, вліянію пріѣзжающихъ сюда иностранцевъ коммуналистовъ, и рѣшились, не прибѣгая къ суду и полиціи, воспрепятствовать ихъ публичнымъ манифестаціямъ. 18 марта, какъ только участники процессіи собрались на площадкѣ

предъ университетомъ, ихъ окружила со всѣхъ сторонъ публика, но не съ привѣтствіями, а съ громкими свистками и криками. Въ красную хоругвь, *даръ трехъ русскихъ бернскихъ студентовъ*, полетѣли комки грязи и каменья. Процессія, сконфуженная такимъ пріемомъ, стала пробираться въ одну изъ боковыхъ улицъ... Въ это время показались нѣмецкіе коммуналисты, тоже съ хоругвію, спѣшившіе присоединиться къ процессіи. Видя положеніе своихъ братій и угрозы публики, они рѣшились силою пробиться на соединеніе съ процессіей, что и послужило сигналомъ къ общей свалкѣ. Хоругви изорваны въ клочки; факелы погашены и обращены въ орудіе противъ участниковъ процессіи. Знаменосцы... болѣе другихъ пострадали и отправлены въ больницу. Въ числѣ раненыхъ называютъ еврея Вицингера и *какого-то русскаго*, прибывшаго сюда изъ Петербурга, *подъ именемъ Вознесенскаго*, вмѣстѣ съ подругою *г-жею Шибаевой*, какъ надо полагать, подъ вымышленными именами и фальшивыми паспортами.

Разбитые участники торжества добрались въ разсыпную до нанятаго ими трактира. Но празднество лишилось торжественности:

Не помогли и *русскія деньги, собиравшіяся еще съ начала года тремя русскими студентками между ихъ русскими знакомыми;* не помогло и то, что въ числѣ пяти членовъ распорядителей комитета были *двое русскихъ, которые состояли ассистентами при хоругвяхъ.*

Въ заключеніе корреспондентъ *Голоса* замѣчаетъ:

Въ общественной жизни Швейцаріи laisser faire практикуется въ полной мѣрѣ; всякій воленъ дѣлать, что ему вздумается, и уже нѣсколько лѣтъ политическая нравственность терпѣливыхъ швейцарцевъ публично и безнаказанно оскорблялась безобразными сценами, которыя устраивались отщепенцами здраваго смысла. Насталъ, кажется, конецъ терпѣнію даже швейцарцевъ.

Такъ говоритъ, замѣтьте, газета *Голосъ*, не всегда отличавшаяся строгостью къ Засуличъ и ей подобнымъ. Видно дѣйствительно, послѣ вызова правительствомъ цюрихскихъ студентокъ, всѣ сколько нибудь здравомыслящіе элементы покинули швейцарскіе пансіоны и остались тамъ только паціенты бедлама.

Отсюда становится намъ понятною исторія и г-жи Добровольской, стрѣлявшей въ Швейцаріи по нашему дипломатическому представителю кн. М. А. Горчакову. Дѣло это какъ-то замялось. Но уже однимъ тѣмъ, что покушеніе совершено *русскою женщиною* въ *Швейцаріи* противъ лица высокопоставленнаго, набрасывается на это извѣстная окраска. Вотъ однако какъ разсказываетъ объ этомъ оффиціозный *Journal de St.-Petersbourg* отъ 8 (20 августа):

9 августа, около половины седьмаго, вечеромъ, въ ту минуту, когда князь возвращался домой, дама въ черномъ платьѣ, совершенно ему незнакомая, стояла у входа въ его садъ. Внимательно оглядѣвъ князя въ лорнетъ, она быстро повернулась и прислонилась къ оградѣ. Едва князь успѣлъ войти въ садъ, какъ дама послѣдовала за нимъ и выстрѣлила изъ револьвера. Князь тотчасъ обернулся и обезоружилъ ее. Она сказала ему по-русски: „Я сдѣлала это съ намѣреніемъ; я хотѣла это сдѣлать". Князь разспрашивалъ ее, кто она и чего отъ него хочетъ, но не добился отъ нея никакихъ объясненій. Онъ пригласилъ ее послѣдовать за нимъ и, возвратясь къ себѣ, снова нѣсколько разъ допрашивалъ ее, но не получилъ никакого другаго отвѣта, кромѣ приведеннаго выше. Она прибавила, что дѣло ея ему извѣстно, что она требуетъ правосудія и желаетъ быть задержанною. Князь, не добившись объясненій, рѣшился послать за полицейскимъ агентомъ, которому и передалъ означенную даму, сдѣлавъ еще одну напрасную попытку узнать чрезъ посредство секретаря миссіи имя ея и причины, побудившія ее къ совершенному ею поступку.

Journal de St.-Petersbourg увѣряетъ, что многіе нѣсколько уже дней замѣчали присутствіе этой дамы въ окрестностяхъ виллы Шанценбергъ, и въ самый день происшествія она освѣдомилась въ канцеляріи миссіи, по какой дорогѣ князь возвращается домой, и открыто, нѣсколько часовъ сряду, разсматривала всѣхъ входившихъ въ виллу или выходившихъ изъ нея. Канцеляріи совершенно незнакомо дѣло этой дамы.

Но впослѣдствіи, по словамъ того же оффиціознаго изданія, узнали, что фамилія этой дамы Добровольская, что она дѣйствительно обращалась къ императорскому правительству съ жалобою, которая признана не имѣющею основанія; что она писала нѣсколькимъ должностнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и русскому послу въ Парижѣ, угрожающія письма и изложила поводы къ своему неудовольствію въ брошюрѣ, написанной въ самыхъ запальчивыхъ выраженіяхъ. Извѣстіе, будто врачи признали ее помѣшанною, не вѣрно.

Дальнѣйшія свѣдѣнія, но уже *Journal de Genève*, подтверждаютъ нашу догадку, что Добровольская принадлежала къ разряду Засуличъ и т. п. террористокъ. Она, напримѣръ, пыталась поджечь госпиталь въ Вальдау, куда ее помѣстили для того, чтобы докторъ Шереръ могъ сообщить свое мнѣніе о состояніи ея умственныхъ способностей. Вотъ что писали въ этотъ журналъ изъ Берна отъ 29 сентября:

Около 9 часовъ вечера, когда больные, по возвращеніи съ продолжительной прогулки, отведены были въ дортуары, учащенные удары въ дверь г-жи Д. привлекли вниманіе одного изъ врачей заведенія, который, отворивъ дверь, едва не задохся отъ густаго дыма, вырвавшагося наружу. Кровать была въ огнѣ, и полъ уже загорѣлся. Къ счастію, госпитальная прислуга успѣла потушить этотъ начинавшійся пожаръ и привести въ чувство поджигательницу, уже до половины задохшуюся.

Зданіе, подвергавшееся такой сильной опасности, заключаетъ въ себѣ до 300 человѣкъ. Почти несомнѣнно, что поводомъ къ этому покушенію было не самоубійство, но что г-жа Д. намѣревалась бѣжать и думала успѣть въ своемъ намѣреніи при сумятохѣ, которую пожаръ долженъ былъ произвести въ заведеніи. И дѣйствительно, когда пробрались къ ней въ комнату, она была совершенно одѣта, въ шали и шляпкѣ, и подлѣ нея лежалъ ея дорожный мѣшокъ; деньги ея были зашиты въ шляпкѣ, и въ волосахъ она спрятала пару ножницъ. Нѣсколько времени тому назадъ она сняла съ петель окно и выбросила его на дворъ. Г-жа Д. была снова посажена въ тюрьму, гдѣ и будетъ ожидать суда, который вѣроятно послѣдуетъ въ будущую сессію ассизовъ.

Между тѣмъ заграничная эмиграціонная печать продолжала забирать засилье. Въ 1875 году началъ выходить журналъ Лаврова *Впередъ*. Въ 1876 году является новое заграничное изданіе *Набатъ*, подъ редакціею Ткачева, уже извѣстнаго намъ по процессу нечаевцевъ. Трудно представить направленіе, болѣе крайнее, чѣмъ въ журналѣ *Впередъ*; тѣмъ не менѣе *Набатомъ* опережается и самый *Впередъ*.

Московскія Вѣдомости, въ 104 № 1876 года, сообщили нѣсколько свѣдѣній о новомъ журналѣ. Нѣкто г. Д. Губаревъ написалъ къ редактору *Набата* полное здравомыслія письмо. Удивляясь появленію новаго революціоннаго изданія, указавъ на невозможность соціальной революціи въ Россіи, авторъ замѣчаетъ:

> Въ Россіи желаетъ революціи только тотъ, кто не хочетъ работать, или тотъ, кто уже совсѣмъ дуракъ; а кто хлопочетъ о благосостояніи народа тотъ долженъ проповѣдовать размноженіе школъ, любовь къ труду, да чтобы по-меньше пили вина.

Вотъ это именно письмо и дало поводъ *Московскимъ Вѣдомостямъ* познакомить читателей съ новымъ соціально-революціоннымъ журналомъ. У насъ, говоритъ газета, передъ глазами подробная программа новаго изданія, доставленная самою его редакціею. Удивляясь простосердечному увѣщанію г. Губарева о необходимости школъ, *Московскія Вѣдомости* восклицаютъ:

Школы! Увы! Даже такъ называемые *либералы* наши не слишкомъ то расположены къ серьезной школѣ. Европейскіе *революціонеры*, а за ними и наши подражатели ихъ, фракціи заграничной газеты *Впередъ*, напрямки требуютъ школъ непремѣнно революціонныхъ, имѣя въ виду единственно перевоспитаніе народа на свой ладъ и откровенно заявляя, что если ужъ имѣть школы безъ революціонной пропаганды, то лучше не имѣть ихъ совсѣмъ. Наши же революціонеры, бьющіе въ *Набатъ*, пошли еще дальше. Они подсмѣиваются надъ вялыми демагогами, чающими успѣха отъ своей работы въ школахъ и говорящими: „пропагандируй, внушай, просвѣщай по-своему и потомъ уже срывай“ (программа *Набата*, стр. 2): они находятъ, что идеалы *такихъ* демагоговъ „не выходятъ за предѣлы буржуазнаго міросозерцанія и по существу своему безусловно консервативны (id., стр. 4).

На вопросъ г. Губарева: „чего они хотятъ?“ авторъ руководящей статьи *Московскихъ Вѣдомостей* отвѣчаетъ:

Они хотятъ „разрушенія величественнаго зданія буржуазнаго общества и погребенія подъ его обломками стараго міра“ (*Набатъ*, стр. 7); они хотятъ „постепеннаго преобразованія крестьянской общины, основанной на принципѣ временнаго частнаго владѣнія—въ общину-коммуну на принципѣ общаго совмѣстнаго пользованія орудіями производства и общаго труда“; хотятъ „уничтоженія существующей семьи, основанной на подчиненіи женщинъ произволѣ мужчинъ и рабствѣ дѣтей“ (id., стр. 4—5). Для достиженія этихъ цѣлей имъ нужны не школы, хотя бы то даже революціонныя, а „борьба и *насиліе*“ (id., стр. 4), и они рекомендуютъ не учить, хотя бы то анархическому направленію, „не мечтать, а призывать къ революціи“, „дѣлать, дѣлать революцію, дѣлать ее какъ можно скорѣе“, „поскорѣе захватить въ свои руки правительственную власть и силою превратить консервативное государство въ революціонное“ (id., стр. 2, 3, 4).

Указавъ, что „русское правительство похоже на домохозяина, у котораго заботъ, какъ говорится, полонъ ротъ, дѣла полны руки, и въ чьи окна мальчишки съ улицы швыряютъ каменья“, *Московскія Вѣдомости* сравниваютъ *Впередъ* и *Набатъ*:

„Дѣло подвинулось“. *Впередъ* признается уже органомъ „буржуазныхъ псевдо-революціонеровъ (программа *Набата*, стр. 4), и теперь появляется *Набатъ*, стремящійся къ „насильственному нападенію на существующую политическую власть съ цѣлью захвата этой власти въ свои руки“ (id., стр. 5), задумавшій „боевую организацію, которая съ одной стороны должна подготовлять захватъ власти на верху, съ другой—народный бунтъ внизу“ (id., стр. 6), и для этого рекомендующій „дисциплинированіе революціонныхъ силъ“ и открытый „государственный заговоръ“ (id., стр. 5), подкрѣпленный „союзомъ съ польскою революціонною партіей“ (id., стр. 6).

Продолжая свое сравненіе, что „уличные мальчишки ко-

нечно не въ состояніи разрушить дома, но не довлѣетъ, чтобы камни ихъ разбили стекла въ окнахъ, и не мудрено, что домохозяинъ принужденъ отрываться отъ прямой цѣли своихъ работъ", *Московскія Вѣдомости* основательно жалуются, что „у нашихъ псевдо-либераловъ въ модѣ небрежное отношеніе къ этимъ грустнымъ явленіямъ, которыя какъ бы привѣтствуются снисходительнымъ: „вздоръ, пустяки, вещи, не имѣющія никакого значенія".

Въ извѣстномъ петербургскомъ процессѣ, гдѣ фигурировалъ г. Ткачевъ, прикосновенности его къ дѣлу тоже не придавалось никакого значенія, и онъ почитался чуть не ангеломъ политической невинности. А этотъ самый г. Ткачевъ, по его собственному признанію (*Задача революціонной пропаганды въ Россіи*, Берлинъ, 1874, 8⁰. См. стр. V), „въ теченіе всей своей литературной жизни и съ гимназической скамьи не зналъ другаго общества, кромѣ общества таинственно конспирирующихъ юношей", „еще живя въ ссылкѣ, получалъ отъ единомышленниковъ приглашеніе ѣхать за границу для революціонной дѣятельности (слѣдовательно былъ уже извѣстенъ имъ, какъ революціонный дѣятель), и теперь оказывается издателемъ газеты, организующей государственный заговоръ и снабженной фондомъ для политическихъ преступниковъ, библіотекой, типографіей.

А для насъ, обозрѣвателей 15 лѣтъ крамолы, утверждавшихъ, что за все это время крамольное движеніе было *одно и то же*, журнальная дѣятельность издателя *Набата*, нечаевца Ткачева, служитъ лишь новымъ доказательствомъ, что крамола вращалась въ кругѣ не только однихъ и тѣхъ же идей, средствъ и цѣлей, но даже однихъ и тѣхъ же дѣятелей, кадры которыхъ постоянно пополнялись новобранцами.

Кстати о новобранцахъ. Вопросу этому посвящаетъ обширную статью лондонскій *Впередъ*, по увѣренію *Набата*, отсталый, но тѣмъ не менѣе въ 1876 году запрещенный на два года въ Пруссіи, на основаніи судебнаго приговора, объявленнаго въ *Имперскомъ Указателѣ*.

Впередъ издаетъ манифестъ *), заключающій въ себѣ указаніе мѣръ для подготовки соціальной революціи въ Россіи. „Это нѣчто въ родѣ приказа по революціонной арміи, созидаемой бѣглыми демагогами и ихъ сумасбродными сподвижниками". Потомъ лондонскіе подстрекатели русской молодежи

*) Всѣ эти свѣдѣнія заимствуемъ изъ 171 № *Московскихъ Вѣдомостей* 1876 года. *Авт.*

предаются соображеніямъ, какъ великъ можетъ быть ихъ контингентъ, въ какихъ размѣрахъ можетъ составиться у нихъ войско и когда именно они будутъ въ состояніи произвести переворотъ. Дѣятельность пропагандистовъ изъ интеллигенціи въ народѣ, пишутъ они (*Впередъ* № 34, стр. 308), настолько опасна, что изъ нихъ чрезъ два года едва ли остается цѣлою среднимъ числомъ одна четверть.

Какое безсердечіе, какая безсовѣстность! восклицаютъ на это *Московскія Вѣдомости*. Констатировать, что три четверти сбиваемыхъ этимъ варварскимъ ковомъ людей должны погибнуть, и все таки сбивать ихъ съ толку и посылать на гибель! Не такъ ли гуртовщики, выгоняя барановъ, выкладываютъ на счетахъ убыль при трудномъ переходѣ и загадываютъ, сколько головъ дойдетъ до бойни?

Послѣ этого мѣткаго сравненія *Московскія Вѣдомости* обращаются къ мечтательному и неясному разсчету революціонной вербовки, приводимому журналомъ *Впередъ*:

И такъ, три четверти „идущихъ въ народъ интеллигентныхъ агитаторовъ“ пропадетъ, замѣчаетъ газета. Тѣмъ не менѣе „самымъ нетерпѣливымъ революціонерамъ нечего опасаться“, что процессъ разложенія Россіи по рецепту лондонскихъ революціонныхъ знахарей будетъ слишкомъ медленъ“ (страница 311). *Впередъ* категорически успокоиваетъ ихъ въ этомъ отношеніи, по пальцамъ высчитывая свои будущія силы. „Способные пропагандисты изъ интеллигенціи въ два года своей дѣятельности завербуютъ *изъ народа* человѣка четыре товарищей, которые станутъ въ ряды убѣжденныхъ соціалистовъ-революціонеровъ“ (стр. 309). „Пропагандисты изъ народа, по своему положенію, несравненно болѣе обезпечены отъ гибели, чѣмъ интеллигентные агитаторы; въ то же время рѣчи ихъ болѣе убѣдительны, ихъ совѣты имѣютъ болѣе вліянія, ихъ практическій призывъ къ дѣлу даетъ болѣе рѣшительный результатъ“ (стр. 308). Поэтому, въ два года цѣлыми изъ нихъ останутся три четверти, и каждый изъ нихъ въ эти два года завербуетъ изъ своей среды втрое болѣе прочныхъ *пособниковъ*, чѣмъ его интеллигентный товарищъ, и кромѣ того образуетъ около себя значительный кругъ *сочувствующихъ* практическимъ требованіямъ соціальной революціи“ (стр. 309). „Если на основаніи этихъ данныхъ сдѣлать разсчетъ, какъ великъ окажется въ Россіи соціально-революціонный союзъ послѣ двухъ, четырехъ и шести лѣтъ; то, принявъ, что лишь сто убѣжденныхъ личностей составили первый революціонный кадръ, что каждые два года приступаютъ къ нему новыя лица въ такомъ же числѣ и что лишь половина поступающихъ годна для дѣйствія въ народѣ, получатся слѣдующія цифры:

„*Въ интеллигенціи*:	въ началѣ	черезъ 2 г.	черезъ 4 г.	черезъ 6 л.
Вступающихъ	100	100	100	100
Не пропагандистовъ	50	50	50	50

Въ интеллигенціи:	въ началѣ	черезъ 2 г.	черезъ 4 г.	черезъ 6 л.
Пропагандистовъ.	50	50	50	50
Осталось пропагандистовъ.	—	12	15	16
Всего въ это время пропагандистовъ.	50	62	65	66
Всего .	100	112	115	116
Въ народѣ:				
Привлеченныхъ интеллигенціей. . . .	—	200	248	260
Привлеченныхъ народною пропагандою.	—	—	2400	33,576
Осталось пропагандистовъ	—	—	150	2,098
Всего. .	—	200	2798	35.934
Общій итогъ . .	100	312	2913	36,050 .

Все это буквально съ стр. 312 журнала *Впередъ*. Для уясненія таблицы нужно имѣть въ виду ту убыль и тѣ не одинаковые размѣры „вербовки“, о чемъ говорено выше.

„Если бы пропаганда, внушаетъ *Впередъ*, почему бы то ни было дала втрое менѣе выгодные результаты“, если бы черезъ 6 лѣтъ рекомендуемый соціально-революціонный союзъ „состоялъ лишь изъ 10,000 человѣкъ“; этого достаточно: „это такая почтенная революціонная армія, которая въ опредѣленную минуту можетъ совершить историческое дѣло: начавъ его сразу, она подниметъ за собою милліоны массъ“ (стр. 313). Лондонское изданіе грозится: „пройдетъ немного времени, и тысячная толпа превратится въ десятки, сотни тысячъ, которыя съ оружіемъ въ рукахъ выйдутъ на площадь судить всѣхъ палачей, купцовъ и помѣщиковъ“ (стр. 325).

II.

Но что же крамола внутри государства? чѣмъ заявила она себя въ 1876 году, въ годъ „затишья“?

Здѣсь прежде всего обратимъ вниманіе на настроеніе учащейся молодежи, этотъ чуткій барометръ политической погоды. Изъ всѣхъ такого рода барометровъ Петровская академія представлялась наиболѣе чувствительнымъ, и она то заявила себя въ этомъ году новою „исторіей“.

Вотъ какъ объ этомъ разсказали *Современныя Извѣстія*:

> 9 марта 69 студентовъ стипендіатовъ чрезъ своихъ товарищей Григорьева и Вернера подали директору академіи г. Королеву коллективное заявленіе, въ которомъ высказывали: 1) чтобы директоръ академіи обращался съ ними по-вѣжливѣе; 2) чтобы книга, въ которой записываются кратковременныя отлучки студентовъ, была уничтожена; 3) чтобы кухни

была отдана въ распоряженіе имъ или же на полученіе кушанья были выдаваемы билеты, и 4) чтобы въ нумера, въ которыхъ живутъ студенты, былъ свободный входъ женщинамъ.

И такъ, петровцамъ принадлежитъ честь постановки науки на кулинарно-матримоніальныхъ началахъ. Глупая исторія эта скоро однако окончилась при помощи исправника и другихъ властей. Зачинщики Григорьевъ и Вернеръ были навсегда исключены изъ академіи. Но въ средѣ петровцевъ заключеніемъ ко всему этому явилось чисто уголовное преступленіе, покушеніе студента академіи Рутковскаго на убійство студента академіи Глинскаго.

Дѣло это разбиралось 17 сентября въ московскомъ окружномъ судѣ. Оно заключалось вотъ въ чемъ:

24 марта 1876 года въ селѣ Петровскомъ-Разумовскомъ, въ домѣ Красильникова, студентъ Рутковскій выстрѣлилъ изъ револьвера въ студента Глинскаго, но не причинилъ ему никакого вреда. Самъ Рутковскій объяснялъ это дѣло такъ: По поводу протеста, поданнаго студентами Петровской академіи весною 1876 года, въ средѣ студентовъ произошло разногласіе; къ числу не подписавшихъ протеста принадлежалъ и онъ, при чемъ считалъ своимъ долгомъ заявлять своимъ товарищамъ, что находитъ глупымъ протестовать изъ-за мелочей и рисковать своею будущностью. Изъ-за этого онъ терпѣлъ колкости отъ студентовъ. Утромъ 24 числа товарищъ его Славинскій зашелъ къ нему и взялъ у него безъ дозволенія тетрадь записокъ, переданную ему на время студентомъ Родневскимъ, и унесъ въ комнату студента Сучкова, гдѣ находился Глинскій. Вслѣдъ за Славинскимъ и онъ пошелъ въ комнату Сучкова и сказалъ, что они не имѣютъ права брать тетради. Глинскій съ крикомъ и бранью бросился къ нему, вытолкалъ его изъ комнаты и заперъ дверь. Выведенный изъ себя этимъ оскорбленіемъ, онъ возвратился въ свою комнату и, взявъ у хозяина заряженный револьверъ, отправился къ Глинскому. Найдя его въ умывальной, онъ потребовалъ отъ него извиненія въ его поступкѣ; но Глинскій, вмѣсто отвѣта, указалъ ему на дверь. Тогда онъ почти безсознательно выстрѣлилъ въ него изъ револьвера. Ту же политическую подкладку дѣла подтверждалъ и самъ потерпѣвшій студентъ Глинскій. Въ судъ онъ почему то не явился (не былъ ли

онъ административно высланъ?); но изъ письменнаго показанія его видно, что сходясь у товарищей, онъ уклонялся отъ бесѣдъ съ Рутковскимъ, „находя его очень самолюбивымъ и пустымъ человѣкомъ“. «*Когда трое изъ ихъ товарищей взяты были въ жандармское управленіе и Рутковскій выразилъ равнодушіе къ судьбѣ этихъ товарищей, онъ высказалъ ему за это свое презрѣніе*». Въ остальномъ показаніе Глинскаго сходно съ показаніемъ Рутковскаго. Глинскій извинялъ Рутковскому этотъ поступокъ, считая его послѣдствіемъ превратнаго пониманія Рутковскимъ чести, вынесеннымъ изъ чтенія плохихъ романовъ. Экспертъ докторъ Кожевниковъ призналъ въ Рутковскомъ раздраженіе, дошедшее до степени аффекта, и присяжные отвергли самый фактъ выстрѣла. Судъ оправдалъ 20-лѣтняго Рутковскаго.

„Плохіе романы“ и „аффекты“ могли быть сами по себѣ, но несомнѣнно однако то, что петровскимъ студентамъ, не особенно возмущавшимся расправою жандармовъ съ протестантами, приходилось самимъ защищаться револьверомъ отъ нападокъ своихъ товарищей. Барометръ шелъ къ „дождю“.

И дождь уже накрапывалъ, и въ дѣлѣ Шевелева, и въ звѣрской расправѣ съ Гориновичемъ, и въ демонстраціи 6 декабря.

Шевелева судили 22 февраля въ особомъ присутствіи правительствующаго сената, по обвиненію въ „государственныхъ преступленіяхъ“ при закрытыхъ дверяхъ, а по „общимъ преступленіямъ“ — публично.

Этотъ судъ при закрытыхъ дверяхъ, на основаніи 27 ст. Высочайшаго повелѣнія 7 іюля 1872 года, къ сожалѣнію, лишаетъ насъ возможности узнать, въ чемъ состояли „государственныя преступленія“ Шевелева. И это тѣмъ досаднѣе, что, по свидѣтельству обвинительнаго акта, „во время слѣдствія Шевелевъ заявилъ, что онъ замѣшанъ по Каракозовскому дѣлу“. Но и одного этого упоминанія: „замѣшанъ по Каракозовскому дѣлу“, достаточно для насъ, чтобы положить новый связующій болтъ между 1866 и 1876 годами. Другое указаніе на „государственныя преступленія“ Шевелева дается намъ вопросами, поставленными особымъ присутствіемъ сената:

Въ восьмыхъ, виновенъ ли онъ (Шевелевъ) въ томъ, что безъ надлежащаго дозволенія имѣлъ фотографическій портретъ Государя Импера-

тора, съ изображеніями и надписями, клонящимися къ возбужденію неуваженія къ верховной власти и личнымъ качествамъ Государя?

Въ девятыхъ, виновенъ ли онъ въ томъ, что, съ цѣлью распространенія въ Россіи, издалъ въ Женевѣ книгу, подъ заглавіемъ: „Землеописаніе для народовъ“, въ которой заключаются дерзостныя порицанія установленнаго основными законами имперіи образа правленія?

Въ десятыхъ, виновенъ ли онъ въ томъ, что составилъ и распространилъ за границей сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Русскій гласъ къ словакамъ“, направленное къ возбужденію неуваженія и недовѣрія къ верховной власти въ Россіи, къ личнымъ качествамъ Государя, къ установленному основными законами имперіи образу правленія и къ дѣйствіямъ правительства Россійской имперіи?

Въ одиннадцатыхъ, виновенъ ли онъ въ томъ, что помѣщалъ въ издаваемой въ Пештѣ газетѣ *Новины* составленныя имъ статьи такого же содержанія, какъ упомянутое въ 10 вопросѣ сочиненіе?

Вотъ и все. Политическія преступленія Шевелева представляются по этимъ отрывочнымъ намекамъ лишенными даже и относительнаго смысла. „Что онъ Гекубѣ, что она ему“? Къ чему это обращеніе къ словакамъ и проповѣдываніе и безъ того ненавидящимъ насъ мадьярамъ о личныхъ качествахъ Русскаго Императора?... И это тѣмъ удивительнѣе, что отставной поручикъ Николай Александровъ Шевелевъ, по свидѣтельству товарища оберъ-прокурора, „человѣкъ уже пожилой, и его преступная дѣятельность началась въ ту пору, когда его нельзя уже было назвать человѣкомъ молодымъ“. Въ здравомъ ли онъ былъ умѣ? На судѣ онъ говорилъ „очень тихо, на ногахъ держался съ трудомъ, потому что одна нога больная, и вообще онъ человѣкъ болѣзненный“.

Жизнь этого запоздалаго каракозовца любопытна преступными приключеніями, едва ли впрочемъ послѣдствіями участія его въ „Каракозовскомъ дѣлѣ“.

Въ іюнѣ 1866 года Шевелевъ былъ членомъ и казначеемъ завихостской таможни. Еще тогда противъ него возбуждено было слѣдственное производство по обвиненію его въ ложныхъ доносахъ и похищеніи изъ кассы таможни 2824 руб. Во время этого слѣдствія Шевелевъ заявилъ о своей прикосновенности къ Каракозовскому дѣлу *) и былъ препро-

*) Можетъ быть, казнокрадъ Шевелевъ надѣялся только драпировать политическимъ преступленіемъ свое казнокрадство: изъ дѣла не видимъ подробностей прикосновенности его именно къ „Каракозовскому дѣлу“. Но и то сказать: судъ былъ при закрытыхъ дверяхъ. *Авт.*

вожденъ въ Петербургъ въ III отдѣленіе, откуда бѣжалъ 1 декабря 1866 года. Черезъ три слишкомъ года, 27 марта 1870 года, былъ арестованъ въ Елисаветградѣ сортировщикъ почтовой конторы Шумѣевъ по подозрѣнію въ ограбленіи почты. Мнимый Шумѣевъ былъ Шевелевъ, который впрочемъ оказался неприкосновеннымъ къ ограбленію почты. Въ 1870 году, 7 октября, Шевелевъ вторично бѣжитъ за границу изъ курской больницы богоугодныхъ заведеній. Послѣ этого онъ снова является въ Россію съ паспортомъ турецкаго подданнаго Абрамова. При Шевелевѣ найдены были фальшивыя печати, которыя онъ будто бы получилъ въ Женевѣ отъ эмигранта Эльпидина *), но потомъ онъ отрекался отъ этого показанія. Во время своихъ странствованій Шевелевъ „мошеннически выманилъ у россійскаго генеральнаго консула въ Бѣлградѣ Шишкина 15 червонцевъ подъ именемъ князя Кикуатова, съ предъявленіемъ фальшиваго на имя послѣдняго вида“. Но еще ранѣе службы въ Елисаветградѣ, служа въ херсонской почтовой конторѣ вольнонаемнымъ писцемъ, Шевелевъ похитилъ билетъ рядоваго Шубина.

Таковъ былъ этотъ „политическій преступникъ“, своимъ самозванствомъ, поддѣлкою паспортовъ, кражами и мошенничествами напоминавшій государственныхъ преступниковъ 1878—1880 годовъ, надъ которыми рѣдко не тяготѣло, сверхъ политическихъ, обвиненіе и въ общихъ уголовныхъ преступленіяхъ, преимущественно въ поддѣлкѣ паспортовъ.

50-лѣтній **) Шевелевъ сознался въ большинствѣ взводимыхъ на него преступленій, по крайней мѣрѣ общихъ (политическая часть дѣла шла при закрытыхъ дверяхъ), и приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ.

Дѣло Шевелева было наслѣдствомъ отъ прежнихъ лѣтъ, но на тотъ же 1876 годъ выпало и новое преступленіе, звѣрская расправа надъ Гориновичемъ. Объ этомъ позднѣе будетъ упоминаться въ дѣлѣ 193 и въ нѣкоторыхъ разбирательствахъ

*) Эльпидинъ, помнится, студентъ Московскаго университета изъ нечаевцевъ. *Авт.*

**) Сколько помнимъ, это единственный случай обвиненія такого пожилаго политическаго преступника. Даже 40-лѣтній Прыжовъ—и то рѣдкость. *Авт.*

военно-окружныхъ судовъ. Теперь же ограничимся только первымъ извѣстіемъ объ этомъ.

Въ іюнѣ 1876 года одесскія газеты передали о загадочномъ происшествіи. Въ ночь съ 10 на 11 іюня въ Одессѣ, на Конной площади, близъ Большаго вокзала желѣзной дороги, нашли молодаго человѣка лѣтъ 20, съ проломленною головой и съ лицемъ, облитымъ сѣрною кислотою. Молодой человѣкъ, имѣвшій еще силу говорить, не смотря на страшныя мученія, оказался бывшимъ воспитанникомъ 2-й кіевской гимназіи Гориновичемъ, содержавшимся подъ стражей и находившимся подъ надзоромъ полиціи. Гориновичъ показалъ, что названныя имъ лица избили его кистенемъ и облили сѣрною кислотой, приговаривая: „шпіонъ". На мѣстѣ преступленія найдена была записка, со словами: „такова участь шпіона!" *)

Послѣ убійства Иванова Нечаевымъ, во второй разъ пролита была кровь безумными злодѣями. На помощь звѣрству была призвана наука: сѣрною кислотою конечно надѣялись скрыть, кто былъ убитый. Крамола вступила въ острый періодъ. Тотчасъ же *Московскія Вѣдомости* вѣрно опредѣлили этотъ новый фактъ.

> Очевидно, это есть повтореніе нечаевской экзекуціи надъ Ивановымъ, замѣчаетъ газета. Молодой человѣкъ столкнулся съ однимъ или нѣсколькими изъ тѣхъ „интеллигентныхъ агитаторовъ", которыхъ *Впередъ* командируетъ для пропаганды, болѣе или менѣе увлекся фразами революціоннаго пустомельства, потомъ, поразсудивъ хладнокровно, отсталъ отъ своихъ искусителей; этимъ самымъ уже сталъ онъ для нихъ подозрителенъ, сталъ „виновенъ" предъ ними, виновенъ, хотя быть можетъ онъ только слушалъ, какъ тѣ высказывались. Его рѣшено было убить, рѣшено *по принципу*. Звѣрское преступленіе Нечаева вовсе не было исключительнымъ фактомъ дѣятельности нашихъ революціонеровъ; напротивъ, это было примѣненіе одного изъ основныхъ правилъ ихъ кодекса.

Злодѣяніе, совершенное надъ Гориновичемъ, дало поводъ *Московскимъ Вѣдомостямъ* коснуться современной программы русскихъ соціалистовъ. Указавъ, что еще въ сентябрѣ 1869 года на Базельскомъ конгрессѣ „интернаціоналки" делегатъ бельгійской секціи Евгеній Генсъ похвалялся, что соціалисты скоро наведутъ на своихъ противниковъ ужасъ, который

*) Благодаря любезности одного оффиціальнаго лица, мы видѣли двѣ фотографическія карточки Гориновича — до и послѣ изуродованія: ничего ужаснѣе этого и представить нельзя. *Авт.*

избавитъ ихъ отъ противодѣйствія, а наши соціалисты еще ранѣе составили систему „приводить въ ужасъ", *Московскія Вѣдомости* *) напечатали любопытныя выдержки изъ *Народной расправы* **). Вотъ эта программа террора:

> Размышленія надъ нравственностью и честностью той или другой мѣры, необходимой для дѣла, мѣшаютъ и останавливаютъ всякое реальное начинаніе. Основаніемъ серьезной борьбы должно служить полное равнодушіе къ выбору средствъ (*Народная расправа*, лѣто 1869, № 1, стр. 11).
>
> Скромная и черезъ-чуръ осторожная организація тайныхъ обществъ, безъ всякихъ внѣшнихъ фактическихъ проявленій, въ нашихъ глазахъ не болѣе, какъ мальчишеская игра. Фактическими же проявленіями мы называемъ *только* рядъ дѣйствій, *разрушающихъ положительно* что-нибудь: лице, вещь, отношенія, мѣшающія дѣлу (стр. 2).
>
> Наша реальная задача обратить все наше вниманіе и силы на уничтоженіе препятствій, которыя могутъ затруднить ходъ дѣла (стр. 14).
>
> Кто не за насъ, тотъ противъ насъ, и долженъ пасть отъ пули нашихъ револьверовъ (ib. зимою 1870, № 2, стр. 6).
>
> Мы безотлагательно примемся за истребленіе прежде всего тѣхъ, кто окажется мѣшающимъ нашей подготовительной работѣ. (№ 1, стр. 15).
>
> Распространенію вещей, хоть и искреннихъ, но противоположныхъ нашему знамени, мы можемъ помѣшать разными практическими способами, которые въ нашихъ рукахъ; мы будемъ платить за нихъ не печатно (ib. 2).
>
> Условія нашей теперешней работы не только не могутъ быть нарушаемы, но всякое отступленіе отъ нихъ, каково бы оно ни было по своему значенію, ведетъ къ тому, что лице выбрасывается изъ нашей среды, какъ загнившій членъ тѣла, негодный для работы и могущій только передать гніеніе остальнымъ частямъ. Нужно ли присовокуплять, что это исключеніе изъ нашихъ рядовъ, при теперешнемъ положеніи, когда весь ходъ нашего дѣла и весь механизмъ и составъ нашихъ силъ есть непроницаемая тайна, что это исключеніе есть исключеніе изъ списка живыхъ (ib. № 2, стр. 8).

Отсюда-то, какъ совершенно вѣрно замѣтили *Московскія Вѣдомости*, и одесскій кистень съ сѣрною кислотой.

Остается въ общимъ обзорѣ 1876 года упомянуть еще о Казанской демонстраціи, такъ сильно оскорбившей тогда народное чувство: дикая выходка эта произошла послѣ Дюнишскаго погрома, вслѣдъ за великодушною рѣчью Государя въ Кремлѣ, наканунѣ Константинопольской конференціи, во время напряженныхъ и дипломатическихъ переговоровъ, и военныхъ

---

*) 1876 г. № 171.

**) Это изданіе упоминалось уже нами въ процессѣ нечаевцевъ. *Авт.*

приготовленій. Бо̀льшую оторванность соціалистической агитаціи отъ радостей и скорбей родной земли, какъ оказалось это 6 декабря, и представить трудно.

Первоначально извѣстіе объ этой демонстраціи явилось въ *Голосѣ* въ довольно невинной формѣ. 6 декабря, по словамъ газеты, Казанскій соборъ по случаю праздника былъ полонъ молящимися. По окончаніи обѣдни, когда народъ сталъ выходить изъ собора и портики храма были усѣяны разнообразною публикой, въ толпѣ, собравшейся передъ соборомъ, на площади, выходящей на Невскій проспектъ, произошелъ шумъ, произведенный толпой какихъ-то мужчинъ и женщинъ. Увѣщанія полиціи, старавшейся прекратить безпорядокъ, не имѣли первоначально успѣха; когда же двумъ тремъ городовымъ въ присутствіи публики были нанесены оскорбленія, огромное большинство тотчасъ приняло сторону полицейскихъ и оказало имъ рѣшительное содѣйствіе: нарушившіе уличный порядокъ были немедленно арестованы и при помощи той же публики препровождены въ полицейскій участокъ, куда прибыли вскорѣ высшіе представители полиціи и чины судебнаго вѣдомства для составленія протокола и снятія допроса.

Съ крайнимъ негодованіемъ встрѣтила эту демонстрацію остальная печать. *Московскія Вѣдомости* назвали это „глупою выходкою".

> Почему ничего подобнаго не затѣвалось никогда прежде, при обстоятельствахъ, которыя могли казаться благопріятными для такого рода выходки? Эта толпа барановъ исполняла маневръ, въ которомъ ей принадлежала только глупость исполненія.

Новое Время нашло этотъ безпорядокъ крайне прискорбнымъ, именно потому, что

> Наши враги въ Европѣ ловятъ самые ничтожные предлоги, чтобы раздуть ихъ въ пламя, чтобы указать, что русское общество разъѣдается будто бы враждебными внутренними элементами.

Для *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* это показалось болѣе каррикатурно, чѣмъ прискорбно.

> Чего хотѣли, на что надѣялись сумасброды обоего пола, затѣявшіе эту „демонстрацію?" Кого думали они возбудить или устрашить? Какъ относится къ подобнымъ дикимъ выходкамъ тотъ *народъ*, на который, повидимому, разсчитывалось произвести впечатлѣніе,—они могли видѣть теперь во-очію.

Большинство газетъ усмотрѣло въ этомъ иностранную интригу, что могло быть только отчасти справедливо.

Что же однако случилось, ибо скромный *Голосъ* не далъ намъ настоящаго понятія объ исторіи 6 декабря? Вотъ оффиціальное о ней сообщеніе, напечатанное въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*:

6 декабря, къ концу совершавшагося въ Казанскомъ соборѣ богослуженія, начали въ значительномъ числѣ собираться въ храмъ молодые люди, по внѣшности коихъ можно было предполагать, что они принадлежатъ къ числу учащейся молодежи. Въ группахъ молодыхъ людей замѣтны были также и женщины. Во время молебна какъ молодые люди, такъ и примкнувшія къ нимъ женщины, вели себя крайне неприлично: они переходили съ мѣста на мѣсто, разговаривали, смѣялись и какъ будто о чемъ-то сговаривались. По окончаніи богослуженія толпа этихъ необычныхъ посѣтителей храма спустилась со входной лѣстницы собора и, отойдя отъ него лишь на нѣсколько шаговъ, остановилась и скучилась. Стоявшій среди толпы молодой человѣкъ обратился къ окружавшимъ его, съ слѣдующими словами: „Мы всегда чтимъ этотъ день въ память сосланныхъ въ каторжную работу". Произнеся за симъ нѣсколько фамилій и невнятныхъ словъ, закончилъ свою рѣчь крикомъ: „да здравствуетъ свобода, ура"! Крикъ этотъ былъ подхваченъ окружавшими его лицами. Затѣмъ онъ вынулъ изъ пазухи стоявшаго около него крестьянскаго мальчика красный флагъ, съ надписью на немъ крупными буквами: *земля и воля*, *) и махалъ имъ, продолжая кричать *ура*. При этомъ нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ въ центрѣ группы, подняли на руки крестьянскаго мальчика, который тоже кричалъ *ура*, махая флагомъ. Между тѣмъ изъ толпы стали раздаваться голоса, предлагавшіе не расходиться, а направиться всѣмъ вмѣстѣ по Невскому проспекту: другіе же, напротивъ, крикомъ изъявляли желаніе разстаться какъ можно поспѣшнѣе. Въ это время подоспѣлъ околоточный надзиратель съ городовыми, которые были встрѣчены принимавшими участіе въ безпорядкѣ лицами сначала бранью, а потомъ побоями. Стоявшая до этой минуты въ сторонѣ удивленная этою нелѣпою выходкою публика, при видѣ сопротивленія, оказаннаго чинамъ полиціи, исполнявшимъ свою обязанность, бросилась на помощь городовымъ, сняла нарушителей порядка и, сообща съ полиціей, арестовала 32 человѣка, изъ коихъ 11 женщинъ. Остальная часть **) участниковъ безпорядка, при такомъ оборотѣ дѣла, быстро разбѣжалась въ разныя стороны. Дознаніе начато на основаніи закона 19 мая 1872 года.

---

*) Эта революціонная формула „земля и воля" выдвинута была уже въ началѣ 60-хъ годовъ: еще до Каракозова былъ тайный кружокъ, носившій наименованіе „Земля и Воля". *Авт.*

**) *Московскія Вѣдомости* слышали, что участниковъ въ безпорядкѣ было 100—150 человѣкъ; на судѣ свидѣтели опредѣляли эту цифру до 300 чел. *Авт.*

III.

Все не русскіе типы, а большею частію польскіе и еврейскіе.
Показаніе свидѣтеля г. Гукова. (Засѣданіе сената 18 янв. 1877 г.).

Наступилъ памятный 1877 годъ, годъ Второй Восточной войны. Въ томительные часы Константинопольской конференціи, въ восторженную минуту чтенія царскаго манифеста апрѣля 12, въ ночь переправы черезъ Дунай, въ страдные дни Зивина, Шипки, Плевны,

Предвидѣлъ русскій Царь давно уже волненье,
Все приготовилъ онъ
И міровой борьбы ждетъ тяжкаго мгновенья,
Спокоенъ и силенъ.
И крѣпче прежняго собрались мы вкругъ трона,
Внимая бранный кликъ;
Давали богачи отчизнѣ милліоны,
Свой грошъ давалъ мужикъ.

Внутреннее недовольство смолкло; явная печать проникласъ высокимъ патріотическимъ духомъ. Но въ этомъ пылкомъ народномъ движеніи не расплавилась одна только застарѣлая изгарь исторической жизни, то, что пора уже назвать подлиннымъ именемъ—*польско-еврейскою крамолою*.

Впрочемъ и крамола какъ будто попритихла въ этомъ году: немного было ея проявленій. Но тѣмъ большее возбуждала она отвращеніе. Такъ уцѣлѣвшая подъ снѣгомъ гніющая трупная падаль кажется еще омерзительнѣе, когда вокругъ нея зазеленѣетъ весна. Этой-то прошлогодней падали такъ много и досталось по наслѣдству 1877 году, въ судебныхъ отчетахъ по демонстраціи на Казанской площади, по дѣлу „50 московскихъ соціалистовъ“ и наконецъ по процессу 193-хъ.

Чтобы яснѣе напомнить восторженныя минуты 1877 года, чтобы рѣзче оттѣнить жертву и палачей, лучше всего, полагаемъ, привести сказанныя въ обозрѣваемомъ году великодушныя рѣчи того, кто не только

Благородный былъ монархъ,

но и

Былъ человѣкъ, во всемъ значеньи слова.

Весна 1877 года была самымъ томительнымъ временемъ. Всѣ были убѣждены въ неизбѣжности войны, ждали только

царскаго манифеста; ждали долго, назначали дни, переживали часы, считали минуты. „Когда же, когда“? нетерпѣливо спрашивали другъ друга. Настало наконецъ 12 апрѣля, день кончины (1865 г.) былой надежды Россіи, покойнаго Цесаревича Николая Александровича, и вотъ явился манифестъ, обнародованіе коего *не случайно* совпало со днемъ кончины покойнаго Наслѣдника*).

Вотъ этотъ незабвенный освободительный манифестъ:

„Всѣмъ нашимъ любезнымъ вѣрноподданнымъ извѣстно то живое участіе, которое Мы всегда принимали въ судьба хъ угнетеннаго христіанскаго населенія Турціи. Желаніе улучшить и обезпечить положеніе его раздѣляетъ съ Нами и весь русскій народъ, нынѣ выражающій готовность свою на новыя жертвы для облегченія участи христіанъ Балканскаго полуострова міра. Кровь и достояніе Нашихъ вѣрноподданныхъ были всегда Намъ дороги; все царствованіе Наше свидѣтельствуетъ о постоянной заботливости Нашей сохранять Россіи благословенія. Эта заботливость оставалась Намъ присуща въ виду печальныхъ событій, совершавшихся въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи. Мы первоначально поставили Себѣ цѣлью достигнуть улучшеній въ положеніи восточныхъ христіанъ путемъ мирныхъ переговоровъ и соглашенія съ союзными дружественными Намъ великими европейскими державами. Мы не переставали стремиться, въ продолженіи двухъ лѣтъ, къ тому, чтобы склонить Порту къ преобразованіямъ, которыя могли бы оградить христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи отъ произвола мѣстныхъ властей. Совершеніе этихъ преобразованій всецѣло вытекало изъ прежнихъ обязательствъ, торжественно принятыхъ Портой предъ лицемъ всей Европы. Усилія Наши, поддержанныя совокупными дипломатическими настояніями другихъ правительствъ, не привели однако къ желаемой цѣли. Порта осталась непреклонною въ своемъ рѣшительномъ отказѣ отъ всякаго дѣйствительнаго обезпеченія своихъ христіанскихъ подданныхъ и отвергла постановленія Константинопольской конференціи. Желая испытать, для убѣжденія Порты, всевозможные способы соглашенія, Мы предло-

*) Въ свое время это было отмѣчено въ *Совр. Изв.* и, какъ потомъ мы изъ весьма достовѣрнаго источника узнали, совершенно основательно: 12 апрѣля было избрано „въ память чистой души покойнаго“. *Авт.*

жили другимъ кабинетамъ составить особый протоколъ, со внесеніемъ въ оный самыхъ существенныхъ постановленій Константинопольской конференціи, и пригласить турецкое правительство присоединиться къ этому международному акту, выражающему крайній предѣлъ Нашихъ миролюбивыхъ настояній. Но ожиданія Наши не оправдались. Порта не вняла единодушному желанію христіанской Европы и не присоединилась къ изложеннымъ въ протоколѣ заключеніямъ. Исчерпавъ до конца миролюбіе Наше, Мы вынуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуютъ и чувство справедливости, и чувство собственнаго Нашего достоинства. Турція отказомъ своимъ поставляетъ Насъ въ необходимость обратиться къ силѣ оружія. Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ Нашего дѣла, Мы, въ смиренномъ упованіи на помощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что наступило время, предусмотрѣнное въ тѣхъ словахъ Нашихъ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія *). Мы выразили намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, когда мы сочтемъ это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска Наши, Мы повелѣли имъ вступить въ предѣлы Турціи".

Всѣмъ еще памятна эта торжественная минута чтенія царскаго манифеста въ церквахъ.

Настало 23 апрѣля. Никогда еще громадныя залы Кремлевскаго дворца не вмѣщали столько людей. Государь вступилъ въ георгіевскую залу, имѣя подъ руку Государыню Императрицу и сопровождаемый Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ, Цесаревною, нынѣшнею Императрицею, и нѣкоторыми Великими князьями. Обратившись къ тѣснившимся представителямъ столицы, Царь-Освободитель произнесъ:

Шесть мѣсяцевъ тому назадъ въ этихъ стѣнахъ, посреди нашего древняго Кремля, я выразилъ вамъ мои надежды на мирный исходъ политическихъ дѣлъ на востокѣ. Я желалъ до нельзя щадить дорогую русскую кровь, но старанія мои не увѣнчались успѣхомъ. Богу угодно было рѣшить дѣло иначе. Манифестъ мой, подписанный 12 апрѣля въ Кишиневѣ,

*) Эта рѣчь 29 октября 1876 года была уже воспроизведена нами. *Авт.*

возвѣстилъ Россіи, что минута, которую я предвидѣлъ, для насъ настала, и вся Россія, какъ я ожидалъ, откликнулась на мой призывъ. Москва первая подала въ томъ примѣръ и вполнѣ оправдала мои надежды. Сегодня я счастливъ, что могу, вмѣстѣ съ Государынею Императрицею, благодарить всѣ сословія Москвы отъ глубины души за ихъ истинно патріотическія чувства, которыя они доказали уже не одними словами, но дѣломъ. Могу сказать по совѣсти, что ихъ пожертвованія превзошли мои ожиданія. Да поможетъ намъ Богъ исполнить нашъ долгъ, и да будетъ благословеніе Его на нашихъ славныхъ войскахъ, идущихъ на бой за вѣру, царя и отечество.*)

Нечего говорить о впечатлѣніи этой сердечной рѣчи: всѣ мы очень хорошо это помнимъ еще. „Обѣтъ любви къ народу исполненъ; исполненъ и обѣтъ святаго призванія Россіи“! воскликнули тогда *Московскія Вѣдомости*.

Черезъ нѣсколько дней, именно 26 апрѣля, ту же мысль и тѣ же чувства выразилъ покойный Государь въ Петербургѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, въ отвѣтъ на адресъ городскаго общества:

Благодарю васъ, господа, за выраженныя чувства. Я былъ увѣренъ, что послѣ словъ, сказанныхъ мною въ Москвѣ, и моего манифеста, вы проявите тѣ чувства, которыя мнѣ отрадно видѣть въ васъ. Вы знаете, что мною было сдѣлано все отъ меня зависящее, чтобы дѣло рѣшилось мирнымъ путемъ, для избѣжанія пролитія дорогой мнѣ русской крови, и чтобъ устранить замѣшательства въ промышленности. Всевышнему угодно было указать на войну для достиженія цѣли, и намъ остается лишь уповать на милость Божію, чтобы цѣль наша была достигнута скорѣе. Выраженныя вами чувства радуютъ меня тѣмъ болѣе, что я вижу въ нихъ не одни лишь слова, но дѣло. Пожертвованіе ваше облегчитъ положеніе жертвъ, неизбѣжныхъ въ такомъ дѣлѣ. Душевно благодарю васъ и поручаю вамъ выразить мою благодарность всему городскому обществу **).

Ту же человѣчность проявилъ великодушный Монархъ не къ своимъ только подданнымъ, но и къ угнетеннымъ болгарамъ, къ ихъ даже утѣснителямъ. Вотъ памятное всѣмъ „Воззваніе Его Величества Государя Императора Всероссійскаго къ болгарамъ“:

Войска мои, перейдя Дунай, вступаютъ сегодня на вашу территорію, гдѣ уже нѣсколько разъ они сражались за улучшеніе участи христіанскихъ жителей Балканскаго полуострова. Предки мои, вѣрные древнимъ историческимъ преданіямъ, постоянно почерпая новыя силы въ тѣсномъ и вѣковомъ единеніи, связывавшемъ ихъ съ православнымъ народомъ, умѣли

*) *Моск. Вѣд.* 98 № 1877 г.

**) *Моск. Вѣд.* 102 № 1877 г.

вліяніемъ своимъ и силою оружія послѣдовательно обезпечить участь сербовъ и румынъ, призвавъ ихъ къ новому политическому существованію. Время и обстоятельства не измѣнили симпатіи Россіи къ ея единовѣрцамъ на востокѣ. Она все еще питаетъ ту же любовь, ту же заботливость ко всѣмъ членамъ великой христіанской семьи Балканскаго полуострова. Я ввѣрилъ моей арміи, предводимой моимъ братомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, дѣло обезпеченія священныхъ правъ вашей народности, составляющихъ главное условіе практическаго и правильнаго развитія всякаго гражданскаго существованія. Вы пріобрѣли права эти не силой сопротивленія оружіемъ, но цѣной вѣковыхъ страданій, цѣною мученической крови, которою вы и ваши предки въ теченіе многихъ вѣковъ орошали землю вашей родины.

Жители земли болгарской! Цѣль Россіи—созиданіе, а не разрушеніе. Изволеніемъ Божественнаго Промысла она призвана умиротворять, примирять всѣ племена, всѣ вѣроисповѣданія въ отчизнѣ болгаръ, гдѣ обитаютъ жители различнаго происхожденія и различныхъ вѣрованій. Отнынѣ русскія войска будутъ защищать каждаго христіанина отъ всякаго насилія; никакого ущерба не будетъ безнаказанно нанесено его личности или его достоянію; за каждымъ преступленіемъ послѣдуетъ наказаніе; свобода, честь, собственность каждаго христіанина будутъ обезпечены въ одинаковой степени. Дѣйствіями нашими будетъ руководить одна только строгая справедливость, равно какъ твердая воля постепенно водворить порядокъ и право тамъ, гдѣ господствуетъ безчинство и своеволіе. И къ вамъ, болгарскіе мусульмане, обращаю я спасительное увѣщаніе! Мнѣ тяжело вызывать воспоминанія о преступленіяхъ и насиліяхъ всякаго рода. Многіе изъ васъ были преступны по отношенію къ беззащитнымъ христіанамъ. Ужасы эти не могутъ быть забыты, но русскія власти не захотятъ сдѣлать всѣхъ отвѣтственными за преступленія нѣсколькихъ. Благоустроенное и безпристрастное правосудіе покараетъ только однихъ преступниковъ, оставшихся не наказанными. Признайте нынѣ правосудіе Господа Бога, постигающее васъ; преклонитесь предъ Его волею; представьте законныя требованія ваши моимъ властямъ, которыя будутъ установлены вездѣ, гдѣ появятся войска мои; сдѣлайтесь мирными гражданами общества, готоваго даровать вамъ блага правильнаго строя. Ваша вѣра останется неприкосновенною; существованіе ваше, ваше достояніе, жизнь и честь вашихъ семей будутъ священны для насъ.

Христіане-болгары! Вы переживаете памятные дни. Часъ избавленія отъ своеволія мусульманъ наконецъ пробилъ. Явите всему міру примѣръ христіанской любви; забудьте прежніе раздоры; уважайте законныя права каждой народности; соединитесь, братья по вѣрѣ, въ чувствѣ согласія и братской любви, представляющихъ основы для стойкаго и прочнаго зданія; сомкнитесь тѣсными рядами подъ сѣнію русскаго знамени, побѣды котораго столько разъ гремѣли на Дунаѣ и въ Балканахъ. По мѣрѣ того, какъ русскія войска будутъ подвигаться впередъ, внутрь страны, турецкая власть будетъ замѣщаться правильнымъ устройствомъ; обыватели будутъ тотчасъ же призваны принять въ немъ дѣятельное участіе подъ высшимъ руководствомъ особыхъ и новыхъ властей. Болгарскія дружины

составить мѣстную вооруженную силу, имѣющую своимъ назначеніемъ охранять порядокъ и безопасность. Готовность честно послужить вашей родинѣ, безпристрастіе, которое вы внесете въ исполненіе этого великаго долга, докажутъ міру, что вы достойны участи, которую Россія уготовала для васъ цѣною столь великихъ жертвъ. Повинуйтесь русскимъ властямъ. Слѣдуйте точно ихъ указаніямъ. Въ этомъ ваша сила и ваше спасеніе.

Смиренно молю Господа даровать намъ побѣду надъ врагомъ христіанъ и ниспослать Его благословеніе нашему правому дѣлу.

Мы привели всѣ эти рѣчи Царя-Освободителя, чтобы еще разъ вызвать въ воображеніи это великое историческое лице, равное развѣ одному только Петру за послѣднія 200 лѣтъ нашей исторіи, но съ тою великою разницею, что одинъ былъ закрѣпостителемъ, а другой освободителемъ. И какъ гнусна, какъ позорна, какъ ничтожна представится будущему историку та змія, которая смертельно уязвила въ пяту этого лучшаго человѣка XIX вѣка!

Всѣ мы помнимъ эти знаменательныя царскія слова, эти краснорѣчивыя страницы нашей исторіи. Но увлеченные роковымъ теченіемъ, мы мало оглядывались тогда вокругъ себя. Все вниманіе правительства тоже было устремлено на внѣшнія затрудненія. Когда надвинулась гроза, когда наступило завѣщанное вѣками неминуемое столкновеніе съ ожесточеннымъ и все еще могущественнымъ внѣшнимъ врагомъ, до того ли было, чтобы обращать вниманіе на „уличныхъ мальчишекъ, бросавшихъ въ окна камнями“? Потому-то за весь 1877 годъ мы и видимъ одну только обнародованную правительственную мѣру, которая впрочемъ едва ли особенно могла служить борьбѣ съ крамолою. Это „Конвенція о взаимной выдачѣ преступниковъ, заключенная между Россіею и Испаніею 9 (21) марта 1877 года“.

Конвенція эта по содержанію своему подобна ранѣе заключеннымъ съ Швейцаріею и Австріею. Но сверхъ того въ ней есть однако часть статьи, охраняющая жизнь главы государства, по крайней мѣрѣ наравнѣ съ жизнью послѣдняго его подданнаго.

Статьею 4-ю „дѣйствіе конвенціи не распространяется на преступленія государственныя и на правонарушенія, обусловленныя сими преступленіями“. Но за то въ той же статьѣ читаемъ слѣдующее ограниченіе:

Покушеніе противъ особы иностраннаго государя или членовъ его семейства не должно быть признаваемо преступленіемъ государственнымъ или правонарушеніемъ, состоящимъ съ нимъ въ связи, если это было покушеніе на убійство съ умысломъ или съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ или на отравленіе.

Это черезъ чуръ уже деликатное ограниченіе, не лишенное безполезныхъ оговорокъ („съ умысломъ", съ „заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ" — какъ будто монарховъ убиваютъ когда „въ запальчивости или раздраженіи!"), все же было шагомъ впередъ къ охраненію вѣнчанныхъ лицъ противъ кинжала и отравы, по крайней мѣрѣ наравнѣ съ прочими смертными. Но конвенція съ Испаніею — какъ все это однако далеко отъ дѣйствительной потребности и какая нужда политическому убійцѣ искать убѣжища въ Испаніи, когда во всей силѣ горятъ революціонные костры и въ Женевѣ, и въ Лондонѣ, и въ Парижѣ, откуда 15 лѣтъ то и дѣло летѣли на насъ искры крамолы?!

Впрочемъ германское правительство, запретившее въ 1876 году *Впередъ*, сдѣлало въ томъ же направленіи еще шагъ въ 1877 году. Распоряженіемъ высшей полицейской власти, въ Германіи, какъ сообщилъ *Русскій Міръ*, строжайше было воспрещено торговать напечатанными за границей книгами на русскомъ языкѣ, содержаніе коихъ враждебно Россіи, и въ особенности книгами революціоннаго направленія. Запрещеніе это, независимо отъ судебнаго преслѣдованія виновника, подвергающее книжную торговлю немедленному прекращенію, распространено было не только на торговцевъ книгами на германскихъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, но и на всѣ городскіе книжные магазины.

За весь 1877 годъ, помимо прошлогодней падали, мы нашли только три факта проявленія крамольной дѣятельности: въ лазаретахъ дѣйствующей арміи, въ Одессѣ и за границею.

Такъ *С.-Петербургскія Вѣдомости* въ корреспонденціи изъ Бухареста отъ 8 августа сообщили, что въ Бранкованскій госпиталь, въ бытность тамъ корреспондента, явились съ цѣлью осмотрѣть госпиталь три дамы въ черныхъ костюмахъ: онѣ весьма поспѣшно обѣжали госпиталь и оставили нѣкоторымъ больнымъ брошюрку *Благая Вѣсть*. Брошюра эта мрачно рисуетъ положеніе раненыхъ; она начинается словами:

Читатель, знай: въ непродолжительномъ времени твое бездыханное тѣло будетъ опущено въ могилу.

По непроходимой глупости и безсердечности этой выходки—бунтовать умирающихъ, мы полагаемъ, что дамы въ черныхъ костюмахъ, конечно, были изъ *нихъ*.

Подобнымъ же дикимъ характеромъ отличалась и другая выходка все *ихъ* же.

6 сентября, то есть въ самые тяжкіе дни, только что по обнародованіи о страшныхъ нашихъ потеряхъ 30 августа подъ Плевною, въ приказѣ одесскаго полицеймейстера было вмѣнено полицейской стражѣ въ обязанность „не дозволять расклейку по городу объявленій и афишъ", безъ особыхъ на то свидѣтельствъ полицеймейстера. Приказъ этотъ, по мнѣнію одесскаго корреспондента *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, объясняетъ толки о необыкновенныхъ телеграммахъ, которыми былъ занятъ городъ. Проходившіе передъ тѣмъ въ Одессѣ по улицѣ утромъ замѣчали на домахъ телеграмму, напечатанную на осьмушкѣ. Вверху былъ заголовокъ: „Телеграмма *Правительственнаго Вѣстника*", а внизу: „печатано въ типографіи одесской полиціи". Телеграмма оказалась возмутительнаго содержанія *). Полицейскіе были посланы по всѣмъ улицамъ для ихъ уничтоженія, но читавшіе предупреждали полицію и съ негодованіемъ сами срывали телеграммы.

Что до эмиграціонной революціонной дѣятельности, находимъ одинъ только обнародованный въ 1877 году фактъ, и именно *польской* продѣлки, о чемъ рѣшился заявить даже полякующій *Голосъ*. По сообщенію газеты, нѣкоторыя темныя лица изъ проживавшихъ тогда за границею *польскихъ* эмигрантовъ обратили на себя вниманіе поддѣлкою различныхъ документовъ. Этими фальшивыми документами пытались они ввести въ заблужденіе наши посольства и миссіи, будто бы, по увѣренію *Голоса*, „преслѣдуя при этомъ, конечно, корыстную цѣль, какъ и подобаетъ рыцарямъ подпольной революціонной интриги". Но, по нашему мнѣнію, скорѣе тутъ могла быть цѣль не корыстная, а „общее дѣло". Вотъ впрочемъ и самый фактъ, въ передачѣ *Голоса*:

Одному граверу за границей какой-то господинъ заказалъ три печати: третьяго отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канце-

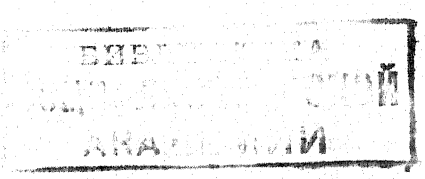
*) Повидимому, произведеніе Ковальскаго съ его *польскою* братіею, растрѣлянная потомъ въ 1878 году. *Авт.*

ляріи, посольства нашего въ Парижѣ и польскаго революціоннаго комитета. Заказъ былъ исполненъ; но господинъ, заказавшій печати, взявъ изъ нихъ только одну, за полученіемъ остальныхъ двухъ не являлся, что и побудило гравера отправиться въ наше посольство. Продѣлка немедленно была обнаружена *), при чемъ удалось открыть и фамилію заказчика: онъ оказался *польскимъ* эмигрантомъ.

Судебное преслѣдованіе эмигранта-преступника представлялось, по увѣренію *Голоса*, однако крайне затруднительнымъ, такъ какъ въ уголовномъ кодексѣ того государства, гдѣ было совершено это преступленіе, не была предусмотрѣна подѣлка печати „иностранныхъ правительственныхъ учрежденій“, къ каковымъ, очевидно, *Голосъ* относилъ и „польскій революціонный комитетъ“!

Польско-еврейская маска сбрасывалась, а мы по прежнему всю отвѣтственность сваливали исключительно на *русское* общество, на *русскую* учащуюся молодежь, веденную на поводу. Даже демонстрировавшая на Казанской площади толпа „не русскихъ типовъ, а большею частію польскихъ и еврейскихъ“, не заставила насъ сколько-нибудь перенести обвиненіе съ русскихъ на поляковъ и евреевъ. Между тѣмъ, и не имѣя подъ руками приведенныхъ фактовъ, можно было догадаться, что Вторая Восточная война должна была вызвать особенное озлобленіе польской справы: вѣдь рѣшался славянскій вопросъ, гдѣ отщепенцы славянства—поляки были обойдены. Это было глубокое историческое противорѣчіе, не въ наши дни созданное и ожидающее рѣшенія въ далекомъ, можетъ быть, будущемъ. А вѣдь особенная ярость крамолы поднялась какъ разъ послѣ освободительной войны чрезъ православное славянство и за православное же славянство.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ ПЕРВАГО ТОМА.



*) Что тутъ нужно было *обнаруживать*, рѣшительно не понимаемъ. *Авт.*

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ ПЕРВАГО ТОМА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Стр.

Каракозовщина. 4 апрѣля 1866 г.—Оффиціальное извѣстіе.—Біографическія свѣдѣнія о Каракозовѣ.—Пріемъ депутацій.—Рѣчь Государя Императора.—Свѣдѣнія о слѣдствіи и судѣ.—Ишутинъ.—„Организація".—Зачатки народничества и террора.—„Адъ".—Ножинъ.—Мысль объ освобожденіи Чернышевскаго.—Домбровскій.—„Друзьямъ рабочимъ".—Противодѣйствіе Каракозову.—Польское участіе.—Narodowa oriéka.—Поясненіе и дополненіе слѣдствія.—Источникъ крамолы.—Литографіи.—„Колоколъ".—Журналистика.—Студентскія исторіи.—Поляки студенты.—Пензенскій кружокъ.—„Петровцы".—Горыгорецкій институтъ.—„Выпивки".—„Юлія Пастрана".—Предвѣстія 4 апрѣля.—Польская революція.—Заговоръ на цареубійство.—Дрезденскій съѣздъ.—Письмо „Топора".—Огрызко.—„Секретная царская воля".—Приговоръ надъ Каракозовымъ.—Казнь преступника.—Приговоръ надъ 34.—16 группъ подсудимыхъ.—Исполненіе приговора.—Помилованіе Ишутина.—Голицынская коммиссія.—„Земля и Воля". „Молодая Россія" и „Великоруссъ".—Оковы Михайлова.—Польскіе усики.—Дѣло Купенко.—Записка Московскаго университета . . . . . 1 — 39.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Покушеніе Березовскаго. Преступленіе 25 мая.—Отзывъ Государя Императора.—Арестъ 30 поляковъ.—Первыя показанія преступника.—Впечатлѣніе во Франціи и у насъ.—Внѣшняя сторона событія.—Нѣсколько убійцъ.—Подробности о злодѣѣ.—Настойчивость *Сѣверной Почты*.—Ликующій *Голосъ*.—Представленіе русскихъ Императору.—Отзывы французскихъ газетъ.—Письмо въ газету *Pays*.—3132 жертвы подземнаго правительства.—Адресы красныхъ Наполеону и бѣлыхъ Александру II.—Еще убійца.—Статья *Кіевлянина*.—Отзывъ *Nord*'а.—Нравственная отвѣтственность Франціи.—Письмо французскаго землевладѣльца.—Отзывъ *New-York-Herald*.—Сообщникъ Березовскаго.—Рѣчи Государя въ Вильнѣ и въ Ригѣ.—Слѣдствіе и судъ.—Біографія Березовскаго.—Мститель за семейную честь.—Отецъ преступника.—Обстановка суда.—Обвинительный актъ.—Допросъ.—Дерзость подсудимаго.—

Стр.

Выходка защитника.—Показанія свидѣтелей со стороны обвиненія.—Поздравленія суда.—Показанія экспертовъ.—Библіотека подсудимаго.—Повстанцы.—Дядя Березовскаго.—Безпутная фразеологія г. Араго.—Возраженіе прокурора.—Смягчающія обстоятельства.—Россія на скамьѣ подсудимыхъ . . . . . 41— 67.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Нечаевщина. Нечаевщина.—12 группъ подсудимыхъ.—Студенческіе безпорядки.—Нечаевъ.—Убійство Иванова.—Основаніе кружковъ и отдѣленія. — Разсказъ Успенскаго. — Роль Кузнецова. — Каракозовецъ кн. Черкезовъ. — Прыжовъ. — Николаевъ. — Фиктивный бракъ. — Орловъ. — Волховской. — Ткачевъ. — Еще связь съ Каракозовщиною. — Дементьева.—Ея типографія.—Печатаніе воззванія.—Чубаровъ.—Томилова.—В. И. Засуличъ.—Флоринскій.—Коринѣскій.—Судъ надъ первой группой.—Объясненія Кузнецова.—Революціонная организація.—Пререканія Нечаева съ Ивановымъ.—Подробности объ убійствѣ.—Показаніе Николаева.—Объясненіе Успенскаго.—„Лопатинская исторія“.—Отщепенцы.—Знакомство на желѣзной дорогѣ.—Сестра Нечаева.—Сходка.—Арестъ Нечаева.—Хлопоты Томиловой, Нечаевой и Засуличъ.—Жандармъ. —Енишерловъ.—Характеристика Нечаева.—Трое каракозовцевъ.—Разговоры о 4 апрѣля.—Замыселъ освободить Чернышевскаго за 9 руб.—Прошлое Ткачева и Волховскаго.—Прокламаціи Ольшевскаго. „Малороссійская община“ 1863—1866 г.—Рублевое общество. *Общія правила организаціи.*—Катехизисъ революціонера.—Наружность 1-й группы нечаевцевъ.—Бакунинъ.—Рѣчь прокурора.—Рѣчь кн. Урусова.—„Реакція“.—Защитникъ г. Спасовичъ.—Сказки о Нечаевѣ.—Польскій и русскій революціонеры.—Прошлое Прыжова и Николаева.—Омерзительная сцена.—Рѣчь предсѣдателя.—Послѣднія слова подсудимыхъ.—Рѣшеніе суда.—Приговоръ . . . . . 69—138.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Нечаевщина *(продолженіе)*. Списокъ подсудимыхъ.—Сознавшіеся. Связь Нечаевщины съ Каракозовщиною.—Показаніе кн. Черкезова.—Предсмертная исповѣдь полусумасшедшаго.—Заключеніе рѣчи прокурора.—Защита.—Не послѣднее слово кн Черкезова.—Приговоръ палаты.—19 подсудимыхъ.—Александръ Долгушинъ и Дебагорій-Мокріевичъ.—Разсказъ Лихутина. Де-Тайльсъ.—Женскія увертки. —Юлія Бобарыкова.—Варвара Александровская.—Екатерина Лихутина.—Любовь Воронцова.—Какъ формулировано обвиненіе.—Пропаганда чрезъ кружки.—Артиллеристы. Поѣздка Александровской въ Женеву.—Характеристика Негрескула.—Разсказъ г-жи Воронцовой.—Денежный искъ противъ кн. Черкезова.—Шарфъ атамана разбойниковъ.—Литература въ юбкѣ.—Умершіе въ тюрьмѣ. — Письмо

Стр.

Лихутиной къ матери. — Жизнь въ крѣпости. — Письмо кн. Черкезова къ Ивану Лихутину.—Характеристика Нечаева.—Письмо Попова къ Лихутиной.—Рѣчь прокурора.—Приговоръ палаты.—Черепановская группа.—Подсудимые по 5-й группѣ.—Петръ Топорковъ.—Кошкинъ.—Сибиряки.—Коммуна.—Показаніе Дудоладова.—Какъ формулировано обвиненіе.—Еще обвинительный актъ.—Показаніе Долгушина.—Разсказъ Крохалева.—Настаиваніе прокуратуры.—Анализъ г. Спасовича.—Защита Долгушина.—Приговоръ.—Итоги Нечаевщины. 139—192.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Нечаевщина *(окончаніе)*. Мѣры противъ кружковъ.—Постановленіе делегатовъ интернаціоналки.—Законъ 7 іюня 1872 года.—Корреспонденція *Patrie de Genéve*.—Поляки.—Прибытіе Нечаева въ Петербургъ.—Наружность Нечаева.—Польскіе отзывы австрійскихъ газетъ.—*Wiener Abendpost*.—Полемика газетъ.—Женевскій корреспондентъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*.—Взглядъ цюрихскаго правительства на дѣло Нечаева.—Шуйскій мѣщанинъ Нечаевъ предъ присяжными окружнаго суда. — Впечатлѣніе, произведенное убійцею.—Пререканіе подсудимаго съ предсѣдателемъ.—Судъ съ присяжными.—Выходки подсудимаго.—Обращеніе предсѣдателя къ присяжнымъ.—Послѣднее слово подсудимаго.—Резюме предсѣдателя.—Приговоръ окружнаго суда.—Земскій соборъ и „сербскій законъ“.—Былъ ли Герценъ причастенъ Нечаевщинѣ?—Откровенія корреспондента *Московскихъ Вѣдомостей*.—Сандвичевы острова.—Письмо г-жи Натальи Герценъ. — Цюрихская эмиграція. — Сообщеніе *Правительственнаго Вѣстника* . . . . . 193—213.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Мѣры правительства и безпорядки. Амнистія.—Отмѣна конфискаціи въ западныхъ губерніяхъ.—Искры польскаго пожара.—Конвенція 5 (17) ноября 1873 года.—Законъ 4 іюня 1874 года „О наказаніяхъ за составленіе противозаконныхъ сообществъ и участіе въ оныхъ“.—Николаевскіе законы противъ тайныхъ обществъ.—Уложеніе о наказаніяхъ, изд. 1845, 1857 и 1866 годовъ.—Статьи о „противозаконныхъ сообществахъ“, изданія 1867 года.—*Московскія Вѣдомости* о законѣ 1874 года.—Молчаніе печати.—Въ чемъ состояли безпорядки?—Изложеніе дѣла *Петербургскою Газетою*.—Разсказъ *Московскихъ Вѣдомостей*.—Объясненіе г. Ціона.—Коммиссія подъ предсѣдательствомъ г. Валуева.—Профессорская полемика.—Дѣло техниковъ.—Приговоръ мироваго суда.—Нулевой исходъ дѣла.—Судьба медико-хирургической академіи. — Бомбардированіе академіи *Московскими Вѣдомостями*.—Петиціи студентовъ . . . . . 215—239.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Стр.

Пропаганда. Школьное преданіе. — Политическое дѣло. — Старые знакомые. — А. В. Долгушинъ. — Печатаніе прокламацій. — Политическое суевѣріе. — Дмоховской. — Панинъ. — Плотниковъ. — Первые шаги „въ народъ“. — Крестьянинъ Ананій. — Мѣщанка Сахарова. — Гамовъ. — Чиковъ. — Циммерманъ. — Сидорацкій. — Ободовская. — Авессаломовъ. — Формулированіе обвиненія. — Судебное слѣдствіе. — „Распропагандированный“. — Жена Долгушина. — Пріемы сыщиковъ. — Прокламація и сельскія власти. — Типографская и литературная экспертизы. — Послѣднее слово Плотникова. — Приговоръ. — Сидорацкая. — Рекруты крамолы. — Дѣло Гамова. — Эмиграціонная печать. — Журналъ *Впередъ*. — Мѣры противъ эмиграціонной печати. — Первое извѣстіе о пропагандѣ въ 37 губерніяхъ. — Новое политическое дѣло. — Обвиняемые. — Ученіе Дьякова и Сирякова. — Доносъ. — Въ Московскомъ полку. — Герасимовъ. — Чтеніе „о правахъ“. — Любимыя историческія темы. — Діомидъ Александровъ. — Формулированіе обвиненія. — Отношеніе подсудимыхъ къ суду. — Идея цареубійства. — Литература пропаганды. — Солдатскія показанія. — Денежныя средства. — Случайные виновники. — Приговоръ . . . . . 241—296.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Затишье. Рѣчь покойнаго Императора къ прибалтійскимъ предводителямъ дворянства. — Кремлевская рѣчь 29 октября. — Конвенція съ Австріею. — Тризна по парижской коммунѣ. — Выстрѣлъ Добровольской. — Появленіе *Набата*. — Чего *они* хотятъ? Значеніе г. Ткачева. — *Впередъ* о вербовкѣ новобранцевъ. — Гуртовщики и бараны. — Политическій барометръ. — *Современныя Извѣстія* о новой исторіи петровцевъ. — Выстрѣлъ студента Рутковскаго. — Барометръ къ „дождю“. — Старый каракозовецъ. — Кистень и сѣрная кислота. — Отзывъ *Московскихъ Вѣдомостей*. — *Народная расправа*. — Программа террора. — На Казанской площади. — Годъ войны. — Подлинное имя крамолы. — Манифестъ 12 апрѣля. — Рѣчи Государя 23 апрѣля въ Москвѣ и 26 апрѣля въ Петербургѣ. — Воззваніе къ болгарамъ. — Конвенція съ Испаніею. — Стѣсненіе русской революціонной печати въ Германіи. — „Благая вѣсть“ въ черномъ платьѣ. — Подложныя телеграммы. — Поддѣлка документовъ польскими эмигрантами . . . . . 297—324.